Приключения Миров

М. и С. Дяченко

Авантюрист

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Авантюрист», новый роман признанных звезд российской фэнтези, Марины и Сергея Дьяченко, является заключительной частью их знаменитой тетралогии «Скитальцы». В нем получат долгожданное – и неожиданное – разрешение судьбы героев прошлых романов: Танталь, Лаура, Эгерта и Тории Солль. Книги Дяченко, лиричные и философские, как всегда ставят больше вопросов, чем дают ответов, и не отпускают читателя еще долго, после того как перелистнута последняя страница…

- Марина Дяченко, Сергей Дяченко
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая

Марина Дяченко, Сергей Дяченко
Авантюрист

Глава первая

В затерянной среди снегов избушке не горел ни один огонь; на месте камина темнела свежая каменная кладка. Он сидел, надвинув на уши шерстяную шапочку, и ждал восхода луны. Маленькое окошко светлело толстой коркой изморози – его смерзшимся дыханием.

Вой ветра в бесполезной каминной трубе. Далекий вой волков.

Он был один посреди снежной пустыни, посреди белого леса, посреди вымерзшего мира; он был одинок, ему было холодно, он мечтал согреться.

Наконец, белый лунный луч лег на окошко снаружи. Холодные узоры обрели форму и объем; по мере того как луна поднималась выше, ледяная картина оживала и менялась.

Паутина едва различимых черточек. Цветные ленты, тугие, как змеи; белые ветви мертвых деревьев. Белая шерсть несуществующих зверей. Тяжелые, полные снега колосья.

Он сощурил слезящиеся глаза. Звуки; отдаленные голоса. Тени-Лица. Смыкающаяся трава. Топор, падающий на пустую плаху; хохочущая толпа, струйка песка, бегущая по ступеням, золотой блеск…

Он подался вперед.

Золотая пластинка с фигурной прорезью. Желтый металл, покрытый многими слоями могущества подобно снежному кому, наворачивающему на себя один пласт снега за другим, подобно куску хлеба, одетому в масло, и в мед, и в сыр…

Золотая пластинка, вырастающая до размеров колоссальной двери. Прорезь, обернувшаяся высоким проемом; в проеме замерла человеческая фигура.

Сизый младенец в колыбели. Голый младенец с тремя пуповинами вместо одной.

Три лица. Одно постарше, другое помоложе и третье, смазанное, будто занесенное песком. Три женщины.

Три нити. Три корня. Три дороги.

Он подался вперед.

Луна погасла, съеденная случайной тучей; танец теней на стекле оборвался. Натянув поглубже шерстяную шапочку, он откинулся на спинку кресла, в изнеможении закрыл глаза.

Пусть он не знает, где искать – но сегодня ему впервые открылся предмет его поисков…

За мутными стеклами жил своей жизнью заснеженный лес, и металось между нагими стволами голое, замерзшее эхо далекого

воя волков. А потом пришел другой звук, негромкий и мирный, который был в то же время невозможным и пугающим.

В окошко стукнули. С той стороны.

Он вздрогнул. На белом непрозрачном стекле лежала тень.

Случайный путник? Среди ночи? Среди леса? Здесь?..

– Слышишь меня?

Голос не был ни простуженным, ни усталым, ни напутанным.

– Ты уверен, что оно того стоит? Что это тебе нужно?

Сквозь слой инея понемногу проступали черты лица. Оттуда, снаружи, глядел сухощавый старик с нехорошими, пристальными глазами.

– Ты уверен, что следует браться?..

– Надо мной нет твоей власти. Скиталец, – глухо сказал человек в шерстяной шапочке.

– Ты уверен?..

Страх им владел или другое чувство – но, нашарив в темноте палку, он с нешироким замахом опустил ее на заиндевевшее стекло.

Со звоном разлетелись осколки. Кинулся в лицо ледяной ветер; за окном был лес и была ночь, и еще гладкий нетронутый снег, белая скатерть, давно не помнящая человеческих следов.

Тогда он стянул свою шапочку, обнажив крупный, совершенно голый череп. Тщательно вытер холодный пот со лба.

Ветер швырнул пригоршню снега в разбитое окно.

Он мерз. Невыносимо. Нечеловечески.

Стенки пахли гниющей ветошью, и факел тюремщика мерцал где-то совсем уж высоко, когда он – тюремщик, а не факел – изрек с претензией на торжественность:

– Невинные, будьте спокойны, ибо Судья подтвердит вашу невинность! Виновные, пе… ре… тре-пещите, ибо Судья пе… прозрит ваши души до глубины замыслов и покарает нещадно!

Слова были заученные, а голос такой сиплый и испитой, что даже здесь, на дне каменного мешка, мне померещился сивушный запах из недр вещающей глотки.

– Да свершится правосудие! – провозгласил тюремщик со значением. Постоял немного, любуясь нашими запрокинутыми лицами, а потом залязгал затворами, заскрипел лебедкой – и захлопнул над Судной камерой железную крышку. Будто суповую кастрюлю накрыл.

– Светлое Небо, спаси, защити, – застонал в темноте воришка. – Ой, больше не буду, ни пальчиком, ни грошика не возьму, только помилуй, ой…

Прочие молчали.

Молчал одноглазый разбойник, пойманный в лесу много месяцев назад и дожидавшийся Судной ночи чуть не полгода. Молчал старик, такой благообразный с виду, что хоть сахаром посыпай, а обвиненный, между прочим, в изнасиловании и убийстве девчонки-работницы. И единственная в камере женщина молчала тоже – я не знал толком, за что ее спустили в эту яму.

– Спаси, светлое Небо… Я больше не буду… – хныкал воришка.

Глаза понемногу привыкали к темноте. Старик стучал, как дятел, пытаясь добыть искру из своего огнива. Разбойник сопел. Густой воздух стоял в камере, будто смола в ведре – неподвижно, ни дуновения, ни сквознячка, я подумал, что скоро утоплюсь в этих ароматах – сырость, гниющая ветошь, разбойник смердит, от дамочки несет немытым телом пополам со сладкими духами, та еще, наверное, штучка…

Запахи стекались и стелились на каменный пол. Ведя рукой по стене, я нашел дальний угол и, не решаясь сесть, прислонился к волглой стене.

– Здесь свечи! – радостно сообщил старикашка. – УГОЛКОМ прилеплены… Посмотрите, господин, а в том углу свечечек нету?

«Господин» – это, вероятно, ко мне.

– Гордые они, – сухо сообщила женщина. – С нами, чернью, не разговаривают… А вот как придет Судья, как впарит им по самую макушку!

Воришка застонал громче. Кто-то – похоже, разбойник – взял на себя труд ткнуть его кулаком в ребра. Стон моментально иссяк.

– Язычок придержала бы, – мягко порекомендовал разбойник женщине. – Тебе, думаешь, не впарит?

– Я невиновна, – с достоинством заявила узница. – Мне-то что, мне бояться не-ечего…

– А я на базаре кошелек спер, – трагическим шепотом признался воришка. – И гуся… на той неделе… спер и продал… и цепочку… у толстобрюхого… вытащил…

Одна за другой загорелись две свечи. И как-то сразу стало тесно – будто каменные, тускло поблескивающие стены сделали по шагу вперед. А железный потолок – суповая крышка – опустился, намереваясь лечь нам на головы.

– А коли невиновна, – разбойник прищурил свой единственный черный глаз, – так зачем под Суд угодила?

– Этим заразам лишь бы людей хватать, – женщина, оказавшаяся средних лет шлюхой, высокомерно повела плечом. – Судья разберется.

– Разберется, – со зловещей ухмылкой подтвердил разбойник.

Воришка заплакал, перечисляя свои прегрешения:

– И в прошлом году… из повозки… два мешка… и на базаре… опять-таки кошелек… и купцу… и у мамаши…

Он был худой и востроносый, ему было лет шестнадцать, и, раз встав на путь покаяния, он не мог уже остановиться. Его воспоминания углублялись все дальше и дальше в детство – скоро он помянет леденец, украденный у младшей сестры в возрасте пяти лет…

– Господа, – старичок кашлянул. – Я, может быть, не вовремя… но, собственно… Правосудие не есть дело призраков. Что, собственно, господин Судья может…

– Помолчал бы, – в голосе разбойника явственно скользнуло отчаяние.

– Попался – так помолчи…

Старикашка упрямо поджал бесцветные губки:

– Я, господа, говорил со стражей… Самый грубый мужлан разговорится, если подобрать к нему подход… И господа тюремщики признались, что за все время… лет двадцать… ни разу не было случая, чтобы… в этой камере что-нибудь такое случилось. Все, кто вошел в нее с вечера, утром выходят живы-здоровехоньки и идут на четыре стороны… То есть было, однажды, лет пять назад, когда кого-то удар хватил со страху – так, господа, удар где угодно может хватить, особенно если пугливый…

– До седых волос дожил, – укоризненно вздохнула женщина, – Седину развесил, а не знаешь, что Судья…

И запнулась. Мне сперва показалось, что это разбойник как-то по особенному на нее посмотрел – но нет, разбойник глядел в пол, тем не менее женщина замолчала, будто поперхнувшись, и даже запах сладких духов потерял уверенность и ослабел. Или мне померещилось?..

Р-рогатая судьба. Неужели этот старикашка и впрямь кого-то задушил?..

– Молодой господин, – старичок поймал мой взгляд и прижал кулачки к сердцу, – вот вы, как человек приличный и, без сомнения, образованный… Могут ли призраки сколько-нибудь вмешиваться в людские дела? То есть, конечно, они могут пророчить и всякое такое, но правосудие, как мне кажется, настолько человеческое занятие…

– Ты девку порешил или нет? – угрюмо поинтересовался разбойник. – Ежели нет, то дело другое… а вот если…

Старичок возмущенно вскинул брови, но этого ему показалось недостаточно, тогда он всплеснул руками и замотал

головой, всем своим видом показывая, насколько глупы и беспочвенны подобные обвинения. Женщина мрачно усмехнулась:

– А коли невинный… Чего ерзаешь?

– Я не с вами беседую, – обиделся старичок.

Он думал, что беседует со мной. И напрасно – потому что я с ним разговаривать не желал.

Я устал. Тюрьма с вонючими тюфяками… Я не решался к ним притронуться и спал на голой лавке, а соседям по камере не надо было другого удовольствия, кроме как изловить на себе вошь и переправить мне под рубашку. Им казалось забавным, что я боюсь вшей…

А ведь прошла всего неделя. Подумать только, меня могли бы схватить еще два месяца назад, и я просидел бы эти два месяца, и три, и четыре просидел бы в ожидании Судной ночи, как вот этот разбойник, и завел бы со вшами дружбу, они бы у меня хороводы водили на ладошке…

Хорошо, что в Судной камере нету тюфяков. А бежать из башни, как говорят, невозможно. Потому что подъемный мост чуть не обваливается под тяжестью круглосуточной стражи, а в обводном рву они вывели какую-то гадкую тварь, ни за какие коврижки не стал бы я плавать в этом рву… Рогатая судьба.

– Молодой господин, – старикашка понимающе улыбнулся. – Человека приличного все это должно страшно удручать… Меня, например, удручает – сырость, вонь… Но на самом деле нам неслыханно повезло. Уже завтра мы будем свободны, как птицы.

Воришка всхлипнул:

– А Судья?

Старичок тонко улыбнулся. Это была покровительственная улыбка человека, который знает больше других.

– Поутру нас отпустят. – Тонкая стариковская рука по-отечески легла на воришкин затылок. – Не хнычь, малый. Без того сыро.

Женщина фыркнула. Разбойник молчал.

И во всей башне стояла тишина; вероятно, стражники на стенах ходили на цыпочках, обмотав сапоги тряпками. И дежурные на мосту переглядывались, прикрывая ладонями огоньки фонарей: тс-с… Судная ночь…

Я все-таки не выдержал и опустился на холодный пол. Сел, подобрав под себя ноги. Привалился спиной к стене.

Скорей бы. Что бы там ни было – хорошо бы процедуре поскорее закончиться… Конечно, если в полночь в стене откроется потайной ход, и оттуда выберется наряженный призраком начальник стражи… Было бы забавно, но почему-то не верится. Не так просто.

В камере становилось все холоднее. Притихший воришка жался к старику, с другой стороны норовила подсесть женщина, она хоть и заявила вслух о своей невиновности, но тряслась все больше, и не от одного только озноба. Разбойник пока держался в стороне – но все мрачнел и мрачнел, и время от времени оглядывал камеру, и тогда я встречался с ним взглядом.

Разбойник не верил стариковым благодушным заверениям. Разбойник знал за собой много такого, за что не то что Судья – распоследний деревенский староста без трепета душевного отправит на виселицу.

– Лучше бы просто вздернули. От звука его голоса я вздрогнул. Мы, оказывается, думали об одном и том же.

– Лучше бы просто вздернули, – упрямо повторил разбойник, глядя мимо меня. – Судили бы… за что знают… а так – сразу за все…

Он вздохнул; от этого вздоха заколебались огоньки свечей. Воришка всхлипнул снова, женщина пожевала губами, в стариковых глазах промелькнуло беспокойство-и тут же исчезло, сменившись терпеливой усмешкой:

– Никто про тебя столько не знает, сколько ты знаешь сам… И ничего? Не судишь? Живешь?

Я стиснул пальцы. В каменном мешке было холодно. Очень холодно. Очень.

Меня зовут Ретанаар Рекотарс. Неделю назад я произнес это имя в лица арестовавших меня людей. И потом еще раз произнес – в тесной судейской конторе. Мне казалось, что этого достаточно – и потому все остальное время я молчал. Не раскрывал рта – последняя гордость отпрыска семьи Рекотарсов…

Этим простолюдинам мое имя не сказало ничего. Ничегошеньки; они равнодушно изучили мои документы, и всякий раз, когда грязные пальцы касались Грамоты, мне казалось, что ощупывают меня самого.

Что? Великий Маг Дамир, от которого берет начало славный род Рекотарсов? Что? Барон Химециус? Закорючки на старой бумаге, а ведь мои тюремщики едва умели читать…

Я молчал в ответ на вздорные обвинения. Я молчал, когда меня подселили в камеру ко вшивым бродягам. Когда меня вели на Суд, я молчал тоже…

А теперь, в холоде и ожидании этой ночи – мне показалось, что если мой язык не развяжется, слова найдут себе другую дорогу. Полезут, в лучшем случае, из ушей.

– А что же, – спросил я чужим хриплым голосом, – кому Судья приговор объявляет? Приговоренным? Чтобы они, надо полагать, своим ходом к палачу бежали и приговор ему на ушко

повторяли, так?

Никто не удивился моей внезапной болтливости. Разбойник втянул голову в плечи – этот куриный жест никак не вязался с его мощным телосложением, одиноким глазом и черной бородой.

– Судья – он сам по себе и палач, – женщина нервно огляделась, как до того оглядывался разбойник. – Он как присудит – так и будет, это уж точно… Донесли на меня, будто я того купца отравила. А не травила я, его удар хватил, я только денежки потом пособирала…

Она прикусила губу и повторила жест разбойника – втянула голову в плечи. Я поймал себя на смутном желании сделать то же самое.

– А вас, молодой господин, в чем обвиняют? Простой и доброжелательный вопрос. Еще не дослушав его до конца, я обнаружил вдруг, что мой подбородок надменно вздернут. Старикашка смутился:

– Ни-ни… Я не хотел, что вы…

– Судья сразу увидит, что я невиновная, – быстро сообщила женщина.

– Нет моей вины в его смерти, нет, нет!..

– Не болтай, – мягко посоветовал старикашка. – Разве есть доказательства, что ты травила? Яд у тебя нашли? Или у того покойника в животе яд отыскали? Или кто-то видел, как ты травила его, а?

Женщина мотнула головой.

– Доказательства! – старикашка воздел тонкий длинный палец, – Если доказательств никаких нет…

– Дурак! – сипло прошептал разбойник. – Судья… Он…

Женщина открыла рот, чтобы что-то сказать – но осеклась. И все замолчали, как по команде; в Судной камере воцарилась тишина, огоньки свечей некоторое время стояли неподвижно и остро, и я почувствовал, как по коже продирает мороз.

Кажется, наверху скрежет-нуля лебедка. Тюремщик?

Железная крышка лежала грузно, дышать становилась все труднее, они уморят нас, как крыс, может быть, в этом и заключается справедливость Судной ночи?!

– Тихо, – прошептал разбойник, хотя все и так сидели, затаив дыхание. – Тихо… Тихо…

Рядом с моим лицом ползла по мокрому камню седая мокрица с прозрачным брюхом.

Язычки свечей дрогнули. Заколебались, но не резко, как от сквозняка, а плавно, болезненно, будто водоросли на дне. Я успел заметить, как переменился в лице разбойник, как вытянулась замурзанная физиономия воришки, как женщина вскинула руки,

будто желая укрыться от камня, летящего в лицо; все они, уже не скрываясь, кинулись к старичку, ища у него помощи и поддержки, один я остался сидеть, впечатавшись спиной в камень, очень холодный камень, очень, таким же холодным будет мое собственное надгробие…

Свечи погасли. Впрочем, в них уже не было надобности.

Он стоял посреди камеры; в первое мгновение мне показалось, что он бесплотен, что сквозь складки его одеяния просвечивает противоположная стена, а короткие ноги не касаются пола. Возможно, в какой-то момент так оно и было – но уже спустя секунду он стоял, расставив ноги в грубых крестьянских башмаках, и был столь же реален и осязаем, как я, как разбойник, как воришка, как мокрица на стене.

Я судорожно поискал глазами потайную дверь. В молочно-белом свете, придавшем камере сходство с каменным подойником, стены оставались столь же слепыми и неприступными. Ни щелочки. Ни скважины, куда вошедший призрак мог бы вставить свой призрачный ключ…

Впрочем, разве он призрак?!

Он не казался старым. Маленькую голову покрывал тяжелый седой парик, тщедушное тело тонуло в пышных складках судейской мантии, огромные башмаки казались гирями, якорями на тонких, как у паука, затянутых в черные чулки ножках. Страшным он не казался тоже – ни страшным, ни величественным, а ведь даже деревенский староста, отправляя суд, старается выглядеть внушительнее и умнее, чем обычно…

– Здравствуйте, господа.

От звука этого голоса меня прошиб холодный пот.

Ненавижу скрежет железа по стеклу. Ненавижу тихий треск рвущейся паутины; голос Судьи вбирал в себя все подобные звуки, неявно вбирал, но так, что мне захотелось зажать уши.

Воришка скорчился на каменном полу, изо всех сил прижимая руки к животу. Женщина икнула. Старикашка сидел неподвижно, спокойно сидел, вроде как у себя дома, но одноглазый разбойник жался к его колену, а потому вся компания выглядела дико. Фальшиво выглядела, как на лубочной картинке, изображающие житье какого-нибудь доброго отшельника…

– Что ж, – Судья огляделся, будто выбирая место поудобнее, отступил к стене, привалился к ней плечами и скрестил руки на груди. Вот так я будто бы всех вижу…

У него было маленькое темное лицо с голым подбородком и тонким крючковатым носом; пряди седого парика небрежно свешивались на лоб, а из-под них посверкивали глаза, похожие на две черные булавочные головки.

– Господа, каждого из вас привела сюда его собственная крупная неприятность… Что ж, приступим.

– Выслушайте! – сбивчиво проговорила женщина. – Я расскажу, я… выслушайте, я не…

– Выслушивать не стану.

Под булавочным взглядом Судьи язык узницы благополучно прилип к нёбу. В поисках поддержки она вцепилась в одежду старикашки, который и сам уже не выглядел столь благостным – бледен стал старикашка, а в молочном свете надвигающегося Суда его бледность казалась совсем уж бумажной.

Я грел своей спиной стену – и все никак не мог согреть. Как будто глыба льда оказалась у меня за плечами, скорее я остыну, чем она примет от меня хоть толику тепла; я ждал своей участи в гордом одиночестве, как и подобает отпрыску рода Рекотарсов, но зато как это скверно – одиночество в такой момент-Нехорошее слово – «приступим». Приступим, говорит цирюльник, берясь за клещи для выдирания зубов. Приступим, говорит лекарь, навострив ланцет. Приступим, говорит учитель, вылавливая в кадушке розгу… Приступим, сказал Судья. Меня зовут Ретанаар Рекотарс. В моем роду вельможи и маги. Грамота, которую я храню в своем дорожном сундучке, выдана моему прадеду по мужской линии моим прапрадедом по женской линии, выдана в благодарность за избавление окрестностей от свирепого дракона, которым, то есть избавлением, ясновельможный барон Химециус обязан Магу из магов Ламиру, у которого сам Ларт Легиар был одно время в прислужниках…

В детстве я порезал руку, желая увидеть в своих венах голубую кровь.

Теперь я сижу на корточках в углу сырой вонючей камеры, и некто Судья, явившийся из стены, собирается взыскать с меня за прегрешения. И в особенности, вероятно, за последнее – не зря так разъярились городские стражники, догнали меня уже на большой дороге, сняли с дилижанса и притащили в эту проклятую тюрьму…

– Выслушивать я не стану, – медленно повторил Судья. – Говорить нам не о чем, потому как вы и так уже все сказали, и сделали, надо признаться, немало… Что до тебя, женщина, то обвинение в убийстве не имеет под собой оснований. Ты не убивала того человека, что месяц назад умер в твоей постели.

Все, находившиеся в Судной камере – исключая разве что самого Судью – со свистом втянули в себя воздух. Потом старик закашлялся, воришка взвизгнул, разбойник зашипел сквозь зубы, а женщина так и осталась с переполненными легкими – круглая, как пузырь, красная, с сумасшедшими от счастья глазами.

Молчала, краснея сильней и сильней, и будто бы не решалась выдохнуть.

– В остальном, – скребущий голос Судьи сделался насмешливым, – твоим провинностям нет числа, ты ограбила мертвого, ты зарабатывала телом… Знай же, что с сегодняшней ночи объятия любого мужчины будут причинять тебе муку. Хочешь заниматься прежним ремеслом – продолжай, сама твоя работа станет тебе в наказание… Я сказал, а ты слышала, Тиса по кличке Матрасница. Это все.

Женщина, казалось, забыла, как выдыхают воздух. Лицо ее из красного делалось потихоньку пурпурным, а затем и лиловым; никто не догадался шлепнуть ее по спине, вытолкнуть наружу застрявший в глотке Приговор.

Никто даже не взглянул на нее. Все думали только о себе, и я тоже.

Судья переменил позу – глухо стукнули о камень тяжелые башмаки. В складках мантии на секунду обнаружилась золотая массивная цепь – и тут же пропала, съеденная бархатом.

– Кто желает слушать следующим? – Судья усмехнулся уже в открытую, маленькая голова качнулась, парик окончательно съехал на глаза. Судья поправил его небрежным жестом, как поправляют шапку. – Может быть ты, Кливи Мельничонок?

Воришка дернулся. Вскочил, тут же грохнулся на колени, прополз по каменному полу к башмакам Судьи и завел жалобную песню:

– Я-а… раска-а… ива-а… ворова-а… Талантливый парнишка. Мог бы зарабатывать на жизнь голосовыми связками.

– Воровал, – равнодушно подтвердил Судья. – Доворуешься когда-нибудь до петли… Впрочем, нет. Теперь чужие монеты станут жечь тебя, как огонь. Ежели тебя и повесят, то за что-нибудь другое… Я сказал, ты слышал, Кливи. Это все.

В Судной камере снова сделалось тихо. Я поискал взглядом мокрицу – мокрица исчезла.

– Теперь ты, – Судья снова переступил с ноги на ногу, взгляд его теперь остановился на разбойнике. И ведь до какого жалкого состояния можно довести плечистого свирепого мужчину – где это видано, чтобы лесной душегуб корчился от страха, как приютская девочка…

Судья замолчал. И достаточно долго молчал, разглядывая перекошенную разбойничью физиономию, потом протянул задумчиво:

– Странный ты человек, Ахар по кличке Лягушатник, на каждую твою вину по три смягчающих обстоя-тельства… Поскольку людей ты уморил изрядно, быть тебе казненным…

По камере пронесся сдавленный вздох. – Но ты искал и маялся, – Судья раздумчиво склонил белый парик к черному плечу. – Ты щадил… и потому дается тебе месяц перед казнью. Я сказал, а ты слышал, Лягушатник. Это все.

Разбойник непроизвольно поднял руку к повязке, к тому месту, где был когда-то глаз. И так и остался сидеть – в позе человека, ослепленного ярким светом.

Судья снова поправил парик – хотя надобности в том не было никакой. Провел по каменному полу носком тяжелого башмака, шумно вздохнул, и булавки его глаз уставились на меня.

Почему я не проглотил собственный язык – до сих пор не понимаю.

Темное личико Судьи поморщилось, как от кислого, он полуоткрыл рот, собираясь что-то сказать – но в этот момент благообразный старикашка дернулся, словно в припадке падучей, и взгляд Судьи сполз с меня, будто тяжелое насекомое. Переполз через всю камеру – туда, где еще недавно жались друг к другу мои вынужденные соседи. Теперь каждый из них был сам по себе – женщина все еще пыталась вытолкнуть из легких ненужный воздух, воришка хлопал мокрыми глазами, не зная, радоваться ему или плакать, разбойник отшатнулся в сторону и сидел, закрывая пустую глазницу от мо-лочно-белого света этой длинной, этой Судной ночи. Старичок остался в одиночестве – и лицо его было даже белее, чем пышный парик Судьи.

«Могут ли призраки сколько-нибудь вмешиваться в людские дела?» По видимому, любезному старикашке как раз предстояло это узнать. Потому что Судья забыл обо мне – темное лицо его потемнело еще больше. Тонкие губы исчезли, оставив на месте рта узкую безжалостную щель.

– Ты, Кох, себе-то не ври. Не ври, что выкрутишься. Не выкрутишься, Кох, не надейся.

– Поклеп, – неслышным голосом сказал старикашка. – Поклеп, донос, доказательств нет никаких… Гулящая она была, и хворая к тому же, поклеп…

Судья поднял острый подбородок. И как-то сразу выяснилось, что маленькая фигурка под белым париком отбрасывает тень сразу на четыре стороны, и все мы сидим в этой тени, и мне показалось, что седые волосы парика сейчас забьют мой разинувшийся рот, не дадут дышать…

Я закашлялся. Наваждение отступило. Судья по-прежнему стоял у стены, маленький и черный, на паучьих ножках, и зловещее молчание Судной камеры нарушалось только моим неприличным кашлем. Уже сколько раз мне случалось поперхнуться в самую неподходящую минуту, когда подобает

хранить молчание…

– Ты, Кох, поплатишься скоро и страшно. Сердце твое выгнило, плесень осталась да картонная видимость-смерть тебе лютая в двадцать четыре часа. Я сказал, а ты слышал, ювелир. Это все.

– Поклеп, – упрямо повторил старикашка. Женщина тихонько заскулила, закрывая рот ладонями, воришка на четвереньках отбежал в дальний от старика угол – да там и остался.

Взгляд Судьи снова переполз через всю камеру – теперь в обратном направлении. Я знал, куда он ползет, когда две черных булавки остановились на мне, я поперхнулся снова.

Судья вежливо дождался, пока я закончу кашлять. Стоял, покачивая маленькой головой в необъятном парике, мне подумалось, что он похож на гриб – из тех, что растут в темноте, на сырых стенках подвалов.

– Ретанаар Рекотарс…

Я вздрогнул. В устах зловещего сморчка мое родовое имя звучало странно. Казалось, что Судья замысловато выругался.

– Дорожка твоя в тину, Ретано. Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься… Сборщик податей повесился на воротах, кто-то скажет – поделом, но смерть его на тебе, Ретано. Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок. Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь… Я сказал, ты слышал, Ретанаар Рекотарс. Это все.

Всю его речь – неторопливую, нарочито равнодушную – я запомнил слово в слово, зато смысл ее в первое мгновение от меня ускользнул. Я сидел у склизкой стены, хлопал глазами, как перед этим воришка, и удивленно переспрашивал сам себя: это мне? Это обо мне? Это со мной?!

Судья помолчал, обвел медленным взглядом недавних подсудимых, ставших теперь осужденными; мне показалось, что черные, спрятанные за белыми буклями глаза задержались на мне дольше, нежели на прочих.

Или каждому из нас так показалось?

А потом он повернулся к нам спиной. Черная мантия была порядком потертой и лоснилась на плечах.

И шаг – сквозь стену; мне до последнего мгновения мерещилось, что он разобьет себе лоб.

Потому как он не был призраком. Или я ничего в этом деле не смыслю.

Судья ушел, и белый молочный свет иссяк. Наступила темнота.

Утром – хоть в подземелье, кажется, нет ни утра, ни вечера –

за нами пришли. Тюремщик выглядел довольным и гордым – так, как будто бы это он умеет ходить сквозь стены и распоряжаться чужими судьбами. Первый из стражников, седой и кряжистый, хмурился и смотрел в пол, зато сослуживец его, веселый молокосос, сдуру взялся о чем-то нас расспрашивать. Старший товарищ ласково съездил ему кулаком между лопаток, и юноша, поперхнувшись, осознал свою неправоту.

Под небом царило утро. Разбойник, поймав лицом солнечный луч, часто задышал ртом и осел на руки стражникам. Воришка глупо захихикал; у меня у самого ослабели колени, и не было охоты оглядываться на старика и женщину, шагавших позади. С натужным скрежетом опустился мост, нас повели над провалом рва, над темной далекой водой с плавучими притопленными бревнами – впрочем, приглядевшись, я понял, что это вовсе не бревна, что скользкое дерево глядит голодными глазами, а впрочем, может быть, мне просто померещилось. Я слишком быстро отвел взгляд.

Нас вывели за ворота и оставили посреди дороги – в пыли, в стрекоте кузнечиков, под безоблачным небом; мы проводили стражников долгим взглядом, а потом, не сговариваясь, уселись в траву. Вернее, это я уселся, прочие поступили сообразно темпераменту: разбойник рухнул, воришка прыгнул, старичок осторожно присел, а женщина опустилась на корточки.

Никто не спешил уходить – будто бы сырые стенки Судной камеры до сих пор отрезали нас от поля и дороги, от неба и кузнечиков, от возможности идти куда вздумается; долгое время никто не раскрывал рта. То ли слов не было, то ли и так все было ясно.

– Руки коротки, – наконец выговорил старикашка. Глухо и через силу.

– Дурак, – отозвался разбойник безнадежно. – Коротки ли – а дотянутся…

– Ничё нам теперь не будет, – сказал воришка, ухмыляясь от уха до уха. Выпустили уже… выпустили.

Женщина молчала – несчастная, всклокоченная, с ввалившимися глазами; впрочем, при свете дня оказалось вдруг, что она куда моложе, чем показалось мне вначале.

Что за страх держал нас вместе? И страх ли? Почему, например, я, получивший обратно свои документы и даже остаток своих собственных денег – а большую часть с меня взыскали «за содержание», за тюфяки и вшей, надо понимать! – почему, получив свободу, я не отправился тут же своей дорогой, а уселся в трактире с этим сбродом, с моими товарищами по несчастью?..

Судья сказал, а мы слышали. Судная ночь сбила нас в стаю –

ненадолго, надо полагать. Но первым повернуться и уйти никто не решался.

Веселее всех был воришка – тот привык жить сегодняшним днем, не днем даже, а минутой: коли страшно, так трястись, а ушел страх – хватать толстуху-жизнь за все, что подвернется под руку. Разбойник веселился тоже – истерично и шумно; безнадежность, владевшая им с утра, не выдержала схватки с хмельным угаром, и после двух опустошенных бочонков одноглазый задумал поймать Судью и утопить в нужнике. Старичок не пил – сидел на краю скамейки, деликатно положив на стол острый локоть, и повторял, как шарманка, одно и то же:

– У призраков над человеческой жизнью власти нет! Пугало смирно – а ворон на огороде пугает. У призраков над человеческой жизнью власти нет! Пугало смирно, а ворон… У призраков над человеческой жизнью… Нет, нет, нет!..

На плечо мне легла рука. Нос мой дернулся, поймав сладкую струю знакомых духов.

– Пойдем, господин, – сказала женщина. – Дело есть. Она, наверное, целый час отмывалась у колодца, а потом достала, из котомки лучшее платье. Влажные волосы уложены были в подобие прически, бледное деловитое лицо казалось даже милым – во всяком случае, шлюху в ней выдавали теперь только духи. Слишком уж приторные. Слишком.

Поколебавшись, я встал из-за стола; если я пью с разбойником и воришкой под лепет лиходея-старичка – почему бы мне не внять вежливой просьбе чисто вымытой шлюхи?

Мы отошли в дальний угол; женщина помялась, решая, вероятно, как ко мне следует обращаться. Благородных господ подобает звать на «вы» – а как величать аристократа, который время от времени сидит в тюрьме наравне со вшами и всяким сбродом?

– Вы, это… Я купца не травила, это он точно сказал, но вот прочее… Господин, я ведь не спрашиваю, что вы такое натворили, коли он смерть вам назначил через год…

Я смотрел в ее круглые, голубые, невинные глаза. Не орать же на весь трактир: заткнись, дура стоеросовая, что ты, так тебя разэдак, болтаешь?!

Она поежилась под моим взглядом. Нервно заморгала:

– То есть, это… Ювелир этот, он точно девку порешил, я знаю… Только он твердит, что призракам власти нет, а я боюсь, что есть-таки, так это… можно бы проверить…

Она замолчала, выжидая.

– Что проверить? – тупо переспросил я.

– Есть ли власть, – пояснила она терпеливо. – Ежели

приговор… если не пугало, как он талдычит, ежели стражники не дураки… Так проверить же можно, – она снова выжидательно замолчала, заглядывая мне в глаза.

Разбойник, закатив единственный глаз, орал песню: все живое в трактире забилось по углам – округа давно знала, что здесь заливают пережитый страх «душегубы, которых из Судной выпустили». Любопытных собралось немало, но дураков среди них не было – в соседи к пьяному разбойнику никто не лез.

Я тряхнул головой.

Обычная моя сообразительность куда-то подевалась – прошла долгая минута, прежде чем до меня дошло наконец, каким образом женщина собирается проверить истинность наших приговоров.

Как там Судья ее огорошил, беднягу? «Объятия любого мужчины будут причинять тебе муку»?

Женщина улыбнулась – смущенно, будто извиняясь:

– Вы, господин, не подумайте… ничего такого… проверить только надобно. Знать надо, а то чего он болтает, что у призраков власти нет, а мне вот покойная бабка рассказывала…

Она замолчала. Открытое платье почти не прятало от мира высокий бюст, талия, не слишком тонкая, была безжалостно затянута корсетом, а бедра под пышной юбкой казались крутыми, как тщательно сваренное яйцо.

Мой оценивающий взгляд был встречен как согласие; женщина заулыбалась смелее и даже ухитрилась покрыться нежным стыдливым румянцем:

– Вы, господин… красивый. В жизни таких красавчиков не встречала. Я уж с хозяином сговорилась про комнату…

Ну как тут не быть польщенным.

Я тоскливо оглянулся на пирующих. Повезло мне – наследника Рекотарсов предпочли пьяному разбойнику, юному воришке и седому старикашке, который, если верить Судье, девчонок насилует до смерти…

А, собственно говоря?.. Шлюха как шлюха. Даже получше прочих – аппетитная… И несчастная к тому же. Окажется, что приговор Судьи в силе – куда ей теперь?..

Меня передернуло. Это вино заставило на время забыть о седом парике на паучьих ножках, а теперь я вдруг вспомнил все, и мокрицу на стене, и обращенную ко мне нравоучительную тираду, и случившийся потом приговор, – я вспомнил Судную камеру, и некое подобие интереса, проснувшегося во мне во время лицезрения шлюхиных прелестей, увяло, как роза в песках.

– Ты уж с хозяином и обо всем прочем договорись, – посоветовал я, отворачиваясь. – А то ведь за комнату платить

надо…

И, не оглядываясь, вернулся за свое место за столом – подле разбойника, спящего рылом в грибном соусе, пьяненького воришки и старикашки-ювелира, который все твердил, стуча пальцем по столешнице и постепенно наливаясь желчью:

– У призраков над человеческой жизнью власти нет! Нечего пугать-то… Пугало смирно… маломощное, пугало-то. Только ворон на огороде пугает…

Женщина обиделась, но виду не подала. Сквозь мутную пелену, затянувшую мир после некоторого количества выпитого вина, я видел, как она подлащивается поочередно к хозяину трактира, к работнику и даже к поваренку – но все, преодолевая соблазн, дают ей от ворот поворот.

А ведь здесь таких как мы – осужденных – видели-перевидели. Всякий раз после Судной ночи в этот трактир заваливается ополоумевшая от внезапной свободы толпа…

Возможно, эти опасливо приглядывающие за нами люди знают о приговорах Судьи куда больше нашего, и потому ароматная одинокая женщина не находит среди них сочувствия. Даже у мальчишки-поваренка, которому эдакое счастье перепадает нечасто. А разбойник надрался и спит, а воришка надрался тоже и пускает слюни, а я такой гордый, что самому противно, что ж ей, на старикашку кидаться?!

Сознание покинуло меня, кажется, всего на минуту – зато когда я очнулся, была уже глухая ночь. Чисто вымытый пол пахнул мокрым деревом, разбойник постанывал на лавке, трактир был пуст, и только на лестнице, уводящей вверх, в жилые комнаты, скрипом отдавались крадущиеся шаги, ползла сквозь темноту горящая свечка, да поднимались в такт шагам две обнявшиеся тени.

Я с трудом выпрямился. Завертелась, набирая скорость, пьяная голова. Карусель, да и только. Сучья карусель.

Повезло старикашке. Будто заранее знал – ни капли не выпил. Одной болтовней был пьян – и вот теперь тянется по лестнице, вдыхая приторно-сладкий запах ее духов. Вот скрипнула, отворяясь, дверь…

Обеими руками я свирепо растер лицо. Карусель приостановилась; ночь – время безнадежное. Сегодня я вдыхал запах пыли и травы, смотрел на солнце и верил, что теперь жизнь моя пойдет по-новому, забудутся волглые стенки, мокрицы и вши, весь последний месяц забудется напрочь…

«Дорожка твоя в тину, Ретано. Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься…»

Светлое Небо, но зачем-то ведь на свете наплодилось столько

дураков?! Если на ярмарку приезжает сборщик налогов – ну хоть кто-нибудь посмотрел бы внимательнее в его бумаги! Нет, поворчали и понесли – по доброй воле, чтобы неприятностей с властями было поменее. Сборщик натурой не брал, а только деньгами – кошелек к земле не тянет, это не корзины на спине таскать… Ну разве я так уж их ограбил?! Родовое поместье в упадке, денег из него не выжмешь, все равно что из камня молоко доить, а отпрыску Рекотарсов как-то жить надо, нет?!

Я ушел за день до прибытия настоящего сборщика. Тому сперва морду набили – за самозванца приняли, налоги-то сданы уже, честь честью… Потом от местного князя усмирительный отряд прискакал – плохо обернулась ярмарка. Кого-то, говорят, до смерти затоптали…

Потом мне рассказывали, что хозяин, разъярившись, взыскал недостающую в казне сумму с этого самого сборщика. А тот повесился на воротах… Все мне рассказали длинные языки. И на меня же потом навели – иначе как объяснить, что меня взяли на большой дороге, в двух днях пути от места происшествия?!

«Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок…»

Дурака никто никогда не винит. Дурака жалеют; если ягненок шляется по лесу, то виноват, конечно, волк. Красиво говорит Судья – «удавка жестоких выдумок»… Прямо по-книжному. Как с листа читает.

«Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь…»

Я вздрогнул. Мне померещились шаги – наверху, над головой, кто-то ступал босыми ногами, не иначе как старикашка собирается с силами для занимательного эксперимента. В силе или нет приговор Судьи?

Собственно, эти, опознавшие во мне лжесборщика, могли разорвать меня голыми руками. И остановило их одно: близость Судной ночи…

Может быть, они тоже дураки? Законченные? И считают, что одна неприятная ночь, проведенная в обществе тонконогого Судьи, сполна накажет меня за разоренную ярмарку и труп сборщика на собственных воротах?..

Где-то там, наверху, сейчас заскрипит кровать. А потом шлюха, помятая, но счастливая, нетвердой походкой спустится вниз и объявит со смехом: прав был старикашка, во всем прав! Нет у призраков власти над живыми людьми, один страх бесплотный…

Гм. А если Судья знает про сборщика – значит и все, что он говорил про ювелира, тоже правда? И благо-образный старикашка изнасиловал, а потом и убил девчонку, бывшую у него в

услужении?!

Мне сделалось дурно. Поплыл перед глазами вымытый пол, новой каруселью завертелась голова, захотелось лечь лицом в стол и подольше не просыпаться…

А потом сверху послышался тяжелый удар. И целую секунду было тихо. И еще секунду.

…От крика дрогнули огоньки свечей. Кричала женщина – да не обычным женским визгом, а с подвыванием, взахлеб, будто от нестерпимого ужаса, будто коврик у ее кровати поднялся на членистые лапы, алчно засучил бахромой и кинулся на горло – душить…

От крика заворочался на лавке разбойник. От крика проснулся воришка – и повел бессмысленными глазами. Застучали по всему дому двери, из комнаты для слуг высунулся перепуганный сонный работник. Она все кричала. Не уставая.

Трухлявые ступеньки чуть не лопались под ногами. Я рывком подскочил к двери, за которой захлебывалась воплем женщина, и вломился, судорожно отыскивая на поясе несуществующий кинжал.

В комнате горела единственная свечка. Шлюха стояла на кровати – в чем мать родила. Стояла, чуть не упираясь затылком в низкий потолок, и вопила, прижимая ладони к нагой груди. С первого взгляда мне показалось, что в комнате больше никого нет – но женщина смотрела вниз, в угол, я ожидал увидеть там что угодно, хоть и вставший на членистые лапы прикроватный коврик-Стойло только повыше поднять свечку. Он лежал на спине, белки глаз отсвечивали красным. Из-под затылка черной тарелкой расползалось круглое пятно крови.

– А-а-а, – выла женщина, забыв о своей наготе и не смущаясь толпы, завалившей в комнату вслед за мной. – А-а-а… Голова-а…

Я склонился над умирающим – а старикашка умирал, окровавленный рот подергивался в предсмертной судороге, будто желая сказать мне что-то важное, исключительно важное, стоящее предсмертного усилия. Я прекрасно понимал, что ничего он не скажет – еще секунда… другая…

Старичок мучительно испустил дух. Женщине за моей спиной грубо велели заткнуться.

Я поднес свечку к остановившемуся лицу. Так близко, что еще мгновение – затрещала бы седая всклокоченная борода.

Старик приколочен был к полу. Падая навзничь, он напоролся затылком на огромный, кривой, торчащий из пола гвоздь.

Утром я был далеко.

Что мне до путаных объяснений хозяина – умывальник, мол,

стоял, приколоченный к полу, а потом унесли, а гвоздя не заметили?

Что мне до всхлипываний шлюхи – она, мол, не успела ничего проверить, старик как нацелился на кровать – так и поскользнулся на собственной пряжке?

И хозяину было все ясно, не зря он зябко ежился и втягивал голову в плечи.

И шлюхе все было ясно тоже – не зря она так рыдала, позволяя слезам вымывать дорожки на лице и свободно скапывать с подбородка.

«Ты, Кох, поплатишься скоро и страшно. Сердце твое выгнило, плесень осталась да картонная видимость-смерть тебе лютая в двадцать четыре часа…»

Прощай, убийца Кох.

Двадцать четыре часа миновало.

Один день из трехсот шестидесяти пяти.

И встающее над лесом солнце показалось мне похожим на огромные, поднимающиеся над миром песочные часы.

Глава вторая

Молодая женщина сидела на широком подоконнике, обняв руками колени. Девчоночья поза была ей удобна и привычна; ничуть не заботясь о том, как ее легкомыслие может быть воспринято со стороны, женщина смотрела за окно – туда, где грохотали по булыжной мостовой пузатые кареты, расхаживали уличные торговцы, прогуливались богатые горожане и стайками носились чумазые дети.

По ту сторону стекла опустилась на подоконник оранжевая с черным бабочка. Женщина невольно задержала дыхание; казалось, с крыльев бабочки пристально глядят два черных недобрых глаза.

– Это «глаз мага», – сказала женщина вслух, хоть в комнате не было никого, кто услышал бы и ответил.

Некоторое время бабочка сидела, подрагивая крыльями, потом сорвалась и полетела – трепещущий оранжевый огонек.

Женщина вздрогнула, будто о чем-то вспомнив. Соскользнула с подоконника; дверь не стала дожидаться, пока она коснется ручки. Дверь распахнулась сама собой, в комнату без приглашения шагнула девочка – или, скорее, девушка, потому что вошедшей было пятнадцать лет, тело ее понемногу обретало подобающие формы, но лицо оставалось вызывающе подростковым, угреватым, некрасивым и дерзким.

– Ты была в моей комнате? – спросила девушка вместо приветствия.

– Я принесла тебе книжки, – отозвалась женщина с подчеркнутым спокойствием.

– Я просила не переступите порога моей комнаты! – сказала девушка, и глаза ее сделались двумя голубыми щелями. – Никому, кроме прислуги!

– Считай, что я прислуга, – сухо усмехнулась женщина. – И я не трогала твоих вещей.

Девушка сжала губы. Женщина с тоской разглядывала ее лицо – знакомые черты дорогого ей человека претерпели здесь странное изменение, девочка казалась карикатурой на собственного отца. Женщина подавила вздох:

– Где ты была вчера, Алана? В «Северной корове?»

– Почему бы мне там не быть, – фыркнула девушка с вызовом.

– Разве отец не просил тебя…

Левушка круто повернулась и пошла прочь, на лестницу. И, уже спустившись на несколько ступенек, обернулась:

– А ты, Танталь? «Притон», «кабак»… Ты что, никогда не

ходила по кабакам?!

– Сегодня утром отец запретил привратнику выпускать тебя из дому, – устало бросила женщина в удаляющуюся гордую спину.

Девушка споткнулась. Обернулась, и сузившиеся глаза казались уже не голубыми, а черными:

– Чего?! Он… ну так… Так будет хуже! Будет хуже, так и передай!

И побежала вниз, подметая ступени подолом темного мятого платьица.На закате распахнулась входная дверь, слуга поспешил в прихожую, на ходу кланяясь, не умея сдержать глупую улыбку от уха до уха:

– Добрый вечер, хозяин! Вернулись?

Женщина подавила желание бежать вслед за слугой. Поправила перед зеркалом прическу, пощипала себя за щеки – чтобы не вызывать беспокойства нездоровой бледностью – и только тогда вышла, остановилась на верхушке длинной лестницы, дожидаясь, пока человек со светлыми, наполовину седыми волосами поднимется по желтоватым, как клавиши, ступеням.

Это было своеобразным ритуалом. Она всегда дожидалась его здесь.

– Добрый вечер, Танталь.

– Добрый вечер, Эгерт…

Хорошо, что в вечернем полумраке он не может разглядеть ее лица. Ее безнадежно бледного лица с ввалившимися глазами, и невинная хитрость с пощипыванием щек ничего не может скрыть, тем более от него…

– Все в порядке, Эгерт?

Ее голос звучал тепло и ровно. Как обычно.

Он кивнул. Она взяла его под руку, пытаясь придумать какую-нибудь ничего не значащую фразу, но ничего подходящего не придумывалось; он молчал тоже, и так, в молчании, оба отправились в дальнюю комнату – самую большую и светлую спальню в доме.

На столе горел светильник. В глубоком кресле сидела женщина – ничей язык не повернулся бы назвать ее старухой. Черные тени лежали на белом, потрясающей красоты лице. Темные глаза смотрели в пространство.

– Привет, Тор, – ласково сказал Эгерт.

Сидящая улыбнулась и кивнула.

Вот уже три года она не делала ничего другого – сидела, глядя в пустоту перед собой, а услышав знакомый голос,

улыбалась и кивала. Луша ее летала где-то так далеко, что даже самые близкие люди не могли до нее дозваться.

– Все в порядке, Тория, – спокойно подтвердила Танталь. И только внутри ее сжался невидимый комочек, та часть се, что не любила лгать.

Женщина в кресле улыбнулась и кивнула снова.

– Мы пойдем, – глухо сказал Эгерт.

Женщина кивнула в третий раз.

Танталь и Эгерт вышли, осторожно прикрыв за собой дверь. В коридоре вежливо дожидалась сиделка – добрая женщина, приходившая вечером и уходившая утром, она сменила компаньонку, которая с утра и до вечера сторожит спокойствие госпожи Тории, балагурит в пустоту и читает вслух книги, до которых госпоже Тории нет никакого дела…

– Что случилось? – отрывисто спросил Эгерт, когда служанка убрала со стола недоеденный ужин. Все видит, подумала Танталь устало.

– Алана?

– Заперлась в комнате. Я сказала ей, что ты… Вертикальные морщины на белом лбу Эгерта сделались глубже:

– Да, я думал. Ты знаешь, как я надеялся, что она… Перерастет. Тем более после поездки в Каваррен…

– Каваррен пошел ей на пользу, – пробормотала Танталь, водя пальцем по узору на скатерти.

– Надо было ее пороть, – Эгерт нервно передернул плечами. – Когда все это началось… Надо было наступить себе на горло и…

– Ерунда, – меланхолично отозвалась Танталь. – Ты просто устал… ты устал сегодня.

– Отвезти ее в Каваррен, – Эгерт сплел пальцы, – изменить… обстановку… надолго. Я бы перебрался в Каваррен, но Корпус…

– Что тебе дороже – чужие мальчишки или собственная дочь?

Танталь сама удивилась словам, сорвавшимся с ее губ как бы между прочим. Как бы невпопад.

– Извини, – добавила она тихо. – Собственно, и переезд ничего не изменит. Мне так кажется. Эгерт молчал.

– Извини, – повторила Танталь уже с беспокойством. – Я… я уже устала твердить тебе, что в этом нет твоей вины. Алана…

– Те дни ее сломили, – сказал Эгерт, глядя в стол. – Танталь, есть ли в этом доме человек, перед которым я не виноват?!

Наверху грохнула дверь. Послышался звон разбитой посуды, минуту спустя в столовую вбежала перепуганная служанка, и при виде ее окровавленного лица Эгерт поднялся из-за стола:

– Что?!

– Госпожа Алана, – служанка хлюпнула носом, – изволят…

Ужинать не хотят, так посудой кидаются.

Танталь натянула платок на плечи. Непривычный, старушечий жест.

Поперек проезда стояла свинья.

Вероятно, то была королева свиней. Серая пятнистая туша занимала все пространство опущенного моста, от перил и до перил – а ведь мост не был узок, когда-то, в незапамятные времена, здесь свободно катались кареты!

Свинья неохотно посмотрела в мою сторону – и отвернулась снова. Где ей было меня узнать – когда я последний раз навещал родовое гнездо, дедушка этой свиньи был еще розовым поросенком.

Тишина и упадок.

Вздумай враги напасть на замок – вот он, берите голыми руками, вода во рву высохла и мост не поднимается, потому как подъемный механизм проржавел до самого нутра…

С другой стороны, на кой ляд врагам старая развалина, призрак давней славы Рекотарсов?

– Уйди, – сказал я свинье.

Та не обратила на меня никакого внимания – разве что серое ухо лениво дрогнуло, стряхивая муху.

…Куда возвращается путник, когда дорога намозолила ему ноги? Правильно, в отчий дом. Даже если вместо привратника его встретит серая свинья, вместо друзей – равнодушные собаки, а вместо заботливых родителей – располневший, подслеповатый слуга. Теперь, сидя перед камином в поросшем паутиной зале, я и не помнил толком, зачем так стремился сюда. Откуда взялась эта лживая надежда: вернусь, мол, домой, и все образуется, будто по воле мага.

Поместье, как и следовало ожидать, доходов не приносило никаких, жалкой ренты хватало только на прокорм домашним животным. В первый же вечер управляющий по имени Итер принес мне, вздыхая, груду пыльных расходных книжек; с отвращением пролистав мелко исписанные страницы, я отодвинул бухгалтерию прочь. Если старый слуга немножечко и крадет – что он, не имеет на это права?!

На другой день я открыл сундук со своими детскими вещами – и среди школьных принадлежностей отыскал затейливо разукрашенный календарь. Лет двадцать назад я изготавливал его сам, под присмотром учителя – про краю деревянного круга хороводом вились цифры, ближе к центру были коряво выписаны названия месяцев, и каждый из них сопровождался подобающей иллюстрацией: в детстве я любил рисовать. Щекастое солнце

перебирало щупальцами-лучами, вились косматые бороды ветров, из пузатых туч охапками сыпался нарисованный снег; я устало присел на краешек сундука, мне страшно захотелось туда, в двадцатилетней давности вечер, когда, выпучив от усердия глаза, я покрывал лаком уже готовую картинку…

А теперь я держу в руках собственную жизнь. Вернее, ее жалкий остаток, потому что от вынесения Приговора прошло уже две недели, а значит, жить мне осталось триста шестьдесят пять минус четырнадцать…

Я отыскал в письменном столе иголку и аккуратно отметил день, от которого, по воле Судьи, ведется столь важный для меня отсчет.

А потом кликнул Итера, оделся во все лучшее, нацепил шпагу, как подобает наследнику Рекотарсов, и отправился в поселок.

Староста поначалу перепугался – думал, бедняга, что я хочу скачать с него денег. Слово «подати» с некоторых пор резало мне слух, а потому я с милой улыбкой замял неприятный для обоих разговор. Староста развеселился – но тут же и притих, узнав, какие именно сведения меня интересуют. Почесал в круглой башке, потер лысую бровь, сказал с сомнением:

– Вы, господин Рстанаар, этого… Что магов в последние годы расплодилось – это правда, что тех крыс… При каждой деревеньке, куда ни сунься, теперь колдун сидит… Много и обманщиков, но есть и справные – хутор, если помните, ниже по речке, год назад наводнением смыло, среди сухого лета вдруг гроза, смыло подчистую, и я знаю, чьих рук дело, да только связываться с ним… Раньше болтали – перевелись, мол, маги, скушно стало и тяжко – так на вам, теперь весело, век бы такого веселья не видывать, сынишка мой сдуру повздорил с этим – так назавтра молния средь двора как лупанет! Дырку прожгло, курицу убило, я быстренько подарки на телегу – и во двор ему, заразе, чтоб ему пусто было, а он щерится, лыбится, подарки принимает, ничего, мол, помни мою доброту, что только курицу поджарило тебе…

– Он – это который? – небрежно поинтересовался я.

Староста поморщился:

– Имя, его, батюшка, язык колет, горькое имечко… Я тебе на дощечке нацарапаю. Грамоте, по счастью, учен…

Я удивился таким предосторожностям; староста послал чумазого мальчишку за грифельной доской, долго трудился, помогая себе языком, и наконец продемонстрировал мне жуткими каракулями выведенное имя:

«Черно Ла Скоро».

– Правильно написал-то? – с сомнением поинтересовался я. – УЖ больно имя какое-то…

– Так маг же, – пожал плечами староста. Видимо, это обстоятельство могло оправдать в его глазах любую странность – от непривычно звучащего имени до третьего уха на затылке.

– А живет где?

Староста не счел нужным скрывать гримасу отвращения.

На околице меня догнала старуха; я узнал ее. Сколько себя помню, а она все была старухой, неизменной, в темно-красном платке, с вислыми сиреневыми щеками и черными усиками над верхней губой. Жила знахарством, травами, мелким колдовством и сомнительными услугами по женской части.

– Гос… подин… Ежели к Черному пойдете, то не ходите ради Неба, тварь, он, простите, скотина распоследняя, потом не поймете, откуда беда… Ежели приворотное зелье – это и я могу, если кого-то со свету сжить… ну, труднее, но помогу тоже, а к Черному не ходите, у него не то что совести – подсовестка мелкого нету…

Старуха казалась по-настоящему встревоженной; на душе у меня царапнула непрошенная кошачья лапа, в то время как подбородок, гордый подбородок наследного Рекотарса сам собой задрался кверху. Старуха осеклась:

– Не хотела обидеть-то, господин… Не хотела… Присела в неуклюжем подобии поклона, повернулась и затрусила прочь.

Дом был новехонький. Были в нем роскошь и щегольство, показное богатство и несомненный вкус, но отпечатка давних и славных времен, того особенного шарма, который самую захудалую развалюху способен превратить в Родовой Замок – ничего этого не было и в помине. К благородной древности жилище господина Черно Да Скоро не имело никакого отношения: всего пару лет назад он изгнал из окрестностей соперника, колдуна помельче, и угнездился на холме со всем своим колдовским хозяйством.

Подниматься пришлось долго. Надо полагать, длинная и неудобная дорога вверх проложена исключительно для гостей – сам господин Черно не иначе как на помеле летает…

Перед воротами я остановился, но не из робости, а чтобы предаться ностальгии: вот так, согласно семейной легенде, на высоком холме стоял дом моего предка, Великого Мага Дамира, который был суров, но никого безвинно не обижал, знался с Прорицателями и самого Ларта Легиара, победителя Мора, держал одно время на побегушках…

Тем временем мое присутствие не осталось незамеченным. Черная ворона, бесстрашно сидевшая на воротах, покосилась на

меня блестящим глазом и гаркнула широко разевая клюв:

– Кто?!

Есть у меня недостаток – когда на меня орут, я сам начинаю орать в ответ.

– Кто?! – повторила ворона на повышенных тонах.

– Корова в манто! – рявкнул я, и ворона взмахнула крыльями, пытаясь удержать потерянное равновесие.

Некоторое время было тихо; ворона глядела в сторону, делая вид, что совсем меня не замечает. Потом скрипнули ворота; в образовавшейся щели показалась сперва рука с узкими ногтями на длинных пальцах, а потом и хозяин дома собственной персоной – а в том, что передо мной сам господин маг, сомневаться не приходилось, достаточно было один раз поймать взгляд цепких, раскосых, малость сумасшедших глаз.

В первую секунду мне показалось, что господин волшебник лыс – голова его, голая. Как яйцо, радостно ловила солнечные блики.

– Господин Черно Да Скоро? – осведомился я с церемонным поклоном.

Господин маг удивленно поднял бровь. Некоторое время мы смотрели Друг на Друга; хозяин высокого дома был немногим старше меня. Не годы проели плешь у него на макушке – продолговатый череп господина мага выскоблила до блеска острая бритва брадобрея.

– Чего? – переспросил, наконец, господин маг.

– Я хотел видеть господина Черно Ла Скоро, – повторил я внятно и терпеливо. – Мне указали на ваш дом.

Длинное лицо моего собеседника сморщилось, будто он собирался расхохотаться. Зрачки раскосых глаз сошлись на переносице:

– Чонотакс Оро мое имя… Что касается черных, скорых и прочих эпитетов – не соблаговолите ли поцеловать в задницу вашего информатора?

Очень не люблю чувствовать себя дураком; именно это неприятное ощущение заставило меня закрыть глаза на грубость господина мага.

– Прошу прощения, – сказал я с самой милой улыбкой, на которую был способен. – Примите мои приветствия, любезный господин Чонотакс. С вами говорит правнук Великого Мага Дамира – возможно, вы слышали что в замке у озера владычествует сейчас некий Ретанаар Рекотарс…

У него был совершенно непроницаемый взгляд. Как у лягушки. Он не снизошел не то что до поклона – даже до небрежного кивка. Как будто я сообщил ему, что пасу стадо овец

на ближайшем лугу.

Я подавил раздражение. Разобидеться и уйти было проще всего, но вряд ли господин маг что-то от этого потеряет. Бритоголовому субъекту ничего от меня не надо – а вот у меня есть надобность, и значительная, я не красна девица, чтобы отказываться от обеда только потому, что рожа повара мне не по нраву…

– У меня дело к господину магу, – сказал я, твердо глядя в ничего не выражающие глаза. – Незамедлительное.

Мне, ожидавшему, что гостиная в доме мага обязательно погружена в полумрак, пришлось прикрыть ладонью глаза – так туго било в окна солнце. Три больших зеркала отбрасывали солнечные лучи, на высоком потолке лежали три овальных световых пятна, и я не рискнул бы назвать их «зайчиками». Ничего прыгуче-игривого в них не было, это были в лучшем случае «солнечные хряки», а то и вовсе «солнечные коровы», массивные, обрюзгшие, почему-то неприятные на вид; у меня, во всяком случае, сразу же заныл затылок.

Мне было предложено кресло, по удобству сравнимое с пыточной скамьей. Впрочем, я и ожидал подвоха – а потому сделал вид, будто устроился вольготно.

Минут десять полагалось говорить не о чем, хвалиться древностью рода и разглядывать висящее на стенах оружие; так, во всяком случае, я привык поступать, посещая в странствиях чей-нибудь кичливый замок. Господин Черно Да Скоро – вот приклеилось имечко, мысленно я называл своего собеседника именно так – этот самый господин оружия на стенах не держал, украшением служили развешанные тут и там пучки грубых ниток, напоминающие колтуны нечистых волос, и разглядывать их у меня не было никакой охоты.

Черно Да Скоро сидел напротив, за низким столиком, уперев локти в резную столешницу и положив подбородок на сплетенные пальцы. Чуть позже я узнал, что во всех случаях жизни он сидит только так – как будто слабая шея его не в состоянии выдерживать груз бритой головы, как будто обязательно нужно найти другую опору. Раскосые черные глаза сверлили меня насквозь – и при этом по-прежнему ничего не выражали. Ни вопроса, ни любопытства, ни даже насмешки.

– Любезный господин Чонотакс…

Я перевел дыхание и подумал, что если каждая новая фраза будет даваться мне с таким трудом – разговор, пожалуй, не сложится.

Я рассчитывал получить нужные сведения, при этом ни единым намеком не раскрывая собственных печальных

обстоятельств. Интересующей меня темой был Судья вообще, конкретным примером – некая юная дама, незаменимая с точки зрения сердечной привязанности и угодившая в Судную камеру после того, как своими руками зарезала ревнивца-мужа. Дама получила приговор с отсрочкой – я надеялся выяснить, кто из ныне живущих магов пролил бы свет на ее теперешнюю судьбу. На самого Черно надежда была невелика – после рассказов старосты он представлялся мне скорее самоуверенным провинциалом, нежели сколько-нибудь серьезным волшебником…

Время было начинать рассказ, но слова не шли с языка. Мы молчали минуту, пять минут, четверть часа; для хозяина, в чьем доме объявился неожиданный гость, это уже достаточный срок для того, чтобы начать беспокойно ерзать: а в чем, собственно, дело?

Черно Да Скоро сидел неподвижно, как изваяние. И не сводил с меня взгляда, так что ерзать приходилось мне.

– Любезный, э-э-э, господин… Чонотакс. Меня привела к вам… необходимость проконсультироваться со сведущим в магии человеком. Вы, конечно же, знаете, что род мой берет начало от мага исключительной силы и заслуг – однако ни сам я, ни покойный батюшка… к сожалению, к этой области… не имели… касательства. Вы знаете так же…

– Давай на «ты», – негромко предложил Черно. Меня трудно сбить с толку – но теперь я растерялся. И не сразу смог эту растерянность скрыть.

– Давай на «ты», – повторил Черно, и его неподвижные глаза впервые за все это время мигнули. – Дело-то действительно есть; чем болтать – давай сразу и по-простому.

Я молчал. Мне очень не нравилось, когда инициатива так запросто уплывала к собеседнику, да и предложения сделать что-либо «по-простому» не радовали меня никогда.

Черно сильнее налег подбородком на пальцы – теперь его раскосые глаза смотрели чуть исподлобья:

– Не вертись – не отвертишься… Замок развалился, имение оскудело – или ты от хорошей жизни бродяжничаешь? Чего ты по миру искал, не мое, конечно, дело, но что приволок петлю на шее – это заметно… Не сразу и не всякому глазу, но видно, Ретано, отметили тебя от щедрот, давай рассказывай, а байки я и сам выдумывать могу…

Я поморщился – слишком уж ярко бил отраженный зеркалами свет. Слишком уж резко.

Господин маг был чересчур волен в выражениях. Ре-танаар Рекотарс никогда не «бродяжничал». Он странствовал инкогнито.

Хорошее слово «инкогнито», покрывает все неизбежные шероховатости, вот только больно уязвимо для болтливых языков…

Черно наблюдал, как я пытаюсь сообразить, кто и где меня разоблачил; он заранее был уверен, что все мои попытки тщетны.

– Оставь, Ретано. Тебе нет смысла меня обманывать. Я тебе нужен, а не ты мне… Выкладывай.

Я вполне мог раскланяться и уйти. Но за пазухой у меня лежал круглый деревянный календарь: с первого взгляда кажется, что дней в году полным-полно, но для человеческой жизни все-таки недостаточно, даже если не принимать во внимание уже истекшие две недели…

Я остался.

Солнце, по моим расчетам, давно клонилось к западу – но зеркала все ловили жадной поверхностью горячие полуденные лучи, и всякий раз, когда в своей повести я хотел чуть-чуть отступить от действительности, язык отказывался мне повиноваться. Зеркала грубо и прямолинейно высвечивали правду, подавляя и отсекая все остальное; мне не удавалось приукрасить рассказ ни единой выдуманной деталью. Ловко устраиваются господа маги – но, тем не менее, выкладывать бритоголовому Черно все подробности последнего приключения не входило в мои планы.

– Эту часть рассказа мы пропускаем, – говорил я небрежно, не отводя глаз, – пропускаем, как не имеющую отношения к делу…

Черно морщился, но молчал. Я не стал посвящать его в историю со сборщиком налогов, смолчал о тюремных вшах и о предложении, с которым обратилась ко мне Тиса по кличке Матрасница – но в остальном мой рассказ был довольно подробным, и, доведя его до конца, я испытал нечто вроде облегчения.

Черно Да Скоро сидел, навалившись подбородком на сплетенные пальцы. Глаза его сделались совсем узкими, будто прорези маски:

– Еще раз, подробно. Что он сказал? Я вздохнул. Речь Судьи по-прежнему помнилась мне до последнего слова.

– «Дорожка твоя в тину, Ретано, – начал я с отвращением. – Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься…» – Ну, здесь небольшой пропуск, а затем…

– Никаких пропусков! – рявкнул Черно, и на бритом черепе прыгнули солнечные блики. Никаких пропусков в тексте Приговора, неужели не ясно?!

Я заколебался. События повернулись совсем не так, как я рассчитывал – но, сказав «А», следует помнить и о прочих буквах

алфавита. Явившись к лекарю с непристойной болезнью, поздно краснеть и утаивать симптомы.

– «Сборщик податей, – выговорил я через силу, – повесился на воротах, кто-то скажет – поделом, но смерть его на тебе, Ретано. Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок. Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь… Я сказал, ты слышал, Ретанаар Рекотарс. Это все.»

Минуту в ярко освещенной комнате было тихо. Черно не смотрел на меня – глядел в сторону, шевеля губами, с сомнением морщась, будто решая в уме сложную арифметическую задачу.

– Так что? – не выдержал я наконец.

– Ничего, – отозвался Черно с неожиданной беспечностью. – Ты, понятно, хочешь, чтобы никакие Судьи над твоей душей не стояли, а?

У меня внезапно перехватило дыхание. Слишком легко прозвучали эти слова. Слишком непринужденно.

– Никто не в праве судить меня, – сказал я глухо. – Надо будет – сам за себя отвечу…

– Понимаю, – Черно кивнул. – Ты хочешь, чтобы я это сделал? Снял с тебя Приговор?

– А ты можешь? – не удержался я.

Он улыбнулся.

Лицо его, лишенное выражения, вдруг преобразилось. Окрасилось нескрываемым довольством, темные глаза вспыхнули, рот растянулся до ушей:

– Могу.

Некоторое время мы молчали. Черно смотрел на меня, как сытый кот на обомлевшую мышь: расслабленно, с удовольствием, с какой-то даже отеческой грустью.

– Я могу это сделать, Ретано… Считай, что тебе повезло. Но и мне повезло тоже – потому как даром, сам понимаешь, такие услуги никто не оказывает…

– Сколько? – спросил я механически. Сердце мое трепыхнулось от радости: так просто?!

Черно растянул рот еще шире – хоть это, казалось, было уже невозможно:

– Экий ты практичный… Нисколько. Отслужи. Оскорбление – как черствый ломоть хлеба. Так просто его не проглотишь.

– Милостивый государь, – сказал я с отвращением, – заведите собаку и пусть она вам служит. Или ваше последнее слово обращено к потомку Рекотарсов?!

– А что я такого сказал? – удивился Черно.

Я сдержался.

В комнате снова повисло молчание; солнечные пятна лежали на потолке, как пришитые. Как будто здесь, в комнате с зеркалами, время не течет.

– Странные вы люди, – пробормотал Черно, обращаясь как бы к самому себе. – Собирать чужие налоги в личине фальшивого сборщика – это вот естественно для потомка Рекотарсов… А все прочее…

– Я заплачу, – сказал я зло. – Сколько скажешь, столько заплачу… «Все прочее» – не твое… дело.

Я хотел сказать «не твое собачье дело» – но вовремя сдержался.

– Какие мы гордые, – пробормотал Черно Да Скоро, и, кажется, он был огорчен. Вся его бесстрастная физиономия как-то потемнела, и опустились кончики длинного рта. – Ладно… Знаешь, сколько это будет стоить?

– Я заплачу, – повторил я высокомерно, и тогда он назвал сумму.

Некоторое время я просто смотрел ему в глаза. С немым упреком; проще всего было предположить, что я ослышался.

– Сколько-сколько?! Он повторил.

– Ясно, – сказал я шепотом. – Ничего ты не можешь. Цену набиваешь, паясничаешь, ты, колдун…

– Я сказал, а ты слышал, – пробормотал Черно знакомым до дрожи голосом Судьи. – Это все.

Я облизнул губы. На секунду мне поверилось, что Черно – это и есть Судья, только в другом обличье.

Он усмехнулся. Узкие глаза на мгновение вспыхнули-и тогда я понял, что нет, он не Судья, но он и не паясничает. Это я ошибся – передо мной вовсе не средней руки колдунишка. Чонотакс Оро знает себе цену, и назначает плату за стоящий, по его мнению, товар.

Но и для меня товар ничего себе – жизнь…

– Совесть имей, – сказал я внезапно охрипшим голосом. – Я столько… у меня таких денег нет. Он криво усмехнулся:

– Про первое мое предложение… помнишь?

– Нет, – сказал я холодно. Чонотакс пожал плечами:

– Тогда замок продай. Какой-нибудь купец богатый, может быть, с родословной и купит…

– С родословной?!

– А мало ли дураков лезет в аристократы? Я не нашелся, что ответить. Солнце било в окно, отраженные лучи заставляли болезненно щуриться; я вдруг почувствовал, что мои глаза устали, саднят и слезятся.

– Погаси, – выдавил я, прикрывая лицо ладонью. – Хватит…

Солнце село в течение минуты. В зеркалах отразился умиротворенный золотистый закат, а я почти ослеп. Непросто после яркого света переключиться на полумрак – я видел только силуэт Черно. Маг – а он был-таки магом! – стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел в сад.

– Ты точно можешь это сделать? – спросил я беспомощно.

Черный силуэт в квадрате окна пожал острым плечом:

– У Судьи свои сильные стороны.у меня – свои.

– Сбавишь цену?

Он обернулся. Теперь бритый череп отсвечивал мягко, матово, в теплых закатных тонах.

– Не сбавлю. Не хочешь служить – так ищи деньги… или думай. Головой. Я промолчал.

– Думайте, Ретанаар Рекотарс, – официальным тоном повторил тот, кого звали Чонотакс Оро. – Думайте… все в ваших руках.

В окно влетела ворона, сделала круг под потолком и оттуда, с высоты, торжественно нагадила мне на колено.

Всю неделю, прошедшую после посещения Чонотак-са Оро, мной владела неуместная взвинченная веселость. Я искренне хвалил себя за смекалку, позволившую отыскать выход из полной, казалось бы, безысходности; теперь передо мной была новая задача, непростая, но бесхитростная: раздобыть к сроку назначенную Чонотак-сом сумму.

Всю неделю я пропивал последние деньги, гулял и веселился на всю округу, так, что даже на самом распоследнем хуторе знали, что это «господин Ретано домой возвратимшисы». Потом деньги кончились, наступило похмелье, я извлек на свет свой деревянный календарик и с ужасом увидел, что моя отмеренная жизнь сократилась еще на семь дней.

Идею о продаже замка я с ходу отмел как циничную – подобные бредни могли поселиться только в бритой голове корыстолюбивого Черно Да Скоро. Из других способов добычи денег мне на ум приходили почему-то кладоискательство, грабеж на большой дороге и шулерская игра в карты. Я прекрасно знал, что первое подчас бесполезно, второе – противно и опасно, а третье недостойно Рекотарса; мое радужное настроение улетучилось, и на смену ему явилась глухая тоска. Я в который раз пожалел, что, в отличие от легендарного предка? не способен к магии и не учен ее премудростям.

Много десятилетий тому назад Великий Маг Дамир, чье мужественное, чуть усталое лицо смотрело сейчас с трех разных портретов на стенах обветшавшего замка – много лет назад этот во всех отношениях замечательный человек одолел свирепого

дракона, поселившегося во владениях барона Химециуса. Требовало чудовище жертв или нет – о том история умалчивает, но я склонен считать, что требовало-таки, это кажется логичным, у барона, как-никак, подрастали две красавицы-дочери, а сын был еще слишком мал, чтобы сесть на коня и взять в руки оружие…

Вот тогда-то в замке и появился Великий Маг Дамир, сопровождаемый верным слугой. А чуть позже появилась вот эта гравюра, изображающая моего предка в момент, когда он протыкает бестию копьем…

Я ближе пододвинул свечку.

Гравюра исполнена была любовно и тщательно – я видел гневное лицо своего предка, харю чудовища, совсем по-человечески искаженную злобой и страхом, и даже местность мог узнать – да, это южная оконечность охотничьих угодий, мне не раз случалось гулять там еще подростком. Помнится, в те времена я всякую свобод-ную минуту посвящал фехтованию – и, выхватив из ножен шпагу, самозабвенно играл в Мага Дамира, и от моих игрищ пострадал не один куст дикой малины…

Если бы мой предок Дамир мог услышать меня и прийти мне на помощь – разве понадобилось бы мне вступать в сделку с Черно Да Скоро?!

Тощая свечка догорала. Единственная свечка посреди темного, заброшенного, облупившегося замка…

Я вздрогнул.

Старый Итер давно спал в своей каморке – и все же я явственно услышал, как наверху, в запертых спальнях, тяжело отдаются чьи-то шаги. Вниз по лестнице…

Я никогда не был трусом.

Шаги остановились у двери, ведущей в кабинет. Шорох, будто от большой раскрытой книги; тяжелый вздох.

Тишина. Я сдержал дрожь.

Там, за порогом, никого нет. Это вздыхает замок.

Глава третья

Госпожа Танталь, госпожа! Госпожа Алана… все не отзываются… Я думала, спят они долго, так уж и время завтрака прошло… Служанка заламывала руки. Служанка чуть переигрывала – не было в ее голосе ни капельки беспокойства за непутевую госпожу Алану, был наигрыш, ухо прирожденной актрисы уловило его без труда. Хотя, если вдуматься, служанку винить не в чем – ну не прикипела она душей ко вздорной девчонке, которая швыряет свой ужин в лицо прислуге…

Рядом стояла темная, как тень, сгорбленная полуслепая старушка. Стояла и молчала; Танталь стиснула зубы и положила ладони на покатые старушечьи плечи:

– Не волнуйся, няня…

– И мне не отзывается, – скрипуче проговорила старуха. – Всегда, бывало… молчит-молчит, а я попрошу – и откроет…

Танталь вскинула подбородок, одним взглядом оборвала фальшивые причитания служанки и двинулась в комнату Аланы.

– …Или ты откроешь немедленно, или я пошлю за отцом.

За дверью было тихо. Ни дыхания притаившегося – человека, ни скрипа половицы. Пусто.

Танталь закусила губу. Ее раздражение мало-помалу сменялось беспокойством.

Алана… Ты всерьез решила свести нас всех в могилу?

Тишина.

– За господином Соллем послать, – свистящим шепотом предположила служанка.

Танталь раздумывала. Она представила себе Эгерта, которому сообщают, что в запертой изнутри комнате его дочери тихо и пусто, ни живой души, никто не откликается…

По коридору затопали тяжелые башмаки. Слуга так торопился, что за сотню шагов успел запыхаться, как после долгого бега:

– Госпожа… Танталь… веревочка-то… из окна ее веревочка чуть не до земли, я дом обходил – так увидел…

Танталь проглотила горькую слюну.

Главное, что с мерзавкой ничего не сталось. Что не придется взламывать дверь и входить в комнату, ожидая увидеть… что? В роду Соллей вроде бы не было самоубийц…

– Клов, – она обернулась к слуге. – Поднимись по веревке и открой дверь.

– Я?! – слуга отшатнулся. – Так, госпожа Танталь… Я не дотянусь, веревочка высоко обрывается… и не выдержит она

меня, во мне же, к слову сказать, не то что в госпоже Алане, я поупитанней буду…

Танталь хмыкнула:

– Кстати, как она вышла со двора? Ворота были отперты?

– Как можно! – возмутился слуга. – Я ворота на ночь запер и собак спустил, да только собаки госпожу Алану любят, а забор у нас так… Одна видимость, а не забор…

Дикая кошка, мрачно подумала Танталь. Значит, за Эгертом все-таки придется посылать. Вызывать с занятий в Корпусе, сообщать, что дочь его Алана, благородная девица пятнадцати лет, покинула отчий дом посредством бельевой веревки, перелезла через забор и убыла в неизвестном направлении, короче говоря,сбежала…

– О-ой, – еле слышно вздохнула старая нянька, которой только теперь удалось доковылять до места проис-шествия. – Ой, девочка, как же…

– Вот что, – ровный голос Танталь не выдал ее мыслей. – Во-первых, всем держать язык за зубами. Во-вторых… Клов, будь добр, пройди по трактирам. Начни с «Северной коровы»…

Служанка охнула. Танталь свирепо сверкнула глазами:

– Ты, Дюла, из дома не на шаг. Я твой язык знаю.

И, не слушая возражений служанки, зашагала прочь. Вышла из дому, обошла его кругом, примерилась к бельевой веревке, свисающей из окна третьего этажа, огляделась, скинула туфли, подпрыгнула, со второго раза ухватилась за узел на конце. Подтянулась на руках, взялась за веревку поудобнее, рывком подобрала юбку и, отталкиваясь от стены босыми ногами, влезла вверх, в окно. Слуги наблюдали, разинув рты; по счастью, от оживленной улицы окно Аланы прикрыто было высоким старым тополем.

Перебравшись через подоконник, Танталь презрительно усмехнулась. Бегло оглядела царящий в комнате беспорядок и отодвинула засов, впуская заплаканную няньку.

У нее оставалась слабая надежда, что девчонку удастся отыскать раньше, чем о происшествии узнает Эгерт.

О том, чтобы сообщать о бегстве дочери госпоже Тории Солль, у нее не возникло и мысли.

Мужчин было двое – один коренастый и крепкий, издали видать, как посверкивают на богатой перевязи драгоценные камни; другой – высокий, весь в черном,будто грач, в широкополой шляпе, причем поля эти опускались книзу, прикрывая лицо едва не до подбородка. Я мельком удивился, как обладатель такой шляпы может ходить не спотыкаясь.

Оба пришли пешком. Ни один не заметил меня, проводившего послеполуденный час в зарослях около ручья; не то чтобы я так уж любил природу – просто солнце стояло очень уж высоко, и продолжать путь по жаре не хотелось ни мне, ни лошади.

Тем более странно было, что среди столь палящего зноя двое приличных людей задумали биться насмерть. А в серьезности их намерений я убедился тут же – коренастый содрал с себя богатый камзол, а высокий отшвырнул свою шляпу, и, не утруждая себе разговорами, благородные господа выхватили каждый по шпаге.

Я приподнялся на локте.

Коренастый был опытный боец. На скуластом лице грозно топорщились короткие каштановые усы, шпага хищно вспыхивала на солнце, мне несколько раз показалось, что черный человек не удержит удара – однако тот всякий раз ухитрялся парировать, а затем переходил в контратаку, опасную, как прогулка голодной гадюки. Поединщики друг друга стоили.

Я замер. Больше всего мне не хотелось, чтобы лошадь, бродящая неподалеку, выдала сейчас свое присутствие: минутное замешательство для любого из дуэлянтов означало смерть.

Потому что «до первой крови» так не дерутся. Мой скромный опыт в этой области не позволял сомневаться в самых серьезных намерениях и того, и другого.

Инициатива перешла к коренастому. Его противник имел преимущество в виде длинных рук – потому усатый, с виду неповоротливый и грузный, старался двигаться вдвое быстрее. Это было завораживающее зрелище; высокий использовал в основном уколы – коренастый обрушивал на противника удары, намереваясь пробить защиту и использовать преимущество в силе. Высокий начал выдыхаться – и заюлил, пытаясь развернуть соперника лицом к солнцу. В какой-то момент ему это удалось – но в этот момент ослепленный усач ударил что есть силы, и оборона высокого дала трещину.

Теперь они стояли лицом к лицу – высокий рукой зажимал рану на правом плече. Усатый побледнел и оскалился: подобный исход поединка не устраивал его ни в коей мере. Ему хотелось убить. Именно это желание читалось сейчас на хищной скуластой физиономии.

Высокий перебросил шпагу в левую руку и шагнул вперед. Коренастый соперник его ринулся в атаку, нанося удары в основном справа, будто пытаясь закрепить достигнутый успех; в планы его не входило победить красиво. Он намеревался просто победить.

Собственно, в его победе теперь уже не возникало сомнений;

на его стороне была сила, но, как оказалось уже в следующую секунду, для успеха этого недостаточно.

Для успеха надо, чтобы на твоей стороне была судьба.

Именно в этот момент моей кобыле вздумалось выйти к ручью; удивленная поединком, она осуждающе фыркнула.

Возможно, коренастый боялся свидетелей. Возможно, его соперника чужие глаза заботили меньше; как бы там ни было, но коренастый вздрогнул и на мгновение отвлекся.

Высокий не упустил шанса, тем более что левая рука у него была не короче правой.

Усатый медленно повернул голову – возможно, потому, что на противника смотреть уже не было смысла. Здоровенный кусок железа уже сидел в боку, на щегольской рубашке расползалось красное пятно, усач попытался вздохнуть – кровь запузырилась. Все еще укоризненно глядя в мою сторону, усач повалился на истоптанную траву.

Секунду спустя мой взгляд встретился со взглядом высокого.

У него было бледное, нездоровое лицо. Как будто вислые поля шляпы никогда в жизни не позволяли солнечным лучам коснуться этих впалых синеватых щек.

Я ждал, что он предпримет; он отвернулся, подобрал свою шляпу, вытер шпагу пучком травы – и, не глядя на поверженного противника, двинулся прочь.

Прошло минуты две или три; поколебавшись, я выбрался из своего укрытия. Может быть, коренастый еще жив, сказал я себе без особой надежды. Во всяком случае, удрать, не убедившись в его смерти, представлялось мне неестественным.

Я перешел ручей, стараясь не оступиться на скользких камнях; вода бурлила, намереваясь залезть ко мне за голенища. Коренастый лежал навзничь, не закрывая глаз, и глаза эти были уже неподвижными, тусклыми перевязывать рану было поздно.

– Нет! Остановитесь! Не-ет!

Я похолодел и обернулся.

За стволами мелькнуло яркое, похожее на редкую бабочку платье; тонкий голос опять закричал, призывая остановиться, затрещали ветки под торопливыми ногами, я отшатнулся от покойника, намереваясь вернуться на свой берег ручья – в эту самую минуту на поляну вырвалась женщина.

Не время было судить, красива она или нет. Не время было осуждать ее за показное богатство и некоторую безвкусицу в туалете; от бега щеки ее разгорелись, от волнения на шее выступили красные пятна, но, увидев на земле залитого кровью дуэлянта, она в мгновение ока сделалась белой, даже вроде бы желтоватой, как кость.

Что говорят женщинам в таких случаях?

Вероятно, следовало увести ее отсюда. Или дать напиться.

Губы ее шевельнулись; за плеском воды я не расслышал слов. На дрожащих ресницах мне померещились слезы.

Женщина, плачущая в моем присутствии… Я коротко вздохнул:

– Сударыня, судьба бывает такова, что…

– Я так и знала, – сказала она шепотом. – Я так и знала, что он плохо кончит. Я запнулся, озадаченный.

– Ревнивец, – сказала она, с горечью глядя на распростертое тело. – Я знала, что рано или поздно он допрыгается… Ревность – болезнь со смертельным исходом.

Я стоял по колено в ручье. Ноги мои замерзли; она наконец-то оторвала взгляд от лежащего и посмотрела на меня – глаза ее были печальны, но совершенно сухи.

– Я не осуждаю вас, – сообщила она со вздохом. – Терпеть его грубые выходки… У меня тоже недоставало нервов, честное слово.

Я облизнул губы.

Я всегда по праву гордился тем, что быстро соображаю. Вот и сейчас – после секундного замешательства рассудок завопил мне, что надо немедленно убираться женщина смотрела на меня, ей было лет двадцать пять, из-под затейливой шляпки выбивался светло-русый завиток.

Ярко-зеленые глаза…

Перед ней стоял в ручье высокий мужчина в черном. Я привык путешествовать в черном – в дороге ведь не напасешься прачек…

Я всегда верил в судьбу. В частности в свою собственную; яркое платье женщины – повседневное, видать, платьице, в котором можно запросто бегать по лугам – посверкивало драгоценными камнями. Двумя изумрудными искрами поблескивали широко посаженные глаза.

– Вас будут преследовать, – сказала она устало. – В землях герцога Тристага дуэли запрещены под страхом смерти.

Новые новости.

Над водой висела стрекоза. Остроносые мальки доверчиво тыкались в черную кожу моих сапог.

Интересно, а каков был повод для ревности, если дама не знает кавалера в лицо?..

Круглый деревянный календарь преследовал меня даже во сне. Солнце, неуловимо похожее на Чонотакса Оро, скалилось и поводило лучами, а бородатые ветра хохотали, разевая бесформенные пасти: что, достукался?

Мне снилось, что время убывает, как вода в песок.

…Её муж при жизни был знатен, богат и ревнив. Ревность он забрал с собой в могилу, знатность пышно обустроила его усыпальницу, а богатство… Богатство осталось молодой жене с зелеными глазами.

Обо всем этом я догадался раньше – разговоры в поселке только подтвердили догадку.

Говорили возбужденно и много – все знали, что благородного господина Дэра укокошили на дуэли, что сам герцог Тристаг приезжал выразить соболезнования вдове и заодно выяснить, не знает ли кто имени убийцы?

Имени никто не знал. Человек в черной шляпе явился ниоткуда и исчез никуда, а я потратил последние деньги, чтобы разжиться обновкой: белой шелковой рубашкой и безрукавкой из тонкой темно-красной замши.

Госпожа Дэр надела траур. Над башенками дома-замка уныло повисли черные флаги; ворочаясь на жесткой койке скверной деревенской гостиницы, я вспоминал обеспокоенный зеленый взгляд и смуглую грудь в вырезе дорогого платья. Богатая вдова, тихо говорил здравый смысл, и молодой таракан на стене – юноша, только что покинувший отчую щель в согласии поводил усиками.

Ее звали Ивилина. Ее состояния вполне хватило бы на выкуп моей жизни, да еще осталось бы немножко на прожитье – жить-поживать в старом замке Рекотарсов на пару с зеленоглазой женушкой…

Таракана потешали мои бредовые идеи. Таракан смеялся.

…Случилось так, что круглую дату – два месяца со дна приговора Судьи – я встретил в постели зеленоглазой прелестницы.

По правде говоря, посылая Ивилине первый букет, я не особенно верил в успех предприятия. Это было к тому же и рискованно – а вдруг вдовушка, одумавшись, передаст меня в руки правозащитника-герцога? Я для нее был убийца мужа и свидетель ее собственного преступления, ибо как ни верти – а она пособничала злодею, не донося на него, то есть на меня, властям.

А если б донесла?!

По понятным причинам я не рассчитывал на успех и первый букет послал без надежды – однако дело внезапно пошло на лад, да такими темпами, что мне пришлось приостановиться и решить один очень важный для себя вопрос.

Возможно ли мне, Ретано Рекотарсу, ухаживать за женщиной ради ее денег?

Невозможно, без всяких компромиссов сказал мне голос

крови. Никак.

А потому, если я хотел достичь заветной цели и откупиться в итоге от Приговора Судьи, мне следовало научиться ухаживать за Ивилиной ради самой Ивилины. Проще говоря, влюбиться.

За свою жизнь мне случалось проделывать это неоднократно; я влюблялся сотни раз, и порою до гроба, мне всегда казалось, что нет ничего проще, чем испытать к особе противоположного пола сердечную привязанность. Теперь оказалось, что влюбиться по заказу куда тяжелее, нежели просто вызвать у дамы ответное теплое чувство.

Как бы там ни было, а, вспомнив опыт собственных отроческих страстей, я принялся влюбляться в Ивилину Лэр.

Я поступил просто – всякий раз, получая от жизни удовольствие, вспоминал свой зеленоглазый объект и шептал его имя. Я говорил «Ивилина», вдыхая запах жареного мяса, я воображал ее лицо, удобнее устраиваясь на скрипучей кровати, и даже пышный бюст горничной, обтянутый кокетливым передничком, был для меня лишним напоминанием о прекрасной вдове. После нескольких дней настойчивых упражнений я убедился, что мысли об Ивилине вызывают у меня в душе приятный трепет, а значит, я влюблен, а значит, могу ухаживать за вдовушкой, не вступая в конфликт с собственным представлением о порядочности.

После этого дело пошло просто и быстро; Ивилина скоро смирилась с тем, что убийца ее мужа оказался столь пылок и очарователен. Правда, влюбленность в нее давалась мне все труднее и труднее – я почему-то обиделся за покойника Дэра, ревнивого коренастого усача. По моим понятиям, безутешная вдова – пусть даже и постылого мужа – как-то иначе должна относиться к его убийце…

Тем не менее прошло два месяца со времени Судной ночи, и по веревочной лестнице я взобрался в указанную мне спальню.

Богатство не считало нужным как-либо скрываться. На туалетном столике горели пять тонких витых свечей, в их свете комната, полная шелков, парчи, бархата, гобеленов и золотых безделушек, почему-то напомнила мне не то склад, не то тайник разбойничьей шайки. Даже ночная посудина под кроватью изготовлена была из тончайшего фарфора и расписана позолотой; Ивилина полулежала на подушках, и по ее округлым бокам струился шелк ночной сорочки. Кокетливо поддернутый рукав позволял видеть белую и пухлую, как у младенца-переростка, ручку. Я задержал дыхание.

О, прекрасная Ивилина! Твои формы… Сколько может стоить дом со всем содержимым? А еще поместье? Если отдавать

целиком – выйдет дешевле, но распродавать все это великолепие в розницу хлопотно и долго, где прикажете искать, например, покупателя на этот роскошный ночной горшок?..

Ивилина переменила позу; под белым шелком колыхнулись груди, как две огромные капли, смолистые капли со ствола исполинской сосны, мне показалось, что я даже запах ощущаю – свежести, смолы и леса…

С другой стороны, кто сможет купить все это одновременно, какой богач, какой золотой мешок? Не выйдет ли ненужных кривотолков, не пожелает ли герцог Тристаг, к примеру, получить часть денег в виде налога на продажу?..

– Как вы прекрасны!

Кто это сказал? Неужели это я опустился до банальности?! Да и голос прозвучал как-то тускло – как будто я залез не в спальню к роскошной даме, а на отсыревший безрадостный сеновал…

Ивилина таинственно улыбнулась. Я должен любить ее, подумал я с испугом. Иначе выходит, что я корыстолюбивый расчетливый соблазнитель, негодяй и прочее. Я немедленно должен ею восхититься!..

С опаской ступая по необычайно ворсистому ковру, я приблизился к возлежащей даме. На белой ночной сорочке имелся кокетливый черный бантик – знак траура по мужу.

…А кстати, сколько времени продлится траур? Успею ли я жениться на ней за оставшиеся десять месяцев?

Я мысленно застонал. Опустился на колени, едва не задев некстати подвернувшийся горшок; Ивилина протянула мне руку, пальцы пахли незнакомыми духами, я поцеловал розовую ладонь, а затем, подумав, легонько укусил красавицу за мизинец.

– Ах, – сказала Ивилина. – Шалун… Насмешник, Ретано, откуда ты взялся, чудо, я не в силах противиться… силе, исходящей от тебя страсти…

Я часто задышал. Во мне боролись двое – неистовый любовник и холодный оценщик, и ни один не мог победить. И оба ужасно мешали друг другу.

– Сегодня… ты такой… ты молчишь. И я замираю… Когда ты молчишь и вот так смотришь, Ретано, мое сердце уходит в пятки, ты пугаешь меня, Ретано… это сладкий страх…

Любовник, неся потери, все же теснил оценщика с занимаемых позиций. Мои руки сами собой легли на теплые плечи зеленоглазой красавицы; Ивилина вздрогнула, полураскрыла губы, и этот ее порыв доконал оценщика надежно и навсегда.

– Рета-ано…

– Любовь моя…

У ее губ был свой собственный, одуряющий запах. Вся одежда, оказавшаяся на мне в тот момент, оказалась вдруг лишней.

– Рета-ано…

На короткий миг я забыл, где нахожусь. И о том кто такая Ивилина, и о собственных стесненных обстоятельствах; этот момент стоил жизни – но именно в минуту в дверь спальни оглушительно забарабанили желые неделикатные кулаки:

– Госпожа Дэр! Откройте, немедленно откройте госпожа Дэр!

Губы моей прелестницы мгновенно сделались холодными и безжизненными. Тонкие пальчики капканом сдавили мне запястье:

– Ретано… О нет. Скорее…

Дверь, казалось, готова была слететь с петель. Торопиться, как на мой взгляд, было уже некуда.

– Бегите, Рекотарс… Ради Неба… Скорее прочь… Ивилина метнулась к окну, выглянула вниз, испуганно отшатнулась, прошептала со слезами в голосе:

– Сторожат… Это Крод, это он, скотина… – и мне, уже без слез, с плохо сдерживаемой злостью: – Вы погубили меня! В постель!

Последнее распоряжение настолько не вязалось с происходящим, что я заколебался.

– В постель! – прошипела Ивилина, теряя остатки томности. – Чтобы не нашли… с головой!

Как был, в одном сапоге и рубахе нараспашку, я кинулся под балдахин и зарылся в груду одеял, а расторопная Ивилина подкинула мне вслед недостающие части моего гардероба.

– В чем дело? – громко спросил ее спокойный сонный голосок.

Стук оборвался.

– Немедленно откройте дверь, – с торжеством потребовали снаружи. – Есть сведения, что в дом пробрался вор!

Под одеялами нечем было дышать. Я, конечно, мечтал оказаться в этой постели – но не в таком же виде!

– Вы разбудили меня, – с упреком сообщила Ивилина, лихорадочно уничтожая следы моего пребывания. – Я с трудом заснула… Меня преследовали кошмары, поэтому я заснула при свечах…

– Немедленно откройте!!

Хотел бы я знать, что за самодовольный мужлан имел право так грубо и бесцеремонно вторгаться в личные дела моей Ивилины.

Звякнул, отодвигаясь, засов. Комната сразу наполнилась

тяжелыми шагами – вошедших было человек пять, не меньше. Моя шпага была тут же, по одеялом – но дотянуться до рукояти означало выдать себя.

– В чем дело, Крод? – спросила Ивилина уже возмущенно, – Какое право вы имеете обращаться со мной подобным образом?

Вот-вот, подумал я уныло. Как по-моему, так и дверь отпирать не следовало. Дверь крепкая, авось бы устояла…

– Здесь душеприказчик вашего покойного мужа, с ним нотариус, – Крод был, судя по голосу, старше пятидесяти, – и я, как единственный родственник покойника, обязан способствовать тому, чтобы условия завещания соблюдены были в точности…

Последовала пауза. При слове «завещание» даже у меня сам собой подобрался живот.

– Условия? – негромко спросила Ивилина; она изо всех сил старалась держать себя в руках, но голос ее все равно выдал. Об условиях мужниного завещания она слышала, как и я, впервые.

– Подай бумаги! – велел кому-то другой, властный голос; по-видимому, это и был душеприказчик. После минутной тишины ко мне под одеяло донесся явственный шелест бумаги.

– Ты не говорил мне, Крод, – изменившимся голосом сказала Ивилина. Душеприказчик ее мужа издал горлом странный звук – не то усмехнулся, не то чихнул.

Снова зашелестела бумага.

– Вот, – торжественно заявил душеприказчик. – По сему документу все имущество господина Рэгги Дэра, а также угодья, а также дом, а также поместье… Переходит в собственность его жены, госпожи Ивилины Дэр… Да, «…владеть и пользоваться вышеуказанными богатствами в том случае, если на протяжении десяти лет со дня смерти мужа своего она сохранит целомудрие, не вступит в новый брак и не изменит памяти мужа, совершив блудодейство… Если же такой факт будет иметь место, то все имущество господина Рэгги Дэра, а также… а также… и поместье… переходит во владение его троюродного брата, господина Тагги Крода, и в собственность его детей, и внуков, если таковые будут…»

Я лежал в дамской шелковой постели, под толстым слоем одеял, и мне было тоскливо. Тоненькая струйка воздуха едва просачивалась сквозь горы кружев, и пахла она не духами и благовониями – паленым пахла воздушная струйка, жареной судьбой несчастного Ретано Рекотарса.

Если во владениях герцога Тристага запрещены дуэли – может быть, здесь предусмотрено и специальное наказание для ловеласов?..

Пауза затягивалась.

– Проклятый ревнивец, – шепотом сказала Ивилина. – Негодяй… Ревнивая тварь!

– Ищите, – удовлетворенно приказал кому-то Тагги Крод. Достойно восхищения, подумал я мрачно. Ты богач, дяденька, ты честно заработал наследство от троюродного братца…

– Ищите! – истерично выкрикнула Ивилина. – Ищите всюду! Взялись унижать женщину – так унижайте до конца, чего там, раз уж собственный муж опустился до подобного завещания – не считайтесь с моей стыдливостью! С моим целомудрием! С моим отдыхом, в конце концов. Ищите!

– Да ищите же! – прикрикнул Крод на кого-то, кто смутился, по-видимому, от горячих слов Ивилины.

Заскрипели дверцы шкафа. Жалобно звякнули склянки на туалетном столике; кто-то, кряхтя почти над самым моим ухом, наклонился и заглянул под кровать.

– Ищите! – крикнула Ивилина сквозь слезы; спустя секунду ее тело обрушилось на меня сверху. Со стороны это выглядело, наверное, очень трогательно: несчастная женщина повалилась, рыдая, в подушки.

Никогда в жизни на мою долю не выпадало таких испытаний!

Я был в постели с прекрасной женщиной, ее тело, прикрытое одной только шелковой сорочкой, содрогалось от рыданий и плотнее прижимало меня к тюфяку. Разделявший нас слой одеял казался лишним – в то же время по комнате, тяжело ступая, бродили сыщики и заглядывали во все щели в поисках прелюбодея, то есть меня.

– Ищите! – уже раздраженно повторил Крод.

– Нет никого, – отозвался, оправдываясь, сиплый молодой голос.

Я слышал, как Крод прошел через комнату и распахнул окно.

– Эй! – крикнул он кому-то, караулившему внизу. – Не было?

Снизу ответили что-то невнятное, но без сомнения в том смысле, что нет, никто на клумбу не прыгал.

– Ищите, – всхлипнула Ивилина. – Ищите… Крод, с этой минуты вы мне не родич. Не смейте показываться мне на глаза… Душеприказчик есть – вот пусть он десять лет под спальней и караулит!

Кто-то из сыщиков не удержался и присвистнул. Кто-то – наверное, душеприказчик – возмущенно засопел. Я потихоньку задыхался, лишенный притока воздуха, придавленный пышными формами вдовы.

– А теперь убирайтесь, – сказала Ивилина устало, – Сегодня ночью я получила истинное представление о мужчинах… После этого вам не о чем тревожиться, господин душеприказчик. До

конца жизни я не подпущу к себе никого из этих подлых, низких, мстительных, ревнивых, вздорных, нахальных, бесстыдных, жестоких, глупых, продажных, бессовестных тварей!

Мне сделалось неуютно. Каждое слово Ивилины будто вбивало гвоздь мне между лопаток – видимо, я чувствовал свою перед ней вину. По меньшей мере половина перечисленных эпитетов относилась и ко мне тоже.

– Э-э-э… – заикнулся кто-то, наверное, нотариус. К сопению душеприказчика присоединилось сопение прочих, и несколько минут ничего не было слышно, кроме всхлипываний Ивилины и этого всепоглощающего сопения.

Я проделал среди кружев дырочку и тихонько перевел дыхание. Если все закончится благополучно, сказал я сам себе, то я честно признаюсь Ивилине во всем. В собственной низости. Расскажу ей и про Судью, и про Черно Да Скоро, пусть сама судит меня, пусть даст пощечину, в конце концов…

– Уходите, – повторила Ивилина шепотом, – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Не растягивайте собственный позор, избавьте…

– А-а-а! – завопил Крод, и в крике этом было столько торжества, что я мгновенно покрылся потом.

– Что это? – спросил Крод страшным голосом, – Что это, а? Что это, я вас спрашиваю?!

– Где? – Ивилина приподнялась на локте, и этот острый локоток болезненно впился мне в ребра.

– Что это? Ослепли? Не видите?! Пряжка от мужского пояса!!

– Пряжка от мужского пояса, – с суеверным ужасом повторили нотариус и душеприказчик.

– Где? – повторила Ивилина удивленно.

– Вот!

– Да где же?

– Да вот!

Ивилина села на кровати, то есть на мне, и в следующую секунду воздуха стало много, слишком много, и много стало света, потому что пять свечей после кромешной темноты показались мне яркими, как полуден-йое солнце.

– Во-от!

Тот, что сорвал с меня одеяла, был невысок и плешив. Правый его глаз сверлил меня с мрачным торжеством, зато левый уплывал куда-то в сторону, к уху, я вспомнил, что мельком видел этого красавца в поселке – он сидел в трактире и пил, пил, пил…

Шпага моя осталась по другую сторону кровати – вместе с ножнами и поясом. Еще четверо мужчин – из них двое здоровенные молодые парни – уставились на меня с радостным

удивлением; я сполз с подушек и отступил к стене, машинально поправляя на себе остатки одежды.

– Кто это? – загремел Крод, оборачиваясь к белой, как простыня, Ивилине. – Кто это, любезная вдовушка? Что за человек лежит в вашей постели, что это вы тут говорили про ревнивых, вздорных…

– А-а-а! – завизжала Ивилина, тыча в меня пальцем и отступая в таком ужасе, будто увидела живого мертвеца, – А-а-а! Это он, он!

– Конечно, он, – удовлетворенно кивнул душеприказчик. – Видно, что он, а не она…

– Это убийца Рэгги! – взвизгнула Ивилина так, что у меня заложило уши. – Убийца моего мужа, я видела его там, у ручья, он… его разыскивает стража герцога! Хватайте его, он хотел убить и меня!

Замешательство длилось всего четверть секунды – но мне хватило этого времени.

Хватило, чтобы перемахнуть через кровать, подхватить шпагу, ножнами отбросить с дороги господина Крода, перепрыгнуть через подставленную ногу душеприказчика, на ходу сбить одного из парней и прыгнуть в раскрытое окно – с риском сломать шею.

Судьба издевательски улыбнулась мне – я упал на мягкое, это мягкое охнуло и осело, увлекая меня на землю и осталось там лежать, в то время как я вскочил; следующим, вставшим у меня на пороге, оказался угрюмый лакей с заранее приготовленной дубиной.

Он ударил – я увернулся. Он замахнулся еще – я поднырнул под его орудие и ударил головой под дых, отчего бедняга сразу же потерял ко мне интерес.

Залаяла спущенная с поводка собака – но я был уже на стене. Скатился по ту сторону, в ужасе оттого, что лошади может не оказаться на месте; впрочем, лошадь оказалась самым порядочным существом во всей этой истории. Она ждала меня там, где я ее оставил.

Глава четвертая

Теперь каждый стражник в городе знал, кого надлежит высматривать на улицах, и девчонки, имевшие на вид около пятнадцати лет, страдали от повышенного к себе интереса. Охранники у городских ворот клялись, что за последние два дня ни одна подозрительная девчонка из города не вышла; Танталь мрачно хмурилась, слушая эти клятвы. У Аланы хватит изобретательности выбраться из города незамеченной. Если только она не сделала этого раньше – сразу же после побега…

Танталь слишком долго верила, что сбежавшая Алана вот-вот объявится в одном из городских кабаков. Аланина выходка была отповедью на попытку ограничить ее свободу, а значит, дрянная девчонка попытается наказать отца, выбрав среди городских притонов самый скверный и стыдный; к сожалению, скоро сделалось ясно, что побег Аланы не выходка, а поступок.

Вместе с беглянкой исчезли часть ее вещей и все украшения, когда-то подаренные Алане матерью. Девчонка не собиралась устраивать из своего побега представление – она просто ушла, и, вероятно, по ту сторону забора ее ждали.

От этой мысли Танталь сделалось дурно. О том, кто мог поджидать богатенькую дуреху за воротами отчего дома, можно было строить сколько угодно предположений. Танталь не стала обсуждать их с Эгертом – но тот и сам прекрасно все понимал. Темные ямы вокруг его глаз делались все глубже.

Из города отправлены были три гонца по трем дорогам – человеку, который вернет в отчий дом пропавшую Алану Солль, назначено было значительное вознаграждение. Для опознания предъявлены были четыре бродяжки, в том числе одна десятилетняя соплюха и одна грудастая бабища. Появлялись во множестве сведения, что Алану видели там-то и там-то, причем нередко одновременно в удаленных друг от друга местах; полковник Солль ездил на опознание трупа, выловленного в реке. Вернулся изможденный, черный лицом – встретившись с ним взглядом, Танталь закусила губу и поклялась избить Алану до крови. До полусмерти, кулаками, палками, ремнем; пусть только появится. Пусть только вернется живая…

На пятые сутки Аланиного отсутствия всплыли, наконец-то, кое-какие полезные сведения. Во гостинице под названием «Храбрый шмель» некоторое время обреталась труппа бродячих комедиантов; нашлись глаза, несколько раз видавшие в их компании девушку, которая сильно смахивала на искомую дочь полковника Солля.

Труппа покинула город ранним утром – как раз в тот день, когда Алана исчезла. Хозяин гостиницы, прижатый к стенке, не мог толком сказать ни «да» ни «нет» – была ли девчонка в числе отъезжавших? Или не было? Так ведь ушли-то на рассвете, на двух повозках, комедианты, их дело темное…

Через час после получения сведений из городских ворот вылетел маленький конный отряд. Стражники спешили отыскать в паутине дорог размалеванные повозки комедиантов, а в одной из повозок – девчонку с лицом дерзкого подростка.

– Во главе отряда скакал, без нужды понукая лошадь, полковник Эгерт Солль.

* * *

Моему намерению получить все и сразу вряд ли суждено было осуществиться.

Вместо вожделенного вдовушкиного состояния я вполне мог заработать топор и плаху – причем за преступление, которого не совершал. Пять дней я бежал, спеша уйти как можно дальше от владений герцога Три-стага; на шестой день кобыла едва держалась на ногах, и мы неторопливо ковыляли рядышком – я и она.

Облетала с веток желтеющая листва, а на стерне сжатых полей поблескивали ниточки паутины. Я смотрел на все это широко раскрытыми глазами – каждый летящий за ветром листок был уходящей в небытие секундой. Неостановимое время; мы с моей кобылой брели среди подступающей осени, и, весьма вероятно, это была последняя осень в моей жизни…

Я содрогнулся и достал из-за пазухи свой календарь.

Осень… Против осенних месяцев щедрой детской рукой нарисованы были пузатые тучи с глазами, из этих глаз, круглых и томных, вроде как у коровы, ручьями лились нарисованные дожди. Что мне делать – сесть на обочину и рыдать?!

По-видимому, необходимую сумму придется собирать понемногу. Таскать в свой заброшенный замок, как пчела носит мед – по капельке, а ведь пасечник потом наполняет доверху пузатые бочонки…

Правда, на пасечника работает неутомимая прорва пчел. А я один, и, кроме меня, о драгоценном Рекотарсе ни одна скотина не позаботится…

– Пошла! – прикрикнул я на загрустившую лошадь, звонко шлепнул по вороному крупу и зашагал быстрее.

Лей, ливень, ночь напролет.

Сырость выползала из подвала, просачивалась в щели, проступала пятнами на каменных стенах; до морозов еще далеко. Стекла еще нескоро подернутся изморозью – снаружи льется вода, изнутри оседает, пар от, дыхания…

Он мерз. Обнимал плечи руками, тер голый затылок, прерывисто вздыхал. Мерз.

Три зеркала в гостиной потускнели, будто слепые глаза. Будто подернутые туманом окна; ох и густой туман. Ох и клочковатый. Ох и тяжелый, будто серый расплавленный воск…

Он провел по зеркалу тряпкой – мягкой ветошкой. Стороннему наблюдателю показалось бы, что он наконец-то взялся за уборку – стирает накопившуюся пыль…

Сторонних наблюдателей не было.

Он провел раз и еще раз; тонкая пленка, отделявшая его руку от скопившегося в глубине зеркала тумана, сделалась еще тоньше. Взялась радужными переливами, как мыльный пузырь, и спустя секунду треснула; прореха расползлась, закручиваясь трубочками по краям, и серая масса тумана получила наконец-то свободу.

Он выронил свою ветошку на пол. Ее сразу же не стало видно – тяжелые клубы растекались по полу, они казались облаками, видимыми сверху, в какой-то момент в его помутненном рассудке мелькнуло видение – он летит, раскинув руки, над плотным слоем туч, земли внизу не видно, но ведь она наверняка есть – земля…

– Амулет, – сказал он глухо.

Серый слой туч разорвался. Далеко внизу лежала, посверкивая на зеленом ковре, золотая пластинка со сложной фигурной прорезью. Он протянул руку – слой туч сомкнулся.

Он коснулся ладонью бритого лба. Не было полета, не было облаков – только зеркало, вспоротое, будто подушка, и валящие из нее клочковатые внутренности – плотный туман. Комната тонула в нем. Комната утопала.

Он поднял голову.

Серый столб, поднявшийся чуть не до самого потолка. Неясно проступившее человеческое лицо. Молодое, очень жесткое. Очень. Золотая искра, сверкнувшая и погасшая где-то на уровне груди.

Он судорожно втянул воздух – туман, попадая в легкие, перехватывал дыхание.

Из тумана слепились еще три фигуры. Три женщины. Одна поменьше, другая побольше, третья… Третья фигура – расплывчатая, смазанная, постоянно меняющая очертания, клонящаяся к земле…

Он прищурился.

Вот оно. Нити.

Все три были связаны с тем, носящим золотую искру. Напряженными нитями, такими живыми, такими цепкими, что не верилось, будто их может породить туман…

Впрочем, туман порождает лишь видимость. Тень.

В его ушах отозвалась лишь тень трех имен – но он сумел расслышать и запомнить.

И, уже теряя сознание, удовлетворенно улыбнулся.

Вот теперь он знает все.

Промозглым осенним вечером я вернулся в отчий замок, и не один. Со мной приехали оценщик, торговец недвижимостью и одышливый купец – предполагаемый покупатель.

Что мне оставалось делать?! Я был всем и делал все. Я давал уроки фехтования, играл в кости, учил молоденьких девиц хорошим манерам, выдавал себя за ученого и фокусника, волшебника и оборванца – но желанная цель в виде горы денег не приблизилась ни на волосок.

Со времени Судной ночи миновало два месяца и три недели. Со дня моего визита к Черно Да Скоро – ровно шестьдесят семь дней.

Мне было стыдно. Мне было невообразимо мерзко, но продажа замка – единственное, что приходило теперь на ум. Слуга Итер, которому я сухо сообщил о положении дел, разинул рот, всплеснул руками да так и остался стоять.

Троица разбрелась по замку, по-хозяйски осматривая комнату за комнатой, пяля глаза на фамильные портреты, не пропуская ни щели, ни уголка; у меня было такое ощущение, что меня самого щупают грязными руками. И, стиснув зубы, приходится терпеть.

Покупатель был из тех купцов, которым для полного счастья не хватает принадлежности к древнему аристократическому роду; покупатель бродил по замку, то прозрачно улыбаясь, то хмурясь, то цокая языком. Замок ему нравился – однако он, как опытный купец, прекрасно умел прятать свои истинные чувства под сло-гм показных.

– Ремонта требует строеньице, – скорбно сообщил оценщик.

– О том и говорилось, – подтвердил я угрюмо. – Ремонт – дело ваше… А только замку много сотен лет, здесь жили бароны Химециусы, а потом потомки Мага из Магов Дамира… И сам он тут жил. Стены крепкие, хоть осаду выдержат, хоть что, ров глубокий…

– Вода высохла, – вздохнул оценщик с такой грустью, будто речь шла о чьей-то иссякшей крови.

– Кстати, – обеспокоено поинтересовался купец, – а

подъемный мост можно еще привести в рабочее состояние?

Я пожал плечами. Мне вдруг страшно захотелось, чтобы сделка не состоялась. Пусть им не понравится замок. Пусть мы не сойдемся в цене.

– Я прошу за него… – я назвал сумму, затребованную Чонотаксом Оро. Купец крякнул, торговец недвижимостью пожал плечами, оценщик обеспокоенно завертел головой:

– Да вы, сударь, раза в два перебрали… Не стоит замочек таких денег. Старый-то старый, все честь честью, да только запущен больно… Тут на один ремонт…

– Как хотите, – сказал я с облегчением. – Не хотите – дело ваше…

– Вы, сударь, очевидно, находитесь в стесненных обстоятельствах? – осторожно поинтересовался купец. – Иначе зачем бы…

– Мои обстоятельства – мое дело, – гордый подбородок Рекотарсов сам собой задрался кверху. – А оценивать древнейший в округе замок с точки зрения ржавых дверных петель… – и я вскинул подбородок еще выше, хоть это, казалось, было уже невозможно.

– Молодой человек, – оценщик вздохнул. – Западная башенка обвалилась – это раз. Подъемный мост не поднимается – это два. Все левое крыло грозит обрушиться после первого хорошего дождя, а состояние каминов и печей…

– В лесах этого замка, – я поднял палец, – Маг из Магов Ламир уничтожил свирепого дракона, о чем свидетелем битвы, бароном Химециусом, была выдана специальная Грамота. За этими стенами сотни людей скрывались от недругов и от Мора. Этот замок наводил ужас на врагов, вселяя в сердца друзей трепет надежды; этот замок…

– Мы сторговались бы, – задумчиво сказал купец, поглаживая бороду так осторожно, будто она могла отвалиться.

Я осекся. Какой позор – потомку Мага из Магов расхваливать родовой замок; как товар на торгу…

А что происходит сейчас, как не торг?!

– Надеюсь, – купец пожевал губами, – что вышеназванная Грамота и прочие документы… С ними можно ознакомиться?

У меня свело скулы. Сдержав себя, я принес реликвию и даже позволил купцу взять ее в руки; впрочем, когда потянулся оценщик, я безо всякого почтения его одернул.

У купца был наметанный глаз. Ему приходилось иметь дело с документами – настоящими и фальшивыми; с содроганием в сердце я смотрел, как чужой человек изучает реликвию моей семьи на предмет подлинности…

– Маг из Магов Дамир, – купец пожевал губами. – Гм… Я заплатил бы.

Его спутники воззрились на него удивленно и радостно.

– Я заплатил бы, если бы вы чуть уступили… – названная купцом сумма была меньше той, что желал получить Черно Да Скоро, но ненамного. Оценщик хмыкнул – купец явно предлагал лишнее за приглянувшийся товар. А я думал, что все купцы скупердяи…

Будь честен перед собой, желчно сказал мне здравым смысл. Если бы ты не собирался продавать замок – зачем было тащить сюда эту троицу? Зачем вся эта унизительная процедура – чтобы в конце концов впасть в истерику и отказаться от спасительных денег? Не честь продаешь – всего лишь старое строение… И не ради каприза, а спасая собственную жизнь…

Будто опровергая доводы здравого смысла, сердце мое болезненно сжалось.

– Он еще колеблется, – проворчал торговец недвижимостью, но за ворчанием скрывалась радость – процент от сделки выходил немалый.

– По рукам? – спросил купец, видя, что я готов согласиться.

Я поднял глаза – Маг из Магов Дамир глядел на меня с портрета. Ни осуждения, ни возмущения, ни сколько-нибудь сильного чувства не было в этом взгляде; я впервые подумал, что художник был, наверное, бездарен.

– По рукам? – повторил купец. Я набрал в грудь воздуха:

– По ру…

Пламя в камине взметнулась. Столбом вытянулось в трубу, тут же распласталось, норовя вытечь из-под каминной решетки, холодный ветер прошелся по без того сырому залу, и за спинами у нас явственно послышался стон.

Купец, оценщик и торговец недвижимостью в ужасе завертели головами; я сидел неподвижно, потому что то, что увидел я, им только предстояло увидеть мгновением позднее.

Под высоким окном, забранным решеткой, стоял, сгорбившись, невысокий щуплый человек лет пятидесяти. Никто, даже будучи незнакомым с природой призраков, не отнес бы пришельца к миру живых. Человек под окном был чем-то сильно огорчен; горящие глаза его, глаза призрака, казались тем не менее беспомощными и близорукими.

– А-а-а?!

Купец, оценщик и торговец жались друг к другу. Привидение последний раз взглянуло мне в глаза, махнуло рукой, будто говоря «а, не все ли равно», прихрамывая, удалилось в дальний угол зала и там растаяло в воздухе.

Я мельком подумал, что у призрачного Судьи были совершенно другие повадки.

Прошло несколько минут в гробовой тишине, после чего купец сказал «уф», торговец громко высморкался, а оценщик пожал плечами:

– Видите ли, дорогой господин Рекотарс… Не стоило скрывать от нас наличие в замке призраков.

– Я не скрывал, – огрызнулся я внезапно осипшим голосом.

– Вы хотите сказать, что видите его впервые? – желчно поинтересовался торговец недвижимостью.

– Вот именно, – буркнул я уже раздраженно.

– Наличие призрака сильно влияет на стоимость, – задумчиво пробормотал оценщик. – В одних случаях сбивает цену, в других, наоборот, прибавляет покупке веса… Как вы думаете? – обернулся он к купцу.

Купец сидел белый как мел. Щеки его, еще недавно круглые и тугие, теперь обвисли пустыми мешками.

– А это мысль, – оживился торговец. – Если вы уж решились платить за замок завышенную цену… Видите ли, отнюдь не в каждом замке имеется призрак, и вам, можно сказать…

– Я не буду его покупать, – сказал купец глухо. Оценщик и торговец переглянулись.

– Видите ли, – мягко начал оценщик, – купить замок отдельно от призрака по нынешним временам не представляется…

– Я не буду его покупать! – купец встал. – Я вообще не буду покупать этот замок!

Послышалось ли мне злорадное хихиканье в камине?

Гости удалились – впереди решительный купец, за ним, как полы мантии, оценщик и торговец; я еще посидел в темном зале, потом спустился в подвал и мертвецки напился. До икоты.

Комедианты спешили. Размалеванные повозки сумели проделать неблизкий путь; другое дело, что скрыться, затеряться среди хуторов комедиантам никак невозможно. Все равно что свечке прятаться среди темной ночи – все, видевшие повозки хоть раз, уверенно указывали путь их продвижения. Маленький отряд, предводительствуемый Эгертом Соллем, не отдыхал.

Комедиантов настигли под вечер; повозки тянулись в гору, заходящее солнце золотило их подрагивающие бока. Испуганные люди обернулись навстречу налетевшему, как возмездие, отряду; предводитель труппы был грубо схвачен за воротник и притянут к оскаленному лицу Солля:

– Где?!

Спутники полковника уже перетряхивали повозки и

заглядывали в лица перепуганным женщинам.

Предводитель труппы облизнул пересохшие губы:

– Кого… изволите… искать?

Ошибки быть не могло – именно эта труппа с ее двумя повозками две недели без малого гостила в «Храбром шмеле». Именно этот круглолицый, внешне безобидный актеришка сманил за собой дурочку-Алану.

Эгерт обернулся к спутникам:

– Ну?!

Стражники растерянно разводили руками. Девчонки не было ни в одной из повозок, и среди пеших путников ее не было тоже.

– Где она? – бросил Солль в лицо перепуганному предводителю.

– Она ушла, – плаксиво сказала полная женщина с выразительными, как у печальной лани, глазами. – Благородный господин, помилуйте, сама ведь привязалась, нет сил… Мы ее сперва гнали – так она уперлась, как репей прицепилась. Небо свидетель, а потом, в Гнилищах, ей наскучило, мы уже не пускали, одной девчонке-то бродить… незачем… так разве удержишь, норовистая, что твоя лошадь, благородный господин, в чем мы провинились-то, ежели вы ее ищите, так в Гнилищах ищите… удрала…

Селение Гнилищи осталось далеко позади, на расстоянии дня безостановочного пути. Солль огляделся – актеры переминались с ноги на ногу, все как один растерянные и перепуганные.

Солль с трудом подавил в себе недостойное желание хлестануть кого-нибудь кнутом. Без единого слова развернул лошадь и поскакал назад.

И потому не видел взгляда, которым обменялись комедианты за его спиной.

* * *

Часы пробили девять, когда трактир стремительно начал пустеть. Добрые поселяне, еще мгновение назад степенно беседовавшие за столь же доброй выпивкой, внезапно обрели способность говорить без слов: из угла в угол заметались красноречивые взгляды, и разговоры стихли один за другим. На столах оставались недопитые кружки; староста, увлеченный, все еще рассказывал, но проходящий мимо парень тронул его за плечо и указал глазами куда-то мне за спину. Староста проследил за его взглядом – и фонтан его красноречия иссяк.

– Прощеньица прошу… Запамятовал… дельце одно…

здоровья и процветания господину Ретанаару, со смирением – прощайте…

Трактир к этому времени напоминал оставленную беженцами деревню – все вверх дном и ни живой души в округе. Староста поспешно проковылял к двери – тогда я наконец-то сподобился повернуть тяжелую, будто окованную железом голову.

В углу за моей спиной сидел Чонотакс Оро собственной персоной. Сидел, навалившись локтями на стол и опустив на сплетенные пальцы продолговатую, выбритую до блеска голову.

Жаль, что посетители трактира разбежались. Что никто, кроме трактирщика, не видел того приятельски-покровительственного взора, которым я, Ретанаар Реко-тарс, ответил на цепкий взгляд зазнавшегося мага. Собственно, так и должен смотреть уверенный в себе властитель на колдунишку, обитающего в его землях…

– Привет, Ретано, – сказал Черно Да Скоро, не поднимаясь из-за своего стола. – Достал деньги?

Теперь я должен был либо продолжать разговор через весь опустевший обеденный зал – либо встать и подойти к мерзавцу-Черно. Как мальчик.

– Достану – тебе сообщу, – отозвался я прохладно. И отвернулся, давая тем самым понять, что разговор окончен; но неужели господин маг зашел в деревенский трактир затем только, чтобы пропустить стаканчик вина?!

– У меня к тебе дело, Ретано, – громко сказал Черно за моей спиной.

– Поговорим?

Сердце мое пропустило один удар.

Не то чтобы я успел к тому времени отчаяться. Не то чтобы я сдался. Я не так просто отчаиваюсь, и уж, конечно, не сдаюсь. До назначенного Судьей срока оставалось еще девять месяцев, и я был уверен, что что-нибудь придумаю – но неудача, особенно крупная, отнимает силы, а в последнее время неудачи преследовали меня по пятам. Вот почему небрежное приглашение Черно заставило меня так болезненно встрепенуться.

«Послужи»…

Наверняка он вернется к прежнему разговору. Более того, назначая за мое освобождение неимоверную цену, он заранее знал, что разговор состоится снова…

Некоторое время я занимался только тем, что скрывал от посторонних глаз свои чувства. Черно Да Скоро ожидал – не отрывая подбородка от сплетенных пальцев, не сводя с меня насмешливого взгляда.

– Поговорим, – сказал я наконец. – Здесь? Последний вопрос

должен был означать, что я не боюсь чужих ушей. То есть я их, конечно, еще как боялся – но выказывать этот страх перед Черно не собирался ни в коей мере.

Самоуверенный маг прекрасно понимал, что я блефую. Тонкие губы его растянулись, обозначая усмешку:

– Не здесь, не бойся. Разговор будет долгий… У меня.

Очень скоро обнаружилось, что в темное время суток в огромном доме Чонотакса Оро не горит ни один огонек. Ни свечечки; первый раз я споткнулся уже на пороге. Черно Да Скоро как ни в чем не бывало отпер дверь, легко, ничего не касаясь, прошествовал в глубину коридора и двинулся вверх по лестнице. Он видел в темноте – и снова демонстрировал свою силу и превосходство над прочими смертными. Я брел следом, то и дело спотыкаясь, задевая, опрокидывая, ударяясь локтями; кажется, сам дом в угоду хозяину подставлял мне ножки.

– Сюда.

Слабый порыв воздуха сообщил мне, что передо мной открылась дверь.

– Ты бы свечку зажег, – сказал я зло. – Гостя привел все-таки, любитель дешевых эффектов…

Я ждал, что он оскорбится, ждал ответной колючей насмешки – но после короткой паузы Черно отозвался вполне миролюбиво:

– Ты извини, я не держу свечей. Ни свечей, ни каминов. Не люблю огня.

И отдернул тяжелую штору, впуская в комнату слабый свет переполовиненой луны. Мир вокруг меня обрел очертания – стол, два кресла, матовый отблеск на голом черепе Черно Да Скоро и корешки книг на полках вдоль стен. Никаких излишеств. Никаких декораций, уместных в жилище мага.

– Садись, – Черно указал мне на одно из кресел, и на этот раз подвоха не случилось. Удобное сооружение с высокой спинкой сооружено было для того, чтобы на нем сидели, а не для насмешек над незадачливыми визитерами.

Две встречи было у нас в этом доме. Первая – в режущем глаза свете. Вторая – в темноте…

– А зимой? – спросил я машинально. – Как зимой без огня?

– Холодно, – отозвался Черно опять-таки после паузы, и я почувствовал что-то вроде смущения. Как будто мой вопрос был неприличен.

В огромном темном доме было тихо. По-видимому, здесь не водилось даже мышей.

– Слуг не держишь? – я сознавал некоторую бестактность расспросов, но почему-то не мог остановиться.

– Нет.

А что он, интересно, ест? Без огня-то? Сырое мясо?! Мне на секунду стало страшно. На одну только секунду – как будто Черно Да Скоро свирепый людоед, заманивший меня в темный дом, откуда и криков-то слышно не будет…

– Не бойся, – устало сказал Черно.

Страх мой тут же растаял под напором ярости:

– Ты что, умом рехнулся? Кто боится, я?!

– Не ори, – попросил он все так же устало. Сел в кресло напротив, тут же оперся локтями о колени и уронил подбородок на руки. Мне не видать было его лица – только череп поблескивал, будто еще одна, тусклая, комнатная луна.

– Сколько тебе осталось, Ретано? Девять месяцев и три дня?

Я криво усмехнулся. Мне почему-то не понравилось, что он так точно помнит сроки. «Сколько тебе осталось» – так спрашивают смертельно больных о предполагаемой дате кончины…

– Девять месяцев, – задумчиво повторил господин маг. – Будешь еще барахтаться?

Эта фраза не понравилась мне еще больше. А главное, тон, каким она была произнесена. Словом «барах-таться» обозначалось действие мелкое, суетливое и, что интересно, совершенно безнадежное.

– Ты искал других магов, Ретано? Я сжал зубы. Вопрос был задан небрежно – но под ним скрывался крупный подтекст.

– А почему я не мог этого делать? – голос мой, кажется, прозвучал вполне невозмутимо. – Разве я давал обещание не обращаться ни к кому, кроме тебя? Ты просто первый подвернулся мне под руку…

Я желал поставить самоуверенного Черно на место. Низвести до орудия, выполняющего мой заказ.

И еще я хотел скрыть неуверенность. Потому что я действительно искал других магов, более покладистых… или менее корыстолюбивых. И оказалось, что людская молва, населяющая могущественными колдунами чуть ли не каждый хутор – что эта молва бессовестно лжет. Господ магов не так много, как о том говорят. А более-менее могущественных и того меньше; я две недели потратил на то, чтобы вычислить некого мощного волшебника, на которого мне указали, не сговариваясь, две деревенские колдуньи. Какова же была моя горечь, когда после всех поисков выяснилось, что означенный маг живет на земле Рекотарсов и имя ему – Чоно Таксоро или что-то в этом духе…

– Девять месяцев, – сказал я с усмешкой. – Девять месяцев – большой срок, за это время можно ребенка выносить, не то что…

– Не обманывай себя, – с коротким вздохом оборвал меня Черно. – Никакой ребенок просто так не родится. Я первый подвернулся тебе под руку – но кроме меня тебе никто не поможет. Никто.

Стало тихо. То есть совершенно тихо – ни сверчка, ни дуновения ветра, ни мышиной возни. Мертво.

– Ну и что же? – спросил я через силу.

– А я могу тебе помочь.

– Ты за этим меня позвал? Или я тряпочка, чтобы впитывать потоки твоего тщеславия?

Он молчал, а потому я в раздражении добавил:

– Знаешь что, стань перед зеркалом, вертись и приговаривай: я самый могучий волшебник… Я самый могучий волшебник… А меня оставь в покое. Мне нужно время, чтобы заработать для тебя эти поганые деньги…

Я хотел добавить «чтоб ты ими подавился», но в последний момент удержался. Не на базаре.

– Мне не нужны деньги, – сказал Черно Да Скоро. Я поморщился. Я знал, что ему надо.

– Мне не нужны деньги, – повторил он печально. – Собственно, у меня и так все есть… из того, что можно купить за золото. Хотя эта грань… между «покупается» и «не покупается», она такая зыбкая… Неуловимая…

Я по-прежнему не видел его лица.

– Я не так тщеславен, как тебе кажется, Ретано… Все вещи на земле имеют свою цену. И даже те, что не покупаются, имеют цену тоже. Я не «любитель дешевых эффектов», тут ты не прав.

Мне стало неловко. Голос Чонотакса звучал ровно, без нажима, но за ним скрывалась усталая, полная достоинства обида.

Поразительный народ эти маги, подумал я с удивлением. Или мне только померещилось, что он непробиваем, непоколебим, как лягушка? Или я ухитрился-таки его уязвить?

– Неправ так неправ, – сказал я примирительно.

Некоторое время мы молчали.

Интересно, он живет без огня вообще? Никогда не греется у камина? Никогда не отдыхает у костра?

В полном одиночестве, избегая даже слуг. В компании одной только вороны…

– Я не хотел тебя обидеть, – пробормотал я извиняющимся тоном.

Его глаза блеснули в темноте – кажется, насмешливо.

– Я помогу тебе, Ретано… Но и ты помоги мне тоже. Не служба, ладно, я неудачно выразился вначале, из-за этого все

пошло наперекосяк… Не служба. Услуга за услугу. Это твоим принципам не противоречит?

Я опустил глаза. В последнем вопросе прозвучала неприкрытая издевка.

– В неком городе, – непринужденно продолжал Черно, – живет некое благородное семейство, я хочу, чтобы юная наследница этой семьи стала тебе женой.

– Только и всего? – спросил я после паузы. Он мигнул. Не знаю, мигают ли совы – но Чонотакс в эту минуту был вылитая сова, я не удивился бы, если бы он заухал.

– Странные вы люди, – пробормотал он себе под нос. – Что можно наследнику Рекотарсов, чего нельзя наследнику Рекотарсов… Ты ведь и сам хотел жениться, ради презренных денег, на вдове…

Меня передернуло.

– Может тебе нужно время на размышление? – поинтересовался он заботливо. – День, два, неделя? Ведь у тебя в распоряжении еще девять месяцев, и ты мог бы…

– Зачем тебе? – спросил я глухо. – Зачем тебе такая… услуга?

– Очень просто, – он потянулся, не размыкая сплетенных пальцев. – В качестве приданого потребуешь книжку, написанную дедом этой девочки, называется «О магах»… Копию, разумеется, копию, подлинник они не отдадут… Привезешь в свой замок, благо он еще не продан, девочка будет тебе, книжка – мне, в качестве платы… И вместо девяти месяцев жизни у тебя впереди окажется целая вечность. Годы и годы, Ретано, почти бессмертие…

– Ты же сам маг, что тебе стоит добыть какую-то книжку?

Он поднялся. Только что потягивался, как кот, и вдруг оказался стоящим у окна, черный силуэт на черном фоне, и матовый отблеск луны на голом черепе.

– А вот это уже не твоя забота, Ретано. Сделаешь или нет? Или будешь деньги искать? Или будешь за другими магами бегать, чтобы за день до срока, когда по всем статьям будет поздно, прискакать ко мне с круглыми глазами? А?

Я потянулся рукой к груди. Отнюдь не для того, чтобы помассировать слабое сердце – а затем только, чтобы коснуться деревянного календаря, хранимого за пазухой, календаря, где каждый прожитый день аккуратно вычеркнут тонкой иголкой.

– Когда жизнь длинна – и жена сгодится, – афористически заметил Черно.

И я увидел, что он улыбается. Двумя белыми рядами блестящих здоровых зубов.

Утром следующего дня я тронулся в путь. Бессонная ночь

глухо отдавалась в затылке – но медлить я не хотел. Отосплюсь по дороге.

Подпрыгивал в такт лошадиным шагам мой наполовину пустой дорожный сундучок. Укоризненно смотрел в спину замок Рекотарсов, который я едва не продал, в котором оставались теперь за хозяев постаревший сгорбленный Итер, да еще призрак с близорукими глазами, щуплый призрак, неизвестно чей, потому что в роду Рекотарсов все были выше среднего роста и на зрение никогда не жаловались…

И все же я уезжал с легким сердцем.

Почти бессмертие. Жизнь длинна.

Глава пятая

Раньше мне не случалось иметь общих дел с магами. Заверения Черно о том, что он будет посильно содействовать мне в дороге, не вызвали у меня особого доверия – однако дни шли за днями, кобыла не только не уставала, но, кажется, молодела и хорошела на глазах, погода стояла великолепная, а постоялые дворы попадались дешевые, сытные и без клопов. Мало-помалу я вошел во вкус – путешествия с магической помощью представлялись мне чем-то вроде увеселительных прогулок, и потому, когда примерно на половине пути с неба обрушился вдруг сплошной холодный ливень, я испытал едва ли не обиду.

Или Черно забыл, какие в этих местах дороги? Или он думает, что моя кобыла умеет плавать в раскисшей глине?

Я крепко застрял на постоялом дворе. То есть я думал, что крепко застрял, но на другой же день хозяин взвинтил цены, кухарка подала на ужин тухлое мясо, а из жесткого матраса толпами полезли скверные твари. Такое впечатление, что Черно решил разом отплатить мне за былое везение; истратив весь запас ругательств, проведя бессонную ночь и напоив своей кровью полсотни разнообразных насекомых, я выехал на рассвете.

Дождь прекратился.

Я уверенно направился туда, где, согласно расспросам, лежала цель моего путешествия – дождь зарядил снова, да такой, что мы с лошадью моментально превратились в два мокрых, холодных, заляпанных грязью мешка. Я проклял обманщика-Черно и повернул лошадь вспять; тучи тут же рассеялись, как тараканы с наступлением утра.

Только тогда я заподозрил неладное, и перебрав в памяти инструкции Черно, вспомнил о его подарочке, замшевом мешочке: в нем, как в футляре, полагалось везти обратно приданое моей невесты, книгу «О магах». Мягкие бока мешочка вышиты были черным бисером – безо всякого узора и рисунка; господин компаньон велел мне время от времени любоваться вышивкой, и первые дни путешествия я так и делал, но потом – поскольку я не дама и рукоделий не ценю – забыл, запамятовал, отвлекся…

Господину компаньону, будь он неладен, пришлось напомнить.

Прямо среди чиста поля я перерыл свой сундук в поисках заветной вещицы; мешочек лежал на самом дне, в углу, хотя я прекрасно помнил, что укладывал его под крышку. Мешочек посверкивал бисером; там, где раньше мне виделись просто

россыпи черных точек, теперь явственно просматривался вышитый на замше глаз. И я сразу понял, чей – узкий, пристальный, малость сумасшедший. А ведь прежде – я готов был поклясться – никакого глаза здесь не было.

Мы стояли посреди дороги – я и лошадь. Вдалеке виднелось селение с ненавистным постоялым двором, и как-то сразу обнаружилось, что вокруг глубокая осень, отдаленный лес стоит голый, как шлюха, поля сжаты, а дорога покрыта лужами. Налетел холодный ветер – и спасибо ему, должен же я был оправдаться перед собой за те малодушные холодные мурашки, что прошлись по моей спине от первого прикосновения Чонотаксова волшебства…

Знак понуждал меня изменить направление. По непонятным причинам Черно Да Скоро пересмотрел свои планы, и теперь я должен был ехать в сторону, недвусмысленно указанную резкой сменой погоды.

Кто сказал, что без господ магов этот мир скучен?! Я предпочел бы благородную скуку сомнительному развлечению быть флюгером. Флажком на карте господина Чонотакса…

Я влез в седло и пустил лошадь вслед за лоскутком синего неба.

Вслед за уходящим солнцем; скрипя зубами, я ехал туда, где желал меня видеть непредсказуемый господин маг.

Я нагнал их на следующий день.

Две сытые лошади тянули две повозки; бока их – повозок, а не лошадей – разрисованы были смеющимися и рыдающими лицами, черепами, картами, молниями и прочими знаками судьбы. Комедианты выглядели хуже – усталые и пропылившиеся, они шагали рядом с повозками, не решаясь, как видно, утруждать лошадей своим тощим весом. Их было шестеро – трое мужчин, красивая женщина в добротном плаще, молодая горбунья с подведенными глазами и девчонка лет пятнадцати, В рваном платье С Чужого плеча, странно, припадающая на обе ноги.

Я обогнал их на длинном подъеме. По мне скользнули один за другим шесть взглядов. Предводитель труппы – круглолицый малый с косматыми бровями – смотрел хмуро и неприветливо, пара его спутников – равнодушно, красавица привычно улыбнулась, горбунья часто замигала, а девчонка…

Собственно, девчонка смотрела на меня дважды. Сперва коротко – мгновение, я успел разглядеть только, что один глаз у нее утопает в сини кровоподтека. Потом, уже опередив неспешно бредущую труппу, я поймал второй ее взгляд – и мне сделалось жарко.

Она умоляла. Я не понял, о чем – но взгляд был отчаянный,

как будто она тонула в колодце, но кричать не могла, а могла только смотреть…

Я придержал лошадь и спросил как мог приветливо:

– Куда путь держите, добрые комедианты? Предводитель нахмурился еще больше, двое парней удивленно на меня воззрились, красавица заулыбалась живее, горбунья вздохнула. Девчонка смотрела вниз – в серую дорожную пыль.

– Люблю театр, – соврал я ласковым голосом.

– А вы приходите на представление, – не менее ласково пригласила женщина. – Окажите милость, благородный господин, как до ярмарки дойдем – так и сыграем…

– А далеко ярмарка? – поинтересовался я живо.

– Там… – женщина неопределенно махнула рукой. Мужчины переглянулись; один был здоровенный детина с лицом сельского дурачка, в жилах другого явно имелась примесь аристократической крови, он был, вероятно, бастард, не прижившийся в замке распутного батюшки…

Я посмотрел на девчонку.

Если бы она подняла взгляд хоть на минуту, если бы повторила свою беззвучную просьбу – кто знает, как сложилась бы дальше эта встреча на дороге.

Но она смотрела в пыль. Я засомневался.

Мало ли какие беды могут постигнуть девчонку, приставшую к комедиантам? В особенности если ее руки белы, пальцы тонки, а светлые всклокоченные волосы знавали лучшие времена. Кто знает, не повторяет ли она судьбу вот этого молодого бастарда – рожденная для лучшей доли, но получившая от судьбы дорогу, повозки, холодный осенний ветер…

– Приду поглядеть, – пообещал я вежливо. Развернул лошадь и поскакал вперед.

* * *

Эгерт вернулся черный, как головешка, с растрескавшимися на ветру губами, измученный и постаревший. Он надеялся, что Танталь выбежит навстречу и через всю улицу закричит, что Алана давно дома; его надежда угасла при первом же взгляде на ее лицо, но он все-таки спросил, сам не зная зачем:

– Нет?

– Нет.

Было холодно. По дому бродили сквозняки. Старая нянька вот уже неделю не поднималась с постели.

Эгерт обыскал селение Гнилищи. И все близлежащие хутора;

в камине трещал огонь, Танталь сидела рядом, сгорбленная, не похожая на себя, на ее лице медной маской лежал отсвет пламени, Эгерту смутно вспомнились другой камин и другой огонь, и другая женщина, и теплое огненное море, на дне которого он впервые коснулся своей жены, тогда девушки, Тории, неизменно прекрасной…

– Надо Тории сказать, – негромко пробормотала Танталь.

Эгерт, не глядя, покачал головой.

Ярмарка действительно имелась, и совсем неподалеку – на дороге как-то сразу сделалось людно, окрестные жители щеголяли праздничной одежкой, особенно меня поразила одна хозяюшка, восседающая на верхушке высоченной пирамиды из мешков. Рискуя свалиться – а телега то и дело ныряла колесом в дорожные выбоины – молодка как бы невзначай поддергивала цветастый подол, выставляя на всеобщее обозрение новые сапоги, желтые, как дыня, до блеска смазанные жиром. Носик гордячки, и без того вздернутый, задирался тем временем на совсем уж немыслимые высоты. Ей казалось, что сапоги сверкают, затмевая своим блеском всю ярмарку, да заодно и солнце.

Торги тянулись не первый день – вокруг запруженной людьми площади успели подняться горы хлама и отбросов. Бродячие псы разжирели настолько, что допускали до поживы хозяйских кошек, чистых и ухоженных, но неудержимо стремящихся вкусить порока среди мусорных куч. Я поморщился, мой нос был слишком нежен для богатой запахами свалки.

Вероятно, следовало ехать дальше – однако в стороне от площади стояла гостиница, каменная, непривычно добротная для простого селения, и мне до зуда в коже захотелось горячей воды, мягкой перины и спокойного ночлега.

Я остался.

Ночь мне отравили собаки, устроившие под самым моим окном сперва оргию, а потом побоище. Утром я высчитал пять монет из платы за комнату – на покрытие морального ущерба; хозяин возмутился было – но я одним взглядом отбил у него охоту спорить. Пусть лучше приструнит собственных псов.

Не отдохнувший, но вполне довольный собой, я собрался продолжать свой путь, и, между прочим, объехать при этом ярмарочную площадь десятой дорогой. Намерению моему не суждено было сбыться – даже за три переулка от торгующего улья слышны были совместные усилия глухого барабана и визгливой дудки.

– Комедианты! Комедианты!

Ловкий мальчонка стянул булку из корзины зазевавшейся

матроны, любительницы искусства.

– Комедианты! Аида, комедианты!

Некоторое время я раздумывал. Потом любопытство взяло верх; не сходя с лошади, начальственно покрикивая на заступивших дорогу зевак, я двинулся на площадь, туда, где пестрели размалеванными боками уже знакомые мне повозки.

Комедианты лупили друг друга тряпичными дубинками. Тот, которого я принял за бастарда, плясал, изображая марионетку, и здорово плясал, и лицо его оставалось при это неподвижным и отрешенным, как и подобает кукле. Горбунья пищала тоненьким голоском, потешая публику, а красавица томно прохаживалась, выставив перед собой груди, будто бушприт. Девчонки не было нигде.

Моя лошадь не желала стоять спокойно, ее раздражала толпа, ей мешало визжание дудки; сам не зная почему, я не спешил уезжать. Небрежно успокаивал кобылу-и смотрел. Чего-то ждал.

Детина с лицом деревенского дурачка прошелся по кругу с глиняной тарелкой. Платили не щедро, но и не скупо, я видел, как предводитель труппы по-хозяйски ссыпал денежки в кожаный мешок у себя на поясе. Куда, пес побери, они девали девчонку?! Я соскочил с седла. Толпа раздавалась, освобождая дорогу, мне не пришлось даже пускать в ход локти; через минуту я смог привязать лошадь к деревянным ступенькам одной из повозок. … Она была здесь.

Моим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к полумраку, и потому в первую секунду мне показалось, что на щелястом полу лежит мешок. А потом мешок пошевелился и блеснул в темноте белками, и я увидел, что девчонка лежит на боку, заведя руки за спину, и что рот у нее завязан.

Странно, но я не удивился. Как будто любой повозке у любых комедиантов можно при желании отыскать человека, связанного, как колбаса. Как жертва лесных разбойников…

– Интересная пьеса, – сказал я скорее себе, нежели девчонке.

Она еле слышно втянула в себя воздух. Снаружи хохотала довольная жизнью толпа.

Народ, явившийся в тот день полюбоваться представлением, получил в итоге зрелище куда более интересное. Случилась драка; странное наитие руководило мною: отражая сильные, но бестолковые удары наседающей на меня троицы, я ухитрялся еще и играть на публику – охать, ахать и корчить рожи, и большая часть зрителей убеждена была, что вся эта схватка – хитрый комедиантский ход…

По-настоящему скверный момент был только однажды –

когда красавица подобралась ко мне сзади и огрела чем-то тяжелым по голове. Я ухитрился не потерять сознания, но боль все равно была жуткая, доски под ногами встали дыбом, и я почти сразу обнаружил себя лежащим на брюхе, и увалень успел дважды ткнуть меня ногой в ребра, довольно чувствительно, а потом я понял, что у бастарда в руке нож.

Как я смог увернуться – знают только заляпанные кровью доски. Бастард бил натихую, так, чтобы со стороны все выглядело как мой внезапный обморок; я перехватил руку с ножом и выставил ее на всеобщее обозрение, а потом дотянулся ногой до бастардова тощего живота. Публика к тому времени сообразила уже, что комедия плавно переходит в мордобой, и рассортировалась сообразно вкусам: матери поспешно уводили детей, азартные драчуны подзадоривали попеременно меня и комедиантов, а наиболее пугливые кинулись за стражей – разнимать.

Комедиантам стража была без надобности; в какой-то момент я обнаружил, что стою на подмостках один, аплодисментов не слышно, зато в задних зрительских рядах поблескивают шлемы местных блюстителей порядка. Голова болела немилосердно; кобыла, честь ей и хвала, не сорвалась с привязи, не перепугалась и не впала в истерику, и у меня появилась возможность втащить девчонку в седло, что я, собственно, и сделал, и хорошо, что стражники нас не догнали – воображаю, что именно наговорили обо мне комедианты…

Хотя комедиантам как-то не принято верить. В детстве я обожал истории о рыцарях, которые спасали принцесс. Спасали от драконов, железных великанов, в крайнем случае от людоедов – от комедиантов не спасали никогда, потому что это уже не трагедия, а фарс. Принцесса, взятая в плен шайкой злобных паяцев!

И, конечно же, в тех давних историях никогда не описывался обратный путь спасителя и спасенной. Которую надо везти в седле, чем-то кормить и как-то устраивать на ночлег, и как-то приводить в чувство, потому что, комедианты, как выяснилось, бывают хуже людоеда…

Да и принцесса поначалу вела себя странно. Она не плакала у меня на груди и не рассказывала свою печальную историю. Она не обещала золотых гор, которые отвалит мне в благодарность ее заботливый папаша – она не назвала даже своего имени. Она только сообщила сквозь зубы, куда ее следует отвезти. И все; раздосадованный, с шишкой на темени и синяками по всему телу, я потащил ее по направлению к отчему дому.

И только на половине пути меня наконец осенило. Я понял,

кого, куда и зачем везу. Черно Да Скоро не зря поливал меня осенним дождичком, подсказывая дорогу. Таких совпадений не бывает; господин маг вел меня за ручку, и девчонка, ради которой я получил тяжелым предметом по башке – почти наверняка та самая, которая предназначена мне в жены.

Впервые в жизни моя судьба оказалась в чужих руках. Я увидел себя марионеткой, куклой на длинных ниточках Черно Да Скоро, и осознание это не принесло мне радости.

Будто почувствовав перемену в моем настроении, Алана наконец-то раскололась. Оцепенение, владевшее ею с момента памятной драки на подмостках, сползло с нее, обнажая с трудом удерживаемую истерику.

…Да, ее зовут Алана Солль. Она удрала из дому, чтобы «покататься с комедиантами». Поначалу друзья-приятели обходились с ней почтительно, но по мере удаления от отчего дома, по мере того, как девочка из благородной семьи превращалась в бродяжку, мир вокруг нее менялся тоже – комедианты возомнили, что она им ровня, а у нее уже не было возможности доказать обратное. А после того, как она предприняла попытку бегства, начался кошмар…

Вряд ли она знала, что такое «раскаяние». Она пребывала в шоке – но дать какую-либо оценку своим похождениям попросту не приходило ей в голову. Зато я – теперь не столько благородный спаситель, сколько будущий муж! – просто обязан был сцепить зубы и воспользоваться ее истерикой, чтобы выяснить немаловажные для себя вещи.

Да, ее били. Заставляли делать черную работу, насмехались; запирали, связывали, не отпускали ни на шаг, плохо кормили. Несколько раз опаивали какой-то снотворной дрянью и прятали в сундук под кучу хлама – по обрывкам разговоров она поняла, что ее ищут и что комедианты боятся. В отчаянии она предприняла еще одну попытку побега – с тех пор ее таскали чуть не на веревке…

Я заставил себя продолжать дознание – ведь, опомнившись, она наверняка перестанет быть откровенной. И я как мог мягко задал ей вопрос, который в других обстоятельствах ни за что бы не сорвался с моего языка – и по реакции ее с облегчением понял, что нет. Обошлось.То есть ее склоняли к сожительству, и не раз – сперва все подряд, включая горбунью, а потом предводитель дал своей банде понять, что претендует на девчонку единолично. И однажды ночью – как раз накануне моего появления – приступил к делу всерьез. Алана, вне себя от ужаса и от ярости, ненадолго превратилась в бешеную кошку; звать помощников мерзавец постеснялся и сорвал свою злость, избив девчонку чуть не до

полусмерти.

Затем случилась встреча на дороге – комедианты смутились, им очень не понравился мой к ним интерес. Алана прожила ночь в страхе и ожидании – а на следующий день, когда ее связали, как животное, и бросили на пол повозки – на следующий день явился я, и мое появление было, как гром…

На этом месте ее рассказа я почти простил Черно Да Скоро его роль кукловода. Что с того, что освобождение Аланы случилось по воле господина мага? А если бы я не отбил ее? Страшно представить, как сложилась бы ее дальнейшая судьба… Ни одной девчонке, даже самой взбалмошеной, я не пожелал бы столь прямолинейного урока.

Она глотала слова вперемешку со слезами, и я видел, что она не врет. Я одновременно радовался и сожалел – радовался, что глупую девчонку хоть в чем-то пощадила судьба, и сожалел, что комедианты ушли живыми. Впрочем… я был близок к тому, чтобы развернуть лошадь. И ринуться за комедиантами вдогонку, и не будь я Рекотарс, если бы я не догнал их. Догнал и…

Я оборвал помыслы о возмездии. Время было успокоить девчонку – и, не без труда переключив ее на другое, я узнал много интересного.

Ее дед был великий маг. Ее отец был легендарный полковник Солль, о котором я даже что-то когда-то слышал; ее старший братец пропал десять лет назад, и, начиная рассказывать о нем, она всякий раз запиналась и снова давала волю слезам.

Тогда, чтобы высушить эти слезы, я заговорил о Маге из Магов Дамире. О драконе, опустошавшем окрестности замка Химециусов, о копье, пронзившем чудовище, и о давних временах, когда драконов было пруд пруди, но зато господа маги никогда не бывали корыстны. Все знают, что подвиг по убиению дракона славный Дамир совершил бесплатно, безвозмездно, и прекрасная дочь Химециуса отдала ему руку не в награду – а повинуясь велению сердца…

Алана очень скоро забыла, как рыдают, и слушала, разинув рот. В коридоре гостиницы ругались слуги, под окном бранились коты, в отдалении кто-то колотил молотком о жесть – в нашей маленькой комнатушке было тихо, горел камин и посверкивала глазами тощая девчонка, которой в эту минуту нельзя было дать больше тринадцати. Или мне придется жениться на ребенке?!

Да, она была ребенок, и достаточно скверный – одна эта выходка с побегом из дому говорила о многом.

Она была моя невеста. Одной неотвратимости этого факта хватило бы, чтобы вызвать у меня зубную боль.

Дверь открыл мрачный слуга; его неопределенного цвета

глаза остановились на моем лице, помрачнели еще больше – и вдруг округлились, как блюдца, обнаружив у меня за спиной притихшую Алану.

– Ох… Госпожа!! Госпожа Танталь, сюда!!

Слуга вопил и держался за сердце. Алана крепко взяла меня за локоть – чего доброго, мне придется еще и отбивать ее от домашних строгостей, спасать от праведного ремня…

Откуда-то выскочила румяная девушка – горничная – и тоже завопила, всплескивая руками, как курица. Весь дом потрясенно орал – когда сверху, с высокой лестницы, бесшумно слетела женщина в темном платье, с выразительным, не особенно красивым, но очень запоминающимся лицом.

Первый взгляд – на меня, второй – на Алану, да такой, что девчонка за моей спиной съежилась. Вот это особа, надо сказать. Ураган, а не дамочка. Сестра?..

– Привет, Танталь, – хрипло сказала Алана, не выпуская моего локтя.

– Это господин Ретанаар Рекотарс.

– Очень приятно, – сообщила дамочка ровно, как будто негодница-Алана каждый вторник возвращается из странствий, ведомая незнакомым мужчиной. И добавила, обернувшись к слугам:

– Клов, беги за господином Эгертом. Дюла, приготовь горячей воды… Вы, господин Рекотарс, – я вздрогнул, с таким странным выражением она произнесла мое имя, – будьте добры, входите.

Я счел своим долгом расписать страдания Аланы таким образом, чтобы никому не пришло в голову дополнительно ее наказывать. Это оказалось нелишним – потому что маленькая дурочка, гордо замкнувшись, отказалась что-либо объяснять домашним. То была совершенно истерическая гордость; я все вертел головой в ожидании, что вот-вот из дальних комнат появится мать Аланы, уж матери-то грех не поплакаться, кто-кто, а мать должна была немедленно узнать обо всем и все простить. Но Аланина матушка не спешила навстречу блудной дочери, и, хоть это здорово меня смутило, расспрашивать я не стал. Что-то удержало; не тот это был случай, чтобы проявлять любопытство.

Потом явился мой будущий тесть.

Сперва я увидел силуэт в дверном проеме и решил было, что господин Солль молод; потом он шагнул вперед, я разглядел его лицо и понял свою ошибку. Отец Аланы был почти полностью сед, лицо его, когда-то красивое, теперь носило на себе решетку жестких волевых морщин. Я уже уверился в том, что господин Солль стар – но тут он взлетел по лестнице, шагая через две ступеньки; слуга, прибывший вместе с ним, все еще стоял внизу,

тяжело дышал и держался за сердце – дыхание же господина Солля не сбилось ни на йоту.

Алана вздернула нос.

В этот момент мне самому захотелось дать ей подзатыльник.

После всего, что было, после всего, что пережили ее родичи – демонстрировать спесь?!

Полковник Солль шагнул к дочери с таким выражением лица, что я не удивился бы, если б он залепил ей пощечину; вместо этого он попросту обнял ее и привлек к себе. Девчонка мгновенно растаяла, будто масло на солнышке, и своим чередом пошли слезы, сопли и естественные в таких случаях слова.

Я перевел дыхание. Вот это было уже вполне по-человечески; вряд ли дело дойдет до ремня – а если и дойдет, то, по крайней мере, на трезвую голову.

Сознавая, что семейные сцены не терпят свидетелей, я потихоньку убрался в какой-то темный уголок. Там меня нашла заплаканная старушка, и нашла, оказывается, затем, чтобы поцеловать руку.

– Спаси вас Небо… Как вы нашу девочку спасли…

Старушка оказалась Аланиной нянькой.

Дом Соллей лихорадило до поздней ночи; около полуночи, когда спасенная Алана почивала на мягких подушках родительского дома, в гостиной состоялся маленький совет.

Полковник Солль был, по-видимому, незаурядным командиром. В самой его манере говорить скользила неуловимая властность, и это при том, что говорил он негромко, мягко, иногда с улыбкой; женщина, которую звали Танталь, больше молчала, и я постоянно чувствовал на себе ее изучающий взгляд.

Я рассказал им первую порцию того, что им следовало знать – о себе, покинувшем родовой замок ради познавательных странствий, и о комедиантах, не брезгующих самыми грязными делишками. Шишка на темени до сих пор давала о себе знать, а потому, увлекшись, я сообщил все, что думал о комедиантах вообще: о разврате и непристойности, творящихся под размалеванными пологами, о кривляний и пошлости, царящих на подмостках, и о шутовстве, в которое комедианты добровольно превращают свою жизнь.

– Не станем брать во внимание слухи, – я презрительно улыбался, – что комедианты-де воруют детей и делают из них попрошаек, что комедианты приторговывают людьми… Хотя, надо сказать, после истории с Аланой я готов поверить во что угодно. Человеческие отбросы, скитающиеся без приюта и зарабатывающие на жизнь столь низким ремеслом, способны и не на такое…

Мои собеседники слушали внимательно: Солль – с непроницаемым лицом, Танталь – со все возрастающим странным выражением, которого я, к досаде своей, никак не мог разгадать.

– Господин Рекотарс сделал для нашей семьи так много, что мы не знаем, как его отблагодарить, – сказал Солль, когда мой рассказ о злодеях-комедиантах выдохся. – Может быть, вы подскажете? Чем-то мы можем быть для вас полезными?

Он тактично не говорил о деньгах; возможно, никого бы не удивило, если бы храбрый рыцарь Рекотарс потупился в платочек и скромно попросил пару тысяч золотых – покрыть расходы…

А вот Черно Да Скоро на моем месте и глаз бы не потупил. Гоните, мол, монету, все в мире стоит денег, даже то, что не продается…

Воспоминание о Черно оказалось даже неприятнее, чем я ожидал. В конце концов, то, что я намерен потребовать у этих людей, нельзя положить на весы, как мешок с золотыми…

Некоторое время я колебался: сказать сейчас? Пока они во власти радостного потрясения, пока они согласны на все?

А на все ли? Глядя на полковника Солля, трудно предположить, что он не умеет отказывать… И эта Танталь – ну что она так не меня смотрит?!

Я поерзал в деревянном кресле.

– Господа… Я сделал это потому, что иначе поступить не мог, и будь на месте Аланы бедная сирота… – тут я запнулся, потому что речь съезжала на патетическую дорожку, а моим собеседникам патетика была ни к чему. – Господа, я сделал то, что сделал, не будем об этом, все хорошо, что хорошо кончается… Единственное, о чем я смел бы вас попросить, – я обворожительно улыбнулся в ответ на настороженный взгляд Танталь, – это приют, потому что сейчас уже поздно, а я не знаю ни города, ни здешних гостиниц…

– Комната для вас давно готова, – сообщил Солль удивленно.

Я поклонился.

Госпоже Тории так никто и не сказал, в какой переделке побывала ее дочь; утром Алана нашла в себе силы явиться в комнату матери с приветствием и удержать при этом слезы. Госпоже Тории ни в коем случае нельзя было видеть слез – от этого она впадала в глубокую тоску, переставала есть и больше не улыбалась; каждый, входивший в комнату к Тории, обязан был хранить спокойствие.

Алана смутно помнила времена, когда мать ее, легкая, как белка, играла с ней в догонялки на лужайке перед загородным домом. Алана помнила, как руки Тории одним прикосновением снимали боль от ушиба,Алана помнила, как во след молодой,

немыслимо красивой женщине оборачивались прохожие. Алана помнила больше, нежели знал об этом ее отец – но сегодня она сдержала слезы, отыскала в себе спокойствие, надела на лицо, будто маску:

– Доброе утро, мама…

Тория Солль улыбнулась и кивнула. Алана вышла за дверь и несколько секунд стояла, прижавшись лбом к косяку.

– Говорят птенцу – не лети из гнезда, на воле кошки ходят, – бормотала нянька, обращаясь как бы сама к себе. – АН нет, ш-шу… Полетели…

На полпути в гостиную Алане встретился Ретанаар Рскотарс.

Был ли брат ее, Луар, так уж похож на этого человека, как она себе нафантазировала? Она ведь прекрасно помнит, что Луар был светловолосый и светлоглазый, а глаза Ретано черны до такой степени, что зрачок почти не виден. И в этой сплошной черноте остро посверкивают белые насмешливые звездочки…

Алана перевела дыхание.

Она помнит, что Луар был до невозможности высок. Но ведь самой ей тогда было пять лет, она была пигалицей рядом со взрослым братом… А теперь она выросла, но Ретано все равно кажется ей огромным, как дворцовый шпиль.

Она придумала их сходство?

Может быть, потому, что она помнит тепло и спокойствие, исходившее от старшего брата, и собственное щенячье доверие, и как удобно было обнимать его за шею… Может быть, у нес с Ретано происходит нечто подобное? Она ведь ревела у него на груди – но не испытывает ни стыда, ни смущения, а ведь она никогда не решилась бы так вот плакать в объятиях, например, отца…

– Доброе утро, принцесса, – Рекотарс был серьезен, но белые звездочки в глазах горели ярче обычного.

Как завороженная, она шагнула вперед и протянула ему.руку:

– Доброе утро…

– Господин Рекотарс собирается нечто нам сообщить, – суховато сказали за спиной. Алана вздрогнула.

– Вы ведь хотели, господин Рекотарс, чтобы и Алана присутствовала тоже? – Танталь вежливо улыбалась, но Алана, знавшая ее не один год, ясно увидела скрытую за улыбкой насмешку. И напряглась, потому что в умении высмеивать с Танталь не сравнится никто в этом мире, но если она вздумает шутить с Ретано – Алана без предупреждения вцепится ей в волосы. Человек, спасший се, дравшийся за нее, человек с острыми звездочками в глазах не заслужил ни единого косого взгляда!!

Она чувствовала себя почти оскорбленной. Ее спасителю не оказывали должных почестей. Танталь должна бы пол перед ним мести! Веником!..

– Что же мы стали? – Танталь по-прежнему улыбалась, но улыбка ее была холодна, как покойник. – Господин Эгерт ждет нас в гостиной.

Алана гордо вскинула голову. Ей хотелось взять спасителя под руку – непринужденным жестом, как давнего друга; она почти решилась это сделать – но в последний момент испугалась.

Как будто его рука горячая. Как будто она может обжечься.

Всю ночь Танталь видела во сне повозки. Пустые повозки на продуваемом ветрами холме, зови – не дозовешься. Люди, когда-то обитавшие под их плотными пологами, давно ушли в никуда, но женщине, бродившей среди вросших в землю колес, мерещились то бренчание лютни, то ломкий мальчишечий голос, то начальственный бас, велящий живее опускать борта и разворачивать кулисы…

Лежали на земле пустые оглобли. Валялась, до половины прикрытая землей, жестяная тарелочка, но вместо звонких монет в ней рос пучок травы. Ветер теребил полы дырявых плащей и истлевших платьев, трогал локоны облысевших париков; мелкий дождь сочился с неба, ветхого, как полог, портил слипшиеся перья на широких шляпах, и человеческая голова из папье-маше безобразно размокла, напоминая капустный кочан…

На рассвете Танталь заставила себя проснуться. Выбралась из сна, как из вязкой жидкости, долго умывалась ледяной водой, потом долго расчесывалась перед зеркалом, удивленно считая первые в ее жизни седые волоски. Небо, эдак к тридцати годам она будет седой, как снежная горка, и на улице ее будут приветствовать почтительно, как богатую старуху…

Она сухо рассмеялась, глядя в глаза своему отражению.

Слишком дорого обошлась история с Аланой. И – как утверждает непогрешимое чутье – обойдется еще дороже. Недаром человек с блестящими черными волосами был вчера так обаятелен и речист. Он притащил за собой тайну, некое непонятное хотение, он нравился Танталь все меньше и меньше, он был – а, вот оно, определение! – он был актер, талантливо играющий предписанную роль…

Она, актриса по призванию, лучшие годы проведшая на подмостках бродячего театра – она ни в грош не ставила талант лицедея, применяемый в настоящей жизни. Среди людей.

Сон о повозках посещал ее не впервые; всякий раз после него весь день оказывался пропащим, Танталь опускала руки и ждала вечера. Сегодня она не могла позволить себе такой роскоши –

черноволосый красавец обосновался в доме, маленькая дура Алана глядела на него круглыми глазами и думала, что умеет скрывать свои чувства. Эгерт… Эгерт так счастлив, что снова не мог спать, он не спит уже пес знает сколько времени, он будет сегодня как пьяный, что бы не взбрело черноволосому на ум – Эгерт ответит «да», и с радостью…

Этот, с блестящими волосами, спаситель Аланы. А то, что он лицемер и лицедей – недоказуемо, Танталь не умеет делиться собственным чутьем, она сама не сразу научилась верить интуиции…

…Ее задели его слова о комедиантах? Чушь.

В гостиной Соллей, такой просторной, что в ней можно было устраивать балы и поединки, меня неудержимо притягивали песочные часы.

То была замечательная вещь. Бронзовые фигурки на подставке можно было разглядывать сколь угодно долго; песок, солнечно-желтый, напоминал о жарких берегах и теплом прибое. Вряд ли я думал о чем-то, когда моя рука взялась за специальную ручку и перевернула изящный корпус, и сверху вниз побежала ниточка песка, такая тонкая, что и разглядеть-то ее было непросто…

Я смотрел на бегущий песок, и волосы у меня на затылке медленно поднимались дыбом.

Нет ничего более жуткого, чем время. Его не видно. Его не ощущаешь; оно кажется безобидным – и потому осознание подлинной его природы приходит, как удар грома. Ты можешь овладеть магией, выстроить дворец и покорить сердца сотни красавиц – а вот поди-ка попробуй втолкнуть песок, горкой лежащий на дне стеклянной чаши, попробуй-ка втянуть его обратно!..

Моя жизнь утекала. Жизни других утекали тоже – но неспешно и незаметно, у них впереди еще немереные горы песка, и только я, чьи песчинки сосчитаны, понимаю в жизни истинный толк…

– Господа… пусть причиной нашего знакомства послужило несчастье… я все-таки несказанно рад. Род Соллей, – я механически скользнул взглядом по стенам, будто бы в поисках галереи фамильных портретов, – весь этот славный род воплотился сейчас в госпоже Алане, я счастлив был оказать ей услугу… И хоть, повторяю, я сделал бы то же самое для бедной сироты – спасти единственную наследницу Соллей велела мне сама судьба.

«И господин Чонотакс Оро», – добавил я мысленно.

Показалось мне – или мои собеседники поскучнели? В

особенности эта особа, с запоминающимся лицом и не менее запоминающимся именем, Танталь? Что я сказал не так? Или Алана не единственная наследница?

Ах да. Они, вероятно, скорбят о ее пропавшем брате, мне следует осторожнее выбирать выражения…

Я перевел взгляд на Алану – и беспокойство мое улеглось.

Бедная девочка. Она не умеет ни скрыть своей влюбленности, ни даже выказать ее должным образом. Она сидит, надувшись как сыч, сверкает красными раскаленными ушами и буравит меня неотрывным взглядом. Хотя большинство девиц в ее возрасте прекрасно разбираются в науке кокетства…

– По правде говоря, – сказал я скромно, – мой род, род Рекотарсов, не уступает в славе роду Соллей… Корни моих предков уходят вглубь веков, но собственно основателем рода считается Маг из Магов Дамир, – я выдержал эффектную паузу.

Алана прерывисто втянула в себя воздух.

– У вас в роду были маги? – удивился Солль. Танталь молчала. Интересно, что я до сих пор не знал, кем она приходится Алане. Может быть, мачеха? И мои разглагольствования относительно наследников каким-то образом задевают ее?..

– У меня в роду, – я ободряюще улыбнулся Алане, – не просто маг, а Маг из Магов, Великий Дамир, и первым, что он сделал на земле своего будущего тестя, было истребление кровожадного дракона… На этот счет есть свидетельские показания, гравюры и документы. Один из них. Грамоту, я постоянно вожу с собой в странствиях – мало ли что может случиться?

– Случиться с кем? – спросила Танталь. У нее было странное выражение лица. Как будто она собирается расплакаться.

– Я допускаю, что родовой замок Рекотарсов, – я выдержал новую паузу, – может в один прекрасный день сгореть. Но я не хотел бы, чтобы Грамота, свидетельствующая о доблести моего предка, сгорела вместе с ним…

Алана полуоткрыла рот. Я отвел взгляд – сейчас она была некрасива. Просто глупый подросток.

– Танталь, – Солль обернулся к женщине, ты лучше меня знаешь историю древних магов. Вероятно, ты встречала в книге имя господина Дамира?

Я ощутил неприятный укол самолюбия. Что значит «встречала в книге»? Стоп, а не та ли эта книга «О магах», которую так жаждет заполучить мерзавец Черно?

Раньше я об этом не думал – но, в конце концов, если это мало-мальски серьезное исследование, то имя Дамира должно встречаться там на каждой странице…

Я заставил себя улыбнуться:

– Господа, о какой книге речь? Они ответили одновременно.

– Мой тесть был декан Луаян, – сказал Солль.

– О книге мага Луаяна, деда Аланы, – сказала Танталь. И обернулась к Соллю. – Ты ведь тоже читал эту книгу, Эгерт.

– Я не все помню, – Солль виновато пожал плечами.

Так. Сейчас выяснится, что он не помнит упоминаний о Великом Ламире.

Я вздохнул и начал рассказ.

Алана уже слышала его, и не раз – и все равно по мере моего повествования глаза ее делались все больше и больше. Я рассказывал о знаменитом путешествии, которое предпринял мой предок, о множестве славных дел, совершенных им в пути, о том, что слугой ему в эти годы служил широко известный Ларт Легиар, впоследствии сделавшийся великим магом и даже прославившийся – было какое-то дело о неком злобном духе, который лез в чью-то незапертую дверь… Я рассказывал, слова лились сами, и все, о чем я говорил, вживе стояло перед моими глазами.

Солль слушал внимательно. Танталь горбилась, ерзала в кресле, как будто у нее не все в порядке было со здоровьем. Как будто она все хотела чихнуть и сдерживалась; эта ее возня здорово мне мешала. Чихала бы себе на здоровье, или вышла бы за дверь и воспользовалась носовым платком…

– …И я повторяю с гордостью: таков он был, мой предок, великий маг Дамир.

Повисла пауза. Опять-таки эффектная – но слишком длинная, как на мой взгляд.

– Поздравляю, – осторожно сказал Солль. – Гордиться таким предком может не каждый… э-э-э… аристократ…

– Мой род достоин породниться с родом Соллей! – провозгласил я с воодушевлением. – Потому что давняя традиция – жениться на избавленных от какой-либо опасности девушках – жива! Потому что я имею честь просить у вас, господин Солль, руки вашей дочери – юной Аланы!

Боковым зрением я видел, как девчонка разинула рот. Как уголки губ неудержимо поползли к ушам, и она быстро закрыла их ладонями: что касается умения владеть собой, то Алане, по-видимому, на этом поприще преуспеть не скоро…

Солль смотрел мне в глаза. Неотрывно; я успел подумать, что за эти красивые серо-голубые глазищи его очень любили девушки. Лавно, в юности…

И тут Танталь расхохоталась.

Носовой платок был ей ни к чему – насморком здесь,

скверный каламбур, и не пахло. Р-рогатая судьба, она прямо-таки выворачивалась от хохота, до слез на глазах, до спазмов в горле. Она смеялась, не глядя на меня – но мне казалось, что меня бьют по лицу. Холодным мокрым полотенцем.

– Танталь? – удивленно спросил Солль. Она оттирала слезы:

– Мне надо… выйти. Воды…

Ее смех не был истерическим. Он был веселым, этот смех. Так смеются зрители, обступившие забавный балаган…

– Я сказал что-нибудь смешное? – мой собственный голос изменился до неузнаваемости. Я не говорил, а шипел.

– Нет, что вы, – она посмотрела прямо на меня, и на дне ее глаз танцевала издевка. – Ничего особенного со мной бывает…

Будь она мужчиной – подошел бы и дал пощечину. Пусть дуэль, я был бы в восторге…

– Великий маг Дамир, – сказала Танталь, с трудом сдерживая хохот, – упоминается в истории магов ровно два раза. Первый раз – потому, что за несвоевременно поданный обед Ларт Легиар обломал о его спину собственную магическую трость… И второй – когда тот же Легиар отправился в путешествие, сопровождаемый ряженым слугой… Ряженым под господина. Отсюда, вероятно, и проистекают ваши сведения…

Я не успел отреагировать. Уже в следующую секунду Алана, в длинном прыжке пересекшая все пространство гостиной, вцепилась клеветнице в волосы.

Трактир назывался «У землеройки».

Собственно, на моем пути это был уже четвертый или пятый трактир. Я не был пьян – просто в голове моей стоял тонкий ледяной перезвон, а мир перед глазами был перегружен деталями: мелкие камушки, щели в растрескавшемся дереве, закатившаяся под стол горошина, муха в поисках нечистот…

В детстве я верил, что кровь Мага из Магов Дамира рано или поздно возьмет свое, и во мне обнаружатся способности потомственного волшебника. Время показало, что надеялся я зря; никогда мне не приходилось сожалеть об этом так горько, нежели в тот вечер, дождливый, натянутый между трактирами, как вывешенная для просушки шкура.

Будь я магом… Разве опустился бы до игр с Черно Да Скоро? Разве ввязался бы во всю эту историю со сватовством? Время течет, за секундой секунда, и, чтобы спасти свою жизнь, я вынужден валять дурака. Как они мне все надоели – и Солль, и Алана, и эта истеричка Танталь!..

Ни один из предыдущих трактиров мне не понравился. Этот – «У землеройки» – был первым, не вызывающим отвращения. Я

уселся за тяжелый, нарочито грубый стол и потребовал вина.

Вероятно, я сохранил вполне внушительный вид – потому что сам хозяин явился обслужить меня, и, глядя, как этот молодой еще, коренастый человек наполняет мой стакан, я ни с того ни с сего пробормотал:

– Приятель, а нет ли здесь в городе мага? Настоящего мага, я имею в виду? Не шарлатана?

Все-таки «Землеройка» была на моем пути уже пятой. А может быть, и шестой.

Хозяин аккуратно поставил кувшин на темную от времени столешницу. Либо он был от природы невозмутим, либо каждый третий посетитель расспрашивал его об окрестных магах.

– Так ведь, благородный господин… нынче маги, они какие маги. Это давно еще, когда папаша мой мо-лоденек был, был в городе волшебник, в университете, декан Луаян, – он улыбнулся, будто вспомнив о приятном. – А еще был такой человек, без роду, без имени, просто Скитальцем его звали… Во-он за тем столом, – он указал куда-то в угол, на ширмочку, из-за которой выглядывали две вросшие в пол ножки, – вон там сиживал, на день Премноголикования, каждый год… Я еще мальчишкой его помню. Вроде был он маг, и полковник Солль с ним на встречу каждый год хаживал, отец мне еще болтать о том запрещал, ремнем грозился… Но не ходит больше. Давно… Лет, почитай, все десять. Еще папаша был жив…

Возможно, добрый трактирщик польщен был вниманием столь видной личности, как я. А может быть, он просто проникся ко мне симпатией, потому что четыре трактира подряд сделали мою физиономию особенно обаятельной; я же, если и содрогнулся при имени Солля – внешне этого никак не показал.

Спустя некоторое время к нашему разговору подключились завсегдатаи; мне уже ничего не требовалось говорить – только кивать и слушать. Да еще, пожалуй, кусать локти.

Я допустил грубую оплошность – радостным победителем вломился в семью Соллей, не наведя предвари-тельно справки об этой семье. И тут же был наказан: эта самая Танталь, которой я так ярко расписал все мерзости, присущие комедиантам, эта самая Танталь была в прошлом бродячей актрисой, и неудивительно, что ей захотелось отомстить мне – пусть неумно и неубедительно, но достаточно болезненно…

Но кто мог предположить, что в приличной семье живет под видом благородной дамы бывшая комедиантка?! Соломенная вдова, жена-невеста этого таинственного Луара, пропавшего десять лет назад, причем все верят, что он не просто погиб где-то по случайности, а стоит на страже перед какой-то Дверью…

Десять лет стоит, понимаешь, бессменно. Даже пугало огородное столько не проторчит – обвалится…

Где мне взять мага?! Кто избавит меня от приговора Судьи – с тем, чтобы я мог послать подальше Черно Да Скоро с его поручениями?!

– Да уж конечно, – сказал я, механически отзываясь на чью-то реплику. – Кстати, Луаян, про которого столько болтают… Верно ли, что он еще и книжки писал?

Разговор оживился. Они все знали Луаяна – и, к моему большому неудовольствию, поминали его имя с исключительным уважением. Он-де был такой-растакой, и мудрый, и справедливый, и Мор остановил… Небо, на своем веку я встречал по меньшей мере полсотни шарлатанов, каждый из которых клялся, что остановил Мор. При таком раскладе просто удивительно, как от Мора кто-то где-то еще и умирал…

– А книжку он написал только одну, – рассказывал прыщавый горожанин в темном аккуратном кафтане. – Одна, да дорого стоит: говорят, про всех магов написал, правду, все как было, любопытно, говорят, читать, страх как любопытно… Я сам грамоте плохо знаю, но у меня племянник в университете, студент, стало быть, так ему давали почитать, и копию новую сделали, да.

Я вздохнул. Если Танталь не опустилась до открытой лжи – то книжка бедного Луаяна есть выдумка от начала и до конца. Как-то мне больше верится в Грамоту и собственное существование, ведь если я есть на свете – кто-то да женился на моей прабабушке?! Неужели бесплотный призрак?..

– А госпожа Тория вот уж три года как из дома не выходит, – рассказывал тем временем другой горожанин, с цеховым знаком аптекаря, вытатуированным между большим и указательным пальцем левой руки. – Хворает, говорят… А другие болтают – умом помутилась…

Я вздрогнул. Мать Аланы?!

Да, с веселенькой семейкой свела меня воля мерзавца Черно. Зачем ему эта лживая книжка?! Зачем мне эта взбалмошнная девчонка?!

Время течет – секунда за секундой. Кто поможет мне откупиться от Судьи?..

* * *

– Я не стану с тобой разговаривать. Я не стану с тобой разговаривать! Я не стану!..

Танталь отвернулась. На Алану было неприятно смотреть.

С таким же успехом можно было увещевать катящийся с вершины камень. Когда он разгоняется все больше и больше, летит все страшнее и страшнее, и не удержит никакая стена…

Или когда захлебывается ливень. Летящую с неба воду – не остановишь…

Эта девчонка с покрасневшим лицом вопит и брызжет слюной. И сделает по-своему – хоть говори с ней, а хоть ударь по голове поленом. И пусть отец стремительно седеет – девчонка не в состоянии этого осознать. Девчонка уже сама не владеет собой – летит, как сорвавшийся камень…

Тот человек неискренен. Он позер и, возможно, лгун; он рассказывает заведомые байки – но девчонка верит, вдолбила себе в голову и верит, а ты, Танталь, говори, кидай горохом об стену…

– Куда ты собралась, Алана?

– Не твое дело! Гулять!

– Я никуда тебя не пущу.

– А по какому праву?! Кто ты мне такая, комедиантка?!

Танталь опустилась в кресло. Ей очень хотелось верить, что со стороны это движение выглядело естественным, что она не рухнула, как мешок, сброшенный с телеги, и не выдала внезапной слабости в коленях.

Почему Эгерт ушел от этого разговора, переложил его на плечи Танталь?!

Эгерт тоже не железный. Вечный упрек в виде злой девчонки кого угодно сведет с ума; хватит нам Тории… Там, в Корпусе, со своими мальчишками, Эгерт может по крайней мере быть полезным. Там он заслуживает уважения и его уважают – Эгерт слишком сильный человек, чтобы упиваться чувством вины, топиться в нем,будто в смоле…

– Иди куда хочешь, – услышала она со стороны свой странно спокойный, безразличный голос. И, дождавшись, пока внизу хлопнула дверь, позвала слугу.

– Иди за ней.

И еще раз, в ответ на удивленный взгляд, с ноткой раздражения:

– Иди за ней! Следи… Да следи же!..

Ей не хотелось дожидаться возвращения Эгерта. У нее не было сил отвечать на вопрос, где Алана; потому она собралась и вышла из дому, почти уверенная, что знает, где и с кем проводит время беглянка.

В первой же гостинице ей сообщили, что видный молодой человек с длинным благородным именем хотел поселиться здесь,

но бесчестный хозяин «Медных врат» сманил его в свой клоповник, и бедный молодой господин, такой доверчивый, будет теперь ночевать с мышами и насекомыми…

Танталь криво улыбнулась, дала разговорчивому слуге монетку и направилась в «Медные врата» – гостиницу, к которой ее привязывали давние, сладкие с горчинкой воспоминания.

За десять лет почти ничего не изменилось. И уж конечно не изменились медные створки, служащие вывеской; да, красивый молодой господин с аристократическим именем остановился именно здесь, но сейчас его, к сожалению, нет дома…

Вечерело. По улицам бродили фонарщики.

Слуга удивился, услышав новый ее вопрос. Нахмурил брови: девушка? Да, приходила девушка, и тоже, вот совпадение, спрашивала молодого господина. Эге, госпожа Танталь, то-то я гляжу, личико у девушки знакомое, это никак господина Солля дочка? Ай-яй… Благородная девица, да по гостиницам шататься, да по кабакам… По каким кабакам? Да кто его знает, она этого господина искала, а господин, как видно, гулять пошел, дело молодое, денежки есть…

Танталь стиснула зубы.

Собственно говоря, ничто не мешало ей прямо сейчас отправляться домой. В конце концов рано или поздно усердный Клов вернется и расскажет, где ночевала бессовестная мерзавка; Танталь почти уверена была, что в городе, где все знают Солля, его дочери ничего, кроме позора, не угрожает. Танталь вернулась бы – если б по возвращении не надо было разговаривать с Эгертом. Рассказывать очередную правду об Алане.

А потому она не стала возвращаться. Поблагодарила слугу и медленно двинулась в обход окрестных кабаков.

Во многих местах ее узнавали и, опережая вопрос, сообщали, что юная особа была здесь час назад. Или два часа. Или полтора. Она искала господина с черными вьющимися волосами, видного такого господина, а он тоже здесь был, но раньше… Перед ее приходом как раз ушел. Куда? Кто ж его знает, благородные господа если гуляют – поди удержи…

В трактире под названием «УТОЛИСЬ» ей бросилась в глаза компания чужаков – большая, человек десять, все в холщовых куртках, какие носят матросы, все коренастые, со здоровенными ручищами, при оружии; Танталь невольно вздрогнула, поймав на себе несколько оценивающих взглядов. За ее жизнь на нее глядели по-разному, в том числе и как на лакомый кусочек, и она научилась бестрепетно смотреть в самые что ни на есть бесстыжие глаза – но теперь все равно вздрогнула. Чужаки смотрели странно. Таких взглядов ей встречать не доводилось.

С некоторым облегчением убедившись, что Аланы в «УТОЛИСЬ» нету, Танталь повернулась и вышла, успев разглядеть на толстой шее у кого-то из чужаков талисман в виде человеческого глаза. И невольно ускорила шаг.

Темнота сгустилась настолько, что, когда из дверей одного из трактиров шагнул ей навстречу человек – она не сразу узнала в нем слугу Клова.

– Госпожа Танталь…

– Алана здесь?

– Госпожа, э-э-э… посмотрите!

Клов повернулся лицом к фонарю, Танталь, содрогнувшись, разглядела у него на лице длинные темные царапины и потеки засохшей крови. Как будто храбрый слуга дрался с десятком разъяренных кошек.

– Госпожа, – Клов прикрылся ладонью. – Она меня… увидела, короче говоря, поняла, что я за ней… и… госпожа, я не… больше таких поручений!..

– Где она? – спросила Танталь сухо.

Клов занервничал еще больше:

– Она убежала… Я ж ничего не видел, мне же кровища глаза застилала… Я тут… к служанке знакомой зашел, чтобы она мне хоть кровь-то уняла…

Танталь развернулась и пошла прочь. Клов бежал за ней, постанывая, несмело хватая за полу плаща:

– Госпожа… Ну что ж я… не сыщик… что я сделать-то мог… упустил я, ну что ж теперь…

Танталь остановилась под створками «Медных врат». Обернулась к сопящему над ухом Клову:

– Ищи ее. Где хочешь. Из-под земли. Я буду здесь, дождусь господина жениха, тогда и поговорим… Ступай.

Клов, держась за щеку, канул в темноту; Танталь почти уверена была, что никого он искать не станет. Засядет где-нибудь в трактире под крылышком «знакомой служанки» и выждет, как обернутся события…

События обернулись стремительно. Не успела Танталь усесться в кресло неподалеку от входа и приготовиться к долгому ожиданию – как двери распахнулись, пропуская внутрь «Медных врат» высокого господина с благородной внешностью и еще более благородным именем.

Целую секунду Танталь ждала, не появится ли в проеме за его спиной девчоночья фигурка. Не дождалась – Рекотарс был один, причем пьяный настолько, что не сразу ее увидел. Или не сразу узнал.

– А, господин Ретано! – обрадовался слуга. – А вас тут

госпожа… спрашивает…

Танталь молчала. Теперь, когда Рекотарс вернулся без Аланы – о чем с ним разговаривать? Беседа выйдет бесплодной и неприятной для обоих. Пес бы его побрал, этого слугу, Рекотарс вполне мог не заметить сидящую в кресле женщину…

Рекотарс помедлил. Подошел, церемониально поклонился, задев шпагой край тяжелой портьеры. Да, пьян. Чуткий нос Танталь терпеть не может перегара.

– Алана ушла из дому, – сообщила она вместо приветствия. – Если вам это интересно. И шатается где-то по кабакам, и ищет вас… если это кажется вам забавным. По-видимому, рано или поздно она появится здесь. Как вам нравится невеста с такими замашками?

Теперь молчал Рекотарс. Возможно, ему, одурманенному вином, было трудно соображать.

– Я приношу вам свои извинения, – Танталь сухо усмехнулась. – Я никоим образом не хотела задеть ваших чувств и обидеть ваших предков. В конце концов, это не мое дело… Мне хотелось бы видеть Алану счастливой. Но для этого, по-видимому, ее придется сперва задушить.

– Я принимаю ваши извинения, – сказал Рекотарс глухо.

– Я счастлива, – Танталь прикрыла глаза. – События последнего времени все больше склоняют меня к мысли, что замужество для Аланы – не самый плохой выход. Хотя бы потому, что она перестанет мучить отца и примется за мужа… Другое дело, что пришлый человек, которого никто в округе не знает, но который успел засвидетельствовать свое благородство… Семье невесты требуется время, чтобы ближе узнать этого человека, не так ли?

– Безусловно, – винные пары, имеющие свойство развязывать языки, в случает в Рекотарсом возымели прямо противоположное действие: он стал немногословен, прямо-таки молчалив.

– Для начала, – Танталь поднялась, – я попросила бы вас, господин Рекотарс, найти вашу беглую невесту и доставить ее в родительский дом. Подозреваю, что никому, кроме вас…

– Госпожа!!

С грохотом распахнулась дверь. Слуга за конторкой вздрогнул. На пороге стоял Клов, и свежие царапины ало горели на бледном перепуганном лице:

– Госпожа… они… Алана, там, они ее… Танталь померещилось, что из раскрытой двери потянуло холодным ветром. Очень холодным. Зимним.

Ледяным.

– Что?

– Эти… – Клов сделал невразумительный жест, означающий нечто огромное и тяжелое, но Танталь мгновенно догадалась, о ком идет речь. Рекотарс глядел совой – не понял.

– Алана?! – Танталь не узнала собственный голос.

– Забрали ее, – выдохнул Клов. – Заморочили голову… Потащили… куда-то…

В следующую секунду Танталь сгребла его за ворот куртки:

– Ты в своем уме?! Куда потащили?..

– Они на лодке пришли третьего дня, – тихо сказал слуга из-за конторки. – Лодка у них… у пристани, там и стояли…

Танталь на время потеряла рассудок. Возможно, сказались усталость и напряжение последних дней; а может быть, она стареет. Нет прежней реакции – в мире, где несчастья приходят мгновенно и все сразу, так легко растеряться…

– Беги за стражей, – шепотом сказала она Клову. – Именем… полковника Солля…

Слуга за конторкой с сомнением пожал губы:

– При полковнике Солле, точно, стража была быстрая. А теперича распустились, как та веревка, пока они в заду чесать будут, эти ребятки вверх по реке… ого…

Сильный рывок привел Танталь в чувство. Она с удивлением обнаружила, что стоит уже в дверях, что ее крепко держит под руку человек, на лице которого нет ни тени опьянения:

– Чего вы ждете?! А ну показывайте, где она, ваша пристань!..

* * *

Пристань была маленькая и грязная. Похоже, здесь никогда не швартовались богатые купеческие суда – река, широкая и привольная вблизи города, ниже по течению перегорожена была порогами, а потому большого судоходства здесь не было сроду, так, рыбачишки да сорвиголовы, первые не ходили за пороги, вторые ухитрялись преодолеть их без существенных потерь.

В темноте Танталь чуть не угодила ногой в дыру посреди дощатого настила, я едва успел удержать ее; Танталь выполнила свою миссию, доведя меня до пристани, но теперь ее присутствие делалось все более нежелательным. Проще говоря, она мне мешала.

У дальнего причала мелькал свет и отрывисто переговаривались люди; я почти полностью протрезвел. Маслянисто поблескивала вода, ловя отражение двух тусклых фонарей – на носу и на корме суденышка, бывшего, по сути,

просто огромной лодкой.

Они суетились, как блохи. Танталь судорожно схватила меня за руку – я освободился, может быть, излишне грубо.

– Их слишком много, – сдавлено пробормотала бывшая комедиантка. – Дождитесь… стражи… Я оттер ее плечом:

– Назад…

Глухо ударил топор по швартовочному канату. Лодка отчаливала, а на развязывание узлов, по-видимому, не было времени.

Я прыгнул.

Темнота не помешала мне – я приземлился как раз посреди палубы, суденышко качнулось, и я понял, что оно здорово перегружено.

– Жить надоело, смерды?

Ко мне обратились штук восемь рыл. Р-рогатая судьба, ну чисто на маскарад попал, в прыгающем свете фонарей хари мерзавцев представлялись заросшими звериными мордами…

Краем глаза я поймал движение за спиной. Мерзавец собирался напасть сзади, он уже, собственно, и напал; интересно знать, у кого он спер этот богатый, благородного вида кинжал. Честное оружие, оно не было выковано для того, чтобы бить в спину…

Клинок упал на палубу. Секундой раньше я в широком красивом развороте достал вооруженную руку носком сапога; сразу же заныли все мышцы, и закололо в боку. Нет, шесть трактиров подряд не способствуют поддержанию формы… Слава Небу, что вокруг меня смыкаются всего лишь холопы, распоясавшиеся бандиты, годные на войну разве что с глупыми девчонками…

А может быть, я ошибаюсь?!

Тот, что нападал сзади, теперь отступил, скрылся за чужими спинами.

У меня были теперь кинжал и шпага; хари, высвеченные мутным огнем, придвигались все ближе, и, что самое неприятное, смыкались кольцом, и кто мне, интересно, прикроет спину?!

– Руби швартов! – рявкнул кто-то в темноте, рявкнул невнятно, будто рот у говорившего набит был волосами. – Этого – за борт!

Удары топора возобновились. Молодчикам ничего не стоило отчалить прямо сейчас и сообща прикончить меня посреди реки, так что желающим оплакать потомка Рекотарсов, буде такие найдутся, даже труп мой выловить не удастся; в пятне света, падавшем от кормы, я разглядел толстошеего молодчика, на груди у которого болтался амулет в виде человечьего глаза.

Стеклянное око пялилось бессмысленно и безмятежно.

В ободранных кулаках многочисленной матросни засверкали короткие клинки – белым блеском, вроде как тусклая рыбья чешуя. Ну все, закрутилась карусель…

Все, что было съедено и выпито за сегодняшний вечер, теперь аукнулось, утяжеляя движения, размазывая реакцию, сбивая дыхание. Когда-то, упражняясь с двумя клинками, я вызывал восторг у своего учителя фехтования; если бы он увидел меня теперь, он искренне удивился, почему я до сих пор жив.

Я вертелся веретеном. Я отбрасывал нападающих таким образом, чтобы, падая, они увлекали за собой как можно больше своих разъяренных собратьев; первый момент боя, самый трудный для меня, миновал, и я с некоторым запозданием ощутил праведную ярость.

Тому, что рубил швартовы, не удалось довести дела до конца. Я сбил его за борт – телом его же собрата, причем уже спустя секунду этот собрат запустил в меня ножом. Я увернулся; на меня волной навалились сразу пятеро или шестеро, и, захлебываясь боевым кличем, я успел подумать, что если отобью эту атаку – все, дело выиграно…

В основание моего клинка тяжело врезалось чужая, жаждущая крови сталь. Нападающий всего на мгновение обнажил левый бок – я достал его кинжалом. Карусель продолжала вертеться – я закрылся шпагой от трех ударов сразу, и удержал, хотя в первый момент смятенное сознание завопило, что пробьют, пробьют, пробьют…

Четвертый удар шел по низу. Я поймал его на освободившийся кинжал; в размазанном движении с моего клинка слетела темная капля. А может быть, померещилось – что я мог разглядеть – в такой сутолоке, в таком темпе, в такой темноте?!

Я ушел в сторону, позволяя силе буйных соперников пролиться мимо, в борт; тот, кого я достал кинжалом, все еще оседал на палубу, предводитель с третьим стеклянным глазом не успел разинуть рта для нового рявканья, а от схватки отвалился еще один, получивший эфесом по затылку, и товарищи его, тяжело дыша, отступили, оставив меня во временном, зыбком одиночестве.

– Всех перебью, канальи! – выдохнул я, вращая глазами, многообещающе поводя окровавленной сталью. – Где девчонка, твари?!

Противников по-прежнему хватило бы на то, чтобы по меньшей мере завалить меня собственными трупами. Удушить под горой тел.

– За борт его, суки, что рты поразевали?! – заорал кто-то за сомкнутыми спинами. И выругался, поминая все на свете мерзости. Я впервые с начала схватки подумал, что страже, собственно, давно пора появиться.

Молодчики были похожи один на другого – мощные приземистые фигуры. Походка раскорякой; они двинулись, конечно же, одновременно со всех сторон, причем неторопливо, не желая попусту подставляться, но заранее предвкушая, каким образом будет умирать свалившийся с неба задира. Чистоплюй, полагающий вольных матросов скотами и холопами. Тонкая кость, голубая кровь, так славно захрустит и так резво растечется по палубе…

Я с удивлением увидел, что теперь в руках у них не только ножи. Откуда-то взялись маленькие удобные то-порики, дубины, крюки, цепи…

Не стоило ждать, пока меня заключат в кольцо. Я снова завертелся – спина-то у меня оставалась незащищенной; шпага, до сих пор выручавшая меня безотказно, вдруг дернулась в сторону, вокруг клинка петлей захлестнулась цепь, у меня появился реальный шанс остаться против всей толпы с одним только кинжалом…

Я верно угадал направление. Еще секунда – и шпага ушла бы в пустоту, да она и не понадобилась бы через мгновение – я едва успел уйти от удара в спину…

Не до конца успел. Ладно, время боли придет потом.

Молодчики сопели. Их неудачливые товарищи истекали кровью на досках палубы, и все возрастал предъявляемый мне счет, но быть следующим никому не хотелось. Я нашел спиной стенку пристройки – и навалился на нее всем телом. Теперь я прикрыт хотя бы сзади – но сдается мне, что и моя кровь истекает вместе с бегущими секундами…

Лодка опасно плясала, скрежеща бортом о край пристани, все сильнее раскачивались фонари.

А если девчонки здесь нет?! Если они бросили Алану в темной подворотне, если она сию секунду умирает в сточной канаве, если вся эта кровавая свалка совершенно напрасна?!

Краем глаза я увидел, как в лодку влезает Танталь. Заскрежетал зубами, молча проклиная несносную дуру; я сейчас не в состоянии ей помочь, вот, на ее пути вырастает пучеглазый матрос…

Я не видел, что произошло. Секунду спустя оказалось, что Танталь залепила парню башмаком по лицу – тяжелым башмаком с деревянной подошвой. Матрос взревел, хватая руками пустоту, Танталь вывернулась из его объятий – и пропала из поля моего

зрения. Пес, я не должен был отвлекаться…

– Режь его! Режь! Режь!!

И ругань, такая, что покраснеет и березовый веник.

Удивительно. Странно, как я успел среагировать – но все же успел; нож, отбитый на лету, ушел в сторону и, судя по звуку, глубоко врезался в дерево.

Прижавшись к надстройке, я потерял подвижность. Я растерял и значительную часть сил – но не торчать же вот так, готовой мишенью; я отступал вдоль борта, когда топор, рубивший перед тем канат, устремился мне наперерез.

Он был широк и тяжел, этот топор, его полукруглое лезвие казалось растянутым в улыбке щербатым ртом;меткая рука, не привыкшая промахиваться, крутанула топором в воздухе и пустила в полет, и грузно проворачиваясь, топор устремился мне в лицо.

Несколько мгновений мне казалось, что мы обязательно встретимся. Что щербатая стальная улыбка найдет меня, даже если для этого топору придется трижды изменить траекторию… Даже если я прыгну за борт…

Даже если я…

Удар! Топор вломился, но не в мой череп, а в борт, ниже уровня воды. Новым свидетелем схватки стал тугой фонтанчик, бьющей в пробоину.

– Прокля-атье!.. – заревели сразу несколько глоток. Я еще не успел выпрямиться, воздух над моей головой все еще помнил свист пролетающего топора, а на меня уже валилась тяжелая дубина, целящая по ногам; я тяжело подпрыгнул, и в этот момент мое плечо поймало маленькую трезубую «кошку».

И все эти тяжелые, жаждущие крови туши кинулись одновременно, потому что опостылевший противник наконец-то потерял равновесие. – Ретано!! Чей это голос?! Вода растекалась по палубе.

Кто-то напоролся на сталь – прочих это не остановит. Смрад от немытых тел навалился на меня, перебивая запах воды, перебивая запах дыма и крови; тренированное тело все еще вертелось, клинки все еще отражали удары, но пройдет секунда – и я увижу эту палубу перед собственным носом, и в растекающуюся по ней воду добавится моя собственная кровь…

– Именем города!

Те, кто добивали меня, на мгновение пришли в замешательство. Я рванулся; на залитой кровью сцене появилось новое действующее лицо, и как раз в тот момент, когда мне грозил немедленный финал.

Живая могила над моей головой рассыпалась. Я смог

подняться на одно колено – и кинжал, и шпага до сих пор были при мне. А значит, и рук у меня по-прежнему две, хоть я не ручаюсь, что в этой свалке мне не оттяпали пятку или ухо…

В драку с решенным уже исходом вклинился некто, или, вернее, нечто, бестия с веслом наперевес, и тяжелая лопасть вращалась, как мельничное колесо, все быстрее и быстрее, и кое-кто из головорезов уже попался на ее дороге, кто-то на четвереньках отполз в сторону, а кто-то остался лежать на мокрой, разукрашенной палубе.

– Именем города, вы арестованы! Из темного угла глянул стеклянный, бессмысленный, висящий на веревочке глаз. Только спустя мгновение я понял, что это всего лишь стекляшка на шее предводителя; в ту же секунду из темноты вырвалось, поймав на грань отблеск фонаря, предназначенное пришельцу стальное жало.

Глухой удар.

Я увидел трехгранный тяжелый кинжал, торчащий из расщепленного весла. А за костяной рукояткой, за вскинутым темным древком – знакомое лицо, все еще красивое лицо, белое лицо Эгерта Солля.

– Ща посмотрим, – сообщил из темного угла невнятный, будто набитый волосами рот.

Мне мучительно трудно было удержаться на ногах. Танталь билась в объятиях озверелого головореза, тот самого, который недавно получил по лицу башмаком. Это зрелище не прибавило мне сил, но хотя бы подстрекнуло к действию.

Я страшно долго поднимал кинжал. Комедиантки, даже бывшие, умеют сражаться за свою жизнь. Танталь успела вырвать шпильку из волос.

Эге, да громиле придется одолжить стеклянный глаз у своего капитана…

Молодчику повезло. Танталь промахнулась, проткнула нападавшему щеку; молодчик взвыл, Танталь ухитрилась вырваться, преследователь настиг ее, прижал к борту…

Мои руки не столь длинны, чтобы тянуться через всю палубу. Лети…

Молодчик захрипел, схватившись за плечо; мой славный кинжал торчал теперь из прорехи в его полотняной куртке. Танталь выскользнула из ослабевших рук и канула в темноту.

– Ни с места! Городская стража!

Топот множества ног по старенькой пристани. Блеск касок, кое-где посверкивают кирасы. Здрасьте, очень вовремя…

На палубу лег длинный луч света. Это Танталь распахнула дверцу, ведущую внутрь надстройки…

Вокруг меня что-то происходило. Кого-то хватали, кто-то сам прыгал за борт; как приятно, когда о тебе все разом забывают…

Волоча ноги, я проковылял к приоткрытой двери и через плечо Танталь заглянул вовнутрь.

Сено. Старое, свалявшееся, потерявшее запах и цвет, подтопленное прибывающей водой. Гамаки под потолком. В одном из гамаков сладко спит девчонка – лет семнадцати, беленькая, без юбки, в рубахе до колен, с тонкими расцарапанными ногами.

Я перевел взгляд.

В углу, на тряпках, хихикает еще одна. Постарше, в шелковом платьице профессиональной шлюхи, со знаком профессии, вытатуированном между большим и указательным пальцем левой руки.

Я видел, как содрогнулась Танталь.

У самой стены лежала, запрокинув голову на мокром сене, наследница Соллей Алана. Вероятно, это синева на ее лице ее заставила Танталь кинуться, спотыкаясь, схватить руку в поисках пульса, склониться над неподвижным страдальческим лицом…

А что до меня – я и от дверей видел, что девочка Алана попросту мертвецки пьяна.

Нынешний начальник стражи трепетал перед Эгертом Соллем. Нынешний начальник когда-то имел честь служить под его руководством – и не с чужих слов знал, почему городская молва величает господина Солля не иначе, как героем. Нынешний начальник стражи строго-настрого запретил писцу даже упоминать в протоколах имя юной Аланы.

Половину прибывших на лодке чужаков препроводили в городскую тюрьму, другую половину – в тюремный же госпиталь; господин Ретанаар Рекотарс, придерживая окровавленный бинт на плече, дал показания о том, что был привлечен к пристани криком о помощи, каковой крик издавался голосом юной девушки; на лодке чужаков найдены были люди и предметы, неопровержимо уличавшие в тяжком преступлении – торговле людьми, а именно женщинами, а именно в портовых борделях. Полковник Эгерт Солль, не дрогнув лицом, подписал протокол как свидетель; госпожа Танталь, потирая пострадавшую шею, дала показания тоже, после чего начальник стражи с поклоном поблагодарил господ за оказанную помощь и разрешил идти на все четыре стороны.

Некоторое время все трое стояли на темной улице. До рассвета оставался час, от силы полтора, но затянутое тучами небо не давало надежды увидеть солнце. Скорее будет дождь.

– Вы не отказались от своих намерений, господин Рекотарс? –

со странным смешком спросила Танталь.

– Я склонен расценивать случившееся как несчастье, – еле слышно пробормотал тот. – Именно как несчастье, а не как… скажем так…

– А не как позор, – ровно закончил Эгерт. – И напрасно. Потому что это именно позор… И я не уверен, что завтра, придя в себя, моя дочь не проделает чего-нибудь подобного. Если поросенок ищет грязь – что же, легче высушить все лужи города?!

– Эгерт, – сказала Танталь тихо и укоризненно.

– Болит шея?

– Нет, – Танталь поспешно опустила руки.

– Мы так и будем стоять посреди улицы? – Эгерт Солль усмехнулся. – Господи Рекотарс, может быть, вы согласитесь простить нанесенное вам оскорбление и посетить нас в нашем доме?

– Недоразумение давно заглажено, – кивнул Рекотарс.

И, кивнув, на секунду потерял равновесие.

Алана спала под присмотром няньки. Старушка дремала в кресле, время от времени вздыхая так, что колебался огонек свечи; господин Ретанаар Рекотарс стоял посреди гостиной, внимательно разглядывая песочные часы. Танталь давно заметила, что к этим часам у господина Ретанаара была несколько болезненная тяга. Будто бы они завораживали его круговоротом песчинок.

Господин Рекотарс был весь в бинтах. Подраненное «кошкой» плечо, бок, по которому скользнул чей-то кинжал, многочисленные раны и царапины; куртка, заштопанная умелой горничной, нуждалась в стирке. Визитер, ранее блестящий, теперь еле держался на ногах, и, как ни странно, в таком виде он нравился Танталь куда больше.

Драка на палубе приходила в несоответствие с его позерством и лицедейством. Собственно, даже глупостью выходка Рекотарса не была – задержав отплытие лодки, он сделал то единственное, что могло спасти Алану. Потому что перехватить суденышко, идущее по ночной реке, конечно же, можно, но только контрабандисты любят в таких случаях топить запретный груз… В том числе живой…

Танталь передернуло.

Там, на проклятой палубе, красавец Ретано не позерствовал и не врал. Он совершенно сознательно рисковал жизнью за жизнь и свободу чужой ему, в общем-то, девушки; в том, что Ретано любит Алану, у Танталь по-прежнему возникали сильные сомнения.

Она хотела сказать ему, что он благородный человек. Но вовремя придержала язык: для него это прозвучит оскорблением.

Он ощущает свое благородство чем-то вроде кожи, естественным и неотделимым от тела. «Вы благородный.» – «А вы сомневались?!»

Но Эгерт, Эгерт-то каков!.. Танталь сумрачно улыбнулась, вспомнив разворачивающееся над палубой весло. Вздрогнула и похолодела, вспомнив трехгранный кинжал, вонзившийся в тонкое дерево…

– Эгерт, у тебя есть одна особенность. Ты всегда приходишь… в самый нужный момент. Когда без тебя… ну никак.

Солль невесело рассмеялся. Ретанаар временно оторвался от созерцания часов и подозрительно покосился на стоящих рядом Танталь и Солля – интересно, что он подумал?

Танталь вздохнула:

– Эгерт… Это судьба.

Глаза его снова сделались больными и напряженными – на мгновение.

– Ты так считаешь?

Теперь уже Рекотарс вздрогнул от их взгляда. Сдвоенного взгляда с одинаковым вопросом-испытанием.

– Эта девочка, – медленно начал Эгерт, – жила спокойно и счастливо… пока ей не исполнилось пять лет. В это время произошли события, о которых долго рассказывать… в которые вы, вероятно, будете посвящены со временем. Случилось так, что в семье произошел разлад. А потом наш с Торией старший сын, – он особо выделил сочетание «наш с Торией», – наш сын Луар отделился от семьи, сделавшись великим магом, прорицателем… и выйдя на поединок с некой внешней Силой, которую он только, унаследовавший мощь магов древности, и мог остановить. Случилось так, что Луар навсегда ушел от нас…

Эгерт запнулся. Танталь смотрела в сторону с таким видом, будто рассказ никак ее не касался.

– Мать Аланы тяжело перенесла… то, что случилось, – продолжал Эгерт медленно. – Я… да, я не поддержал ее в трудную минуту. На глазах девочки, внезапно потерявшей и отца, и брата, ее мать оказалась на грани сумасшествия… Бедная Тор. Жизнь могла быть… справедливее к ней. Хоть чуть-чуть… Алане было пять лет. Вы понимаете, господин Рекотарс, что такие испытания не проходят даром. Все, что творится с Аланой сегодня…

– Понимаю, – сказал Рекотарс поспешно. И кашлянул, будто у него запершило в горле, будто исповедь Солля была ему в тягость:

– Несмотря ни на что, я был бы рад… породниться с семейством Соллей и сделать жизнь Аланы… достойной и…

счастливой.

Танталь не могла определить, насколько искренне сказаны эти слова. Ритуальная, приличествующая случаю речь не предусматривает искренности, одну только торжественность…

За окнами набирало силу пасмурное сырое утро.

Он же не мальчишка, думала Танталь, разглядывая красивое породистое лицо. За ним наверняка бегают женщины… разные, в том числе изысканные… в том числе богатые… Неужели он действительно воспылал к девчонке-Алане, воспылал настолько, что готов мириться с ее совершенно невозможным поведением?!

Не верю, – насмешливо сказал скрипучий голос здравого смысла.

Зачем ему Алана? Может быть, он действительно мечтает породниться с Соллями – для худородного юноши это было бы весьма почетно…

Рекотарс – кто угодно, но только не худородный юноша.

Танталь вдруг помрачнела:

– Кстати… бестактный вопрос. Вас не смущает, что после всего… после приключений с комедиантами и в особенности после этой последней выходки… Алана формально может считаться… обесчещенной?

Солль вздрогнул; она поймала его укоризненный взгляд.

Извини, Эгерт. Это слишком важно, чтобы стыдливо молчать.

А потом она встретилась глазами с Рекотарсом – и устыдилась сама. Потому что в глазах неистового Ретано стоял такой непритворный упрек, что ей пришлось в смятении отвернуться:

– Извините…

– Из того, что с Аланой случилось несчастье, следует только, что надо быть к ней внимательнее, – сказал Рекотарс глухо. – Мне так кажется… А вам?

Танталь поняла, что он снова не притворяется. Хотя девять из десяти благородных гордецов поспешили бы в подобной ситуации бочком-бочком, да и в сторонку…

– Я приношу свои извинения, – сказала она тверже. – У меня и в мыслях не было заподозрить вас…

Она замолчала, тщетно подыскивая подходящее слово.

– И Алана уже дала свое согласие, – рассеянно, ни к кому не обращаясь, пробормотал Солль.

Еще бы, подумала Танталь. Кого-кого, а Алану легко понять.

Может быть, ему нужны деньги?

– Впору сговариваться о приданом, – протянула Танталь, стараясь, чтобы ее голос звучал бесстрастно. Рекотарс поднял голову:

– Возможно, я шокирую вас. Мои предки были достаточно щепетильны в вопросах чести… – он посмотрел прямо на Танталь, хоть этот взгляд и дался ему непросто. – Я хотел бы получить в качестве приданого копию книги уважаемого Луаяна, в которой, записана история магов на протяжении многих столетий… и где, как мне известно, упоминается имя моего предка. Я хотел бы почитать ее – сам… Не говоря уже о том, что это семейная реликвия, и госпожа Алана имеет на нее право.

Глава седьмая

Приличия города требовали, чтобы от помоловки до собственно свадьбы прошло менее полугода.

Традиция рода Рекотарсов была еще строже: девять месяцев, с тем, чтобы обоюдное чувство успело вызреть, как младенец в чреве матери…

Думал ли я, наследник Рекотарсов, что придется поступить с традицией, как с драной кошкой?

Обнаглевшая матросня причинила моему здоровью куда больший ущерб, чем показалось вначале. Я слег, как будто специально за тем, чтобы Солли получили возможность трогательно за мной ухаживать; Алана приходила трижды в день, чистенькая, скромная и смирная. Ни один моралист не заподозрил бы эту чудо-невесту в болезненной тяге к кабакам, спиртному и разнообразным подонкам. Я и сам спрашивал себя, протирая воспаленные глаза: а было ли? Не примерещилось?..

Не примерещилось, утверждали раны и кровоподтеки.

Миновала неделя; едва поднявшись с постели, я вызвал будущего тестя на серьезный разговор и как дважды два доказал ему, что наша с Аланой свадьба может состояться уже через месяц-полтора. Если уж наследный Рекотарс во имя особых обстоятельств наступает на горло обычаям рода – то почему то же самое не сделать и Соллям?

Господин Эгерт не смог отказать будущему зятю. И, боюсь, в основном из-за боязни, что за полгода Алана успеет влипнуть в новую историю. Воспитывать такую дочурку – все равно что кипятить молоко в горсти…

Вполне довольный судьбой, я вернулся в собственную комнату; непонятно, что за надобность заставила меня открыть дорожный сундук. И непонятно, почему замшевый мешочек для приданого оказался под крышкой, на виду – я же помнил, что упаковывал его на дно!..

Россыпи бисера на мягком черном боку не складывались в рисунок. Я нахмурился, прикидывая, поместится ли в мешочке увесистый томик этой сомнительной книжки «О магах»; потом, будто желая проверить подарок Черно на вместительность, рассеянно сунул туда руку.

Я успел поразиться мягкому теплу, царящему в недрах черной замши. В следующее мгновение меня схватили за руку – цепко, холодной костлявой ладонью.

Я не завопил только потому, что дар речи временно меня покинул. И, по счастью, свидетелей тоже не было – иначе они

изумились бы, увидев, как господин Рекотарс с выпученными глазами трясет рукой, заключенной, как в грубую перчатку, в мешочек из черной замши.

«Не ори».

– Отпусти, скотина, – сказал я шепотом, пытаясь сладить с дрожью.

Чужая рука, сжимающая мою ладонь внутри мешочка, стиснулась крепче: «Не дергайся. Тихо».

Голос принадлежал Черно Да Скоро. Хоть и звучал, кажется, исключительно в моем воображении.

Я зажал мешочек коленями. Поднатужился, пытаясь высвободить руку; со стороны, наверное, процедура выглядела комично.

«Ты можешь успокоиться и послушать?!»

– Отпусти!

«Если я отпущу, ты же ни хрена не услышишь, болван!»

Так, он обозвал болваном потомка Рекотарса… Нет, несвоевременная мысль. Черно, конечно, заплатит – но, вероятно, еще не сейчас. Сейчас надо взять себя в руки…

В руку. Дешевый каламбур.

«Ретано, когда я спляшу на твоей свадьбе?»

– Я тебя не приглашал, – пробормотал я, оглядываясь на дверь. Служанка решит, что я спятил и болтаю сам с собой.

«Пригласишь… К первому снегу ты должен быть дома, с девчонкой и книжкой. Поспеши.»

– У меня еще восемь месяцев в запасе! – сказал я зло, – Не гони, не запрягал!

Голос в моем воображении хихикнул.

«Восемь месяцев жизни тебе хватит? Целая зима впереди, и целая весна, прекрасное время, когда так хочется жить?»

Наверное, он ощутил, как взмокла в его руке моя ладонь.

– Я тебе служить не стану, – сказал я хрипло. – Надо будет – другого найду.

«Ищи».

Я почувствовал, что рука моя свободна. Рванулся, сбросил мешочек на пол, поднес ладонь к глазам; на коже явственно проступали отпечатки чужих цепких пальцев.

Я долго, сладостно и жестоко топтался по беззащитной замшевой тряпочке.

На другой день назначена была помолвка. Я глядел на сияющую Алану, наряженную по такому случаю во взрослое роскошное платье и потерявшей потому значительную часть угловатого подросткового обаяния. Я смотрел на довольного господина Эгерта, на насмешливую, но тоже довольную Танталь –

и чувствовал себя подлецом, каких мало.

На церемонию приглашены были несколько семей – в том числе, оказывается, и городской судья, и бургомистр, и начальник стражи; все они относились к семейству Соллей с таким искренним почтением, что мой темный стыд перерос в тоску.

Все они смотрели на меня как на блюдо, поданное к столу. Как на диковинку, как на счастливчика, как на самозванца – потому что, оказывается, в этом городе имелось несколько высокородных оболтусов, желавших породниться с родом Соллей.

И сочувственные взгляды я ловил тоже. Вероятно, похождения Аланы давно были известны всему городу.

С трудом выдержав вечер, сохранив на лице скучноватую, но в общем-то пристойную мину, я наконец-то сослался на головную боль и удалился к себе – навстречу бессонной ночи; наутро, все обдумав, сообщил удивленным Соллям о своем отъезде.

Традиции рода, твердил я в хмурое лицо господина Эгерта. Время от помолвки до свадьбы жених проводит в пути, в поисках испытаний. Я вернусь так скоро, как только позволят обстоятельства.

Танталь что-то там пробормотала в адрес традиций – я счел возможным не расслышать. Алана хлопала влажными глазами – я нежно чмокнул ее в горячую щечку, вскочил на коня и был таков.

Кто ищет, тот просто обязан найти. Я, может быть, еще вернусь к бедняге Алане – но свободным человеком, а не рабом приговора. И уж тем более не прислужником подозрительного бритого пройдохи по имени Черно Да Скоро. «Подручный чародея» – должность не для меня.

С малых лет все ее чувства были преувеличенно сильными. Любая удача делала ее пьяной от счастья, зато любое огорчение, даже самое ничтожное, мгновенно распухало, будто тесто в печи, и заслоняло собой небо.

Из раннего детства она помнила только брата.

Сама не понимая, как это могло случиться, она раз за разом пыталась вспомнить что-то еще, мать у колыбели, руки отца; она знала, что и это было, но воссоздать в памяти не могла. Будто воспоминания о Луаре, тщательно хранимые, понемногу вытеснили из ее детства все прочее, съели, выжили, как, говорят, кукушонок выживает из гнезда сводных братьев и сестер…

Первое, что она помнила о мире-без-Луара – поленница, корыто, смешное существо с фигой вместо головы, кукла, представление, театр…

Ей всю жизнь казалось, что театр – единственное спокойное место в мире-без-Луара. И даже убедившись в обратном, она

продолжала стремиться туда – из упрямства; платой был кошмар размалеванных повозок, качающаяся перед глазами дорога и грязные руки, от которых не уйти, не вырваться.

Если она чего-нибудь хотела – то до дрожи. Она могла упасть в обморок, если перед обедом ей запрещали есть сладости; если она не хотела ничего – сил оставалось только на то, чтобы лежать в кровати, лицом в по-душку.

Сны о Луаре приходили нечасто. То были сны о Высшем Существе; проснувшись после такого сна, Алана много дней чувствовала себя счастливой.

Старая нянька отпаивала ее травами. Нянька уже давно не смела ей ничего запрещать; Танталь смела, и это было тем более обидно, что к Танталь, названной сестре, она испытывала сложные, противоречивые, совершенно родственные чувства.

Танталь была воспоминанием о Луаре. Танталь была как клинок, разорвавший ту давнюю безнадежность, когда Луар исчез, и отец с матерью ушли каждый в себя.

Танталь была символом того, что и в мире-без-Луара жить можно.

Алана обожала названную сестру – до того дня, когда выяснилось, что молодая женщина не может вечно жить соломенной вдовой.

Алане было уже десять лет. И она прекрасно все понимала; отец сказал тогда, что Танталь свободна и вправе распоряжаться своей судьбой. И мать – а тогда она еще говорила – благожелательно кивнула и сказала, что желает девочке счастья; Танталь была первой, кто перестал ждать Луара, и Алана не смогла ей этого простить. Даже потом, когда Танталь вернулась… Алана не понимала, как это можно – вернуться. Сама она на месте Танталь попросту кинулась бы в колодец.

Впрочем, это, самое простое в жизни решение приходило к ней по любому поводу. Мысль о глубоком колодце казалась ей забавной. Спокойной и радостной. Естественной.

Но когда дело дошло до дела…

Сколько колодцев было на их пути? Когда, впервые в жизни избитая, она тянулась вслед за размалеванными повозками, под стражей длинных палок и острых взглядов, еще не веря, что все случившееся произошло именно с ней?..

Явление черноволосого человека со шпагой вывернуло мир, будто перчатку. Впервые в Аланиной жизни сон о Луаре, Высшем Существе, обернулся сном о Ретанааре Рекотарсе.

И теперь, глядя вслед уходящему жениху, она собиралась терпеливо ждать.

Как улитка в закрытой раковине. Как зерно в холодной земле.

До весны.

* * *

Дом стоял на болоте.

Проводник остановился на развилке – тропинка раздваивалась змеиным языком, правая половинка вела дальше в лес и казалась достаточно утоптанной, левая сворачивала в сторону и почти терялась в траве.

– Далее не пойду, – сказал проводник шепотом. – На краю болота станете, ежели хозяин захочет принять – огонечки пустит, такие, знаете, чтобы не утопнуть… Хоть было как-то, пришел нехороший человек, с недобрым пришел, видимо, так хозяин его как раз в трясину и за-манул… Только пузыри пошли. Вот.

Я прикрыл глаза.

Как мне это все опостылело. Колдуны и колдуниш-ки, жабы, крысы, летучие мыши, и каждый из кожи лезет вон, чтобы нагнать страху, и проводник обязательно останавливается на полдороги и авторитетно заявляет дальше не пойду…

Парнишка получил монету, попробовал на зуб, остался доволен, удалился, то и дело оглядываясь через плечо; я посмотрел на лоскуток неба, проглянувший через сплетение веток, плюнул и пошел по тропинке налево.

Болото воняло.

Болото смердело, как труп; посреди ровного, чистого, предательски гладкого пространства темнело неуклюжее сооружение на сваях. Я остановился, демонстративно вытащил из кармана чистый платок и закрыл себе нос.

Если только волшебник, угнездившийся посреди трясины, хоть чуточку обидчив – наверняка заведет меня в топь.

– …Гордый ты.

– Гордый, а к тебе вот приперся, – возразил я ворчливо.

Старичок вздохнул.Был он мал, сер, неухожен и волосат; по счастью, в поисках мага я привык не обращать внимания на внешность. Зловещие красавцы в черных плащах на поверку оказывались шарлатанами, а седобородые мудрецы – дураками, каких мало; этот же, хоть и почесывался время от времени, но глаза имел пронзительные, холодные, как лед.

– Приперся, – повторил он, в третий раз проводя по мне неудобным, как железная гребенка, взглядом, – Ясно, припрешься тут, когда висит на тебе… – он пожал плечами.

Я сглотнул.

Потому что это был первый после Черно маг, определивший,

что на мне «висит». Прочие ждали, пока я сам посвящу их в свои проблемы – и мне с порога становилось ясно, что время и нервы потрачены зря.

– Висит на тебе, – старичок прищурился, – вроде как мешки пустые, пыльные, скверные… Вроде как удавочка на шее. Удавочка со сроком – время придет – затянется…

– Сними, – сказал я просто. Старичок прикрыл глаза.

Веки у него были желтоватые, прозрачные, как пле-ночка; казалось, он продолжает смотреть сквозь кожу.

– Снял бы, да… Не станет у меня силенок. Другой бы врал, да плату требовал, а я прямо скажу – безнадежное это… дело. Я не возьмусь.

– А вот другой взялся, – сказал я, холодея. – Как думаешь – соврал?

Старичок зябко потер маленькие темные ладони:

– Не скажу… не знаю. Может, и соврал… кто проверит…

– Мне же помирать через полгода, – сказал я зло. – Может, ты бы поднатужился?

Он открыл глаза. Минуту назад они были зеленые – а теперь стали желтые, как засахарившийся мед.

– Нет. Не сдюжу. Надорвался… Давно…

– Тогда подскажи, кто бы взялся?

Старичок молчал.

По темной комнате плавал болотный огонь – выхватывая из полутьмы то пустую железную клетку, то мутное железное зеркало, но обломок мельничного жернова, странной прихотью заброшенный в угол ветхой избушки на сваях.

Праздник пронесся, устилая землю обрывками серпантина и россыпями несвежего конфетти. День Пре-многоликования, самый яркий, самый любимый горожанами день; дом семейства Соллей остался безучастен ко всеобщему празднованию. Не украшенный, вопреки традиции, цветами и фонариками, темный и пустой – слуги отпросились еще с полудня – дом молча переждал бурление ликующих толп.

Утром на захламленных улицах хозяйничал туман. В серой влажной кисее терялся редкий шелест первых утренних метелок; по направлению к городской площади шагал, тяжело ступая, высокий светловолосый человек. Частью светловолосый, частью седой.

Эгерту Соллю некуда было спешить. Сегодняшний день – тихий, туманный и пустой – нравился ему куда больше, нежели предпраздничная лихорадка либо пьяная суета всеобщего ликования. Занятия в Корпусе начинались сегодня на час позже –

незначительное послабление, учитывая, что большинство людей во всем городе станут отдыхать до самого вечера…

У Эгерта Солля был час для неспешной прогулки. Он долго стоял на горбатом мостике – канал недавно чистили, и вода, прежде цвелая, пахла теперь свежестью и мокрым камнем. Уплывали вниз жухлые листья; десять лет назад, в такое же туманное утро, Эгерт Солль стоял на этом мосту вместе с сыном.

Каким он был бы сейчас – Луар, которому без малого тридцать?

Эгерт Солль дорого отдал бы, чтобы вернуть те дни.

Ему казалось, что, будь он умней – все сложилось бы по-другому…

Впрочем, он обманывал себя. Раз в год, стоя на горбатом мостике, он мог позволить себе роскошь самообмана.

* * *

Я вернулся за три дня до назначенной свадьбы – осунувшийся, побитый дорогой, и, боюсь, не очень-то веселый с виду, Танталь, похоже, думала, что я вообще не вернусь. Или мне померещилось?..

Во всяком случае, когда она звала Алану, голос ее был вполне радостным:

– Скорее, невеста! Ну-ка, кто пришел?!

По крайней мере, девчонку они пока не потеряли. Девчонка не сбежала в лес, не ушла юнгой на торговом судне и не записалась в разбойники. Что уже неплохо.

Алана, пожалуй, даже похорошела. По-видимому, за ее угри серьезно взялись – во всяком случае, теперь их почти не было видно. В остальном невеста моя оставалась по-прежнему дитя дитем; я чмокнул ее в щеку, и щека была все такая же горячая. Мне показалось, что я вообще никуда не уходил. Только собирался.

Моя комната трогательно соблюдалась в неприкосновенности. И на столе лежали некоторые забытые вещи – в частности, замшевый мешочек, вышитый бисером, служанка, как оказалось, даже почистила его от пыли, стерла следы моих сапог…

Я запер за собой дверь и тяжело опустился в кресло.

Долгая зима – и весна, время, когда так хочется жить…

Рекотарсы никогда никому не служили. Оказать услугу – возможно, заключить сделку – куда ни шло…

Я взял мешочек в руки – почти с отвращением. Россыпи

бисера казались реденькими, ни узора, ни рисунка…

Надо бы почитать книжку Аланиного деда. Относительно магов, пусть историю Дамира она замалчивает – но, может быть, другие полезные сведения…

Внутри мешочка было по-прежнему тепло. И совершенно пусто; я осторожно ощупал внутренние швы. Невинный мешочек. Маги? Кто такие маги?..

В дверь тихонько постучали:

– Господин Рекотарс… Господин Эгерт зовет отужинать, нынче на ужин молочный поросенок, рыба в муке с винным соусом, дыня, фаршированная клёрсами, грибы…

Надо будет спросить, что такое клёрсы, подумал я машинально.

И в этот момент рука моя, по рассеянности остававшаяся в мешочке, ощутила прикосновение.

– Да! – выкрикнул я громче, чем следовало. – Скажи господину Эгерту… сейчас иду!..

Холодная рука, обитающая в темноте по ту сторону замшевого мешочка, на мгновение исчезла. Секунду спустя я почувствовал, как за мой мизинец цепляется чужой, согнутый колечком палец; я обомлел: мири-мири навсегда…

«Поискал?»

– Ты врешь мне, Чер… Чонотакс. Ты не можешь отменить Приговор!

«Ты действительно не веришь в мои силы? А может быть, просто не хочешь платить, желаешь, чтобы я освободил тебя даром?»

Я молчал. Рука Черно приятельски пожала мою ладонь.

«Не морочь себе голову, Ретано. Делай, как я говорю. Ладно, пусть это будет не служба… Пусть будет помощь. Бери девчонку, бери книжку и возвращайся.»

Я стиснул зубы и изобразил ответное пожатие. Не потому, что мне так уж этого хотелось.

Из вежливости.

Согласно приличиям, сопровождать новобрачную в дом молодого мужа полагалось кому-либо из родственников или домочадцев, в крайнем случае доверенному лицу, Солль, как мне объяснили, не мог ни на день оставить жену.

Вот уже три года полковник не покидал города – с тех самых пор, как госпожа Тория перестала выходить из комнаты; Танталь нашла десяток предлогов, чтобы не сопровождать нас, а старая нянька была слишком немощна для долгого путешествия. Таким образом, после недолгого колебания и моих обещаний разбиться в пыль ради блага Аланы жену решено было поручить

исключительно заботам мужа. Как то и должно отныне быть.

Солль предоставил нам дорожную карету и расторопного Клова на козлах. Хотел отправить с нами и служанку, но я отговорил его: в моем замке, сказал я небрежно, Алана не будет испытывать недостатка ни в чем. Ни в заботе, ни в любви, ни в слугах; полковник намеревался приставить к нам еще каких-то телохранителей, но я всерьез оскорбился: не знаю, как в роду Соллей, сказал я холодно, а в роду Рекотарсов муж считается достаточной защитой для собственной жены. Я вполне в состоянии доставить Алану до места – войны, слава Небу, не предвидится, а холодная зима еще не наступила.

Солль покусал губы – и смирился.

Наша с Аланой свадьба получилась многолюдной и пышной. Весь город спешил принести свои поздравления, увитые цветами гербы – Рекотарсов и Соллей – украшали чуть не каждую площадь, я пил вино и до хрипоты клялся Алане в верности. То есть не самой Алане – а всем, кто оказывался рядом, бургомистру, начальнику стражи, городскому судье, еще кому-то, еще, я очень убедительно клялся, я обещал отдать за Алану жизнь, быть достойным, оправдать, голову положить, лишь бы Алане было хорошо…

Потом все провалилось в темную яму, и я очнулся уже в супружеском ложе, и Алана сладко посапывала рядом, причем я – рогатая судьба! – никак не мог вспомнить, было что-то между нами или еще не было…

Теперь мы тряслись в карете по подмерзшим ухабам, и я снова и снова находил на багажной полке мягкий замшевый бок. Приданое. Тяжелый том в замшевом мешочке. Жизнеописание магов древности в исполнении декана Луаяна.

Молодая жена сидела напротив; карета снабжена была жаровней для обогрева, но Алана все равно мерзла, куталась в шаль и молчала. И я никак не мог понять, что стоит за ее молчание – обида? Или просто смущение подростка, оказавшегося ни с того ни с сего замужем за симпатичным, но – увы – почти незнакомым человеком? Или моя жена молчалива от природы? Качество для жены отнюдь не лишнее, но порой – сейчас, например – здорово удручает…

Вспомнить бы, что там было в первую брачную ночь. Неужели я – пусть и пьяный до потери памяти – мог обидеть женщину?!

Я спешил. Дни стояли короткие, гостиницы сменяли одна другую; мы с Аланой ночевали в разных комнатах, как будто бы для ее удобства, а на самом деле я никак не мог решиться. Будучи ее законным мужем, я видел в ней почему-то племянницу, дальнюю родственницу, которую мне поручили доставить с места

на место, вот я и везу…

Во всех без исключения гостиницах встречались аппетитные служанки. Как и в старые добрые времена, ни одна из них не умела устоять перед моей улыбкой; я останавливал себя лишь в самый последний момент. Служанки огорчались; удобнее было бы списать мое целомудрие на усталость и не до конца зажившие раны, но в глубине души я прекрасно знал, что останавливает меня темный стыд, тягостное чувство, природу которого я не желал исследовать.

Влюбленная Алана оставалась всего лишь фишкой в моей игре. Дальше так продолжаться не могло, мне немедленно следовало воспитать в себе супружеские чувства – хотя бы для поддержания самоуважения. И видит Небо, я старался. Я пытался увидеть женщину в хмуром подростке, желанную женщину, мою жену; ничего не получалось, я фальшиво улыбался и фальшиво заботился, и вскользь обещал, что скоро, мол, доберемся до дома- и вкусим прелестей жизни, может быть, устроим охоту…

Алана молчала. Я по-братски целовал ее в щечку – и спешил оставить в одиночестве.

В одно прекрасное утро – гостиница была скверная, из всех щелей тянуло холодом, я не выспался и чувствовал себя преотвратно – моей жены не оказалось в комнате. Более того – постель, небрежно постланная служанкой, не была смята.

Я не дал волю панике – и правильно сделал, потому что супруга моя обнаружилась почти сразу. Внизу, в пустынном обеденном зале, чадно было от горевших всю ночь свечей; в углу заседала азартная компания – трое плотных мужчин и моя женушка, девчонка Алана, с закушенной губой и веером карт в дрожащих руках.

Я сдержался. Подошел, удерживая на лицу мину благожелательной скуки:

– Дорогая, через полчаса будет светло. Я велел Клову запрягать лошадей… Вы готовы?

Трое картежников переглянулись со странными улыбками. Алана долю секунды изучала карты – а потом подняла взгляд на меня, и я содрогнулся, потому что в ее глазах стояло почти такое же выражение, как в первую нашу встречу, на дороге, в присутствии оравы комедиантов.

Первая моя мысль была – они ее чем-то обидели. И, уже наливаясь яростью, уже вспомнив, что шпага осталась в номере, я провел взглядом по их бледным от бессонной ночи лицам.

Один был парень лет двадцати, с большим подвижным ртом, с нагловатыми острыми глазками; двое других, постарше, служили ему тем не менее свитой.

– Что случилось, Алана? – спросил я ровно, прикидывая тем временем, как бы поудобнее выхватить табуретку из-под ближайшего ко мне картежника.

– Я проиграла нашу карету, – сказала моя женушка со вздохом. – И карету, и лошадей… И еще сто золотых деньгами. Я очень хорошо играла поначалу, но потом…

Я быстро огляделся.

Собственно, мне требовалось еще минуты три, чтобы стоять с выпученными глазами, восклицать «что?!», «какая бессмыслица!» и «ты сошла с ума». Я с удовольствием все это проделал, но времени не было; парень, душа и мозг противостоящей мне троицы, был, конечно же, шулером. Весь вопрос состоял в том, сумею ли я доказать его шулерство. Или недееспособность Аланы. Или еще что-нибудь предпринять, например, пока в зале пусто, придушить его ремешком…

Двое приятелей молодого человека, будто угадав мои намерения, одинаковым жестом положили руки на рукоятки невидимого под столом оружия.

– Разрешите представиться, – молодой человек, напротив, радостно улыбнулся. – Кильт Варкронн, из старшей ветви Варкроннов, с севера… Возможно, с моей стороны было несколько вольно познакомиться с вашей супругой без вашего ведома, но все мы в дороге, а в дороге этикет…

– Особенно важен, – закончил я сухо. – Особенно в дороге. Особенно для благородных господ, к числу которых, несомненно, принадлежит господин Варкронн… – я сделал вескую паузу, и сверля глазами подвижное лицо молодого человека, мысленно добавил: и не стыдно тебе шулерством зарабатывать, ты, аристократ?!

Господин Варкронн чуть порозовел:

– Разумеется, мы на позволили себе ни малейшей вольности… В отношении вашей супруги. Я был рад развлечь ее, и, признаться, ее живая натура и разумная игра доставили мне немалое удовольствие…

Я перевел взгляд на Алану. Живая натура сидела, втянув голову в плечи, и бездумно царапала ногтем столешницу.

Спутники Варкронна согласно закивали головами. Один из них, светловолосый крепыш, вытащил из-за обшлага аккуратную стопочку бумаг:

– Сие есть расписки, данные госпожой Аланой Рекотарс в качестве заклада… Свидетелем выступал милейший хозяин постоялого двора.

– Я сперва выигрывала, – сказала девчонка зло. – Я выиграла пятьсот монет! А потом не шла карта, вы тоже, Ретано, не смогли

бы… когда карта не идет…

Варкронн аккуратно собирал рассыпанные по столу карты. Лицо у него было как у доброго папаши: ничего, мол, не стоит огорчаться, со всяким бывает, когда карта не идет, за азарт ведь платим, азарт дороже денег, вот какую ночку госпожа Алана провела, на всю жизнь яркая память-плохо, что он оказался аристократом. Во-первых, это тем более оскорбительно, во-вторых…

Я вдруг понял, что опоздал. Что можно, конечно, объявить Алану сумасшедшей, да только вряд ли мне это поможет, можно обвинить Варкронна в нечестной игре – да только кто теперь докажет?!

Алана молчала, и лицо у нее было одновременно несчастным и вызывающим. Знаем уже, проходили – гордо задранный нос, холодное молчание, во всем, оказывается, виноваты карты…

– А во что вы играли? – услышал я собственный спокойный голос.

Варкронн тонко улыбнулся:

– В «Пятиглав». Госпожа Алана обожает сложные игры.

Я выдавил ответную улыбку:

– Я, признаться, тоже… Мне даже завидно. Госпожа Алана пережила столь сильные чувства, столь захватывающий азарт, в то время как я оказался обделенным… Вы меня обяжете, господин Варкронн, если согласитесь сыграть со мной несколько партий.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Молодой шулер не достиг бы успеха в своем деле, если бы не умел разбираться в людях; шулер понимал, что я-не столь нежная добыча, какой была Алана.

– Мы, признаться, должны уже ехать, – заметил светловолосый крепыш.

– Мы и без того…

Господин Варкронн улыбнулся еще тоньше:

– Что вы, господин… Рекотарс. Это вы меня обяжете… Несколько партий. К сожалению, на более длительную игру у нас нет времени…

Обеденный зал понемногу наполнялся – спускались из своих комнат зевающие постояльцы, заглядывали в поисках завтрака новые гости. Господин Варкронн глядел мне в глаза, и во взгляде его был нескрываемый веселый вызов.

Щ-щенок…

– Госпожа моя супруга, – сказал я Алане светским до приторности голосом, – будьте добры, поднимитесь в свою комнату… И отдохните перед дорогой. Потому что, возможно, нам придется идти пешком.

Светлое Небо, она задрала нос до самого потолка. И удалилась наверх с видом вдовствующей королевы.

Я проводил ее взглядом. Обернулся к господину Варкронну, невозмутимо распаковывающему новую колоду карт. И снял с мизинца маленький перстень, единственную вещь, подаренную мне матерью, драгоценную игрушку с голубоватым, остро отсвечивающим камнем.

«Пятиглав» никогда не был моей любимой игрой.

С первой же сдачей мне пришла карта на «пустую клетку», это редкость, это почти верный выигрыш – если забыть об одной детали. В моем наборе не было красной семерки, называемой «ключиком», а значит, соперник легко мог насовать в мою «клетку» пять-шесть верных взяток.

В честной игре вероятность такого поворота ничтожно мала. Я тщательно следил за руками соперника, сдающего карты, я не поймал его ни на едином неверном жесте – но сейчас, глядя, как Варкронн почесывает кончик носа, я был уверен, что он знает мои карты до единой.

Говорят, есть шулера, способные видеть колоду насквозь. Спина моя покрылась потом; Варкронн рассеянно объявил, что сыграет «большой бал». Я преодолел искушение играть «клетку», сжал зубы и кивнул, выражая согласие; Варкронн сыграл чисто, как по-писаному, и сто белобрысый приятель отщелкал на маленьких счетах мой первый проигрыш.

Да. Алана знала, с кем сесть играться.

Пришла моя очередь сдавать; я прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

Колода в моих руках. Прохладное прикосновение атласных карт; обеденный зал исчез, исчез стол вместе с шулером и его поделыциками, все на свете провалилось к псам, осталась колода и пестрое мелькание ярких рубашек. На обратной стороне карт изображен был вставший на дыбы конь.

Они только казались одинаковыми. Каждая рубашка имела свои неповторимые особенности; я чувствовал, как голову мою сдавливает, будто железным обручем. Кони ожили, завращали выпученными глазами, тот, что нес на себе бубновую даму, имел белое пятнышко на крупе, тот, что прикрывал пиковую десятку, казался чуть размытым, будто действительно на скаку…

– Сдавайте же, господин Рекотарс!

Эдак меня самого запишут в шулера…

Я сдал.

Теперь рубашки Варкронновых карт не были для меня немыми. Но радости это не прибавило – на руках у соперника оказалась почти полная «поляна»; ну не умею я сдавать с выгодой

для себя!..

Мы немного поторговались, больше для приличия, И я дал ему сыграть, и он опять все развел как по-писаному.

Щелкнули маленькие счеты; я щелкнул зубами.

Сдал Варкронн.

Голова моя ломилась; я глядел на рубашки его карт, и во вставших на дыбы красавцах-конях мне мерещились лошади нашей кареты. Я не мог узнать больше двух-трех – наверное, устали глаза.

Он заявил «малый бал». Я уперся и заявил «хоровод»; он подумал, хитро поглядел на меня и заявил «пустую клетку».

Против «клетки» у меня доводов не было.

Он начал, изящно, растягивая в улыбке и без того большой рот, я мучительно вглядывался в карты, и чем дальше, тем больше уверялся, что его «клетка» ловится.

Вот она, возможность отыграть все и сразу. В его «клетку» входили все семь, нет, восемь взяток, если только…

– Ходите, господин Варкронн! – я уже предвкушал торжество.

Он походил.

Этой карты не должно было здесь быть. Я прекрасно помнил, она ушла в «отбросы»…

– Что это за карта, господин Варкронн?

– Черная девятка. Вы разве не видите?

– Позвольте сосчитать ваши карты. Он поморщился:

– Господин Рекотарс… Я понимаю, когда дело доходит до проигрыша, все мы становимся нервными, подозрительными… Но, поверьте, не стоит так меня обижать. Пересчитайте карты здесь, – он кивнул на кучку «отбросов», – здесь, на столе, у себя, у меня… Или вы думаете, здесь несколько одинаковых?

И я понял, что он прав.

Что его «пустая клетка» сыграна чисто, а откуда взялась нужная карта – теперь уже не узнать, разве что он маг…

А если он маг?! Мелкий колдун, зарабатывающий картами? Кто докажет?!

Взять в руки карты считается позором для мага. Но ведь и для аристократа зарабатывать шулерством до недавнего времени считалось позором…

Я смотрел на свой проигранный перстень.

– Еще партию, господин Рекотарс? Или хватит?

Глаза Варкронна смеялись. Я заставил себя улыбнуться в ответ:

– Вы интересный противник… Еще.

Прикосновение карт приносило мне боль – будто кожа на пальцах стерлась до мяса. Я узнавал их на ощупь – красные были

теплее, черные холоднее… Тяжелее, легче… Неприметные черточки, помогающие опознать каждого из почти четырех десятков поднявшихся на дыбы коней…

Я сдал.

И я твердо знал, что на руках у Варкронна нет полного «хоровода» – но он заявил «хоровод», и глаза его насмехались.

Кто-то, неуклюже проходивший мимо, задел меня за плечо; прикосновение показалось резким, как удар.

Шум. Звон посуды, чьи-то голоса, хлопанье двери… За спиной, оказывается, стоят штук шесгь зевак, запах жареного, смех…

Я вылетел из мира карт, как пробка вылетает из бутылки. Я выпал во внешний мир – как раз вовремя. Потому что игра не всегда ограничивается одними только нарисованными фигурками.

Вот она, горка «отбросов». Вот длинный острый локоть, будто невзначай касающийся выбывших из игры карт, едва заметное движение, словно Варкронну тесно на скамейке…

В следующую секунду кинжал, сам собой оказавшийся в моей руке, вонзился в столешницу – с изнаночной ее стороны. Зеваки ничего не поняли и вздрогнули от глухого удара по дереву.

Я бил вслепую. Мог бы угодить и по руке – но попал по карте, теперь она пришпилена бы;ла к столу, прибита снизу, будто гвоздем.

Жизнь в обеденном зале шла своим чередом. За нашим столом стояла тишина; зеваки перешептывались Мы с Варкронном смотрели друг другу в глаза.

– Ты хорошо играешь, – сказал он наконец одними губами. – Видишь рубашки… Мог бы зарабатывать.

Я пожевал губами, будто собираясь плюнуть ему в лицо.

Крик«Шулер!» обходится дорого. И шулеру, и – бывает – кричавшему. Охочая до расправы толпа не всегда умеет разобрать, кто прав, а кто провокатор…

Варкронн скосил глаза на белобрысого – осторожно, будто боясь выпустить меня из поля зрения:

– Отдай.

Тот набычился. Поерзал на табурете и передал мне под столом ворох подписанных Аланой бумаг – закладные…

И вся троица одновременно поднялась. Белобрысый подобрал счеты, Варкронн сгреб со стола карты:

– Спасибо, господин Рекотарс, за доставленное удовольствие… Выигрыш ничего не стоит. Всего дороже азарт… Примите заверения в почтении.

И трое двинулись к двери, сопровождаемые недоуменными

взглядами, а я потихоньку, с усилием – надо же, нервы! – вытащил кинжал из столешницы.

Карта была пробита ровно посередине.

Как ни странно, происшествие с шулером не только не испортило наших с Аланой отношений – напротив, положило начало взаимопониманию. Когда я, пошатываясь, с пробитой картой в кармане, поднялся в ее комнату, когда она, злая на весь мир и готовая к скандалу, обернулась ко мне от мутного гостиничного окна, когда я, не отводя взгляда, молча положил на столик ее закладные расписки – да, эта минута стоила того, чтобы переиграть десяток шулеров. Или даже дюжину.

Мы тронулись в путь, и снова в молчании – однако все теперь было по-другому. Молчание как разновидность беседы; Алана молча меня обожала, а я дремал, откинувшись на подушки, и в дреме мне виделся родимый замок, неселенный тихой, скромной, до гроба любящей меня женой.

В замшевом мешочке над моей головой дремала книга «О магах». Я все собирался открыть ее где-нибудь на постоялом дворе – но никак не решался. Если я вычитаю там нечто, способное оскорбить память Мага из Магов Дамира, то осложнятся не только отношения с Соллями, но и, вполне возможно, с мерзавцем Черно Ла Скоро…

Хотя, по правде говоря, куда больше страшил меня черный замшевый мешочек. Я не хотел себе признаваться-но для того, чтобы сунуть туда руку, мне потребовалось бы все мое мужество.

До родных земель оставалось несколько дней пути. Я уже узнавал знакомые места; погода стояла прозрачная и холодная, как ломтик льда, снега выпало чуть-чуть, будто для красоты, лошади бежали легко. Зима была свежая, едва наступившая, в ней было что-то от крахмальной сорочки с кружевным воротником; я жмурился, оглядывая из окна кареты все ее хрустящее великолепие, и Алана, видя мою радость, радовалась тоже.

От замка нас отделяли две ночевки, когда на одном из постоялых дворов случилась знаменательная встреча.

Оборвыш стоял снаружи, у входа, кутался в женский платок и жалобным голосом просил «Услужить господам, хоть лошадь почистить, хоть дырку зашить, все за медную монетку». Молча удивившись, как хозяин гостиницы терпит под боком назойливого мальчишку, я прошел было мимо – но в последний момент оглянулся.

Оборвыш, воодушевленный моим вниманием, загнусавил живее:

– Господин, возьмите в услужение, все умею, хоть лошадью править, хоть дырку зашить…

Почему-то ему казалось, что зашивание дырок есть главная и насущная потребность всех в мире господ.

Да, вид он имел скверный. Отощал, глаза ввалились,во время нашей последней встречи он выглядел тоже неважно – но все-таки куда здоровее.

– Я еще и петь могу, – пробормотал парнишка, умоляюще заглядывая мне в лицо. – Возьмите в услужение, добрый господин, не пожа…

Его глаза округлились. И он меня тоже узнал.

– Привет, – сказал я небрежно. – Кливи, или как тебя там-тощее личико болезненно сморщилось, будто Кливи Мельничонок собирался зарыдать.

– Это кто? – спросила за моей спиной Алана. Кливи всхлипнул и протянул мне свои руки – ладонями вверх.

Обе ладони были в старых шрамах и в свежих пузырях. Как будто Кливи вот уже полгода ловил рыбу в кипятке.

Чужие монеты жгли его, будто огонь. Как, впрочем, и было сказано.

Ничего другого он не умел. Всякая честная работа, за которую он с горя брался, выходила ему боком; его гоняли и били, с голодухи он снова принимался воровать, обматывал руки тряпками и даже однажды купил себе кожаные перчатки. Ничего не помогало; всякий раз, когда его рука касалась чужого кошелька, он едва удерживал крик боли, и, даже если везло, неделю после этого не мог «верите – даже справить по-человечески нужду». Руки покрылись ожогами – работник из него стал совсем уже никудышный, никто его не нанимал, никому он не был нужен, он зарабатывал жалобными песнями на ярмарках, но, во-первых, народ нынче на жалобное не падок, а во-вторых его снова стали гонять, потому что разрешения «на нищенство» у него нету…

Все это он рассказал взахлеб, когда, заплатив хозяину две монетки, я устроил его на ночлег в сарае для сена. Кливи был счастлив по самую крышу – отогревшись и поужинав, он уверовал в собственную счастливую судьбу и, радостно улыбаясь, сообщил мне:

– А тот, помните, Ахар… По кличке Лягушатник… Одноглазый. Которому смерть через месяц… Так через месяц и закопали. УТОПИЛСЯ, говорят, по-глупому, в луже, с коня упал и захлебнулся, и вроде трезвый был… Каково – в луже-то утонуть?!

Мне показалось, что мягкая ледяная рука приятельским жестом погладила меня по спине.

– Назначено так, – сказал я глухо. – Назначено было через месяц – он и в миске утопился бы, будь спокоен… Кливи

поскучнел. Губы его горестно поджались:

– Назначено… А тут с голоду подыхай…

И он уставился на свои несчастные руки.

Я раздумывал.

Хотя, собственно, и думать-то было не о чем. Если судьба расщедрилась и послала мне Мельничонка – значит, какие-то резоны у судьбы имелись…

– Поедешь со мной, – сказал я мягко.

Кливи оторвал взгляд от своих ожогов. Заглянул мне в глаза – сперва недоверчиво, потом радостно, потом подозрительно:

– Так ведь… Это… А вам когда помирать-то? Славный мальчик. Добрый и непосредственный.

Больше всего я боялся, что на подъемном мосту нам встретится свинья.

Казалось бы, глупость – но всю последнюю перед возвращением ночь мне снилась эта жуткая картина: молодая жена впервые видит замок благородного мужа, подъемный мост навеки опущен, и посреди проезда стоит немыслимых размеров свинья, которую не сдвинуть с места без хорошего заряда пороха…

Я проснулся в холодном поту.

Мы добрались до замка к полудню; как только за деревьями показались башни, я оседлал лошадь и поскакал вперед.

Свиньи не было. На покосившихся стенах лежал снег, белая блестящая маска скрывала от посторонних глаз щели и выбоины, скрадывала ветхость и запустение; во внутреннем дворе стояла вечная осень, было слякотно и грязно, и мощно воняло навозом.

– Итер! Итер!!

Через час, когда карета въехала на подъемный мост, свинью уже резали. По всему замку носились нанятые в деревне горничные и слуги, в покрытой пылью кухне развели огонь; молодой муж выехал навстречу женушке на белой, как снег, молодой кобыле.

Алана осторожно выглянула из-за бархатной занавески. За моей спиной ждал приговора замок – дряхлая развалина, обиталище призраков…

Я боялся, что она скажет: и это – твердыня Рекотарсов?!

– Как красиво, – шепотом сказала Алана.

Отсюда, с пригорка, поселок выглядел игрушкой – белые крыши, сизые ниточки дыма над крышами. Дни стояли слишком холодные, слишком суровой обещала быть зима, во всем поселке топились печки.

И только над крышей дома на пригорке небо было девственно чистое и прозрачно-голубое. Чонотакс Оро не разводил огня.

– Я, это… Господин Ретано, я магов-то боюся, можно, я во дворе пережду?

Кливи согрелся, пока мы поднимались в гору, и бесстрашно подставлял розовое лицо царствующему на пригорке ветру.

– Нельзя, – сказал я сухо. – Мужик он хороший, бояться нечего, о тебе же думаю, дурья башка!

Я врал. Как раз о Кливи я совершенно не думал, а думал исключительно о себе.

Калитка даже и не думала запираться. Во дворе было пусто – ни собаки, ни дров, ни вообще признаков ведения хозяйства… Хотя дрова Чонотаксу и не нужны…

– Тут никто не живет, – радостно сообщил Кливи. – Съехал, видать, ваш маг-то…

Будто в ответ на его слова пронзительно скрипнула входная дверь. Я был готов к встрече – но все равно вздрогнул.

– Входите, – сказал Черно.

Он был завернут в лохматую шубу до пят, но голова его, вызывающе нагая, ловила глянцевой поверхностью отсветы зимнего дня. Черные, малость сумасшедшие глаза глядели безо всякого выражения; я невольно вспомнил хватку холодной руки в глубинах замшевого мешочка.

Мы вошли, причем Кливи пришлось тащить едва ли не силой.

Внутри огромного дома было даже холоднее, нежели снаружи. В уже знакомой мне зеркальной комнате потолок покрыт был инеем, а сами зеркала подернулись изморозью, красиво и жутковато. Кливи начал дрожать – все сильнее и сильнее, вроде бы от холода, хотя щеки у него горели, как манишки снегирей.

– С возвращеньицем, Ретано.

Чонотакс уселся, похожий в своей шубе на лесное чудовище из детской сказки. Из объемистых рукавов вынырнули тонкие белые руки; Черно Да Скоро сплел пальцы и уперся локтями в колени – чтобы было куда водрузить чисто выбритый подбородок.

Рад тебя видеть, – солгал я с улыбкой. – Я свое обещание выполнил.

Бледные губы Черно растянулись, будто резиновые. После такой ухмылки уже не требовалось ничего говорить – она была красноречивее речи.

– Надеюсь, ты тоже выполнишь свое обещание? – спросил я вкрадчиво.

И без того узкие глаза господина мага сощурились еще больше:

– А почему ты не принес… вещь? О которой сговаривались?

Я улыбнулся еще шире:

– Не все сразу… то есть, конечно, она твоя. Но вот в чем загвоздка… Есть мнение, что выполнить услугу, о которой мы с тобой договаривались… что выполнить ее в принципе невозможно, – я перевел дыхание, потому что слова эти были, по сути, моим приговором.

В лице Черно ничего не изменилось. Как будто я говорил с железной болванкой.

– Я хочу быть уверенным, что ты в состоянии выполнить обещанное, – сказал я уже с нажимом. – Как твой… клиент, я имею на это право.

Кливи, молча дрожащий в углу нервно потянул носом. Чонотакс медленно перевел на него взгляд – парнишка испуганно икнул.

– Имеешь, – подтвердил Черно все так же бесстрастно. – Собственно, я с самого начала понял, зачем ты притащил сюда этого… Мельничонка. Поди сюда.

Последние слова относились к мальчишке; Кливи дернулся и подошел – будто его тянули на веревочке.

Не обращая внимания на икания, сопение и прочие производимые парнем звуки, господин маг взял его руку и обернул ладонью к себе. Тихонько присвистнул:

– Да… Ретано, ты пришел ко мне вроде как с ультиматумом. Докажи, мол, маг, свою невшивость, тогда посмотрим, иметь ли с тобой дело…

Я открыл рот, будто желая возразить. Черно покачал головой:

– Да ладно, молчи… Ничего особенного в этом нет. Никакой это не ультиматум. Так, нормальные деловые отношения… Можно, в принципе, представить себе колдунишку, который объявит тебе, что приговор снят, ты полгода прогуляешь в счастливом неведении, а тут трах-бах, несчастный случай…

Я проглотил слюну.

– Да, – продолжал Чонотакс, задумчиво глядя на Кливи, – я знаю, что мне надо от тебя, ты должен понимать, насколько я состоятелен… Парень, подойди, будь добр, к тому вот зеркалу, и подыши на него.

Кливи повиновался – как кукла, которую дергают за ниточки. Старательно вытянул губы и подышал на изморозь; белая струйка пара моментально проела зеркальную полынью, но не круглую, как следовало ожидать, а какой-то грибоподобной неправильной формы.

– Ладно, – Чонотакс снова опустил подбородок на сплетенные пальцы.

– Иди, Ретано… Иди к жене, завтра получишь своего воспитанника…

Парню повезло. Он тебе по гроб должен сапоги лизать, эдакий подарочек… задаром…

Я помедлил, потом, строго кивнув на прощанье, двинулся к двери; на пороге меня догнал отчаянный вопль Кливи:

– Господин Ретано! Не оставляйте меня! Заберите меня, я не хочу!..

В крике был такой непритворный ужас, что моя занесенная нога так и зависла в воздухе.

– С ума сдурел, – невозмутимо констатировал Чонотакс. – Эх, парень, тебе бы знать свою выгоду…

Я ушел, неся в груди неприятное сосущее чувство. Как будто я отдал живое существо алхимику для опытов.Кливи дотопал до замка наутро – голодный, ошалелый и совершенно ничего не помнящий. Последним его воспоминанием был двор, пустынный и как будто безжизненный; о чем мы говорили с Чонотаксом, что и как проделывал господин маг с ним, непутевым Кливи – ничего этого он не знал и сам здорово удивлялся.

Надо сказать, что к этому моменту благоустройство замка, начатое с таким размахом, понемногу затихло – кончились деньги. Идею большого пира в честь приезда молодой жены пришлось отложить до лучших времен по счастью, Алане замок нравился несмотря ни на что. Она находила удовольствие в том, чтобы блуждать по стылым комнатам, подниматься на башни и изучать покрытые паутиной святыни древнего рода; я немного опасался, не встретится ли ей в ее странствиях призрак. То есть бояться, конечно, было особенно нечего – но и радости мало, я не имел понятия, каким образом такая встреча может на моей жене сказаться…

Между нами установились вполне приятельские, но странные для мужа и жены отношения. Я по-прежнему не входил к Алане в спальню, но теперь для этого была новая внутренняя отговорка: прежде, чем вкусить радости супружества, я должен избавиться от приговора Судьи и свернуть отношения с Чонотаксом. Я все время порывался придумать какое-то объяснение и для Аланы – обычаи рода, что ли, которые запрещают мужу касаться жены на протяжении всего медового месяца… Подобную чушь мой язык отказывался произносить; Алана воспринимала мое отчуждение внешне спокойно, кто их знает, этих пятнадцатилетних жен, может быть, ей вполне достаточно дружеского похлопывания по плечу…

Был ясный зимний день, Кливи отправился в поселок; я заранее позаботился о том, чтобы никто нас не видел вместе. Пикантное знакомство с Кливи Мельни-чонком мне было как-то ни к чему.

Первым делом я зашел в трактир – и не ошибся.

Кливи был здесь.

Прежде безденежный, он восседал теперь за ломящимся от снеди столом. Пряный соус стекал по тощим рукам; Кливи ел, облизывал пальцы, чмокал и чавкал, и во всем его облике было неприкрытое, кипящее, вопиющее блаженство.

Толстый кошелек дался ему охотно и без труда.

Я прислонился к стенке. Ноги мои подкосились – как будто воплощенное могущество Чонотакса Оро явилось предо мной в дыме и пламени, явилось, чтобы усесться на скамейку рядом с жующим Кливи и подмигнуть узким, малость сумасшедшим глазом.

Кливи наслаждался жизнью.

Из трактира, уже сытый по горло, он отправился на базар, и я своими глазами видел, как он вытащил монету из кармана зазевавшегося сапожника. Снова и снова исчезая в жидкой вечерней толпе, он выныривал еще более счастливый, пьяный без вина, потирающий руки…

Через три дня непрерывного воровства его поймали в ближайшем городишке. Я узнал об этом от Итера, а тот, в свою очередь, от поставщика, привозившего в замок продукты. По его словам, изловили на горячем какого-то шустрого мальчишку, у которого при обыске обнаружилось чуть не целое состояние; ограбленные, вот уже два дня плакавшие по пропавшим кошелькам, гурьбой сбежались в управу, и припомнили воришке все, и даже больше, и тамошний бургомистр чудом сумел предотвратить самосуд. Воришку приговорили по всем правилам и отправили на каторгу, и поделом; выслушав эту историю, я поблагодарил Итера и тут же, пожаловавшись на головную боль, удалился к себе.

Мне было скверно.

Глава восьмая

Отступать было некуда. Плата за мое помилование лежала в замшевом мешочке, а мешочек в сундуке, за семью замками; вернувшись из поселка, где наслаждался безнаказанностью тогда еще не пойманный Кливи, я был готов к тому, чтобы хватать книгу и немедленно бежать в дом на горе. Пусть господин маг явит свое могущество – теперь уже применительно к потомку Рекотарсов.

Но дни зимой короткие; смеркалось. Я вспомнил темное и холодное, без единого огонька, обиталище Черно Да Скоро – и, стиснув зубы, отложил визит на завтра.

Тем более что книгу «О магах», написанную дедом моей жены, столь ценимую Чонотаксом книгу я так ни разу и не открывал.

Мы поужинали вдвоем с Аланой – в огромном зале, под вой ветра в камине, под сопение Итера (слуга Сол-лсй Клов вот уже несколько дней как отбыл назад, сообщить хозяевам о нашем благополучном прибытии на место).Ужин прошел в молчании – тем более что Алана сидела на другом конце фамильного стола, и докричаться до нее можно было разве что в рупор.

Она сидела, странно похожая на фамильный портрет моей прабабки, неожиданно взрослая в этот вечер, даже, пожалуй, красивая; она сидела, отрешенная и бледная, девочка, которую я принес в жертву собственным интересам, маленькая живая фишка…

И тогда, глядя на серьезное лицо своей юной супруги, я поклялся себе, начиная с завтрашнего дня, делать все ради ее удовольствия.

И начиная с сегодняшней ночи.

Я ее муж. Я сильный мужчина, а не какой-нибудь худосочный маг, передо мной сидит моя законная жена, и хватит нездорового воздержания – я хочу любить се нежно и страстно…

Алана заметила, как изменился мой взгляд, и на ее бледных щеках проступила краска.

После ужина я галантно предложил ей руку. Путь в спальню был долог – через две галереи, по бесконечной винтовой лестнице, сперва Итер шел впереди, но потом я отпустил его и взял подсвечник сам.

Рука Аланы, опиравшаяся на мой локоть, дрожала.

И все-таки… Пес раздери, скажет ли мне кто-нибудь, что там происходило в нашей спальне в первую брачную ночь?!

– Алана, – спросил я, желая упокоить ее и развлечь, – а ты

читала эту книгу?

Я не уточнял, какую. Она и без того поняла, и рука ее сильнее сдавила мой локоть:

– Я не люблю. Эти маги… могучие, всемогущие, – в голосе ее скользнуло презрение. – Такие, разэдакие… Тогда почему на страже – один Луар?!

Мы подошли уже к приоткрытым дверям спальни. Внутри мерцал огонь – служанка, нанятая специально для Аланы, по такому случаю расстаралась.

– Твой покойный брат? – спросил я механически. Нет, я по праву горжусь своим умом и тактом. Но и на старуху бывает ой какая проруха – голова моя и все прочее заняты были другим. Настолько другим, что и оплошность свою я осознал тогда только, когда рука Аланы, сделавшись холодной, как уж, соскользнула с моего локтя.

У нее были огромные круглые глаза. В глазах отражались свечи.

– Он… не покойный. Он…

– Прости пожалуйста, – сказал я быстро. – Я оговорился. Я не то хотел сказать…

Ее лицо как-то сразу сделалось мокрым. Как будто слезы брызнули сразу отовсюду, фонтаном:

– Ты… Вы…

Она отшатнулась и захлопнула за собой дверь спальни.

– Алана!! Ну прости меня, дурака, поверь, у меня и в мыслях не было, что Луар… Прости, это случайно вышло, ну хочешь, укуси меня за язык?!

Молчание.

Я прекрасно помнил, как это у нее бывает. Когда она захлопывается, будто орех в скорлупе, и хоть ты на ушах пляши – ответом будет только болезненная подростковая спесь…

Мне очень хотелось залепить свечкой о стену – но мы, Рекотарсы, по праву гордимся силой духа, хладнокровием и выдержкой.

Я последовательно отпер семь замков и вытащил из сундука замшевый футляр с тяжелым томиком внутри. Все равно, кроме книги, у меня не оставалось собеседников на этот длинный вечер.

И ночь, если я не смогу заснуть.

Мне было жаль Алану. Ее детская вера в то, что брат жив, заслуживала по крайней мере уважения… Хотя, с другой стороны, до старости жить иллюзиями – нелепо.

После минутной внутренней борьбы я одолел страх перед замшевым мешочком. Но лезть в него рукой все равно не стал – взял за уголки и аккуратно вытряс книгу на отцовский

письменный стол. Жизнеописание магов грузно шлепнулось на столешницу, и даже при свете свечей видна была туча пыли, поднявшейся от этого шлепка.

Посверкивал золотом тисненый переплет. И-я склонился ниже – черным кругом выделялось пятно на титульном листе, так, будто кто-то ставил здесь грязный стакан.

Я протер глаза.

Когда эту книгу торжественно вручали мне в качестве Аланиного приданого – никакого пятна не было. Я готов был дать ухо на отсечение, что не было…

Проглотив горькую слюну, я раскрыл книгу посередине. Без должного трепета, без замирания сердца – возмущенно, будто кладовщик, обнаруживший порчу ценной вещи.

Так и есть.

Пятна на страницах. Загнутые уголки. Неужели Солли намеренно передали мне загаженный экземпляр?! Неужели они позволяли кому-то так обходиться с семейной святыней?!

Замшевый мешочек лежал передо мной на столе, будто пустая шкурка. Нет, Солли не хотели оскорбить меня, Солли упали бы в обморок при виде того, что сделали с реликвией, она же источник знаний. И я даже догадывался, кто это сделал.

А кто хватал меня за руку, которую я неосторожно сунул в вышитый бисером мешочек?! Если рука моя была в доступности для Черно – то книга тем более, значит, пока мы путешествовали… Пока я свято верил, что выкуп мой храниться тут же, под боком – Черно успел насладиться своей драгоценной книжкой. Черно получил все, к чему стремился, и значит…

Я сел. Поднялся снова. Упал в кресло, подтянул колени к подбородку. Холодно…

Он обвел меня вокруг пальца. Он играет мной; злость, обуявшая меня, была так сильна, что, засовывая руку в мешочек, я чуть не проткнул его насквозь.

Ждать пришлось недолго. Холодные пальцы взяли меня за запястье – будто намереваясь пощупать пульс.

– Скотина, – сказал я сквозь зубы, – ты зачем испортил хорошую вещь?

«Ах, Ретано. Этот мир состоит из вещей – но не вещи главное в этом мире».

– Ты дождешься. Ты доиграешься. «Когда-нибудь ты поблагодаришь меня за то, что я пустил тебя в свою игру».

– Значит так, господин маг. Завтра… сегодня на рассвете я навещу тебя в твоем логове, и ты проделаешь со мной то же самое, что проделал с Кливи. Я отдам тебе книжку вместе с мешком. И знать тебя не желаю, мы незнакомы, ясно?!

«Погоди, Ретано. Не горячись… Я сниму с тебя приговор, будь уверен. Не приходи на рассвете – на рассвете я сплю. А утром, будь добр… у тебя есть какая-нибудь золотая вещь? Такая, чтобы и Алана знала ее тоже?»

Я молчал, сбитый с толку.

«Скажи Алане, что эта вещь… что золото ржавеет.»

– Что?!

«Скажи ей, своей жене, что зо-ло-то ржа-ве-ет. И все. Придешь ко мне.»

Его рука соскользнула с моего запястья. В замшевом мешочке сделалось пусто – только мои пальцы нервно скребли по внутреннему шву.

Остаток ночи я провел за книгой декана Луаяна. Не знаю, сколько потребовалось труда, чтобы написать такой толстый том – но даже читать его было очень утомительно. Поначалу мне приходилось попросту себя заставлять.

Ту часть, где повествовалось о событиях тысячелетней давности, я пропустил. «Это было давно и неправда».

Первым знакомым именем, выловленном мною в оглавлении, было имя Ларта Легиара; я воспрял духом, потому что если столь уважительно отзываются о слуге – каковы же должны быть почести господину?

Но о Маге из Магов Дамире в оглавлении не было ни слова. Что и требовалось доказать; я раздраженно отодвинул загаженную Чонотаксом книгу.

Будем надеяться, по крайней мере, что творении моего нового родича Луаяна нет вранья. Что оно всего лишь неполно.

Стояла глухая ночь, в каминной трубе завывал ветер, ни о каком сне не могло быть и речи; уныло пройдясь по комнате, я снова уселся и пододвинул книжку к себе.

«…Как видим, Легиар был одним из выдающихся магов своего времени и крупной фигурой в истории магии вообще… Основным его деяниям принято считать победу над Черным Мором, который и в наши дни напоминает о себе – хотя бы страшными сказками… Уже одного этого хватило бы, чтобы Легиар навсегда остался в нашей памяти – но другое его деяние, на мой взгляд, куда более весомое, традиционно хранилось в тайне… Уважая авторитет таких исследователей, как…»

Я облизнул губы и пропустил длинную ссылку.

«…не могу все же не отметить, что их сведения с этом вопросе отрывочны и неполны… Обращаясь к…»

Я пропустил длинный перечень названий и источников, звучавший диковатой тарабарской музыкой.

«…на сведениях, подчерпнутых в беседе с…»

Я зевнул.

«…рискну все-таки предположить, что главным деянием Ларта Легиара была схватка в Преддверии мира с Тем, кто явился извне… Мы знаем об этом недопустимо мало. Такова была воля Легиара – не разглашать… Возможно, у него были веские на то причины. Уважая желание моего старшего собрата, приведу здесь всего не-сколько бесспорных, по моему мнению, фактов: во времена, когда Легиар находился в пике своей мощи, у двери встал Тот, кто пришел Извне (его еще именуют Третьей силой)… Привратником ему должен был послужить Руал Ильмарранен по кличке Марран, маг, лишенный могущества… Но Ильмарранен отрекся от миссии, и потому должен был погибнуть по воле Того – однако вмешательство Легиара переменило ход событий… Мы знаем, что Легиара и Ильмарранена всю жизнь связывали сложные, болезненные отношения. Мы знаем, что эта последняя схватка подорвала силы Легиара; мы знаем, что Того, кто приходит извне, невозможно одолеть ни силой, ни волей, его можно либо впустить, либо не впустить… Таким образом, известный нам мир был сохранен исключительно благодаря Ильмарранену – а Легиар всего лишь отбил его у оскорбленной Третьей силы… Часто спрашивают – но ведь Тот, что пришел Извне, там и остался? С кем же тогда сражался Легиар? Кто знает; отвечу лишь, что когда зима остается за дверью, малый сквозняк все равно входит к нам – через щель…»

Я поежился. Как раз в этот момент зима за дверью ощутимо о себе напомнила – из щелей дунуло так, что заколебались огоньки свечей.

«Итак, Легиар остановил Мор и спас тем самым тысячи людей… в том числе, возможно, и автора этих строк. А потом Легиар сразился с Тем, что Извне, укоротил себе тем самым жизнь – и спас одного человека, Руала Ильмарранена, своего на тот момент врага, и потом хранил свой подвиг в тайне… Кто возьмется судить о его поступках? Я не берусь…»

Я пролистнул – сперва пару страниц вперед, потом обратно. Здесь имелось подробное жизнеописание Легиара – когда, откуда, с кем, почему…

И только о службе у Мага из Магов не было сказано ни слова.

Я переборол приступ раздражения. Тупо поиграл страницами; потом вспомнил нудные годы учения и поступил, как когда-то в детстве: зажмурил глаза, раскрыл книгу наугад и ткнул пальцем посреди страницы.

«…следовательно, последний подвиг великого безумца Лаш не состоялся; тот, что ожидал у Двери, так и не смог войти… Впрочем, „подвиг“ Старца вернее всего оказался бы неслыханным

преступлением, потому что никто не знает, зачем чуждая этому миру сила желала овладеть им… Кое-какие не вполне ясные намеки содержались в „Завещании Первого Прорицателя“, самой ценной из известных в мире книг… К сожалению, к настоящему моменту ни одна копия – а их было не так много – не сохранилась. Мы лишились неоценимого источника знаний… и теперь можем полагаться только на слова людей, когда-либо читавших „Завещание“… Так, со слов Орвина-Прорицателя, а также Ларта Легиара, а также Орлана-Отшельника известно одно ключевое звено… Одна непоколебимая закономерность – появление Того, кто стоял за дверью… именуемого также Третьей силой… вызывает ответ со стороны Амулета Прорицателя. Золотой Амулет… ржавеет».

Нет, умные книги пишутся не для меня.

Я поднял голову, вероятно, близилось утро. То есть рассвет наступит еще не скоро – но уже проснулись петухи, уже проснулись собаки, уже возится внизу парнишка, племянник Итера, которого тот использует в качестве служки…

В голове у меня шумело от громких имен и великих событий. Которые ушли в небытие. Которых уже почти никто не помнит – кроме чудаков вроде Черно Да Скоро…

Зато память о моем предке Дамире жива. И если у нас с Аланой будут дети, – тут я невольно вздохнул, – я передам эту память и им тоже…

Я без сожаления спрятал старую книгу в мешочек из черной замши.

Если она так уж нужна господину Чонотаксу – да пожалуйста, сколько угодно…

Мне она ни к чему.

Алана явилась к завтраку хмурая и бледная. Желая загладить вчерашнюю оплошность, я завел длинный разговор о прелестях зимы, об охоте, которую мы непременно устроим, о снежных увеселениях и катании на санях; Алана слушала с видом человека, жующего кислый томат. Зимние увеселения ее не вдохновляли: решила страдать – будет страдать до последнего.

И вот тогда – не то от по глупости, не то с отчаяния – я пробормотал, обращаясь к узкому, затянутому изморозью окну:

– Помнишь колечко, на которое я карету обратно отыграл? Золотое колечко? Чего-то оно… не пойму… вроде ржавеет. Это самое… Золото, короче, ржавеет. Странно, правда?

У меня и в мыслях не было выполнять распоряжение Черно Да Скоро.

Я в жизни не выполнял ничьих распоряжений; не знаю, что за пес дернул меня за язык. Скорее всего, дало себя знать

раздражение; я так хотел содрать с лица Аланы брезгливую гримаску, что не раздумывал о выборе средств.

Алана молчала; я почувствовал себя полнейшим гороховым шутом. Странные развлечения у господ магов, странные шуточки; по крайней мере, у меня будет полное право заявить Чонотаксу, что его дурацкое задание исполнено и все, мол, сказано в точности…

Хмуря брови и пытаясь тем самым сдержать улыбку, я обернулся к жене.

Алана сидела белая, как молоко. И на лице у нес был такой ужас, что смех застрял у меня в горле.

– Алана, что с тобой?

Она проглотила слюну, шея судорожно дернулась. Мне показалось, что она сейчас грохнется в обморок; я поспешил подскочить и поймать ее в охапку:

– Да что случилось, пес раздери?!

– Ржавеет, – повторила она шепотом, и в голосе ее было нечто, отчего кожа моя мгновенно покрылась мурашками.

Проклятый Чонотакс. Проклятый Черно Да Скоро. Что ж такого я сказал-то?!

– Он пришел снова, – сказала Алана, и рука ее больно сдавила мой локоть. – Он… опять. А Луар… там-Опять Луар. Накануне супружеской ночи – Луар, скоро я так возненавижу этого ее братца, что стану вздрагивать от звука его имени…

– Алана, я пошутил. Я пошутил, я… что, пошутить нельзя?!

Она так на меня посмотрела, что, обладай ее взгляд способностью материализоваться – я остался бы приколотым к стене, как бабочка на булавке.

Потом, отстранив мои руки, почему-то прихрамывая, побрела в свою комнату.

А я скрипнул зубами, собрался, как на парад, нацепил шпагу, взял книгу в замшевом мешочке и поплелся к скотине Чонотаксу, полностью уверенный, что короткая история нашего неприятного знакомства подошла, наконец, к завершению.

В четвертый раз переступал я порог Чонотаксова дома и, как надеялся, в последний; господин маг принял меня любезно. В комнате с зеркалами специально по такому случаю обнаружилось удобное кресло, а то мучительное для седалища сооружение, в которое Черно обычно усаживал своих гостей, оказалось задвинутым в угол.

Впрочем, меня эта трогательная подробность вовсе не смягчила.

– Итак, – сказал я официальным голосом, – господин Чонотакс Оро, я исполнил нашу с вами договоренность. Я привез

интересующую вас вещь и вправе ждать теперь, что и вы исполните обещание. Немедленно. Для операции с Кливи Мельничонком вам понадобилось, мне помнится, часов десять?

Покрытые изморозью зеркала жадно ловили зимнее солнце. Комната утопала в холодном матовом свете; то место, где дыхание Кливи растопило лед, так и осталось незамерзшим. Зеркальная клякса в виде уродливого гриба.

– Этот воришка плохо кончит, – задумчиво пробормотал Чонотакс.

Я вытащил футляр с книгой. Положил его на ладонь, словно взвешивая; тяжесть была изрядная. Господин Луаян писал веско.

Некоторое время мы с Чонотаксом смотрели друг другу в глаза. Потом он отлепился от подоконника – а все это время он стоял, расслабленно облокотившись, словно у него недоставало сил держаться прямо – и через всю комнату прошел ко мне. Протянул руку, желая взять Луаянов труд; я положил книгу себе на колени.

– Господин Чонотакс, когда мы начнем избавлять меня от приговора?

– Собственно говоря, – пробормотал он, глядя, как я нервно поглаживаю черную замшу футляра, – вы могли бы оставить ее себе… Потому как я уже все, меня интересующее, знаю.

– Хорошо, – отозвался я ровно. – Пусть эта книга, приданое моей жены, станет украшением моей библиотеки… В любом случае свои обязательства я выполнил. Я хочу, чтобы вы как можно скорее выполнили свои.

Чонотакс вздохнул. Отошел от меня, постоял у замерзшего зеркала, осторожно царапнул изморозь кончиком длинного ногтя.

– А куда ты спешишь, Рстаио? Ведь у тебя почти полгода впереди?

Я встал.

Собственно говоря, чего-то подобного мне и ожидалось. Черно Да Скоро обожал играть во всевластие. Он был прямо-таки прирожденный шантажист.

Целую секунду я боролся с острым желанием обнажить шпагу.

Этот жест был бы лишним – оружие не обнажают, чтобы пугать. А резать Чонотакса я пока еще не собирался; обуздав себя, я ограничился тем, что положил руку на эфес:

– Господин Чонотакс Оро. Я не намерен тратить время на болтовню. Избавьте меня от ваших плоских шуток и приступите к исполнению обещаний. Сейчас же.

Рукоятка шпаги становилась все более теплой. От жара моей ладони.

Черно Да Скоро провел пальцем по сверкающей иэ-морози. Вздохнул почти укоризненно:

– Ретано… Ты все видишь во мне какого-то обманщика и злодея. Я же сказал: сниму! Сниму с тебя приговор, можешь забыть о Судье уже сейчас…

– Так и избавь меня сейчас.К чему эти разговоры, язык охота почесать?!

– Фу, какой ты грубый, Ретано, – с отвращением пробормотал Чонотакс. Прошествовал через всю комнату к окну, отогрел круглую бойницу в заиндевевшем стекле, уставился в далекую даль; взгляд у господина мага был такой отрешенный, как будто там, над ясным морозным горизонтом, проплывали сейчас светлые воспоминания о его первой любви.

Приступай, – сказал я кротко. – Выполняй обещание.

Черно Да Скоро вздохнул. Провел ладонью по голому черепу; странно, что ничем не согретая башка господина мага до сих пор не покрылась изморозью.

– Видишь ли, Ретано… Дело в том, что я продолжаю нуждаться в твоей помощи. Вспомни, как мы договаривались – «услуга за услугу»… Я прошу тебя – потерпи, помоги мне еще чуть-чуть, тебе это нетрудно, зато я буду обязан по гроб…

Он говорил, не оборачиваясь. Буднично, словно советуясь со мной по поводу погоды.

Я прямо-таки физически ощутил, как по клинку моей шпаги бегут холодные мурашки.

– То есть как? – спросил я страшным голосом. – Вы отказываетесь признать условия сделки… выполненными?

– Они выполнены не до конца, – Черно наконец-то оторвался от созерцания и обернулся ко мне. По выражению черных глаз нельзя было понять, издевается он или просит прощения.

Моя шпага вылезает из ножен почти бесшумно. Одно движение – и острие уперлось Чонотаксу в горло. Чуть ниже подбородка.

Еще никто на свете не вызывал во мне такой ненависти.

– С-скотина… Обманщик. Тебе придется выполнить обещание, или…

По клинку фамильной шпаги побежала крупная мутная слеза. Будто капля воска по тельцу свечки; позабыв закрыть рот, я смотрел, как тает мое оружие. Будто воск. Сталь оплывает, клинок укорачивается, мутные капли падают на пол, кап, кап…

На самом деле все произошло мгновенно. Моя шпага стекла на пол, и упавшие капли сложились в рисунок, какой-то цветок вроде хризантемы, и я еще целую секунду смотрел на этот цветок, сжимая в руке странно легкий эфес.

– Ретано, – сказал Чонотакс почти что жалобно. – Зачем ты такой нервный, я же говорю с тобой, как с другом…

Я запустил в него эфесом. Промахнулся с трех шагов; жалобно брякнув о стену, огрызок фамильной шпаги проскакал по комнате из угла в угол.

– Ретано, все или еще что-нибудь?!

Так не бывает.

Я могу преспокойно драться один против двух десятков – но бритая бестия с черными узкими глазами, вызывающе спокойная бестия едва не свела меня с ума.

Ярость моя была как смоляная яма, разверзшаяся вдруг под ногами.

Еще минута – и я ухнул бы туда с шумом и плеском, с ревом уязвленной гордости, отчаянно и безвозвратно. И в сладостном процессе мести превратился бы в беснующуюся, брызжущую слюной, бессильно кидающуюся обезьяну. Возможно, я взялся бы душить господина мага, или бросать в него мебелью, или бить ногами; вероятно, я позабавил бы Чонотакса Оро. И еще вероятнее – потом, не переживя позора, повесился бы на первом суку.

Я чудом сдержался.

Я горжусь собой – я сдержался; под взглядом черных, малость сумасшедших глаз вернулся в кресло. Сел и закинул ногу на подлокотник, хотя мышцы были как деревянные.

– Ретано… Имей терпение. Я сделаю все, что обещал… чуть позже. И чем охотнее ты станешь мне помогать – тем скорее произойдет это освобождение… Понимаешь?

– Шантажист, – сказал я сквозь зубы. – Ты… Я сроду не боялся магов, никаких. Более того – для моего дела требовался именно сильный маг, я еще, помниться, радовался любому доказательству Чонотаксовой состоятельности…

А теперь у меня впервые возникла мысль, что, возможно, мне вообще не следовало переступать порог этого дома.

Мысль показалась мне унизительной, и, стирая саму память о ней, я издевательски усмехнулся:

– Горами двигаем? На ярмарку, зарабатывать – не пробовал? Нет?

Черно не обиделся. Пробормотал без улыбки, как-то даже грустно:

– Горами… А ты как думал, Ретано? Ты вот ездил-мотался, много нашел охотников твой Приговор отменять? В очередь, поди, становились?

Я отвел глаза.

Он был прав. Ни одна скотина не взялась; а были ведь, как

тот старичок на болоте, вполне приличные маги…

Я вспомнил, как радостно таскал чужие кошельки амнистированный Кливи Мельничонок. У нас с ним разные приговоры – но Судья-то один и тот же!..

– Ты, значит, у нас особенный, – процедил я, глядя в сторону. – Маг из Магов Чонотакс… Прямо-таки воплощение великого Дамира. Да?

– Какая разница, чье именно воплощение, – рассеянно вздохнул Черно, и от этих его слов мне почему-то сделалось не по себе.

Короткий зимний день подходил к концу. Белый матовый свет понемногу наливался красным – завтра будет ветрено, и ветер будет обжигать…

Холод, которого я до сих пор не замечал, внезапно подступил со всех сторон, пробрался под одежду, залез в сапоги; мне захотелось взяться руками за плечи, но я удержался. То был бы жест, выдающий слабость.

– Ретано… Ты сказал Алане, что золото ржавеет?

Я поднял голову. Некоторое время смотрел господину магу в глаза, потом отвернулся снова:

– Иди… к псам. Хватит, комедия закончена. Я тебе служить не стану, жалею только… что девчонку в это дело втравил. Ну да ничего, молодая вдовушка… снова замуж выйдет. Будь здоров, Чонотакс Оро. Счастливо оставаться.

И, ощущая странное облегчение, поднялся и вышел.

До замка я добрался уже в полной темноте. Итер встретил меня на пороге, и с первого же взгляда на его вытянувшуюся физиономию стало ясно, что умереть спокойно мне не дадут.

– Госпожа Алана… Она… еще как вы ушли, солнищ-ко было… прогуляться… в рощу… Отчего не прогуляться?! Час нету… Два нету… Я мальчишек послал… следы, говорят, ейные, через рощу да на дорогу, а там полозья… потеряли, короче. Я уж и в поселок… посылал… нету, как языком слизали…

Алана.

Усталость надавила, навалилась, вжала в землю, кажется, даже следы мои на снегу сделались глубже. Волоча ноги, я вернулся к конюшне, тяжело взобрался в седло и поскакал в поселок.

Сколько там кабаков? Два? А в соседнем поселке? А притоны, о которых я ничего не знаю?..

Вот как, я обидел Алану. Дважды подряд обидел, оба раза страдала память о ее драгоценном брате, неудивительно, если в первом же трактире я обнаружу пятнадцатилетнюю женушку, пьяную как сапожник…

Привязывать буду, подумал я, ожесточенно нахлестывая лошадь. От меня не убежишь… на цепь посажу. Узнает, каково… позорить имя Рекотарсов…

А позору не оберешься. Здесь не город; здесь только один господин Рекотарс на всю округу, и в кабаке, где пьянствует нежная госпожа, наверняка уже собрались зеваки…

Лошадь возмущенно вскричала. Я обращался с ней поквински. Эдакий хряк в седле…

Аланы не оказалось ни на постоялом дворе, ни в большом трактире, ни в маленьком трактирчике на окраине. Более того – никто ее и не видел, все глаза смотрели с одинаковым удивлением, а ведь здешние жители не из той породы, чтобы лицемерить и хранить тайну…

Лошадь, которую я гнал по снегу, выбивалась из сил.

В соседнем поселке Алану не видели тоже. Как будто, выйдя из замка, она взмахнула руками и поднялась прямиком в холодные небеса.

Я заснул под утро. Всю ночь мне мерещился стук в дверь – будто явился полковник Солль, будто бы он приехал в гости к дочери… И мне предстоит выйти к нему навстречу.

А потом оказывалось, что это бред. Что это ветер стучит в окно – и тогда я успокаивался, и спрашивал себя: а может быть, ее и не было? Аланы? Может быть, потрясенный приговором Судьи, я полгода пропьянствовал в замке и допился до хмельных видений?!

Утром я задремал; стоило сну сомкнуться над моей головой, как перед закрытыми глазами тут же обнаружился темный канал, горбатый мостик над каналом… где-то все это уже было.

А на мостике стоял старик. Длинный и тощий; старика я точно никогда не видел, и предпочел бы не встречаться с ним вовсе, потому что взгляд у него был… Как будто я смотрю на лекарский ланцет. И сразу захотелось проснуться.

– Она у него, – устало сказал старик, роняя камуше неподвижную черную воду. По воде разошелся круг.

Я хотел взять с собой старосту и людей из поселка, но никто не пошел. Все оказались больными, слабым1 многодетными; староста извинялся и приседал, но идтти на холм ему никак не можно. Пусть благородный гос, подин Рекотарс великодушно простит – но не мужицкое это дело, вламываться к магу, господин Рекотар свободная птица, а мужикам тут жить, их земелька кормит…

Итер не смел отказать – но глядя на его иссиня-бледное лицо, я сам отменил собственное распоряж ние. Взял огниво и вязанку факелов, у подножия холм зажег сразу два – и двинулся на гору, с

огнем среди бела дня, будто пещерный дух, они, говорят, тоже с лампами бродят…

Калитка не была заперта. Как обычно.

Дверь отворилась почти сразу же; Черно стоял в гл бине прихожей, по уши закутанный в мохнатую шубу.

– Привет, – сказал я, пропуская факел впереди себя. – Я пришел тебя согреть.

Трудно сказать, чего я ожидал. Черно молчал; отсветы пламени плясали на голом черепе.

Я шагнул вперед, намереваясь ткнуть его факелом лицо…

– Осторожнее, – сказал он негромко, – Ты неверно понял. Я не люблю огня – не значит, что я боюсь его Ты ведь тоже не любишь дерьма. Но если некто швырнет в тебя… какашкой, ты ведь не пустишься в ужасе бежать? Нет?

И, пока я хлопал глазами, протянул руку и оторвал от факела клочок огня – оторвал, как кусок соломы.

– Извини, что я сбил тебя с толку.

Несколько мгновений пламя прыгало у него на ладони – как-то странно прыгало, будто пытаясь убежать; потом он сжал пальцы – пламя скомкалось, как тряпочка, и погасло.

И оба моих факела погасли тоже.

Стало темно. А может быть, мне показалось; Черно Да Скоро высился передо мной, как черная мохнатая тень. Да только на голой макушке лежал тусклый блик.

– Что стоишь? Пришел – заходи… Мы с Аланой как раз о тебе говорили. Зайдешь?

Я не двигался с места.

– Если раздумал – иди домой… Алана потом вернется. Только на пороге не стой, потому как дверь закрыть надо… Сквозит…

– Алана! – позвал я хрипло. Огромный дом молчал.

– Тебе это запомнится, – сказал я глухо, наперед зная, что это не пустая угроза, что я наизнанку вывернусь, но отомщу Чонотаксу Оро.

За ощущение полного бессилия, свалившееся на меня в эту минуту.

– Войди, – терпеливо повторил Черно Да Скоро. – Ты просто… извини, Ретано, ты храбрый человек, но ты дурачок. Ты две недели вез эту книжку – и даже не удосужился толком ее почитать. Женился на девушке – и даже не разузнал толком… о ее семье. О брате…

Снова – этот ее брат.

– Опять-таки извини, Ретано. Я думал, что ты свяжешь в уме… Аланиного деда, его книгу, Луара. Я думал, что ты мне

сознательно поможешь… Вместо этого ты впал в истерику. Жаль; собственно, на этом этапе я уже могу обойтись без твоей помощи. Извини.

– Алана!! – рявкнул я так, что зазвенели стекла. Пауза.

В глубине большого дома скрипнула дверь. Приблизились неуверенные шаги; Алана остановилась на верхней площадке лестницы, будто решая, спускаться ко мне или нет.

Я облизнул губы. Маленькая, в короткой шубке, на вид даже моложе своих лет; лицо ее, привыкшее носить мину гордости и злости, показалось мне незнакомым. Печальное лицо обиженного ребенка.

– Алана, пойдем домой, – сказал я мягко. Ее губы необходимо было смазать питательным маслом. Немедленно, иначе они растрескаются еще больше,до крови, и будет очень больно…

– Алана… – мой голос дрогнул.

– Он говорит, – Алана удивленно воззрилась на Черно, будто впервые его увидев, – он говорит, что ты… что вы женились на мне из-за книги. Что это он вам велел жениться на мне… Это правда?

Я проглотил слюну. Черно Да Скоро стоял в двух шагах, теперь, когда глаза привыкли к полумраку, я прекрасно видел его лицо, но глаза Черно выражали то же, что и всегда. Ничего не выражали.

– Скажи ей, Ретано, – со вздохом попросил Чоно-такс. – Ответь жене… Правда? Я поднял глаза на Алану.

Сейчас она была очень похожа на Эгерта Солля. На тринадцатилетнего мальчика Эгерта.

– Нет, – сказал я, спокойно глядя ей в глаза. – Это гнусное вранье. Этот господин – маг и потому считает, что ему все позволено… Спускайся, Алана. Мы пойдем домой.

Черно Да Скоро усмехнулся:

– А вы бесчестный человек, Ретанаар Рекотарс… Как же так? Лгать в глаза любимой жене? А?

– Алана, пойдем домой, – повторил я ровно.

Она не двинулась с места.

– Он говорит, что мы с Луаром связаны… ниточкой… что я могу отвести его к Луару. Я бы хотела. Вот тогда мне сделалось страшно.Проще всего было бы принять Алану за сумасшедшую – вслед за матушкой… Я непременно решил бы, что она тронулась умишком. Если бы рядом не стоял Черно Да Скоро, который рвет огонь руками, будто солому. Которому, как выясняется, не столько книжка нужна была, сколько…

«Ретано, ты храбрый человек, но ты дурачок».

– А я дурачок-таки, – сказал я шепотом.

– Вот и я говорю, – охотно согласился Черно. – Извини, но мне нужна девочка.

Мне казалось, что я вязну в его извинениях, как в киселе. Откуда-то со стороны донесся мой до странности спокойный голос:

– Вот и надо было самому на ней жениться… Мне она тоже нужна, Чонотакс.

– Нет, – губы Черно изогнулись дугой, уголки их резко опустились вниз. – Будь честен хоть сам перед собой…

– Алана, ко мне! – рявкнул я.

Алана не двинулась с места.

Чонотакс помедлил. Чуть усмехнулся краешком рта,развернулся, бесшумно поднялся по лестнице и оттуда, сверху, поманил рукой. Приглашая.

Я стоял на месте минут пять, будто меня приколотили гвоздями. Потом шагнул вперед…

Невидимый люк, мгновенно разверзшийся под моими ногами, проглотил меня вместе с моим неродившимся воплем.

…В старину существовал любопытный способ выдержки вина: бочку оставляли в каменной нише, а рядом замуровывали живого узника, лет эдак на двадцать-тридцать, а лучше на пятьдесят, чтобы наследники виноделов, вскрыв тайник, обнаружили драгоценный сосуд в соседстве с истлевшим скелетом.

Говорят, однажды бочка оказалась пуста, просверлена камушком, а скелет хранил на желтом черепе выражение пьяного довольства. Возможно, тот счастливец познал радости жизни, какие его тюремщикам никогда и не снились…

Так подумал я, очнувшись в подземелье. В цепях. У холодной и волглой стены.

«Ретано, ты храбрый человек, но ты дурачок». Последним, что я помнил, была распахивающаяся под ногами пустота. А вот удара не случилось; как будто прямиком из Чонотаксовой прихожей я мягко ухнул сюда, в темницу, на цепь-глаза мои привыкли к темноте.Уши напряглись, пытаясь выловить из сырого воздуха что-нибудь, кроме отдаленного звука падающих капель. Все происходило как по нотам – я не удивился бы, если бы рядышком обнаружился в ржавых цепях мой сосед и предшественник, некто, чья одежда успела истлеть, а кости почти полностью обнажиться…

– Экая ты скотина, Чонотакс, – сказал я вслух. Ответа не последовало. Короткие цепи не позволяли мне опустить руки, железный пояс, ввинченный в стену, не давал встать. В такой позе с удобством можно было рвать на себе волосы, но никакое другое занятие, увы, не представлялось возможным.

– Я убью тебя. Черно!..

Моя правая нога, бесполезно лягающая воздух, вдруг ударилась о твердое, мой вскрик и глухой удар по дереву прозвучали почти одновременно.

Бочка.

Р-рогатая судьба, это бочка, зачем я вспомнил рецепт виноделия, к которому, если верить летописям, никогда не прибегали мои предки?!

Я затравленно огляделся.

Бочки выступали из стены, длинная галерея огромных бочек, точно такая же, как в подвале моего собст-венного замка, если неведомые виноделы решили заложить сразу два десятка сосудов, то почему они сэкономили на узниках? Разве им хватит меня одного?!

– Я убью тебя. Черно, – сказал я шепотом. Думать можно в любой позе. Или почти в любой, первым делом я подумал об Алане, и эта мысль заставила меня взвыть и выгнуться дугой. «Будь честен перед самим собой».

– Значит так, – сказал я яростно. – Алана моя жена. Даже если первую брачную ночь я прохрапел, как свинья, равнодушный и пьяный… Даже если я женился на ней по расчету – все равно она моя жена! Я за нее отвечаю! И если ты, скотина, немедленно не выпустишь ее… Пеняй на себя!!

Свирепые вопли придавали мне мужества. Я орал и плевался, и перепуганное эхо прыгало по подземелью, как сумасшедший заяц.

Потом я устал. Выдохся; жалобно звякнули цепи, и будто в ответ, в темном углу подземной галереи тихонько вздохнули.

Я притих.

Вздох был знаком мне. Я слышал его не раз – зимними вечерами, осенними ночами, когда так грустно воет в трубе ветер, и в особенности в тот памятный день, когда в замок явились торговец недвижимостью, оценщик и купец…

– Кто здесь? – спросил я хрипло.

Тишина. Полчаса тишины; я вдруг понял, что у меня болят все кости. Что руки и ноги затекли. Что поясницу ломит от холода, что я жалок вместе со всеми своими угрозами…

Новый вздох.

– Кто здесь? – повторил я, не слыша собственного голоса.

Вместо ответа он вышел на открытое пространство; в темноте я с трудом различал его, немолодого, щуплого, с горящими глазами призрака, казавшимися, тем не менее, слегка близорукими.

Я вжался спиной в холодную стену.

Он? Или другой?..

– Где… мы? – поинтересовался я, овладев голосом. – Это… замок?

Он устало кивнул.

Так, хорошо. Стало быть, потомок Рекотарсов сидит прикованный в подземелье собственного замка. Никогда не ведите дел с магами, господа, это вылезет вам боком, я говорю со знанием дела…

– Где же Итер?!

Призрак пожал плечами.

Итер может преспокойно хозяйничать наверху и слыхом не слыхивать, что его хозяин помирает в подвале. Если во власти Черно заковать меня в собственном подземелье – вряд ли его планам может помешать слуга, сколь угодно старый и сколь угодно верный…

– Я убью тебя, Черно, – сказал я в третий раз. Призрак махнул рукой, словно говоря – а, меня это не касается…

Возможно, призрак на меня зол. Возможно, с его точки зрения, случившееся есть справедливая расплата за мерзостную попытку продажи родового замка…

Он по-прежнему неподвижно стоял посреди галереи. В окружении бочек; кому как не мне знать, что большая часть из них навеки опустела. Виноградники Рекотарсов пришли в упадок, поместье пришло в упадок, да и род, кажется, выродился… Произведя на свет «дурачка»…

– Что смотришь? – злобно процедил я, встретившись взглядом с горящими глазами щуплого призрака. – Рад?

– А чему радоваться…

Меня подбросило так, что цепи звякнули снова. Мне послышалось? Еле различимый голос, бледный, как ползущая по камню струйка серого песка…

– Чему радоваться… Я ничем не могу тебе помочь, Ретано. Никак.

– Я не нуждаюсь в помощи, – сказал я хрипло. Призрак устало прикрыл свои горящие плошки:

– Нуждаешься… Ты поступил против совести, и не раз. Я тебя понимаю… Сам такой… был.

– Ты кто? – пробормотал я, невольно подбирая под себя ноги.

Он заморгал.

Это выглядело одновременно жутковато и потешно – при его-то светящихся глазах; я плотнее вжался в стену.

– Тебе… действительно… интересно? Кажется, в его голосе была насмешка. Горькая. Я подумал, что мне вскорости понадобиться справить нужду. Этот миг неотвратимо

приближается; через пару дней, даже еще и не померев, я уже буду являть собой жалкое зрелище. Потому что мне даже нечем расстегнуть штаны.

Впрочем, если мне не дадут воды… Проблема, возможно, отпадет сама собой?.. Я облизнул запекшиеся губы.

– Да… мне интересно. Конечно. Вы… мой предок? Он кивнул. Горящие глаза потускнели, будто подернувшись пленкой:

– Я… твой прадед, Ретано. Но поскольку я завел потомство, будучи уже в солидном возрасте…

– Кто-кто? – переспросил я удивленно.

– Меня зовут Дамир! – сказал он с нажимом, почти выкрикнул, если слово «крик» каким-то образом соотносилось с его голосом-тенью.

Некоторое время было тихо, только вода, пес знает откуда просочившаяся, отсчитывала мгновения моего молчания.

– Я мечтал, – сказал я наконец. – Я так хотел…

Умеют ли призраки лгать? Он, стоящий передо мной в окружении пустых бочек, нисколько не похож ни на один из трех своих портретов…

Нет, похож. Если ты художник, если ты желаешь угодить господину, если послушный холст стерпит лишние два вершка роста, и дополнительную красоту, и чуть больше мужественности, и мудрость в нарисованных глазах…

Собственно, каждый из трех художников льстил по-своему. Но все трое льстили; потомки увидели Мага из Магов в ином, приукрашенном обличье. Человек, обладающий такой внутренней мощью, и выглядеть должен внушительно…

– Помогите мне. Маг из Магов, – попросил я шепотом.

Горящие плошки мигнули снова:

– Видишь ли, Ретано… Когда человек зачем-то лжет, он должен быть готов к тому, что эта ложь потом ему припомнится… Я солгал.

Я молчал, не понимая.

– Некогда… много лет назад… я служил магу, великому магу, его имя было Ларт Легиар… В одном из странствий по прихоти его я переоделся господином, а он – слугой… Мы играли каждый свою роль, и так, подмененными, прибыли в этот замок, и здесь, дабы убедить барона в могуществе магии, хозяин мой обернулся драконом, а я победил его… в игрушечной схватке, схватке-лицедействе. Весть об этом разошлась так широко, что, когда спустя много лет… оставив службу у Легиара… я вернулся в этот замок и барон отдал за меня… нет, не дочку, как ты думаешь – внучку… я не стал развенчивать старые легенды. Они помнили меня могучим магом – я воспользовался… и не стал никого

разубеждать. Я прожил в довольстве, наплодил детей, основал новый род и умер… Но я никогда не был магом, Ретано. Я всего лишь служка… при великом господине. Я и сейчас еще боюсь, что Легиар отыщет меня по эту сторону смерти… И спросит за обман. А я не смогу ответить.

Вода капала. Весь мир вплелся сейчас в один этот звук, сочащийся, будто сукровица. Кап. Кап.

– Ты лжешь, – сказал я на удивление спокойно. Он покачал тяжелой головой:

– Нет. Сейчас я говорю правду.

– Ты лжешь, – повторил я упрямо, с ужасом понимая, что еще секунда – и я ему поверю.

– Я бы не стал тебе рассказывать этого… Но ты, признаться, в таком отчаянном положении, что… короче говоря, у тебя есть шанс скоро сделаться вторым призраком этого замка. Я подумал, что тебе обязательно надо узнать…

Я поверил.

Как будто холодная вязкая жижа хлынула на меня сверху, залепила глаза и уши, лишила возможности дышать; руки мои, и без того затекшие, окончательно онемели.

Я поверил. Ибо не верить явной правде – удел не «дурачка» уже, а полного идиота…

– Ты знаешь, – сказал я срывающимся голосом, – тебе ведь не поздоровится, если я действительно стану здесь призраком номер два. Потому что первым делом я доберусь до тебя. И…

Он устало вздохнул. Плечи поднялись и упали:

– Ты… Ретано. Ты не волнуйся, но… Сперва надо все-таки умереть. А в твоих условиях… это долго и скверно.

Я проглотил слюну. Странно, что у меня еще осталась слюна – пусть вязкая, пусть горькая, но до смерти от жажды все же еще далеко…

– Разве ты не позовешь Итера? – спросил я еле слышно.

Он поднял на меня укоризненные светящиеся плошки:

– Я очень редко выхожу из подземелья. Очень редко… Не могу.

Я очнулся от того, что один из стальных браслетов очень уж сильно сдавил мое запястье.

Пробуждение сопровождалось судорогой; затекшее тело вело себя странно, мышцы сокращались как придется, и весьма очень болезненно. Я застонал, пытаясь пошевелить онемевшими ногами.

«Ретаано»…

Я выпучил глаза. Ощущение было такое, что рука моя опять шарит в недрах памятного замшевого мешочка, только на этот раз

не чужие пальцы сжимали мое запястье, а стальное кольцо на цепи.

«Привет, Ретано, как поживаешь?»

– Я убью тебя, – сообщил я растрескавшимися губами. То есть наружу не просочилось ни звука – но собеседник мой услышал; кольцо сжалось так, что я еле сдержал стон.

«Тебе незачем меня убивать… Могу тебя поздравить – твоя жена по-настоящему тебя любит».

– Если ты тронешь Алану, я…

«…зато меня поздравить не с чем. По-видимому, любовь к тебе вытеснила… Короче говоря, твоя Алана не так привязана к брату, как мне того хотелось бы. Огорчительно – но не смертельно, есть еще две ниточки…»

Браслет чуть ослабил хватку. Вовремя – я все ждал, что треснут кости.

«Хочешь пить, Ретано?» Я молчал.

«Потерпи еще часа три. Она уже приближается к замку».

– Кто?!

«Скажешь ей, что есть возможность вернуть в мир ее дорогого Луара. Скажи – это правда. Скажи – и посмотрим на ее реакцию».

Кольцо разом вернулось к первоначальным размерам – моя рука чуть не выскользнула из него.

– Скотина, – прошептал я еле слышно. В отдалении серой тенью прошелся Маг из Магов Дамир. Впрочем, какой там маг… Так. Бездельник.

Глава девятая

Трудно сказать, сколько прошло времени. Сперва я считал звонкие удары падающих капель, потом сбился; потом, кажется, умер, и снова, и умирал раз десять, пока, наконец, в отдалении не зазвучали шаги, голоса, пока на истертые камни пола не лег отблеск факелов.

Самое время было закричать – но из глотки моей, как и следовало ожидать, не выдавилось ни звука, и я едва не умер в одиннадцатый раз – от страха, что меня не найдут.

Свет стал ярче – я зажмурился, пытаясь закрыть лицо локтем; в подземелье спускались мужчины, много мужчин, я слышал звон шпор и похожие друг на друга голоса, и в их обрамлении срывающийся голосок Итера дребезжал, как треснувшее стекло.

– Светлое Небо! О-о-о… А-а-а… Я плотнее зажмурил глаза, потому что факелы сразу же оказались у меня под самым носом.

– Господин… – со слезами бормотал Итер. – О, как же… Как это…

– Сейчас мы тебя расспросим, как! – рявкнул молодой начальственный голос, – Старый хрыч, ты еще будешь делать вид, что свалился с луны?!

Скрежетнуло железо. Итер охнул.

– Спокойно!

Я вздрогнул. Я только сейчас услышал, что среди спустившихся в подвал есть женщина… и ее голос мне знаком.

– Спокойно, – повторила женщина, и мужские голоса примолкли. – Мы все равно узнаем правду. Сбивайте железо!

Я глянул в щелочки между слипшимися ресницами.

Их было страшно много, полный подвал; кто-то уже вопросительно постукивал по крутым бокам бочек. Ите-ра держали за локти, женщины не было видно, мой взгляд заметался – но в этот момент тряпочка, смоченная водой, коснулась коросты на моих губах – и я провалился в блаженное беспамятство.

– Вы неважно выглядите, Рекотарс. Будь у меня побольше сил – я бы непременно хихикнул. А так пришлось ограничиться косой ухмылкой.

– Где Алана?

Я приподнялся на подушках. Танталь стояла рядом, и за ее спиной молчала в ожидании дюжина крепких молодых ребят, все при оружии, все настороженно-хмурые.

Я прикрыл глаза:

– Пусть ваш эскорт покинет нас… на минуту. Обязуюсь не причинять вам вреда.

Танталь ухмыльнулась в ответ – не менее косо. Обернулась к ребятам – те подчинились беспрекословно, хотя выходить им, ясное дело, не хотелось.

– Где Алана? – ровно повторила Танталь, когда дверь за последним из стражей закрылась.

– С Аланой все в порядке, – я обнажил зубы. – Алана в руках у мага, зачем она ему нужна – непонятно, что он с ней делает – не знаю тоже…

Она побледнела. И без того бескровные щеки приобрели зеленоватый оттенок; я испугался, что она упадет.

– Мне казалось, – проговорила она, почти не разжимая рта, – что Алану отдавали вам. Чтобы ей отвечали за нее… высокородный Рекотарс!

Мое родовое имя прозвучало как ругательство, я не удержался и все-таки хихикнул. Откинулся на подушки, пытаясь справиться с головокружением; с трудом приподнялся снова:

– Да уж… наследник Мага из Магов… не оправдал доверия. И чем вы думали, Танталь, когда Солль отдавал за меня Алану…

Она смотрела во все глаза.

– У меня к вам деловое предложение, – сказал я устало. – Давайте организуем балаганчик. У вас есть опыт, у меня – призвание… Я неплохо пою. И еще я умею ломать комедию с таким успехом, что даже умудренные опытом полковники…

Я замолчал, потому что к моему горлу приставили маленький нож – из тех, что так удобно носить в рукаве.

– Если с Аланиной головы упадет хоть волос-прошелестела Танталь, и надо мной нависло ее бешеное, с огромными глазами лицо.

Мне было очень трудно говорить. В конце концов ухо слушательницы приблизилось к самым моим губам; горло мое едва цедило звуки, совесть с натугой цедила слова.

Я ничего не сказал о нашем с Да Скоро договоре. По моим словам выходило, что маг ни с того ни с сего заинтересовался книгой, а потом Аланой, а потом ее братом Луаром; я ничего не сказал ни о призраке, ни об его откровениях, я даже чаще обычного поминал «Мага из Магов Дамира», но всякий раз, произнося эти слова, голос мой исполнялся сарказма.

Исходя из всего, что я о себе знал, мне надлежало сейчас лежать в тоске, смертельно пьяному, и сладостно думать о чашке с ядом; вместо этого я снова и снова делал над собой усилие, скалил зубы в усмешке и смотрел, как меняется лицо Танталь.

Поначалу она слушала угрюмо, явно не веря трем четвертям сказанного; когда речь зашла о Луаре, губы ее напряглись. Крепко сжались, обратившись уголками книзу; глаза оставались

холодными, но я понимал, что она верит. Даже не мне – Черно Да Скоро, видимо, того, что господин маг знал о теперешней миссии Луара, хватало, чтобы ему поверить…

– Как вы догадались спуститься в подвал? – спросил я устало.

Она пожала плечами:

– Мы явились… Замок пустой, слуги в истерике… Не помню, кто первый предложил осмотреть подземелье. Кто-то из ребят…

– Это Чонотакс Оро предложил, – усмехнулся я желчно. – «Потерпи еще три часа, она уже приближается к замку…»

– Вы уверены, что Алана жива? – осведомилась она сухо.

Перед глазами моими мелькнуло, как летучая мышь, видение: девочка в короткой шубке, с маленькими холодными руками, выглядывающими из слишком широких рукавов, распростертая на полу перед тремя зеркалами, безжизненно смотрящая в потолок…

– Уверен, – солгал я по привычке. И Танталь увидела, что я лгу.

– Потомок Рекотарсов, – ее рот покривился в презрительной гримасе.

– Какой есть, – отозвался я в тон. И отвернулся к стене. – А теперь оставьте меня в покое… И позовите Итера.

Танталь держала совет со своими молодцами; по отрывочным репликам я понял, что «корпус», которым заведует Эгерт Солль, есть учебное заведение по выпуску в свет молодых забияк со шпагами на боку. Вся компания заперлась в комнате и с позором изгнала Итера, решившегося подслушивать; я с трудом поднялся с постели и, держась за стенку, спустился в подвал.

Запах влаги и плесени наводил на меня дрожь. Белые бинты на запястьях светились в полумраке; я оставил факел в кольце и со свободными руками прошел по галерее вперед – к месту своего недавнего заточения.

Ну и вид же был у меня, когда меня нашли здесь в цепях. Ну и вид, ну и запах; собственно, потомку ловкого слуги стыдиться нечего. Хоть в дерьмо его по шею укатайте…

– Эй, ты где? – крикнул я хрипло. Вернее, мне показалось, что крикнул – сил хватило на один только слабый писк.

Факел мерцал позади; я отыскал бочку, наполненную до половины, сел под ней, запрокинув голову, и открыл кран.

Через полчаса мне было куда лучше. Встать я уже не мог – но на душе посветлело, по крайней мере, я знал, чего хочу.

– Эй, ты! – крикнул я достаточно бодро. – Ты… великий маг… выходи. Я посмотрю тебе в твои плошки, я набью тебе твою призрачную морду, я объясню тебе, кто ты есть на самом деле, прадедушка, ну?!

Вино в бочке иссякало. Это что, я сам-один выпил?! Или кто-то из ребят, отыскавших в подземелье жалкого узника, не утерпел-таки, приложился?..

– Сговорились… – сказал я с тоской. – Все на свете маги против меня… Даже Маг из Магов… Сейчас Тан-таль закончит толковать со своими мальчиками, и они все вместе двинут на приступ, к Чонотаксу в гости… А он этих мальчиков в кадках засолит, по двое. А Танталь… «еще две ниточки»… Первая Алана, порвалась… Вторая Танталь… – я икнул. – А хорошо бы поглядеть… На Луара Солля, из-за которого сыр-бор… Чего ради…

– Не поминал бы, – прошелестел над ухом голос. Тень голоса. Голос-призрак.

– А-а-а, – протянул я горько. – Явился… Прадедушка. Призрак отшатнулся; грузно, прихрамывая, перебрался на другой конец галереи и там застыл, скорбно глядя своими близорукими плошками.

– Догоню, – сказал я равнодушно.

– Ретано, – призрак дрогнул, как отражение на воде, – не связывайся с магами.

Мой рот сам собой пополз к ушам. Жуткое, наверное, зрелище.

– Ретано, – призрак помедлил, – мне пятнадцать лет было, когда… Дурной был. Пришел наниматься к Лар-ту… И видит Небо, верой и правдой. Столько лет… – горящие плошки мигнули. – Не хотел тебе говорить… Он мне оставил, вроде как завещание. «Не связывайся, говорит, Дамир, больше ни с какими магами… Добрые, злые… Не надо. Близко не подходи…» И оставил… он мне много чего оставил, я богатый приехал, к Химециу-сам-то… Оставил… вещь. Мне не пригодилась… Я спрятал. Ретано, я вроде как виноват перед тобой, ну так возьми, подарок… От прадеда…

Вино из бочки текло у меня по подбородку. По лицу, по шее, по груди.

Дюжина ребят, сменяясь попарно, потратила полчаса на то, чтобы вскрыть эту кладку. Прадедушка Дамир все делал на совесть.

В маленькой нише нашелся глиняный горшочек, полный застывшей смолы; когда я расколотил его об пол, среди осколков обнаружилась серебряная булавка, большая и некрасивая, по изяществу сравнимая с крестьянским топором.

– Ну и?.. – спросила Танталь, когда мы с ней уединились.

– Эта вещь должна прикрывать от власти, – сказал я глухо. – В частности от магической, а вообще от любой. К примеру, если

эту штуку наденет слуга, то хозяин не сможет съездить ему по зубам. А в нашем случае… Чонотакс имеет власть, против которой ребята… ваши сопровождающие бессильны, как мышки.

Танталь повертела булавку. Подняла на меня прищуренные глаза:

– Раньше, надо полагать, вы об этом не знали? И, если ваш друг Чонотакс настолько силен – кто может противостоять ему? Кто хозяин этой вещи? Маг из Магов Дамир?

Она открыто насмехалась. Я пожал плечами:

– Это наследие Ларта Легиара… Если такое имя что-то вам говорит.

Имя говорило ей даже больше, чем мне. Теперь ее глаза округлились; воспользовавшись ее замешательством, я аккуратно забрал у нее булавку.

– Я пойду к моему, как вы выразились, другу, – сказал я, прилаживая уродливое украшение под манжет. – И приведу мою жену… Потом можете отдать приказ молодым людям и сделать ее вдовой, я не возражаю. Но сперва…

– Пойду я, – бросила Танталь, и глаза ее сделались двумя ледяными щелочками. – Вернее, пойдем мы…

Я проникновенно посмотрел на нее. Вздохнул, улыбнулся мудро и ласково:

– Хрен я вас спросил.

…Ребята дрались хорошо. Эгерт Солль был выдающимся учителем; у них у всех в разной мере прослеживалась одна школа. Одна манера фехтования.

Уже зажатый в углу, я кричал разъяренной Танталь:

– Он этого ждет! Он ждет вас, ему нужно вторая ниточка! Я ее муж, нашей свадьбы никто не отменял!..

Сил у меня не было никаких. Пока ребята мешали друг другу, я еще как-то держался, а когда они догадались выстроиться и подходить к снаряду по трое – спекся совсем. Меня разоружили; острия уперлись в меня со всех сторон, подошла Танталь, бледная не то от волнения, не то от злости:

– Брошку!

– Это булавка, – поправил я машинально.

– Аген, сними с него брошку! На правой руке, под манжстом!

Плечистый Агсн был на пол головы меня ниже; у него не было надо мной власти – зато была грубая сила.

– Вы не правы, – сказал я шепотом. – Вы ничего… я его знаю, я знаю, как с ним говорить… а вы…

Аген заломил мне правую руку, сжав зубы, я ждал, пока он справится со злосчастным украшением, но он все возился, сопел, заламывал руку все больнее и больнее – пока не сообщил наконец

Танталь:

– Не снимается, госпожа.

– То есть?

Танталь приблизилась, оттеснила Агена, моя рука обрела наконец свободу, потирая локоть, я смотрел, как она пытается отстегнуть булавку.

Бесполезно. Намертво.

– Эта вещь действительно принадлежала Легиару? – спросила Танталь сквозь зубы.

– В таком подходе есть некая целесообразность, – заметил я глубокомысленно. – Если вещь защищает от проявлений власти… Ее хоть как-то нужно защитить от грубого насилия. Скажем, снимать и передавать ее может только тот, кто надел…

– Сними и отдай, – сказала Танталь, по-прежнему не разжимая рта.

Я обвел глазами лица ее двенадцати телохранителей. Симпатичные, в общем-то, ребята, не угрюмые, а скорее сосредоточенные. Ну не ждали они такого поворота дел – предполагалось, что госпожа Танталь будет гостить в замке, я, как зять господина Солля, стану всячески угождать ей, и никому не придется тыкать оружием под ребра ближайшего родственника госпожи Аланы…

– Ребята, вам не страшно? На меня одного… дюжина… маловато…

Они помрачнели; тот, кого звали Агеном, залился краской и обернулся к Танталь.

– Уберите оружие, – процедила она, по-прежнему глядя мне в лицо. – И будьте готовы… На рассвете мы отправляемся. В гости к господину магу.

Крутанулась на каблуках и, всячески демонстрируя свое ко мне презрение, вышла сквозь живой коридор из расступившихся юношей.

Случилось так, что-на холм к Чонотаксу мы взобрались тесной компанией. Как говорится, «все двадцать пять».

Мороз стоял прозрачный, стеклянный, солнце, едва приподнявшись над горизонтом, зависло будто в раздумьях – не нырнуть ли обратно? Поселок сочился туманными струйками дыма, и только над крышей Чоно-такса Оро по-прежнему не было ни облачка.

– Скоро весна, – ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал Аген.

Я вспомнил о деревянном календаре – и чуть было не растерял всю свою решимость. Бесхитростный парень помянул весну совершенно не к месту; Алану-то, с помощью Неба,

вызволим, но Приговор Судьи теперь останется в силе, жди, Рекотарс, лета…

Я с трудом отвлекся от тягостных мыслей; оказалось, что все смотрят на меня. И ребята, выстроившиеся подковой, и сама Танталь, так тискающая руки внутри большой пушистой муфты, что со стороны казалось, будто муфта живая.

Побуждение было внезапным и необъяснимым; возможно, мысль о смерти была тому виной, но я отвернул манжет, снял серебряную булавку и молча протянул ее Танталь.

Ребята переглянулись.

Танталь помедлила, взяла у меня нелепое украшение, приоткрыла ворот зимнего плаща и приспособила булавку на платье.

Я почувствовал себя голым на ветру. И, желая избавиться от неприятного ощущения, затарабанил в незапертые ворота.

Черная ворона взялась из ниоткуда, сделала круг над крышей и в никуда, опять же, и канула. Кто-то нервный за моей спиной до половины выдвинул из ножен шпагу.

Калитка подалась. Распахнулась, как бы сама собой, приглашая войти на заметенный снегом двор, пустой, безо всяких признаков хозяйства.

Черно Да Скоро стоял на пороге, стоял в своей неотразимой шубе, стоял, лаково поблескивая на солнце совершенно голой головой. Танталь, идущая рядом со мной, споткнулась.

Черно Да Скоро улыбался во весь рот. Малость сумасшедшие глаза его прям-таки лучились от удовольствия:

– Ну наконец-то… Рад видеть всех вас в добром здравии, в особенности тебя, Ретано… Входите, госпожа Солль. А вы, молодые господа, смотрите сами, можете войти, а можете обождать, только учтите, что внутри холоднее…

Выпускники Эгерта Солля набычились, как один, и, плотным кольцом окружая Танталь, затопали сапогами по крыльцу.

– Не надо звать меня госпожой Солль.

Мы сидели в комнате с зеркалами. Черно Да Скоро вальяжно развалился в кресле; присмотревшись, я с некоторым удивлением отметил, что вальяжность эта – нарочитая, да и веселость господина мага дается ему через силу.

Он плохо выглядел. Он будто постарел на несколько лет: глаза ввалились, а кожа приобрела желтоватый нездоровый оттенок. Господин маг нехорошо себя чувствовал – но не желал подать виду.

Вооруженные молодые люди ожидали за дверью, готовые по первому же зову Танталь прийти на помощь.

– Не надо звать меня госпожой Солль, – сухо повторила

женщина. – Мое имя просто Танталь.

– Как хотите, – Черно ухмыльнулся. – В связи с родом своих занятий… я привык называть вещи сообразно их сути, а не внешней форме. Сообразно сути – как мне называть жену человека, который…

– Не надо, – оборвала его Танталь. Я удивленно на нее покосился. Железный стержень какой-то, а не женщина.

– Речь пойдет не обо мне, – Танталь едва разжимала губы. – Можете поверить, в своей жизни я и магов видывала тоже… Господин Рекотарс, – меня передернуло от презрения в ее голосе, – сообщил нам, что жена его, Алана, находится у вас. Это правда?

– Правда, – немедленно отозвался Черно и тут же спросил с любопытством: – А каких это вы магов видывали в жизни?

– Где Алана? – голос Танталь скакнул, как белка. Чонотакс поднялся. Поразительно, как такое громоздкое мохнатое сооружение ухитрялось двигаться с такой легкостью.

Реакция у Танталь была великолепная. Она вскочила тоже – я не успел и рта раскрыть, а они уже стояли посреди комнаты, друг против друга.

– Алана жива и здорова, – Черно нависал над женщиной, как заросшая лесом гора. – Вы напрасно послушали Ретано, который понарассказывал обо мне ужасов и гадостей… А вот эта вещь, – рука его потянулась к Танталь, к тому месту, где пряталась под ее плащом серебряная булавка, – откуда?

Танталь невольно отшатнулась, прикрывая булавку ладонью.

– Алана! – позвал Чонотакс, обернувшись почему-то к заиндевевшему окну.

Он стоял ко мне спиной. Искушение броситься на него сзади было столь велико, что я закусил губу; короткий кинжал под лопатку – какая магия успеет этому противостоять?!

В роду Рекотарсов не было подлецов. Плутоватые слуги были… обманщики, ы… но подлецов не было. Никогда.

Неслышно зашевелились пучки жестких ниток, украшавшие стену; из маленькой потайной двери шагнула Алана, точно такая же, какой я видел ее в последний раз: моложе своих лет, сосредоточенная, обиженная.

Танталь сорвалась с места.

За мгновение до того, как она коснулась девчонки, я успел подумать, что все это, возможно, ловушка, колдовское наваждение; однако спустя секунду Танталь уже тискала в объятиях мою слишком юную женушку, а та слабо сопротивлялась, и, завороженный этим зрелищем, я не сразу почувствовал, что меня держат за локоть.

Черно Да Скоро стоял рядом. На ворсе его роскошной шубы поблескивали искорки изморози; господин маг все еще ухмылялся, но лицо его оставалось изжел-та-бледным, нездоровым.

– Ретано, по поводу Приговора – не беспокойся. Все сделаю, как обещал… Где вы взяли эту штуку? Ту, которая у нее на платье?

– Это наследие Легиара, – сказал я растрескавшимися губами.

– Да-а? – удивился Чонотакс. – Тогда понятно… Бери девчонку и возвращайся домой. Мне надо поговорить с ней… с Танталь. Ей будет интересно.

Я молчал.

– Ты о чем-то хочешь спросить?

Я облизнул губы. Поморщился от боли.

– Ретано, я обязательно сделаю, что обещал. Но и ты на меня зла не держи. Да?

– Да, – сказал я глухо. Проклятая слабость.

* * *

Служанка, охая, вскипятила воды; я сидел рядом с Аланой, смотрел в осунувшееся детское личико и мучился угрызениями совести.

«А правда, что вы на мне женились из-за книги?»

– Я люблю тебя, – бормотал я, как шарманка. – Я люблю тебя, ты моя жена, я никому тебя не отдам…

Она молчала. Смотрела на меня сквозь опущенные ресницы, и взгляд ее казался чужим на лице подростка. Слишком взрослый взгляд. Умудренный. Горький; перед ней сидел на краешке кровати полузнакомый, странный человек, чья доблесть заключается исключительно в умении драться и играть с шулерами, да еще в благородстве рода, того самого, что происходит от Мага из Магов Дамира… Этот странный человек жалостливо поджимал губы, неприятно гладил ее по голове и лгал, лгал, лгал…

Я осекся. Прервал ласковое бормотание, снял руку с Аланиных волос. Выпрямился.

«Дорога твоя в тину, Ретано…»

Судья был прав. Вот он я, в тине. По горло.

Алана смотрела, приподняв опухшие веки; что он там с ней делал?! В этом холоде, в этой жути ледяного дома, чего он от нее хотел?..

Я заговорил.

Слова давались на удивление легко.

Я рассказал ей о Судье. О деревянном календаре, где ветры раздувают щеки, где пышнотелые тучи плачут нарисованными слезами; о том, что большая часть дней из длинной деревянной вереницы уже вычеркнута иголкой. Игла легко царапает по лаку – раз, и еще один день прожит…

Я рассказал, как впервые пришел к Чонотаксу. Как отказался служить, как искал деньги, как продавал замок; как пришел к господину магу снова, как он поставил мне условие, как я отправился за будущей женой и, увидев ее впервые, на дороге, сразу же понял, что она зовет меня на помощь.

Я рассказал ей про старичка на болоте. Она слушала, глаза ее раскрывались все шире и шире, пока ресницы не вонзились в кожу.

Я рассказал ей все. Про подземелье, призрака и Мага из Магов, оказавшегося ловким слугой. Будет справедливым, если она это узнает. Будет по-честному.

– Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела? – спросила она после того, как добрых десять минут прошло в молчании.

Я дернулся:

– Нет. Я хочу, чтобы ты рассказала об этом Танталь. Возможно, она велит своим ребятам повесить меня на воротах – тогда ты овдовеешь и сможешь… спокойно искать свою первую любовь.

– Вторую, – сказала она глухо.

– Что? – механически переспросил я.

– Здорово ты им врезал, – она улыбнулась, – Комедиантам… Особенно тому, хозяину… У него был такой слюнявый, такой вонючий… рот, – ее передернуло. Глаза потемнели.

– Не вспоминай, – сказал я испуганно.

– Здорово ты им врезал, – повторила она мечтательно. – Мне тогда показалось, что ты похож на Луара. Хотя чего там, ни капельки ведь не похож… Значит, ты умрешь? В первый месяц лета?

– Сегодня он сказал мне… – я помрачнел. – Пообещал снять… Приговор. Но я ему все равно не верю. Он… играет. Как кошка с мышкой.

Брови Аланы сошлись на переносице:

– У меня была… Маркиза… Такая… а потом я увидела, как она с мышонком… два часа с ним игралась. Ну и… я ее разлюбила. А мама сказала – что поделаешь, она ведь кошка…

– Что поделаешь, он ведь маг, – сказал я сквозь зубы. Алана приподнялась на кровати:

– Мой дед тоже был магом… Он никому в жизни не сделал

зла!

– Ты ведь его не помнишь, – напомнил я осторожно.

– Зато мама помнит! – возразила Алана. – И отец… Она вдруг ослабела. Снова откинулась на подушки, закусила губу:

– Луар… Мы шли к Луару. Я вела… Дорога странная такая, черно, скользко, полным-полно каких-то тварей… Он говорил: ищи дорогу. Ты ведь любишь Луара, и он тебя, один он тебя, вообще-то, и любит…

Она запнулась. Втянула голову в плечи.

– Разве тебя не любит отец?! – спросил я возмущенно.

Она снова подняла воспаленные веки:

– Он меня боится.

Я осекся.

– Отец меня, конечно… наверное, любит, – пробормотала Алана грустно, – Но Луара он любил больше. А с ним такое… Ты знаешь, что Луар – не его сын?

Я окончательно лишился дара речи.

– Это была скверная история, – Алана нахмурилась. – Мама… когда был Мор… долго рассказывать. Мой дед остановил Мор, а его враги обвинили во всем маму… Что это они с дедом колдовством призвали Мор. Маму… посадили в тюрьму, пытали… – Алана побледнела. – Они хотели заполучить Амулет Прорицателя, но мама им не отдала. И тогда самый главный палач… короче, мама постаралась потом все забыть, но Луар родился… сыном того палача. Разве Луар в этом виноват?!

– Нет, – сказал я через силу. «Ретано, ты храбрый человек, но ты дурачок… Женился на девушке – и даже не разузнал толком… о ее семье. О брате…»

– Почему же ты мне раньше не рассказала?! – спросил я почти обиженно.

Алана невесело усмехнулась:

– А ты почему не рассказывал мне… про своего Судью?

Я отвел глаза.

– Его все любили, – пробормотала Алана. – А потом, когда стало ясно, чей он сын… все от него отвернулись. Я была маленькая, ничего толком не понимала…

– А мать? – спросил я шепотом.

Алана молчала. Я посмотрел на нее и пожалел, что задал этот вопрос.

– Мама… Видишь ли. Мне бы не хотелось… Мама слишком любила отца и слишком ненавидела… того палача. Она ушла в себя, спряталась… теперь отец считает, что это он во всем виноват. Может быть, он немножко прав…

– Чего он хотел от тебя? – спросил я, сжимая ее руку. –

Чонотакс? Зачем ты была ему нужна?

– Разве ты не понял? – она удивилась. – Я вела его туда, где сейчас Луар… В Преддверье. Туда, где раньше была Дверь Мирозданья, где теперь стоит мой брат, на страже, с Амулетом Прорицателя…

Я судорожно потер висок. Такое впечатление, что Алана цитирует по памяти книгу собственного деда. И цитата звучит, как высокопарный бред.

– И привела? – спросил я с нервным смешком. Она подняла на меня серьезные глаза:

– Нет. Мы долго плутали… Этот, Чонотакс, совсем выбился из сил.

– Да? – я вспомнил изжелта-бледное, постаревшее лицо господина мага.

– Да, – Алана кивнула. – Я тоже… это как бесконечный сон, когда хочешь проснуться – и не можешь. Мне казалось, что я слышу… голос… Луар меня зовет… – она вздрогнула. – Но дело в том, что там темно. И все перепутано, как в клубке ниток… Черно сказал, что я недостаточно… помню Луара. Недостаточно к нему привязана… и потому ниточка постоянно рвется…

– Как ты его назвала? – спросил я машинально.

– Черно, – она вздохнула. – Он сам себя так зовет. Он мерзнет… Ему очень холодно.

– Топил бы печку, – пробормотал я зло.

– Тогда я обиделась, – сообщила Алана равнодушно. – И сказала ему, что не ему судить, как я люблю своего брата… А он сказал, что встреча с тобой…

Она криво усмехнулась и замолчала.

– При чем тут встреча со мной? – выдавил я через силу.

Она уже не смотрела на меня. Повернулась к стенке, закрыла глаза:

– Дай мне поспать. Я впервые за все это время… согрелась.

В кабинете я извлек из сундука свою Грамоту. Документ, сопровождавший меня в странствиях, реликвию, гордость.

Нет, ничего не изменилось. Пол – вот он, под ногами, потолок над головой… Это мой замок, а там, на кухне, злословят мои слуги… Я – Ретанаар Рекотарс…

Я поднял взгляд. Встретился глазами с портретом Мага из Магов Дамира.

Я – славный потомок прощелыги-лакея.

Взять у Итера лопату. Торжественно похоронить Грамоту, зарыть на холме и поставить сверху надгробие…

И я уже поднялся, чтобы идти и устраивать похороны – но, не доходя до двери, остановился.

Слишком смахивает на театр. На дешевый балаган.

И потом – что, если замок придется все же продать? С Грамотой – оно дороже выйдет…

Я сидел за огромным письменным столом и желчно смеялся сквозь слезы. Придумывал издевку за издевкой – чтобы изничтожить себя дотла, чтобы навсегда покончить с несчастным спесивым Рекотарсом, чтобы…

Чтобы ни одна собака в этом мире не осмелилась уличить мою родословную ни в малейшем изъяне.

Вечером Танталь не вернулась. Маясь и тревожась, я хотел уже сам ехать в дом на холме – когда прискакал Итер в сопровождении тройки Солевых выкормышей. Посланцы потребовали горячей пищи и теплых одеял – для госпожи Танталь и дюжины ее телохранителей. Итер стонал и всплескивал руками: замку грозило полное разорение, опустошение и хаос.

– Что там? – осторожно спросил я насупленного, сурового Итера.

Некоторое время он раздумывал, стоит ли отвечать. Потом буркнул, глядя в сторону:

– Беседуют.

Посланцы удалились с грузом одеял и снеди. Глядя им вслед, я пытался вообразить себе, о чем могут беседовать чародей и бывшая комедиантка – в особенности если беседа продолжается двенадцать часов подряд…

Утро пришло серое, темное, подернутое сумерками. Танталь вернулась к полудню, когда я уже не находил себе места; она вернулась в сопровождении верной стражи и с серебряной булавкой, вызывающе поблескивающей на вороте плаща.

С недостойной Рекотарса торопливостью я выскочил им навстречу. Танталь приветствовала меня – весьма сдержанно, однако я сразу понял, что Чонотакс Оро меня не выдал. Не рассказал об истинной подоплеке моей женитьбы, а это значит, что молодцы-телохранители не станут вешать меня на воротах. Уже неплохо.

Алана спала – по-видимому, поход к Двери не прошел для нее даром. Моя жена была настолько слаба, что проснулась только на полчаса и только ради двух ложек бульона; Танталь посидела у нее в комнате, поправила одеяло и удалилась в отведенный ей покой – этим громким словом обозначалась большая, запущенная комната с пятнами плесени на стенах, дымящим камином и гнездами пауков. Но что делать, если весь замок такой?..

Воспитанники полковника Солля разбили в гостиной настоящий военный лагерь; я не возражал. Мне вообще теперь не

пристало возражать – только молчать в ладошку и смиренно дожидаться, не позовет ли госпоже Танталь к себе для разговора.

Госпожа Танталь мертвым сном проспала до глубокой ночи, я уже собирался ложиться тоже, когда Итер, по обыкновению последних дней смущенный и перепуганный, постучался ко мне в комнату с вестью, что госпожа хочет меня видеть.

Танталь сидела перед камином. Стеклянный холод Чонотаксова дома измотал не только Алану, Танталь протягивала руки к огню, и на лице у нее застыло свирепое страдание, смешанное с не менее свирепой радостью.

– Холодно, – пробормотала она вместо приветствия.

– Он не любит огня, – подтвердил я мрачно.

– Как Алана? – Танталь смотрела в огонь. Не дожидаясь приглашения, я пододвинул стул, уселся рядом и тоже протянул руки к огню:

– Что именно вы хотите услышать? Как она себя чувствует – или как закончилась их с Чонотаксом прогулка к Преддверию мира?

Танталь медленно повернула голову. Половина ее лица оказалась освещена огнем камина, другая половина приняла на себя холодную печать царящего в комнате полумрака. И странно светились глаза: один казался темным, другой, обращенный к камину – огненным.

– Как закончилась их прогулка, я знаю… Алана здорова?

– В основном, – отозвался я, завороженный отблеском огня в глубине ее внимательного глаза.

– Что ты так смотришь?! – спросила она гневно.

Я с сожалением отвернулся.

Наверное, она была хорошей актрисой. Хотя представить ее на одной телеге с грязными комедиантами как-то… не хватало воображения.

Кстати, когда это мы успели перейти на «ты»?..

– Господину магу нужен Амулет Прорицателя, – Танталь страдальчески сморщилась. – Если бы не Амулет, никто бы не пытал госпожу Торию в подвалах суда… Если бы не Амулет, мы с Луаром сейчас жили бы преспокойно в компании пятерых детишек… А теперь Амулет понадобился ему… Чонотаксу Оро.

В устах Танталь имя господина мага прозвучало с непонятной горечью.

– Если то, что он задумал, есть невыполнимая авантюра… – начал я осторожно.

– Нет, – Танталь вздрогнула. – Он может.

– Скверно, – пробормотал я, сам до конца не понимая, отчего сокрушаюсь.

– Что мне делать? – спросила Танталь шепотом. И теперь уже я вздрогнул – прежде она не говорила со мной так. В ее голосе были настоящее смятение и настоящая растерянность. Она говорила будто сама с собой, колеблясь, борясь с искушением попросить совета.

– Танталь… – начал я еще осторожнее. – Ты… вы уверены, что Преддверье… действительно существует, что это не образ, метафора…

– Мой муж десять лет стережет метафору, – сказала она с неприятной усмешкой.

Аргумент оказался настолько веским, что я надолго замолчал.

– Хотела бы я понять… – бормотала Танталь, как бы забыв о моем присутствии. – Как случилось… Он слишком много… знает. Он слишком много…

– Он же маг, – сказал я сквозь зубы. Танталь взглянула на меня почти надменно:

– Маг – вовсе не объяснение всему на свете. Маги не столь могучи, как приписывает им молва.

– Не сказал бы, – пробормотал я, глядя в огонь.

– Я привязана к Луару, – сказала она шепотом. – В прямом… смысле. Теперь… он показал мне… эту ниточку. Уже за одно это я должна быть… благодарна…

– Благодарна Чонотаксу Оро? – удивился я. Комната за нашими спинами утопала в темноте.

Огонь в камине съежился и свернулся клубком – или мне померещилось?

– Черно, – проговорила моя собеседница будто через силу. – Ну да, теперь… он сам зовет себя этой кличкой. Он впустил в себя… В нем сидит какая-то…Она осеклась, и повисла пауза. Танталь методично грызла губы; я вдруг поймал себя на неуместной мысли: выходило, что Приговор какого-то Судьи для Черно вообще не работа – так, мелочишка, и говорить-то не о чем…

Пойти, что ли, кинуться негодяю в ноги? Напомнить давнее обещание? Поумолять, поплакать – он, вероятно, только того и ждет?..

Если он не раскрыл Танталь мою маленькую тайну… случайно – или оказывая мне услугу?

За спиной у Танталь горел огонь. Вся ее фигура была черным силуэтом на фоне маленького пожарища.

– Скажи.-те, уважаемый Рекотарс… А зачем вы женились на Алане? Вот оно. Вот.

– Я люблю ее, – сказал я медленно. Огненный глаз Танталь

сощурился:

– А что вы тогда говорили… «где были ваши глаза, когда вы отдавали за меня Алану»?

– Бред, – сообщил я коротко. – По-видимому, я бредил.

– А по-моему, вы врете, – сказала она со вздохом.

– Не потерплю оскорблений, – возмутился я, но как-то вяло и ненатурально. Танталь сжала губы:

– По-вашему, ей хорошо? С вами? В этом замке?

– Будет хорошо, – огрызнулся я неуверенно. Танталь вздохнула:

– Отсюда, Рекотарс, надо уходить. Быстро. Я уйду сама – и не оставлю здесь Алану. Снова сделалось тихо.

– Куда? – спросил я наконец.

– К Эгерту, – пробормотала она яростно. – Бежать. Пока Черно слаб…

– Слаб?

Вот теперь она взглянула на меня, как на дурачка:

– После попытки проникнуть в Преддверие… Обыкновенный маг попросту надорвался бы… Чонотакс сейчас далеко не в пике формы.

Вот оно что…

– И откуда вы все знаете? – пробормотал я сквозь зубы.

Губы ее презрительно дрогнули:

– Любой, кому хоть раз в жизни пришло на ум подчитать что-нибудь по истории магии…

Само собой подразумевалось, что в вопросах магии я полный невежда.

Я протянул руки к огню.

Тот, кто живет в доме на пригорке, однажды уже не сдержал обещания. Он обманывал меня, и неоднократно; как поверить, что, помоги я ему снова, он проделает со мной то же, что проделал с Кливи Мельничонком?

Я вспомнил истаявший клинок фамильной шпаги, клочья огня в руках Чонотакса и железные цепи в подземелье собственного замка. «Не связывайся с магами, ни с какими…»

Рад бы.

Возможно, Танталь еще более права, чем мне показалось вначале – отсюда действительно надо уходить…

А с другой стороны, бежать от Чонотакса значит отказаться от надежды. Я сколько угодно могу тешить себя заверениями вроде «время есть» и «мир велик» – но, р-рогатая судьба, такое впечатление, что во всем мире никто, кроме Черно, не возьмется мне помочь.

– Скоро он соберется с силами и не даст нам уйти, – нервно

сообщила Танталь. – Пока что, по крайней мере, у нас есть шанс-Шанс.

Мне осталось полгода. Слишком мало, чтобы прожить жизнь… Но, может быть, достаточно, чтобы подняться на пригорок, пасть Чонотаксу в ноги…

– Вы колеблетесь? – прямо спросила Танталь, и глаза у нее были как льдинки.

– Нет, – сказал я неохотно. – Я не колеблюсь… Едем.

Глава десятая

Весь следующий день над замком висела, описывая круги, одинокая черная ворона.

Ворон в округе было полным-полно – но именно эту мне хотелось почему-то пристрелить. Достать хотя бы из лука; я провокационным образом заявил плечистому Агену, что никто из его ребят, конечно же, не сумеет сбить летящую мишень. Аген презрительно оттопырил губу – но потом я видел, как то один, то другой ученик Солля поднимается на стену, вооруженный кто луком, кто арбалетом, а кто и тяжелым пороховым самострелом. Ворона, впрочем, кружила по-прежнему.

Двенадцать спутников-телохранителей, возглавляемые плечистым Агеном, готовили караван к отбытию. Кроме экипажа, на котором Танталь прибыла в замок, в поход готовилась и моя собственная карста – великолепная с виду, зато ветхая внутри, снабженная гербами, но не приспособленная для зимних путешествий.

Предполагалось, что мы отправимся в путь все вместе – как только Аген доложит о готовности; я, честно говоря, с самого начала ожидал, что все пойдет наперекосяк. Алана до сих пор почти не вставала с постели – пребывала в апатии, много спала, а узнав об отъезде, попросту отвернулась к стене. Танталь, кусая губы, заперлась с ней для разъяснительной беседы; я был совершенно уверен, что моя маленькая тайна, в порыве откровенности доверенная жене, станет известна Танталь и резко изменит все планы. Танталь, скорее всего, плюнет мне в ухо и уедет вместе с Аланой и магической булавкой, мне только и останется, что держать ответ перед разъяренным Черно…

Разговор двух названных сестер длился почти час, и после него Алана повеселела, стряхнула сонное оцепенение, без капризов согласилась ехать; Танталь тоже пребывала в хорошем настроении, и, заглядывая ей в лицо, я понял почти с ужасом, что моя юная жена так ничего ей и не открыла.

– Мы ведь вернемся сюда? – спросила Алана полчаса спустя, когда мы вдвоем стояли на стене, провожая за горизонт красное холодное солнце. – Ты ведь не можешь отказаться… ведь он обещал избавить тебя от Приговора. Разве ты можешь отказаться от его помощи?

Я помрачнел.

Не далее как сегодня утром я уединился со своим деревянным календарем и вычеркнул иголкой все эти суматошные прожитые дни; дни, проведенные в поисках Аланы.

Дни, проведенные в подвале, в цепях, и множество других, не столь примечательных, но все равно уже прожитых, ушедших, все…

Алана пошатнулась; я испуганно поддержал ее под локоть. Она вышла на воздух впервые за последнюю неделю, немудрено, что у нее кружится голова-После путешествия в Преддверье «обыкновенный маг» надорвался бы. А пятнадцатилетняя девчонка?!

Взрыв ненависти к Черно заставил меня судорожно сжать зубы. Аланина слабость, Аланина бледность; мне воочию представилась картинка: ухмыляющийся Черно укладывает безвольное тело моей жены, укладывает, будто мостик, через расщелину, преспокойно ступает ей на спину, идет по плечам, по голове…

– Что ты так смотришь? – слабо улыбнулась Алана.

– Он использовал тебя, – сказал я глухо.

Ее передернуло; я испугался снова, быстро обнял ее за плечи:

– Что с тобой?!

– Использовал, – проговорила она через силу. – Мерзкое слово. Они его тоже… говорили… комедианты.

Я прижал Алану к себе. Угрюмо глянул на солнце, уже навалившееся на горизонт своим красным недобрым брюхом. Так злобно взглянул, как будто это солнце было во всем виновато.

– Алана… Больше тебя никто не тронет. Никогда в жизни. Я клянусь…

Налетел холодный ветер, заставил меня подавиться клятвой и мучительно закашляться.

Как там говорила о Черно Да Скоро та старушка-колдунья? «У него не то что совести – подсовестка мелкого нету»? У меня, выходит, тоже нету подсовестка. Что за клятвы такие – после всего, что Алана обо мне знает?!

– Мы вернемся потом? – упрямо переспросила моя жена.

– Алана, – пробормотал я хрипло. – А почему ты не сказала… Танталь… почему не рассказала… правду?

Ветер налетел снова; завтра тоже будет ветер, и, возможно, со снегом. Как мы только поедем – в такую погоду?

Алана судорожно вздохнула. Вцепилась в мой рукав:

– У меня голова кружится… Мне бы лечь, наверное… Пойдем.

На другой день племянник Итера принес ошеломляющую, по его мнению, весть: в деревню пришли комедианты! Две повозки, вечером дадут представление во дворе трактира, а если много денег насобирают – то и на завтра останутся…

– Нищая труппа, – усмехнулась Танталь в ответ на известие. – Все, кто поблагополучней, зиму в городах зимуют… это же надо –

в морозы по дорогам таскаться!..

Я промолчал.

Две повозки…

Я не верил в совпадения, но верил в судьбу.

Можно было бы прихватить с собой двенадцать выкормышей Солля – узнав, в чем дело, они помогли бы мне с радостью… Но я отбросил мысль о чужой помощи. Прошлый раз мне хватило одной шпаги – теперь же я облачен еще и властью: как ни оскудел род, а моих прав здешнего властителя никто пока не отменял…

– О чем вы думаете? – спросила Танталь с беспокойством.

Алана спала. Последнее время она почти постоянно спит, и это нравится мне все меньше и меньше… «Использовал. Мерзкое слово»…

– Ретано… Что случилось?!

Вероятно, на лице моем проступила совсем уж зверская ухмылка. Сладострастная в своей жестокости. Привезти мерзавцев в замок…

– Пойду поглядеть на представленьице, – сказал я голосом белого ягненка. – Люблю… театр. Всей душой. Танталь нахмурилась:

– Ретано… Ты… вы умом рехнулись, по-вашему, это те самие?!

Я счастливо улыбнулся.

– Я пойду с вами, – сказала она жестко. – Я и Аген,мы…

Вероятно, выражение моего лица оказалось красноречивее слов, и потому Танталь не закончила фразу. Осеклась; пробормотала миролюбиво:

– Ладно. Я одна… можно?

– Знаю, что вы тоже любите театр, – сказал я еще более нежно. Прямо-таки проблеял.

Мы явились в поселок за час до заката; приготовления к спектаклю были в самом разгаре. Две повозки стояли впритык, одна, лишенная полога и с опущенными бортами, превратилась уже в подмостки. Высокий, хорошо сложенный мужчина неторопливо вбивал гвозди, собираясь, по-видимому, навешивать занавес; он был обращен к нам спиной – я сам почувствовал, как хищно раздуваются мои ноздри. Это был тот, бастард, подавшийся в комедианты, но не растерявший умения обращаться с ножом. Тот, что бил натихую…

Прочих не было видно, но из второй повозки явственно доносились голоса; я глянул на Танталь. Моя спутница была странно сосредоточена, как будто ей предстояло ответить на трудный вопрос, и от ответа зависела жизнь.

Я сжал губы. Тяжелой походкой властелина двинулся по

направлению к повозкам, и ранние зеваки, понемногу заполнявшие двор, мстнулись кто куда. Наверное, я выглядел эффектно.

Бастард все бил и бил молотком, не подозревая, какие черные тучи сгущаются в этот момент над его красивой головой. Танталь – я слышал – спешила следом за мной; одним движением я вскочил на подмостки, телега качнулась, трудолюбивый комедиант наконец-то отвлекся от своего занятия, вздрогнул и обернулся.

Судьба приготовила мне неприятный сюрприз. Это был не бастард; смазливый мужчина лет двадцати пяти, черноволосый, с манерным лицом избалованного дамского любимца, прямо-таки на лбу написано – «комедиант»…

Я сжал зубы. Под пологом второй повозки возились тени; мне слишком не хотелось верить в ошибку, потому я оскалился:

– Где хозяин? Живо!

Комедиант привык, по-видимому, к внезапным появлениям всякого рода самодуров. Слово «власть» не было для него пустым звуком, а потому он поспешно изобразил поклон и даже изящно махнул молотком – будто шляпой:

– Там, благородный господин, в повозке… Мы всего лишь смиренные комедианты. Мы исправно платим на-логи…

Я оттолкнул его – в конце концов его не было среди обидчиков Аланы – и грубо рванул занавеску, прикрывающую вход под размалеванный полог.

Затрещала, разрываясь, ткань. Охнула за моей спиной Танталь – как, и она взобралась на подмостки? Без посторонней помощи?..

Здесь было темно и душно, пахло потом и, кажется, пудрой; взвизгнула, прикрываясь, какая-то полуголая дамочка, я хищно обернулся к ней, ожидая увидеть томную красавицу, не так давно приглашавшую меня на представление.

Меня схватили за плечо:

– Позвольте! По какому праву?!

Я обернулся.

Нет, я никогда его не видел. Это не он, это не его я мечтал поймать и доставить в замок; даже полумрак, даже нарисованные на лице морщины не могли сбить меня с толку. Это не он.

– Сейчас объясню, по какому праву! – рявкнул я, уже не сдерживая злобы. Комедианты представлялись мне обманщиками, насмешниками, сознательно решившими надо мной поиздеваться. Кажется, та девица в темном уголке уже хихикает: что, благородный господин, обознался?!

– Сейчас я объясню, – прорычал я, давясь густым запахом

грима. – Кто предводитель? Ко мне! Кажется, кто-то всхлипнул.

– Я предводитель, – медленно сказал тот, что был загримирован под старика. На самом деле ему было лет сорок с небольшим.

Возбужденно гудела толпа. Со всех сторон сбегались новые зеваки – наверное, никакое представление не привлекает так, как настоящая драка. Настоящее унижение. Настоящее насилие, без игры.

– Чем мы провинились, господин?

При дневном свете грим на лице предводителя казался уродливой маской.

Я еще не знал, чем они провинились. Наверное тем, что комедианты; все комедианты одинаковы, то, что случилось с Аланой, могло произойти и с другой девочкой, и под этим самым, надорванным мною пологом…

– Господин, у нас есть грамота… позволяющая играть… в городах и поселках… мы платим налоги, мы…

– Бариан, – сказали у меня за плечом. Вроде бы незнакомый голос; только секунду спустя я понял, что говорит Танталь.

Предводитель вздрогнул. С трудом оторвал взгляд от моего лица и глянул мне за спину.

– Бариан, – повторила Танталь с каким-то не то смешком, не то всхлипом. – Привет.

Покрытое гримом лицо несколько мгновений пребывало в неподвижности. Потом я увидел, как подведенные белым глаза раскрываются, явно собираясь вылезти из орбит:

– Ты?!

Ночевали комедианты уже в замке. Танталь накупила в поселке провизии; двенадцать ее телохранителей недовольно хмурились, разглядывая повозки и их обитателей.

Танталь и тот, кого она звала Барианом, допоздна сидели в большом зале перед камином; прочие члены труппы примостились на тюфяках, милостиво выданных Итером, время от времени кто-нибудь из них просыпался, поднимался на локте, пытаясь сообразить, куда попал; потом, убедившись, что сон продолжается, с блаженной улыбкой валился обратно.

– Да, дела… ну, сама видишь. Из фарсов играем только «Рогатого мужа», и то… – Бариан, небрежно отмытый от грима, грустно усмехнулся.

– Муха вырос… И я ведь в этой роли… не Мастер Фло. И Динка, – он оглянулся на дамочку, сладко дремлющую на своем тюфяке, и закончил шепотом: – И Динка – не ты. Так-то…

Я приблизился, стараясь ступать потише, но Бариан все равно вздрогнул. Он боялся меня; мое явление в грохоте молний, с

руганью и обрыванием полога не прошло даром. Бродячая бесправная жизнь приучила его бояться всякого, кто хоть чуточку сильнее. Правило, хранящее маленькую жизнь комедианта…

– Сядьте, Ретано, – сказал Танталь, не глядя на меня. – Вот, с этим человеком… мы проехали… неважно, сколько. Сколько лет, сколько дорог… Может быть, и я бы сейчас…

Она смотрела в огонь. Она была не похожа на саму себя, потому что выразительное лицо ее разом утратило всю свою жесткость. На глазах то и дело показывались слезы – уж чем-чем, а сентиментальностью Танталь не отличалась никогда…

И все же вообразить ее в повозке… в компании хотя бы и этого Бариана…

– Я пойду спать, – извиняющимся тоном пробормотал комедиант. Мое присутствие угнетало его; Танталь, не глядя, поймала его за руку:

– Сиди… Он вздохнул:

– Динка… мы ее на комедийные роли брали, а подросла – глядим, героиня… И хорошо, потому как Гезина к тому времени уже замуж вышла… Смеяться будешь, Танталь – за лавочника!..

Он осекся. Поерзал, зябко повел плечами:

– Нет, я пойду, пожалуй… Господину Рекотарсу… Благодарствие за гостеприимство, но господину неинтересно ведь слушать, о чем это я тут болтаю…

– Если господину неинтересно – господин уйдет, – холодно сообщила Танталь. Меня передернуло – все это, конечно, трогательно, но Танталь забывается. Всякому панибратству есть предел…

Я развернулся и пошел прочь – всем своим видом показывая, что болтовня комедианта и комедиантки не может меня оскорбить. На пороге зала обнаружился запыхавшийся Итер:

– Господин Ретано… Там… госпожа Алана… вроде как бредит.

…Она лежала, скинув одеяла, сбив в кучу простыни,яркий свет упал ей на лицо, но она не проснулась. Ресницы были плотно зажмурены, бледный рот искривился, будто в припадке; я сел рядом, схватил ее руку, беспомощно огляделся, не зная, чем помочь.

– Не надо, – бормотала она сквозь зубы. – Там… трясина… не на… не надо!..

До самого утра моя жена металась, медленно поедаемая кошмаром.

И до утра я никак не мог ее разбудить.

Мы тронулись в путь на рассвете. На перекрестке наши пути разошлись – повозки комедиантов свернули направо, а экипаж

Соллсй и карета с гербом Рекотарсов, сопровождаемые эскортом из дюжины всадников, неспешно покатили прямо.

Оба каравана спешили поскорее удалиться от холма, на котором стоял холодный дом без каминов. Прсдпо-лагалось, что господин Чонотакс Оро не всеведущий,так оно, похоже, и было, потому что черная ворона, неотлучно преследовавшая кареты Рекотарсов-Соллей, оставила без малейшего внимания повозки бродячей труппы.

…Затея была бредовая. Затея была любимым детищем бывшей комедиантки; впервые выслушав ее, я рассмеялся Танталь в лицо. Но, к моему удивлению, Алана, которой после ночи кошмаров сделалось вроде бы лучше, никак не отреагировала на перспективу новой «прогулки с комедиантами». И это было странно – с моей точки зрения, сам вид комедиантских повозок должен вызывать у нее тошноту. Либо Алана уже забыла о потрясении, либо…

Либо апатия, владевшая ею последние дни, перешла в новую, более глубокую фазу. Алане попросту было все равно.

Никто из нас не знал до конца, сможем ли мы обмануть Чонотакса и как далеко простирается в настоящий момент его магическая власть. Танталь утверждала, что именно бредовость затеи придает ей некоторый смысл – возможно, ослабевший Черно потеряет наш след, и ради одной этой возможности стоит ненадолго пожертвовать комфортом…

Какой уж там в дороге комфорт. Среди зимы… В такое время не путешествуют. В такое время спасаются бегством.

Убедить учеников Солля, что они должны конвоировать две пустых кареты, было делом изначально безнадежным. Я так и не узнал до конца, что именно говорила им Танталь, какие у нее нашлись доводы; в конце концов мне было предложено поклясться перед двенадцатью сопляками, что ни волос не упадет с голов госпожи Аланы и госпожи Танталь. В такой клятве было что-то унизительное; поначалу я заупрямился, но потом – нечего делать – присягнул…

Много дней спустя мы узнали, что Танталь оказалась во многом права. Караван, сопровождаемый учениками Солля, безнадежно завяз в сугробах в первый же день путешествия. Откуда ни возьмись налетела, преградив дорогу, снежная буря, и уже на постоялом дворе выяснилось, что оба экипажа фатально повреждены и продолжать дорогу не могут. А уж обманулся Чонотакс Оро или с самого начала играл с нами, как кошка с мышью – так и не довелось узнать…

Подготовка к отбытию происходила как бы в чаду, как бы в игре; я никак не мог поверить, что со дня на день мы тронемся в

путь в компании комедиантов. В конце концов мой бедный рассудок нашел способ защититься: я влез в игру искренне и с головой. Потешаться – так с размахом.

Я приставал к Бариану, выспрашивая, какую он мне предложит роль; бедняга с самого начала боялся меня, а теперь и вовсе стал шарахаться. Я предложил Танталь разучить несколько песен на два голоса – она криво усмехалась, сомневаясь, по-видимому, в моих вокальных способностях. Я просил Алану научить меня модным танцам – Алана молчала и не улыбалась. Предприятие вовсе не казалось ей смешным…

И вот теперь Бариан шагал рядом с повозкой, и Бариан был доволен. Я сам наблюдал краем глаза сцену, когда Танталь вкладывала в его руку звонкий мешочек, а предводитель труппы, красный и какой-то испуганный, отнекивался.

– Ты же повозку хотел продавать! – возмутилась наконец Танталь. – Ты же… что, за чужую меня держишь?!

После этого Бариану ничего не оставалось, кроме как взять деньги, и вот теперь он шагал радостный, предвкушая, по-видимому, сытный обед и теплый ночлег.

Дорога была накатанная. Лошади двигались разме-. ренным шагом, но, поскольку рессоры обеих повозок давно приказали долго жить, тряска стояла немилосердная. Мне с непривычки казалось, что из меня вот-вот вытрясет душу, я порывался соскочить и пойти пешком рядом с Барианом – Танталь цепко удерживала меня за рукав.

После полудня впереди показался поселок, я знал его, и меня могли здесь узнать, а потому мне было предписано сидеть в повозке и не показывать носа. Рослый красавец, носивший неподобающую кличку Муха, и толстый добродушный старичок с лицом театрального злодея споро приготовили подмостки; героиня-Динка извлекла из сундуков ворох костюмов, а Бариан тем временем ходил взад-вперед и зазывал зрителей. Любопытных насобиралось не так уж много, но и совсем не мало; девица вытащила лютню, и представление началось.

Я сидел в углу повозки, сделавшейся вдруг страшно тесной, и смотрел спектакль с изнанки. Комедианты бегали туда-сюда; дамочка, только что изнывавшая на сцене от любви к красавцу-Мухе, спустя секунду на карачках подлезала под занавес и подавала кому-то деревянный меч. Толстый старичок изображал злодея, да так – достоверно, что публика ахала; я смотрел, как Бариан что-то объясняет Танталь, как та, закусив губу, принимает из его рук лист жести и обмотанную тряпкой палку, как, напряженно следя за происходящим через дыру в занавесе, вдруг колотит по листу что есть силы – на сцене кто-то горестно вопит,

а Танталь утирает самый настоящий, выступивший на лбу пот… Комедианты тоже взмокли, как лошади, даром что изо всех ртов валил от холода белый пар.

Потом объявили «Фарс о рогатом муже»; тут же, передо мной, вся труппа лихорадочно переоделась, Бариан нацепил парик, взял перо и ворох бумаг и побежал на сцену, а я, разинув рот, наблюдал, как дамочка мостит поверх собственного бюста еще и тряпичный, накладной; в какой-то момент я вспомнил о деликатности и отвел глаза – как раз для того, чтобы увидеть, как красавец Мужа сосредоточенно пристраивает спереди в штанах огромную мерзлую морковку…

Да, благородным господам не пристало путешествовать с комедиантами. Я порадовался, что Алана не видит всего этого, что она осталась стоять среди публики – тоже, признаться, не место для жены Ретанаара Рско-тарса…

Мне вдруг страшно захотелось натянуть на голову лысый парик. Припудрить нос, наклеить усы и явиться пред очи зрителей – того удивилась бы дамочка с накладным бюстом! Фиглярничать, р-рогатая судьба, так со свистом…

О да. Меня бы освистали.

Фарс закончился, я так и не понял, в чем там было дело, но публика смеялась, и монеты на тарелку бросала – не так, чтобы много, на постоялый двор для все оравы и не хватило бы, пожалуй. Я вспомнил тот негодующий, сдавленный вопль Танталь: «Что, за чужую меня держишь?!» И позвякивание монет в мешочке…

А вот как они, любопытно, выкручиваются, когда не попадается по дороге богатой Танталь? Есть ведь еще надо, да лошадей кормить… Да подати платить, не зря они так перепугались, когда я вломился к ним в повозку…

Я невольно поднял глаза. Оборванный полог был аккуратно пришит на место.

Комедианты вернулись со сцены потные, несмотря на мороз, зато с красными ушами и носами, в свалявшихся шариках пудры; сели на сундуки вдоль стен, молча пережидая, пока разойдется толпа. А может быть, просто отдыхая.

Танталь осталась снаружи. Я слышал, как она о чем-то вполголоса спрашивает Алану – и та отвечает, тоже вполголоса, равнодушно…

– Хватит сидеть, – угрюмо бросил Бариан. – За работу…

Все пришли в движение; женщина с привычным бесстыдством принялась стягивать подбитое ватой платье, злодей-старичок сунул за щеку кусок хлеба, а статный красавец Муха выудил из штанов морковку, и, задумчиво ее оглядев, сообщил

предводителю:

– Засыхает реквизит уже. Завял… Надо бы новенький.

Заночевали на постоялом дворе. Сквалыга Бариан снял всего две маленьких комнаты, одну отдали нам с Аланой и Танталь, в другой расположились комедианты, все вчетвером, включая женщину. Впрочем, никаких фривольных мыслей на этот счет не возникало – в комнатах стоял такой холод, что никому не приходило в голову снять хотя бы перчатки.

Алана уснула, укрытая десятком одеял. Я спустился в обеденный зал, где было тепло, и наладился прикорнуть в кресле у камина, благо мои странствия научили меня спокойно относиться к такому способу ночлега. Я задремал почти сразу, и приглушенные голоса за одним из столиков естественным образом вплелись в мой сон.

Мне снилась занавеска, подшитая сверху толстыми белыми нитками; я прилаживал в штанах морковку и все никак не мог приладить, а ведь с минуты на минуту войдет Алана, это первая наша брачная ночь, и под кроватью, рядом с ночным горшком, лежит книга «О магах», мое приданое… «Почему же ты молчишь, – бубнит над ухом приглушенный голос Чонотакса Оро, – если ты видишь… плохо… скажи… если ты не чужая…»

«Что, за чужую меня держишь?!» – горько спрашивает Алана, а я стою перед ней с морковкой в руке, и мне нечего ответить.

«Десять лет… десять лет… десять лет…»

«Нет. Уже нет. Не могу, Бариан, извини… Не могу…»

Я – блоха внутри замшевого мешочка. Холодная рука с длинными белыми пальцами шарит по швам, пытаясь найти меня; я вжимаюсь в угол, но твердый желтоватый ноготь ищет усерднее, сейчас он найдет меня, и от мысли, что будет потом, я проваливаюсь в темноту без верха и низа…

Я отработаю, Чонотакс. Я сделаю все, что прикажешь… только…

Из темноты глядели, не отрываясь, булавочные глазки Судьи. Проворачивался, теряя дни, деревянный детский календарик.

На другой день я подошел к Танталь и, пряча глаза, попросил булавку обратно.

Она удивилась. Возможно, она подумала, что я струсил – но булавку, поколебавшись, все-таки отдала.

У меня не было возможности оправдаться. Объяснить, что не страх перед Чонотаксом меня мучает – соблазн…

Не хотелось верить, что это рождается внутри меня. Проще списать на наваждение, на Черно, который сквозь расстояние ломает мою волю…

Это было – непреодолимое желание вернуться назад и

ползать перед магом на брюхе.

Жизнь у комедиантов, надо сказать, не сахар. Тянулись назад заснеженные поля, на горизонте то поднималась, то опадала темная кромка леса. В лес Бариан въезжать не решался – опасался волков и разбойников, и даже самая презрительная из моих усмешек не могла подвинуть осторожного предводителя на этот подвиг. Танталь шагала рядом с повозкой и молчала – лихорадочное возбуждение, владевшее ей с самого начала путешествия, сменилась подавленным, желчным настроением. Бариан шел рядом – и почему-то прятал от нее глаза.

Делать было совершенно нечего; комедианты сменяли друг друга на козлах, я показывал Алане следы на снегу и тут же придумывал фантастические истории о собственных битвах с волками и разбойниками. Алана слушала, бледно улыбаясь; один раз я попросил доверить мне вожжи – и показал оторопелым комедиантам умение управлять повозкой, правда, передняя ось чуть не лопнула, а Бариан, хоть и не решился меня упрекнуть, но все-таки был очень зол…

В селении Межречки назначена была встреча с двенадцатью телохранителями Танталь. Намаявшись в повозке, я с нетерпением ожидал момента, когда можно будет пересесть в удобную карету и продолжать путь, как то подобает аристократу, мы прождали в Межречках день и другой, но никто в округе и слыхом не слыхивал и о двух экипажах с гербами, ни о дюжине молодых всадников.

– Зима, – сказал я, пытаясь согнать с лица Танталь маску напряженного ожидания. – Мало ли что может случиться…

– У меня такое чувство, – отозвалась она шепотом, – что я подставила их под неприятность. Подсунула вместо себя.

– Чонотакс уже догадался… о нашем маскараде?

– Откуда я знаю? – взвилась она с неожиданной злобой. – Он что, записочки мне шлет с почтовыми голубями?

– Извини, – сказал я смиренно, хоть извиняться, на мой взгляд, было не за что.

Прошло еще два дня, ждать дальше не представлялось возможным; Бариан нисколько не огорчился, узнав, что благородные господа собираются продолжить свой путь с комедиантами. В отличие от меня, Бариан даже был доволен; Танталь, сменившая гнев на милость, снизошла до того, чтобы меня подбодрить:

– А что нам мешает вот так добраться до самого города? Лучшего прикрытия не бывает, Ретано. Если Чонотакс до сих нас не выследил – дальше ему будет все труднее и труднее…

– А если выследил? – спросил я желчно. Она пожала плечами:

– Маги не всесильны… Или нам сложить руки под тем предлогом, что от Черно все равно не вывернешься? Я помрачнел.

– Нам всего-то и надо, что добраться до Эгерта, – продолжала Танталь, сама себя ободряя, – Эгерт найдет… выход.

Женщины непоследовательны. Танталь не верила во всемогущество господина мага – зато верила, по-видимому, во всевластие полковника Солля. Я не стал ее разочаровывать. И даже пожимать плечами не стал.

В пути с комедиантами прошла еще неделя; моя жизнь таяла, как зажатая в кулаке сосулька, а деревянный календарь за пазухой давил, мешал и не давал уснуть. В одном поселке труппу освистали – толпа осталась недовольна, и Бариану со товарищи пришлось спешно сворачивать подмостки под градом летящих со всех сторон мерзлых нечистот.

– Что, играли плохо? – язвительно спросил я, когда ясной зимней ночью мы остановились среди поля и разожгли большой костер.

Предводитель комедиантов опустил плечи; я прямо-таки видел, как на кончике языка его вертится дерзость, но он удерживает ее, будто цепного пса.

– Толпе интереснее швыряться дерьмом, – сказала неслышно подошедшая Танталь. – Ей хоть на голове стой…

Бариан огорченно взглянул на нее – но ничего не сказал; потом я слышал, как, отведя Танталь с сторонку,он в чем-то убеждает ее, поспешно и горячо. Лица Танталь я не разглядел – она стояла ко мне в полоборота.

На другой день перед начало представления я поспешил убраться подальше, и, бродя вдоль опустевшей улицы, слушал, как вопит сгорающая от любви героиня, как громом грохочет жесть и похохатывает толпа. Кто-то на сцене никак не мог выдернуть из ножен традиционно ржавую шпагу; похоже, хоть сегодня труппу Бариана не освищут. Может быть, даже дадут денег – на хлеб…

– Не нравится? Плохая пьеса?

Танталь стояла в тени огромного голого тополя. В полумраке я не видел ее лица – но голос был сухой, неприветливый, жесткий.

– Эдак мы за полгода не доедем, – пробормотал я, глядя в сторону. – Может быть, нам хватит… ломать комедию… ты как хочешь, а я бы нанял карету. Пока еще остались какие-то деньги…

– Чонотакс нас выслеживает, – сказала она безнадежно.

Я споткнулся и шагнул в глубокий сугроб; снег подался, и я

провалился выше колен.

– Записочки с почтовыми голубями? – насмешка была не к месту, но я не удержался.

– Почти, – она облизала губы, – Ты не ощущаешь, наверное, потому что у тебя булавка… А я вот…

Неприятный холодок, шевельнувшийся у меня в душе, был куда злее самого злого мороза.

– Возьми, – сказал я быстро, не давая себе времени на раздумья. А проклятая булавка, как на зло, зацепилась за манжету и не желала откалываться.

Танталь помолчала, вертя булавку в пальцах. Вздохнула, раскрыла ворот плаща, приколола безделицу на платье:

– Извини… я потом… тебе отдам. Потом.

Всю ночь я не спал, ворочался на жесткой подстилке, слушая беспокойное дыхание Аланы; я чувствовал себя голым. Я помнил, как рука Черно Да Скоро дотянулась до меня из замшевого мешочка, и как менялась погода, ведя меня к определенной цели; я боялся, что на этот раз Чонотакс Оро явится ко мне во сне.

Но он не явился.

Весь следующий день Бариан и Танталь провели, уединившись на второй повозке. Я шагал рядом – и различал отдельные слова, доносившиеся сквозь наглухо закрытый полог; беседа была странной. Танталь то скрипела не своим каким-то, надсадно-старушечьим голосом, то переходила на раздраженное бормотание. То же самое происходило и с Барианом; создавалось впечатление, что в повозке беседуют не двое, а четыре разных человека, пара нормальных и пара сумасшедших.

Под вечер караван добрался до хутора, а тамошние жители, прижимистые и подозрительные, никаких представлений не желали. Мы тянулись от двора к двору, Бариан выходил на переговоры с хозяевами, и, проявив недюжинный дипломатический талант, устроил-таки нас на ночлег на чьем-то сеновале. Приютившая нас хозяйка, романтичная, по-видимому, вдова, до ночи слушала серенады, исполняемые хриплым голосом Бариана в сопровождении старой лютни; прочие, радуясь передышке, поспешили зарыться в сено.

Я отыскал в темноте руку Аланы.

В последние дни между нами установились еще более странные, чем обычно, отношения; если бы не безумие дневной тряски, вечерних представлений и холодных ночей вповалку – возможно, они переросли бы в настоящую привязанность, естественную между супругами. Опять же, если бы не дикость нашего путешествия, я, возможно, серьезнее отнесся бы и к Аланиной бледности, и к ввалившимся глазам, и к беспокойному

ночному дыханию; не знаю, что она видела на полдороги к Преддверью, но тупой шок – наследие «прогулки» – никак не желал уходить.

Сейчас, поймав в темноте тощую, какую-то совершенно несчастную руку, я ощутил присутствие собственной совести. Совесть встала за спиной и положила ладонь на плечо.

– Алана…

Я сам не слышал своего голоса. Тонкая рука в моей ладони вздрогнула.

– Алана… моя…

Я перебирал ее пальцы, будто бахрому, пока в ложбинках маленькой ледяной ладони понемногу не выступил пот.

– Алана… девочка… ты…

Мягко перекатившись, я оказался так близко, как подобает только мужу. Ввинтился под одеяло, будто крот, тощее тело моей жены вызывало не столько страсть, сколько желание приласкать и накормить.

– Ой, – сказала Алана, и я щекой ощутил тепло ее дыхания. – Ой, нет… Мне все время кажется, что он здесь. Что он на нас смотрит.

Я еле сдержал стон. Мертвой рукой погладил маленькую холодную руку и с неслышным вздохом откатился прочь.

Весь следующий день мы с Аланой смотрели в разные стороны; дорога пошла плохая, комедиантам то и дело приходилось выталкивать повозки из ям и рытвин, все шли пешком, даже Алана – и только Бариан с Танталь продолжали, завесившись пологом, свой странный разговор. Комедиантка на ролях героинь шла рядом с повозкой, рискуя попасть под колесо, и, вытянув шею, прислушивалась к голосам, снова и снова повторяющим один и тот же диалог; несколько раз, если мне не изменил слух, Танталь выругалась, да так, что позавидовал бы любой матрос. Муха и злодей-толстячок многозначительно переглядывались.

Еще днем миновали небольшое селение, а потом хутор, быстро темнело, небо затянулось тучами, ветер пробирался, кажется, под самые ребра. Лошади еле переставляли ноги, а Бариан бранился почем зря на статного красавца Муху. Всем понемногу становилось ясно, что, если не найдется хоть сараюшки среди поля – труппе мерзнуть и пропадать; толстяк Фантин бормотал, будто оправдываясь, что должно здесь быть селение, и немаленькое, он эту дорогу помнит, не замело же, в самом деле, снегом по самые дымари…

Алана прижалась ко мне, и я почувствовал, что она дрожит. УЖ лучше бы она оставалась в апатии: отчаяние и страх – вовсе

не те чувства, ради которых стоит изменять спокойному безразличию. Как бы то ни было, но за помощью Алана кинулась к мужу, а в трудные времена муж и обязан быть мужественным, как статуя.

Я взял ее на руки. Начиналась метель; стиснув зубы, я вообразил себе Чонотакса Оро, сидящего в четырех стенах и слушающего вой ветра за окном. Дирижирующего этим ветром…

В тот самый момент, как я уверился в магическом происхождении постигшей нас неприятности – в это самое мгновение поселок обнаружился прямо перед нашими носами, выглянул из под снега редкими огнями, поднял белые скаты крыш, отозвался собачьим лаем.

У всех сразу же улучшилось настроение; не надеясь собрать публику в такую погоду, Бариан повернул прямо к постоялому двору, и, ввалившись с мороза в тепло, мы оглушены были грохотом, звоном посуды и утробным хохотом трех десятков глоток.

Распугивая постояльцев и слуг, в трактире пировали местный князек с вооруженной свитой. Молодцы были все как один красноморды, бесшабашны и уже здорово пьяны; появление комедиантов вызвало новый приступ веселья, сам князек, тощий молокосос в шелках и бархате, вылез из-за стола, чтобы поближе разглядеть новоприбывшее диво. Бариан испугался.

Я видел, как дергается жилка у него на виске, как нервно подрагивают губы, в то время как он спокойным ровным голосом объясняет молокососу, что да, это труппа бродячих комедиантов, да, чтобы веселить народ, да, но сегодня спектакля не будет – метель…

Князек хватил кулаком по столу. На удивление крепкий был кулак – только столешница жалобно охнула; пьяный молокосос желал развлечений. Прямо сейчас. Не сходя с этого места.Бариан побледнел сильнее. За спиной у него плотной группкой стояли хмурый Муха, зловещий Фантин, перепуганная героиня Динка, Алана в низко надвинутом капюшоне и обнимающая ее Танталь; я механически потянулся за шпагой – и схватил пустоту. Комедианты оружия не носят.

Теперь князек улыбался; улыбка у него была мерзкая, но он обещал «господам шутам» выпивку, ужин и деньги. Если только молодцам – красноречивый взгляд на выводок головорезов – представление придется по душе…

Собственно говоря, всего то и дел было – захватить князька в захват и приставить к тощему горлу его, молокососа, собственную шпагу. И ждать, пока красно-мордыс кинут оружие…

Если только они сообразят, что надо кинуть. Если только их

пьяные головы способны верно оценить ситуацию; возможно, кто-то из них и сам бы князька подрезал – случилась бы только возможность…

А здесь, между прочим, Танталь и Алана. И я поклялся оберегать каждый волос с их головы… Ишь ты, как пригодилась клятва.

Бариан сглотнул. Обвел взглядом хохочущие пьяные рожи, обернулся к своим; я видел, как сузились в ответ на его взгляд темные глаза Танталь.

– Господа, нам необходимы приготовления, – сказал Бариан хрипло, с недостойной суетливостью в голосе. – Если вы желаете… представления… то нам надо освободить вон тот угол. Все столы – сюда… Там будет сцена…

Красномордым не хотелось таскать столы, но окрик молокососа сделал свое дело; возбужденно грохоча мебелью, кидая стулья и пугая тем самым беднягу-хозяина, эти будущие зрители радостно предвкушали обещанное зрелище. В основном их интересовало, будут ли голые бабы, и от взглядов, кидаемых в сторону Аланы и Танталь, мне делалось муторно.

Пользуясь суматохой, я сходил к повозкам и прихватил свой кинжал. Нацепить шпагу – нарываться на скандал, ходить без оружия – полная глупость. Кинжал укрылся под одеждой; прикусив губу, я ждал, как повернутся события.

Муха торопливо навесил в углу занавес; Бариан и Фантин с натужным кряхтением перетащили в загородку сундук. Героиня Динка нервничала, перебирая костюмы; публика пила, горланила, требовала поторопиться и покрывала пол замысловатым узором плевков.

Мне нельзя было оставаться за занавеской – там и без того было тесно; Алана, скрючившись, сидела в углу, но ей выходить наружу было попросту опасно. Танталь смотрела, как лихорадочно переодеваются Фантин и Муха, и губы ее почему-то шевелились; я успел поймать отчаянный взгляд Бариана, обращенный в пространство. Бариан предчувствовал провал, я тоже его предчувствовал, и кинжал казался мне бесполезной игрушкой. Возможно, я и перебью тридцать пьяных головорезов – но уж после этого защитить Алану будет некому.

И, уже задергивая за собой занавеску, я успел услышать сдавленный шепот Танталь:

– Давай!!

Я сел у стенки, на край стола. От зрителей несло перегаром, потом, лошадьми; меня добродушно хлопнули по плечу и спросили, а чего это я не фиглярничаю вместе со всеми. Я многозначительно подмигнул: всему, мол, свое время…

– Фарс о Трире-простаке! – объявил Муха. Кто-то хлопнул в ладоши, кто-то на кого-то цыкнул, в относительной тишине из-за занавески выбрался Бариан с ватным животом и нарочито глупой рожей. Испуганно звякнула лютня.

Бариан спел о том, что он, Трир, возвращается с ярмарки, где удачно продал корову, припевом песенки служили позвякивания монет в кармане. Головорезы хмыкали; за песенкой последовал незамысловатый танец, кто-то из головорезов запустил в Бариана обглоданной костью – но тот, по счастью, увернулся.

Зрители оживились. Все, подумал я, холодея. Дальнейшее представление сведется к игре «А ну-ка попади». Вот уже несколько рук выловили в тарелках каждая по кости, бедный Бариан, сейчас начнется…

Из-за занавески вынырнула согбенная старуха – в капюшоне, низко надвинутом на лицо, с седыми космами, выбивающимися из-под плаща; я разинул рот. Я точно помнил, что никакой старухи за занавеской не было!

Краснолицые, хоть как ни пьяны были, но тоже об этом помнили; кто-то удивленно икнул.

Старуха пробежалась туда-сюда, как бы высматривая Бариана и все никак не решаясь подойти; я потрясенно смотрел, как она суетится и приседает. Повадки у старухи были такие естественные и вместе с тем такие потешные, что головорезы, раздумав швыряться костями, притихли и захихикали; я лихорадочно соображал, кто прячется под плащом. «Фарс о Трире-простаке» на моей памяти не играли; героиня Динка на роль старухи никак не годилась. Муха выше ростом и шире в плечах, а Фантин…

Старуха заговорила.

У нее был надтреснутый, вкрадчивый голосок прожженной старой стервы. Она явно собралась надуть бедного Трира – а к этому времени я поверил, что лицедея Бариана действительно так зовут. Она казалась воплощением всех на свете плутов – нахалка, мерзавка, обманщица. Она сперва высмеяла Трира, подбивая его похвалиться выручкой, а потом взялась считать деньги, да так, что всем сразу же стало ясно – Трир-простак погиб и пропал.

– Надули тебя, паря! Как есть надули, ты говоришь, десять, а тут восемь всего, глянь!

Простак затравленно хлопал ресницами. Старуха пересыпала деньги из одной ладони Трира в другую, загибала его пальцы, под каждый подкладывая по монетке, и денежек было уже пять; головорезы зачаровано притихли. Не каждый день встречаешься с таким красивым, таким талантливым мошенничеством.

– Четыре, – выдохнул Трир, тупо глядя на содержимое

собственной горсти. Ожесточенно потер глаза рукавом, вытаращился снова. Я в жизни не видывал более потешной рожи.

– Да где же четыре, когда три монетки всего! Сочти хорошенько, растяпа!

Не сводя с мошенницы глаз, простак судорожно ощупывал все свои карманы – как будто монеты, издеваясь над ним, тараканами расползлись по одежде; старуха сохраняла хладнокровие. Она, похоже, и сама сочувствовала незадачливому Триру.

Первым захохотал тот самый увалень, которых хлопал меня по плечу. Смех его был под стать фарсу – с каким-то поросячьим повизгиванием в конце каждой рулады. Парень выступил солистом, потому что, заслышав этот смех, краснолицые заглушили его утробным хоровым ржанием, старухе пришлось сделать паузу и повысить голос – но даже ее пронзительный фальцет с трудом пробивал завесу хохота:

– Э-э, паря, да у тебя дыра в кармане! Смотри, всего одна монетка и осталась!

На глазах у Бариана-Трира выступили настоящие слезы.

За всю свою историю постоялый двор не знал, не видел ничего подобного. Тридцать головорезов полностью потеряли над собой власть – они ржали, падая со стульев, князек-молокосос держался за живот, лицо его было опасно-багрового цвета, потому что он никак не мог продохнуть. Смеялся хозяин, смеялись осмелевшие слуги, хохотал конюх, покатывались со смеху постояльцы, высунувшиеся по такому случаю из своих щелей. Трир-простак рыдал, шаря рукой в опустевшем кошельке, а старуха приплясывала вокруг, и я сидел как пень, потому что наконец-то понял, кто это. Кто прячется под плащом с седыми космами.

Вслед за «Триром-простаком» последовал «Фарс о рогатом муже»; я не удивился, когда вместо Динки в роли неверной жены обнаружилась все та же Танталь. Даже Муха, чьи штаны оттопыривала неизменная морковка, оказался отодвинут на задний план; краснолицые валились на пол, в лужи густого вина, и огоньки свечей сотрясались от ржания многочисленных глоток.

Казалось, Танталь поставила целью довести зрителей до истерики. Я смотрел во все глаза и никак не мог понять, где проходит грань между грубым фарсом с его спрятанной в штанах морковкой – и ядовитой насмешкой, издевкой чуть не над всем миром, отчаянной, бесшабашной и злой. Играя с залом, Танталь два или три раза посмотрела мне прямо в глаза; тем временем обессилевшие от смеха головорезы потянулись к вину, и хозяин поспешно наполнил новые кувшины вместо разбитых.

Спустя некоторое время обеденный зал напоминал поле боя –

столько безжизненных тел валялось тут и там среди обломков и темно-красных луж. Бариан перебирал струны лютни; комедианты потихоньку собирали реквизит, сматывали ткань и убирали в сундук костюмы. Хозяин проводил нас в дальнюю комнату – одну на всех, холодную и тесную, потому что все лучшие апартаменты достались, естественно, князьку с его головорезами.

Героиня по имени Динка прятала глаза. Кусала губы, втягивала голову в плечи, бросала в сторону Танталь откровенно обиженные, откровенно завистливые взгляды. Алана впервые за много дней казалась веселой; Муха и Фантин выдохлись до полуобморочного состояния, а Бариан не выпускал руку Танталь. Так и ходил за ней, как привязанный.

– Ты…

Выйдя в темный коридор, он что-то говорил ей вполголоса, и я разбирал только отдельные слова, но догадывался, о чем идет речь; Танталь отвечала с нервным смешком, я расслышал одну только фразу:

– На кураже… на кураже одном, и все… Снизу некоторое время доносились одинокие пьяные выкрики, потом все успокоилось. Муха и Фантин уже сопели на тюфяках в углу, Динка всхлипнула громче обычного – за что была удостоена раздраженного взгляда Бариана:

– Замолчи…

Я посидел подле спящей Аланы – а потом вздрогнул, будто от толчка. Сам не знаю, что меня толкнуло за предчувствие.

Я встал. Оставив за спиной сонное дыхание измученных комедиантов, осторожно выбрался в коридор; в дальнем конце его надсадно сопели и вроде даже всхрапывали. Кто-то зажимал кого-то в углу, я разобрал сперва бормотание, а потом звонкий звук пощечины; сразу после этого пьяную тишину прорезал надсадный, зловещий шепот:

– Ты-ы… знаешь, что теперь с тобой будет? Ты-ы знаешь? Ты подняла руку на князя, грязная комедиантка, ты еще будешь умолять меня, чтобы тебе отрубили одну только руку! Ты-ы…

Я подошел и взял его за плечо. Неожиданно крутнувшись, он хотел было вырваться – но встретил горлом острие моего кинжала; князья, конечно, не чета комедиантам, но режущая кромка у самого кадыка привела сопляка в чувство и даже отрезвила.

– Ты знаешь, что теперь с тобой будет? – спросил я вкрадчиво.

– Ретано… – еле слышно выдохнула Танталь.

– Именем Мага из Магов Дамира, – я провел кинжалом,

оставляя на коже молокососа неглубокий порез, – я превращу тебя в жабу. В отвратительную зеленую тварь, а твоя свита станет роем мух, и я заставлю тебя сглотнуть их за раз, всех тридцать, и чрево твое лопнет от переедания, ты, посмевший покуситься на зачарованную принцессу!

Молокосос икнул. Попробовал позвать на помощь – но горло ему не повиновалось.

– Именем Мага из Магов, – сказал я таким страшным голосом, что моя собственная кровь едва не застыла в жилах. – Да свершится!

И двинул его головой о перила.

Мальчишке многого не требовалось – он сполз на пол, подобно пустому мешку, Танталь больно вцепилась мне в локоть.

– С-скотина малолетняя, – пробормотал я сквозь зубы. – А ты – почему ты не рядом со всеми?! Что, если бы…

– Все прелести комедиантства сразу, – проговорила Танталь, и голос ее странно дрогнул. – Аплодисменты… смех… пощечина… Ретано. Я искала… внизу… булавку.

Я чуть не споткнулся о неподвижное тело князька:

– Что?!

– Я потеряла булавку, – сказал она, теперь уже явно со слезами в голосе. – Я переодевалась… Я смотрела в сундуке, но там точно нет…

– Ты не нашла ее?!

– Ретано…

Не говоря ни слова, я взял ее за локоть и втолкнул в общую комнату, в сопящее сонное царство. Потом вернулся, поднял за шиворот безвольное тело князька и стянул по лестнице вниз; головорезы валялись кто где, и я с трудом поборол желание вытащить их во двор и раскидать по сугробам. Чтобы утром трактирщик смог оплакать естественную и безболезненную кончину славных воинов во главе с князем…

Я огляделся, поудобнее перехватил безжизненное тело, выволок сиятельного во двор. Ночь встретила меня ледяным ветром; во всяком случае, в теплом хлеву молокососу не грозит превратиться в сосульку. Навоз защитит от холода лучше любой перины.

Я оставил его связанным, с кляпом во рту, в молчаливом обществе скотины. Вымыл руки снегом, в сенях тщательно отряхнулся, чтобы не наследить; потом, вооружившись канделябром, обшарил весь обеденный зал, щель за щелью.

Уродливой серебряной булавки, подарка моего прадедушки Дамира, не было нигде. Как жаба языком слизала.

Здравый смысл требовал, чтобы мы убрались со двора как

можно раньше. Бариан торопился; каково же было его удивление, когда я сказал ему, что никуда не поеду. Что он с труппой может идти на все четыре стороны – а я, и со мной жена и Танталь, не сдвинемся отсюда ни на шаг. Пока не отыщем одну потерянную, но очень ценную вещь.

Предводитель комедиантов решил, что я сошел с ума. Динка натихую радовалась, что, возможно, подоспел случай избавиться от конкурентки-Танталь; Муха удивленно пожимал плечами, а злодей-Фантин по-телячьи хлопал ресницами. Ни зубовный скрежет, ни яростные взгляды, ни даже прямые упреки не заставили меня изменить решение, Алана удивлялась, но молчала. Танталь кусала губы, зная за собой вину.

Тем временем проспавшиеся головорезы обнаружили, что юный повелитель их канул, будто в снег, и пришли в замешательство; растерянность готова была смениться злостью, когда нашлись свидетели, видевшие, как среди ночи его сиятельство князь вышли во двор и вскочили в седло, и даже ворот отпирать не стали – так, через занесенную снегом ограду, и сиганули. Метель благополучно занесла все следы; головорезы чесали в затылках и на всякий случай обыскивали дом. Танталь нервничала, изредка бросая на меня вопросительные взгляды; вероятно, ей хотелось бы знать, не задушил ли я сиятельного молокососа и не закопал ли в сугробе. Прочие ничего не знали о ночном происшествии – однако обстановка складывалась такая, что Бариан, не глядя на меня, велел Мухе выводить из конюшни лошадей.

По счастью, в своих поисках головорезы не догадались обшарить хлев; я искренне надеялся, что властительный подросток жив и не захлебнулся в нечистотах. Другое дело, что работник, глядевший за скотиной, в любую секунду мог обнаружить пленника, и трудно предположить, чем бы такая находка обернулось.

Наконец, ко всеобщей радости, головорезы вскочили на коней и надолго или нет, но избавили постоялый двор от своего присутствия. Хозяин вздохнул с облегчением; я понимал, что успокоился он преждевременно, и потому не стал тратить ни секунды.

Как только за беспокойными гостями закрылись ворота, я явился к хозяину и официальным голосом потребовал собрать в обеденном зале всех слуг и служанок, находившихся там во время представления, а также сразу после него. Хозяин поначалу удивился, отчего это комедиант смеет говорить с ним в приказном тоне; я поиграл желваками и ненароком показал прикрытую плащом шпагу. Хозяин задумался; я навис над ним,

подобно скале – благо, бедняга был на голову ниже меня – и сообщил как мог вкрадчиво:

– Вы обознались, милейший. Я вовсе не комедиант. Этот довод решил дело в мою пользу, хозяин насупился и кликнул прислугу. Оказывается, в обеденном зале прибирались трое – вертлявая девчонка в кокетливом переднике, толстуха с глупым лицом и еще одна, висло-носая и унылая, навеки засидевшаяся в девках дурнушка.

– В чем дело, господин? – спросил хозяин, грозно зыркая на подчиненных. – Вы обнаружили пропажу? Кто-нибудь что-нибудь украл?

– Здесь был один предмет, – я пристально разглядывал обращенные ко мне лица трех женщин, – Серебряная вещь, доставшаяся мне от благородного прадеда… Возможно, она упала на пол. Возможно, кто-то из вас подобрал ее и, не зная, кому она принадлежит, взял себе… Я не держу зла. Я только настоятельно попрошу вернуть ее. Цены в ней немного, но для меня это – память о предке.

Хозяин хмыкнул и почесал бороду. Толстуха пожала плечом, вислоносая тяжко вздохнула, девчонка с откровенной скукой смотрела в потолок.

– Так ведь, – осторожно начал хозяин, – господин хороший, тут вчера такое было… Кто-то из этих… из благородных господ гостей мог унести. Спьяну-то, да не разобрав… А коли нет – так веником смели, столько хламу здесь было, смели и в кучу… Может, в мусорной яме поищите?

Если в вопросе и была издевка – то глубоко припрятанная; я подумал с ужасом, что трактирщик, возможно, прав. Неужели придется разгребать помойку?!

А вот заставлю Танталь, решил я в приступе раздражения. Тоже мне… великая актриса.Раздражение тут же ушло, сменившись угрызениями совести; я почесал подбородок, поочередно заглядывая в глаза всем троим:

– Итак, барышни? Вещь заметная, просто так не пропала бы, большая, серебряная…

– Вы же говорили, что цены в ней мало, – фыркнула девчонка. – Теперь оказывается, что она большая…

– А я еще доплачу, – сказал я мягко. – Кто вернет мне – доплачу золотыми монетами… Вспомните, а?

Толстуха снова пожала плечом. Вислоносая хлопнула глазами:

– Хозяин… Работа-то стоит… потом с нас же спросите…

Трактирщик нахмурился:

– Господин, э-э-э… Никто, стало быть, не видел и не знает.

Может, гости унесли, может, в щелку провалилась… Поискали бы… мы плутовок не держим, у нас все честно, никто из гостей не жаловался… так что извиняйте, благородный господин.

И повелительным жестом отправил служанок по рабочим местам.

Я поднял глаза; сверху, с лестницы, за дознанием наблюдала бледная, подавленная Танталь.

Время не стояло; дело шло к конфликту – Бариан не мог больше ждать, в то время как я не собирался трогаться с места, пока не найдется подарок Дамира. Надо сказать, с каждым часом надежд на это оставалось меньше и меньше; в хлеву возился и мычал сквозь кляп, не привыкший к такому обращению князек. Танталь маялась, а Бариан, уже не скрываясь, тянул ее с собой, и я его вполне понимал.

– Поезжай, – сказал я, когда краснощекий с мороза Муха доложил, что «можно ехать», – За Алану не беспокойся. Я ее муж.

Танталь молчала. На щеках се лежали неровные красные пятна.

Неизвестно, чем бы закончилось дело – если бы в эту самую минуту хозяин не решил провести ревизию… нет, не в хлеву. В блестящем после уборки обеденном зале. Случилось так, что, проведя пальцем по одному из столов, он вляпался в неотмытый слой жира; мы с Танталь стояли на лестничной площадке и оба вздрогнули от пронзительного крика:

– Ми-ира! Ки-инда!

В зал вбежали две служанки – девчонка и толстуха, обе перепуганные, а может быть, изображающие испуг; хозяин воздевал над головой нечистый палец, словно это был карающий жезл:

– Эт-то что такое? Эт-то кто убирал, я спрашиваю?! Служанки переглянулись; хозяин ухватил свободной рукой толстуху за шиворот и ткнул носом в столешницу, достаточно сильно ткнул, толстуха ойкнула и, отскочив, жалобно захныкала:

– Это не я… это Мира…

– Эт-то что такое?! – снова взревел трактирщик и ухватил за воротник вертлявую Миру. Вот тут-то оно и случилось.

Девчонка, привычная, по видимому, к таким воспитательным процедурам, сама сделала шаг к столу, ожидая, пока ее ткнут мордой; она даже нагнулась, как бы продолжая движение хозяина – и тут только обнаружила, что никто ее не держит. Рука хозяина соскользнула, с ее воротника, так и не успев совершить насилия.

Трактирщик ничего не понял. Разозлился пуще прежнего и сделал новую попытку – с тем же результатам; Мира хлопала глазами, не понимая, с чего это хозяин ее щадит. Толстая Кинда

занималась только собственным ушибленным носом; рядом со мной тихонько охнула Танталь.

Я сбежал вниз, прыгая через три ступеньки. Прежде чем хозяин успел вкатить обратно выкатившиеся от удивления глаза, я поймал Миру за руку и прошипел в перепуганное лицо:

– Отдай. Убью.

Девчонка безропотно подчинилась; рука ее нырнула куда-то за корсет, и спустя секунду булавка Дамира легла ко мне в ладонь.

– Мерзавка, – сказал я нежно.

В этот момент трактирщик опомнился. Возможно, меня он вообще не заметил – во всяком случае, не понял, что произошло; его собственная служанка впервые в жизни отказалась ему повиноваться, и стерпеть это было никак невозможно. Разъяренный, он сгреб девчонку за шиворот – на этот раз с успехом, и двинул о стол так, что столешница охнула, а у Миры перехватило дыхание. На кокетливый передничек закапала кровь из разбитого носа.

– Я т-тебе!..

Вероятно, хозяин продолжал бы экзекуцию, если бы моя рука не опустилась к нему на плечо. Опустилась вроде бы небрежно – и вместе с тем тяжело:

– Я не потерплю, чтобы в моем присутствии били женщину.

Хозяин побледнел, я развернулся, поднялся к Танталь, по-прежнему стоявшей на лестничной клетке, и сухо сообщил, глядя в округлившиеся глаза:

– Едем.

Погода стояла – как в зимней сказке; вчерашняя метель выбелила дорогу, сегодняшнее солнце дробилось на ребрах слежавшихся снежинок, играло на гранях мельчайших ледяных кристаллов, так что больно было глазам. Лошадям приходилось нелегко; Бариан, Фантин и Муха то и дело подталкивали то одну, то другую повозку, и под настроение я помогал им тоже, и они косились на меня сперва с удивлением, а потом и уважительно: играть на сцене я не умею, но силой со мной не мог сравниться даже молодой здоровенный Муха.

– Чем власть отличается от силы?

Я говорил вполголоса – мне не хотелось, чтобы наш разговор слышала едущая в повозке Алана.

Танталь перевела дыхание – путь по снегу давался ей не так легко.

– Власть, – пробормотал я, щурясь от снежного света, – Хозяин имеет власть над служанкой. Чонотакс имеет магическую

власть… над нами обоими. Надо полагать, от разбойника, обладающего одной только грубой силой, эта серебряная штука не защитит?

Танталь подозрительно оглядела придорожные кусты, будто ожидая, что в подтверждение моим словам из-за каждой веточки вынырнет по разбойнику.

– Когда твои ребята накинулись на меня со шпагами, – продолжал я рассуждать вполголоса, – у них опять-таки не было власти, одна только сила… Танталь, где сила переходит во власть? А?

Моя собеседница молчала. Я погладил булавку, занявшую прочное место у меня на рукаве.

– Танталь… я понимаю, зачем тебе понадобилось это приключение. Не столько спрятаться от Черно, сколько…

Она так на меня взглянула, что осекся. Но долго молчать не стал:

– Сама подумай… Есть ли хоть какой-нибудь смысл, что мы бредем вот так… как комедианты? Мне бы не хотелось, чтобы Алана…

Мы одновременно оглянулись на повозку с плотно прикрытым пологом.

– Это дорога, – сказала Танталь жестко. – С комедиантами ты едешь или один, в собственной карете… Это зима. В любом случае… Да, вооруженная охрана пришлась бы кстати.

Я хмыкнул. Кто приструнил вчера похотливого молокососа? Кто вернул потерянную булавку? «Вооруженная охрана»?!

– Как ты думаешь… Черно нас выследил? Вчерашняя, например, метель?

– Зимой иногда случаются и метели, – отозвалась Танталь нехотя. – Вот если бы расцвела калина – я удивилась бы…

Мы брели по огромной равнине, заключенной в кольцо горизонта. Небо накрывало нас синим сверкающим колпаком.

Глава одиннадцатая

Миновала неделя, и догадка моя, испуганная догадка, которой я не решался поделиться даже с Аланой, перешла в полнокровную надежду. Комедианты тихо удивлялись моей беспричинной веселости; я готов был, кажется, даже выйти на сцену. Что-нибудь такое сплясать или спеть. Или пройтись с морковкой, как это делал Муха, у меня получилось бы не хуже, тем более что за время путешествия я успел запомнить не только Мухину проходку, но и все роли Бариана, Фантина и Динки.

Танталь, как ни упрашивал ее предводитель, больше на сцену не поднималась. Динка тихо радовалась и старалась вовсю; надо сказать, что и она была неплоха, в особенности в трагедийных ролях. Я до сих пор верил бы, что так работают все лучшие комедиантки – если бы не тот, единственный, выход Танталь…

Не знаю, была ли эта встреча случайна, или Чонотакс Оро приложил к этой случайности свою длинную руку. Мне так и не довелось этого узнать, но однажды вечером, пока во дворе трактира разворачивалось представление, я, благодушный, зашел в тепло и спросил кувшин вина.

Служанка, подавшая мне выпить, казалась несчастной и изможденной. Уже расплачиваясь, я невольно взглянул ей в лицо – и не поверил глазам. Прошло чуть больше полугода; женщина, походившая прежде на тугое яблоко, смахивала теперь на помятый моченый помидор. Странно, что она не узнала меня сразу же; в какой-то момент я испугался, что и сам трагически изменился за эти полгода – но почти срезу же понял, что бедная женщина попросту не смотрит на лица посетителей. Испуганно опускает глаза.

– Тиса, – позвал я негромко.

Тиса Матрасница содрогнулась. Встретилась со Мной глазами; побледнела и закусила губу.

– Несладко? – спросил я одними губами. Она отвернулась:

– Так и вам… несладко, думаю. Про разбойника-то слыхали… что с ним сделалось. В нужнике, говорят, утонул…

– А мне сказали – в луже, – сказал я разочарованно. Она всхлипнула; мне потребовалось несколько секунд, чтобы принять решение.

– Тиса… не хнычь. Дело есть.

За время, прошедшее после приговора, она успела перепробовать множество занятий. Репутация доступной женщины сыграла с ней злую шутку – все, к кому она только не нанималась, будь то лавочник, разносчик или мясник, считали

себя вправе попользоваться ею, как своей собственностью; между тем приговор Судьи оставался в силе, и ласки любого мужчины, как и следовало ожидать, причиняли ей страдания. Она не могла удержаться ни на одном месте – каждый новый хозяин вскоре выгонял ее, потому что, ополоумев от боли, она вела себя с ним недостаточно нежно. Наконец, она прибилась в трактир у дороги – здесь всем распоряжалась грозная хозяйка, а муж ее был подкаблучником, слабым, к тому же, и по мужской части.

Тиса жила в относительном довольстве – если не принимать во внимание жесткий тюфяк, скудную еду и притеснения трактирщицы; впрочем, больше всего Тиса страдала именно из-за своего вынужденного целомудрия. О чем мне, как товарищу по несчастью, и поведала.

Мне стоило трудов сдержать охватившую меня лихорадку. Сегодня ночью, и не позже, предстояло окончательно разобраться, где кончается власть и где начинается сила. Как там говорила в свое время бедная Тиса? «Проверить, есть ли призраку власть»?

Я рассказал ей о могущественном маге, который с легкостью может избавить от приговора Судьи, и в пример привел Кливи; глаза Матрасницы раскрылись, на минуту приобретя прежнюю голубизну, глубину и наивность. О том, что Кливи в конце концов угодил на каторгу, я ей рассказывать не стал; о себе сказал мимоходом, что, конечно же, годовщину Судной ночи я отпраздную в компании друзей, и ничего со мной не случится. Матрасница уже глотала слезы, готовая умолять меня о милости – когда я сам предложил ей испытание. Волшебник-де дал мне магическую вещь, и она, вполне возможно, защитит от приговора того, кто ее носит; Тиса часто задышала и дрожащим голосом согласилась.

Тем временем трактирщица, недовольная, уже сверкала глазами с порога кухни; нерадивая служанка, заболтавшаяся с посетителем, втянула голову в плечи и шмыгнула прочь, как мышка. Я судорожно сжал под столом и без того стиснутые пальцы.

…Естественно было бы, если бы на роль «испытателя» решился я сам; при одной мысли об этом мне делалось дурно. Не то чтобы я был столь щепетилен – но Тиса Матрасница…

Я уныло сидел за столиком, и, вольно или не вольно, но на память мне пришли все женщины, вызывавшие когда-либо мой интерес. Вспоминая их одну за другой, я не мог не признать, что обладаю хорошим вкусом. Все, кого я когда-либо любил, были исключительно пикантны.

Побочным эффектом моих воспоминаний стала незапланированная реакция плоти: я вспомнил, что вот уже

полгода не прикасался к женщине.

А вместе с тем бок о бок со мной путешествует моя законная жена.

После ужина Танталь сообщила, будто бы небрежно:

– Ночуем по-королевски. Я заставила Бариана раскошелиться. Снял, вообрази, три первоклассных комнаты! Кстати, я давно хотела поговорить с Динкой, мне ей надо кое-что… ты видишь, она ревнует.

Я прекрасно понимал, что дело на в Динкиной ревности. Танталь хотела, чтобы у нас с женой наконец-то был достойный ночлег.

Дело близилось к ночи. Алана давно поднялась в номер, а я все сидел за столиком, и пальцы мои нервно теребили серебряную булавку. Постоялый двор притих, и удалилась на покой грозная хозяйка – когда Тиса, дрожащая, с лихорадочно горящими щеками, сообщила мне, что «обо всем договорено».

Слава Небу. Бедняга не разучилась еще привлекать мужчин; глядя в ее горящие глаза, я на секунду испугался-а удастся ли получить булавку назад?! В случае удачи, разумеется. А что, если она откажется отдать магическую вещь по доброй воле, ведь, как мы знаем, ни властью, ни даже грубой силой булавку с носителя не снять…

– Как же в постели-то, куда прицепить ее? – поинтересовалась практичная Матрасница, вертя в пальцах подарок Дамира. – Больно здоровая…

– Твои заботы, – сказал я ласково, – УЧТИ только – если потеряешь, господин маг сам за ней явится, так что береги…

Тиса вздрогнула и судорожно сглотнула слюну.

Алана стояла у окна и смотрела на изморозь. Я тихонько позвал ее; обернувшееся ко мне лицо на мгновение напомнило мне холодную переднюю Чонотаксова дома – то же детское, обиженное выражение…

– Ты чем-то огорчена? Она покачала головой:

– Нет… Но вот узоры на стекле. Я смотрю… странно. Иногда мне кажется, что я не в комнате стою, а снаружи, и заглядываю в окно, а там…

Она замолчала.

– Что там? – спросил я, подбрасывая топлива в камин.

– А там смотрит человек, – пробормотала Алана, глядя в заиндевевшее стекло. – Улыбается… Это Черно. Он на нас смотрит.

– Ерунда, – отозвался я не очень уверено. – Зачем же тогда весь маскарад? Мы ведь далеко уехали, страшно далеко, он не дотянется…

– Разве? – печально удивилась Алана.

Я вспомнил, как рука Черно Да Скоро дотягивалась до меня в самом городе. Правда, тогда при мне был коварный замшевый мешочек…

– У него нет над нами власти, – сказал я твердо, как только мог.

– Пусть Танталь с ним не ходит, – попросила Алана жалобно.

Лицо ее разом сделалось белым, будто снег за окном; с трудом оторвавшись от подоконника, она устало побрела к кровати, опустилась на край, и в свете камина я разглядел, что глаза у нее влажные.

– Что ты… Она не пойдет. Она и так не пойдет, не собирается, но если ты хочешь – я ей скажу…

– Пусть не ходит, – пальцы Аланы комкали уголок простыни. – Пусть… не надо. Там страшно… Мне все время кажется, что я еще не вернулась. Что я там… останусь…

– Алана, что ты!..

Я сел рядом. Обнял дрожащие плечи. Погладил спутавшиеся волосы:

– Что ты, мы тебя больше не отпустим… Туда. И вообще никуда, мы будем вместе… Мы…

Она пахла ребенком. Она и была ребенок, усталый, напуганный, ослабевший; нежно бормоча, успокоительно поглаживая, я потихоньку снимал с нее одежду, а собственная плоть моя рвалась из оков, колотила в уши бешеными толчками крови, подхлестывала и торопила, в то время как торопиться было ну никак нельзя…

– Мы будем вместе… всегда… всю жизнь… я… тебя…

Внизу померещился шум. Алана моментально напряглась, прислушиваясь; я умолял ее успокоится и обо всем забыть, когда в дверь нашего уютного, для супругов приспособленного номера грубо заколотила чья-то крепкая рука.

Так.

Я сжал зубы, нашарил в углу шпагу, накинул куртку на голос тело и подступил к двери; кто бы ни был негодяй, потревоживший нас в такой момент – но наказание ему предстояло серьезное.

Кулак колотил, не переставая; Алана прикрылась одеялом и задернула полог. Я рывком распахнул дверь.

Она стояла на пороге со свечкой в руках, в ночной сорочке, ни дать ни взять привидение. Я открыл было рот – но осекся.

– А я поверила, – горько сказала Тина по кличке Матрасница. – А я… дура… уж совсем поверила…

И швырнула к моим ногам тускло звякнувший предмет.

Большую серебряную булавку.

Лицо Тины перекошено было от боли. Нижняя губа вспухла, прокушенная, и на подбородке лежали две кровяных дорожки.

…А «испытателем» был Фантин.

Приключение стало известным всей труппе, хотя Фантин рассказал только Мухе, а тот только Бариану, а тот только Танталь, а та одному лишь мне. Как узнала Динка – ума не приложу; что до Аланы, то она снова впала в апатию, и я грыз губы, проклиная все на свете,желая и не умея вырвать ее из власти потустороннего бреда.

По словам Фантина, ему легко удалось сговориться с симпатичной служанкой о взаимных ласках, и совершенно бесплатно; вероятно, этот толстяк с лицом злодея не пользовался успехом у женщин, и потому возможное приключение взволновало его и возвысило в собственных глазах. Служанка затащила его в комнату под лестницей, и была податлива и мила – пока дело не дошло до дела, и тут красавицу словно подменили. Жаркий поцелуй сменился вдруг сдавленным воплем, дамочка принялась выдираться, как дикая кошка, и это было тем более удивительно, что идея ночного похождения принадлежала, в общем-то, ей.

Дальше все пошло еще удивительнее: пока Фантин, чей порыв был грубо подавлен, пытался сообразить, в чем дело, дамочка, одернув рубаху, кинулась за дверь прямо-таки в исподнем, и бормотала при этом проклятия, от которых покраснел бы самый бранчливый извозчик. Фантину ничего не оставалось делать, как убраться подобру-поздорову; если бы дело происходило летом, то он предположил бы, что любвеобильную служанку укусило насекомое из тех, что сползаются в дом в жару. Но поскольку на дворе зима, а укус обычной блохи такой реакции на вызывает – Фантин терялся в догадках и предпочел на всякий случай держаться от дамочки подальше-Пока Бариан с Мухой хохотали, пересказывая друг другу историю любовных похождений Фантина, меня догнала Танталь. От нее не скрылись ни мое подавленное, прямо-таки убитое состояние, ни новый приступ апатии у Аланы.

– Рстано…

– Сила – это не власть, – пробормотал я устало. – А правосудие что такое? А? Что, как не власть?! Танталь взглянула на меня с подозрением:

– При чем тут…

И я вдруг вспомнил с ужасом, что ничего не рассказывал ей о Судье. И что Алана смолчала тоже.

– Не правосудие, а Правосудие, – бросил я, глядя в сторону. –

Просто Правосудие, и все.

* * *

В крупном поселке, славившемся своими кузницами, задержались на два дня: снимали с повозок колеса и заменяли их полозьями. Бариан кряхтел, отсчитывая денежки, но зима в этом году подчеркнуто не скупилась на снега. Заметала дорогу, будто желая преградить комедиантам путь, будто хвалясь передо мной напоследок – вот какая красивая и белая эта последняя в моей жизни зима…

Танталь поглядывала на меня с беспокойством.

Повозки превратились в сани, и люди и лошади приободрились. Даже Алана проявила подобие интереса, разглядывая из-за полога белое поле вокруг и кромку леса на горизонте; я кутался в плащ и то и дело неосознанно касался серебряной булавки на рукаве. В последнее время она меня беспокоила: мне казалось, что подарок Дамира болит. Что он стал частью моего тела и саднит, как воспаленная царапина.

Алана разглядывала кристаллики снежинок, запутавшиеся в ворсе шубки. Слишком внимательно, на мой взгляд, разглядывала. А ледяные узоры на стекле – ведь два дня мы прожили в гостинице – попросту пугали ее.

– Нас накрыли, – сказал я Танталь. – Господин Черно отдохнул наконец и набрался сил.

Танталь ничего не ответила. Пожала плечами.

Комедиантов, ввалившихся на постоялый двор, встретили косыми взглядами. Хозяин хмуро выглянул и скрылся снова, и минуту спустя явился служка, которому приказано было осведомиться, точно ли явившиеся в поисках пристанища есть орава отвратительных комедиантов?

Вероятно, Бариан в дороге навидался всякого; у него хватило выдержки, чтобы ответить вполне спокойно. Да, новоприбывшие есть комедианты, и они намерены заплатить за ночлег. Разве хозяин имеет что-нибудь против?

Служка убежал и вскоре вернулся с ответом: нет, хозяин не против, господа паяцы могут остановиться в гостинице на день или даже на два – но омерзительное действо, именуемое «представлением», запрещено на землях герцога Тристага под страхом тюрьмы. Если господа паяцы вздумают нарушить запрет – он, хозяин, первый же на них донесет.

Бариан надулся и почернел, как туча; я вздрогнул. Мне не понравилось словосочетание «земли герцога Тристага». Что-то

такое было в нем… нехорошее воспоминание, наверное.

Комедианты сбились в кружок – Бариан хотел посовещаться; я усадил Алану перед камином и с преувеличено равнодушным видом сел рядом. Танталь стояла неподалеку – как бы заодно с комедиантами и как бы чужая. Ни туда, ни сюда…

Обеденный зал понемногу наполнялся вечерними посетителями. С горя Бариан заказал вина; установить границы земель герцога Тристага оказалось неожиданно сложно. Румяная служанка охотно пояснила, что даже соседние властители толком этого не знают – с каждым годом территория герцога расползается, глядь, и сельцо, спокон веку мнившее себя свободным, оказывается землей Тристага, так что ехать вам, господа, вниз по реке – может быть, денька через два с земель герцога и выберетесь…

Я сцепил зубы. Ехать «вниз по реке» означало здоровенный крюк; для того же, чтобы поскорее добраться до города, нам следовало пересечь земли герцога поперек. Без единого «омерзительного действа, именуемого представлением».

– Не вытянем, – сказал Бариан сухо. – Сворачиваем, от греха подальше…

– Давайте, – отозвался я, рассматривая круглую бородавку на зловещем лице Фантина. – Сворачивайте. Время расстаться.

Губы Бариана шевельнулись; я скорее разглядел, чем расслышал: «Опять»…

Я выпятил подбородок. Лицо мое сделалось надменнее герба, и на дне Барионовых глаз ожил давний страх. Страх перед наследником Рекотарсов, который любит вваливаться без спросу, обрывая полог…

– Время, Бариан, – сказал я холодно. – Игры закончились. Нам не от кого теперь прятаться, если Чонотакс Оро хотел нас найти – он давно сделал это… Спасибо за приключение, но мне смертельно все надоело. Я нанимаю карету, ты, – я обернулся к Танталь, – решай сама. Может быть, тебе снова захочется тряхнуть стариной?

Она смотрела с непонятным выражением. Я, честно говоря, думал, что предложение «тряхнуть стариной» уязвит ее; оказалось, что ей плевать. Она пропустила мои слова мимо ушей, ее беспокоило нечто другое. Даже, кажется, пугало.

– Ретано, на пару слов…

Алана удивленно обернулась от камина. Я успокаивающе ей кивнул.

Танталь колебалась.

Бариан с товарищами хмуро заливали вином вынужденное безделье и финансовые потери; время от времени то один, то

другой кидал в нашу сторону вопросительный взгляд. Особенно часто посматривала Динка – вероятно, она горячо желала, чтобы я избавил труппу от присутствия Танталь. Даже не поднимаясь на сцену, бывшая комедиантка оставалась опасной конкуренткой – непобежденной и уже, наверное, непобедимой…

– Он тянет меня, – сказала Танталь глухо. Не в ее характере было просить о помощи. Она глядела в сторону, глаза ее были сухи и злы.

– Он хочет… чтобы я вела его к Луару. Он обещает… – она осеклась.

– Он говорил с тобой? – спросил я растерянно. Вместо ответа она поддернула рукав. На тонком запястье остался след – пять круглых кровоподтеков, воспроизводящих на коже хватку пяти пальцев.

– Пес-с-с… – протянул я сквозь зубы.

– Он хочет, чтобы я вернулась, – Танталь вымучено улыбнулась.

– Угрожает?

– Нет… Все очень пристойно. Очень вежливо, – Танталь опустила рукав. И без того на нас начинали коситься.

Теперь колебался я.

Собственно говоря, если бы не то приключение с потерей булавки… Танталь до сих пор была бы под ее защитой. И Черно Да Скоро не дотянулся бы до нее, а ведь, если честно, только Танталь и нужна ему, я для него – использованный инструмент, Алана – отработанный материал…

Я вздрогнул и оглянулся.

Алана по-прежнему сидела перед камином, лица ее не было видно, и со стороны казалось, что в кресле угнездилась, скрючившись, древняя старушка. Согбенная, апатичная, жалкая…

Отработанный материал. Какое скверное… определение.

Домой, подумал я яростно. Скорее в родительский дом. Там Алана успокоится, там… видит Небо, я сделаю все возможное, чтобы искупить свою вину. Ведь это я отдал ее в руки Черно – я…

– Ретано…

Не отрывая глаз от скрюченной Аланиной фигурки, я нащупал на манжете булавку. Выдернул не без усилия, но с облегчением, как старую занозу:

– На… Носи.

Было ошибкой обмениваться украшениями на глазах всего трактира. Танталь закусила губу, не спеша принимать подарок; проклятье, я ведь не могу так долго стоять с вытянутой рукой. Мне уже хочется переменить решение и нацепить серебряную уродину на прежнее место…

– Бери, – сказал я зло, – Что уставилась? Вероятно, грубость должна была защитить меня от малодушия.

Она приняла булавку из моих рук. Повертела в пальцах, будто прицениваясь; протянула обратно:

– Нет.

Я ушам своим не поверил.

– Нет, – повторила она, и я увидел, что ее веко подергивается само собой. – То есть…

Ее голос дрогнул. Она снова колебалась – мучительно.

Я разрешил ее сомнения. Попросту втолкнул серебряную булавку в ее сухую вздрагивающую ладонь.

Алана заснула у камина, и мне пришлось на руках нести ее в отведенную для ночлега комнату. Подняв ее из кресла, я понял вдруг, что человек ее роста не может весить так мало.

Она не проснулась. Бледные веки оставались крепко сжатыми, и там, под тонкой кожей, метались зрачки. Что ей снилось?

Она истаяла. Светлое Небо, да она же тает, как свечка, уходит в свои сновидения, а там не сладко – вон как болезненно сжимаются губы…

«Пусть Танталь с ним не ходит».

– Он хочет, чтобы я вела его к Луару.

«Пусть не ходит. Пусть… не надо. Там страшно… Мне все время кажется, что я еще не вернулась. Что я там… останусь…»

– Алана?

Она не просыпалась.

Я уложил ее в постель. Посидел рядом, сжимая руку – но Алана не слышала меня и не ощущала моего присутствия, тогда я спустился вниз, спросил вина и взялся сосредоточенно, старательно напиваться.

Почему Танталь отказалась от булавки?

Ведь это она подтолкнула нас к бегству. Ведь это она, как мне кажется, больше всех боялась Чонотакса Оро…

Что же, пес подери, он ей сказал? Что пообещал?..

– Ретанаар Рекотарс? Я вздрогнул.

Их было человек десять. Из-под куцых плащей виднелись блестящие нагрудники с гербом – воинство. Стража…

Терпеть не могу стражников. Никаких.

– Ретанаар Рекотарс, отдайте вашу шпагу. Вы арестованы.

Моя шпага лежала сейчас наверху, в той комнате, где спит Алана.

– Вы арестованы!

В таких случаях принято глупо улыбаться, разводить руками и мило спрашивать – «а в чем, собственно, дело?»

Я глупо улыбнулся и плеснул в капитана недопитым вином. «Залил глаза», как говорят несчастные жены пьяниц. В какое-то мгновение сверкающий нагрудник оказался прямо перед моим лицом – тварь, изображенная на чеканном гербе, была наполовину львом, а наполовину волком, и в каждой лапе держала по столовому ножу…

На раздумья не оставалось времени. Охнула старая столешница, погнулась под моим каблуком незадачливая вилка; опрокидывая стаканы, я перемахнул на соседний стол, и на следующий, поверх испугано пригнувшихся голов – к двери…

Над дверью помещались в качестве украшения два скрещенных длинных кинжала. И там же замер в хищном ожидании плечистый стражник с усами щеточкой – ждал, обнажив оружие, плотоядно усмехаясь…

Видывал я таких, дядя. И с усами щеточкой, и с усами ниточкой, и вообще без усов – видывал…

Ну, хватит по столам скакать. Это эффектно, конечно, но беда, если хозяин выставит мне счет за разбитую посуду.

Увернувшись от размазавшейся в воздухе стали, я двинул ближайшего стражника кулаком в челюсть; членовредительство не входило в мои планы. Потасовка в трактире – куда ни шло, но в любом случае гоняться за безоружным – сомнительная доблесть…

Я чувствовал солоноватый привкус во рту. Мне так хотелось действия – после всех этих муторных раздумий, после безнадежной слабости перед лицом господина мага, после того, как собственная моя шпага истаяла, оставив в руке трогательный огрызок рукоятки…

Стул? Тяжелый? Великолепно!

Сразу двое стражников присели, ловя валящуюся с потолка мебель; я успел подумать, что хорошо бы пробиться к камину и завладеть кочергой. Вот было бы славно; впрочем, доберись я до камина – путь к выходу окажется отрезан, и никакая кочерга не поможет…

Стражник с усами щеточкой, тот, что задался целью не подпустить меня к двери, обнажил желтые зубы. В этот момент он был неуловимо похож на геральдическое чудище, украшающее его нагрудник; его стойка выдавала умелого бойца. Усмешка его сделалась особенно зловещей – в ту же секунду дверь за его спиной распахнулась молодецким толчком.

Вероятно, усачу было обидно, ведь вместо атаки получился свободный полет дворняги, получившей пинка. Я без труда увернулся от беспомощного выпада, оттолкнул с дороги румяного парня, ввалившегося в сопровождении клубов пара, что есть сил

подпрыгнул – и сорвал со стены кинжал. Первый, который подался – не было времени выбирать.

Рукоятка легла в ладонь.

Они стояли стеной – десяток молодцов в блестящих нагрудниках, вдохновленные доверием железного зверя на гербе, обозленные – кто-то потирал бок, а кто и скулу. Они глядели на меня, презрительно выпятив челюсти, за их спинами возился потревоженный трактир, галдеж и суматоха, и какая-то женщина визжит – обязательно найдется одна голосистая, ей все равно по какому поводу, лишь бы орать…

Возможно, шум разбудил Алану? И сейчас она сидит на кровати в темной комнате, трет глаза, испуганно прислушивается?

Не уйдешь, говорили хмурые лица стражников.

И кураж, толкнувший меня на разудалую пляску на столах, вдруг иссяк.

Я, может, и ушел бы – но там, наверху, проснулась в темной комнате моя жена. А здесь, в углу, стоят, сбившись в кучу, Бариан, Танталь, Муха, Фантин, Динка-Солоноватый привкус все еще стоял во рту. Но теперь он был мне неприятен – отдавал железом.

– А в чем, собственно, дело?

Стражники расступились; капитан вышел вперед, его нагрудник был залит вином, казалось, что геральдический зверь вот-вот облизнется, подбирая розовые капли.

– Я хотел отдать оружие, – сказал я примирительно. – Но у меня не было оружия… Вот теперь есть. Вот, возьмите…

Я протянул ему кинжал – рукояткой вперед. Стражники сделали каждый по шагу, и в их глазах я прочел желание реванша; капитан сдержал их раздраженным жестом.

– Ретанаар Рекотарс, именем герцога Тристага вы арестованы!

Мне казалось, что взгляд Танталь лежит на моем лице, как монетки на глазах покойника.

– Но за что, капитан?!

– Именем герцога Тристага! Вы обвиняетесь в убийстве благородного Рэгги Дэра, совершенном во время противного закону поединка! Взять его!

И меня взяли. Крепко, за оба локтя.

На коленях сиделки лежала раскрытая книга, но женщина не читала. Тупо глядела в камин, хмурилась собственным мыслям; еле слышный стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Переступая порог, Эгерт Солль поймал напряженный, даже испуганный взгляд – возможно, сиделка боялась, что ее уличат в нерадивости.

Полковник был очень придирчив, когда речь заходила об окружении госпожи Солль.Тория сидела в кресле. Каждый день ее одевали и причесывали, и усаживали перед камином, и развлекали беседами и чтением вслух. Госпожа Солль оставалась равнодушной, в лучшем случае улыбалась и кивала, но все в доме знали, что, окажись прическа госпожи с изъяном или платье хоть чуточку неухоженным – и прислуга моментально потеряет столь хорошо оплачиваемое место…

Сиделки подчас не понимали книг, которые доводилось читать вслух. Книги были ученые – из библиотеки Университета; Эгерт надеялся, что под бездумной маской в душе Тории все еще тлеет искорка сознания. И делал все, чтобы не дать ей угаснуть.

Сейчас сиделка пренебрегла обязанностями – может быть, у нее першило в горле, а может, она просто устала от непонятных слов и сложных оборотов. Солль не стал упрекать ее. Женщина была добра и искренне симпатизировала красивой госпоже Солль, а усталость и недостаток образования – не самые страшные грехи для сиделки. Полковник отпустил женщину кивком головы – она исчезла мгновенно и бесшумно, только тяжелая книга, опускаясь на стол, щелкнула замочком…

Солль взглянул на пожелтевшую страницу. Да, он помнит, как Тория что-то втолковывала ему, водя пальцем по строчкам. Давно. До того, как они поженились, еще до того, как сама мысль о таком повороте дел сделалась хоть сколько-нибудь возможной…

– Здравствуй, Тор, – сказал он почти весело.

Тория улыбнулась и кивнула. Он наизусть знал все ее улыбки; та, что повторялась из раза в раз последние три года, казалась чужой на красивом, когда-то ироничном лице.

На круглом блюде лежало одинокое яблоко. Широкий острый нож ловил полированной гранью отблеск огня в камине; Эгсрт вздохнул. Бело-розовый плод распался на две равные части, лезвие ножа увлажнилось яблочным соком, полковник резал и резал, дробил на мелкие дольки, не замечая стекающей по пальцам сладкой жидкости.

Сиделкам платили за рот на замке. Но все равно – Эгсрт знал – в городе вовсю судачили о невиданном благородстве полковника Солля: жена уж поди как три года в уме повредилась, а он с ней, как с разумной, и на сторону ни-ни…

Он механически облизнул пальцы – жест, несовместимый с его аристократическим воспитанием и высоким положением в обществе. Более того, он облизнул и лезвие ножа. Счищенная яблочная шкурка лежала на блюде, словно обрывок бело-розового серпантина.

Слуги и сиделки – даже те из них, что знавали госпожу Торию в прежние времена – видели просто красивую безумную женщину в кресле с высокой спинкой. Даже дочери Алане не дано понимать того, что ощущает, входя в эту комнату, полковник Солль.

А он никак не афиширует своих чувств.

Яблоко было кисло-сладким. Таким же, как лицо Тории в то утро, когда Осада осталась далеко в прошлом, во дворе загородного дома возился с жеребятами тринадцатилетний Луар, и Солль, разглядывающий напряженное лицо жены, никак не мог понять, что за смятение сводит на переносице ее великолепные брови, что за восторг – и восторг ли? – неумело прячется в смиренно потупленных глазах. Помнится, он спросил тогда: Тор, а ты, часом, не пьяная?

Кисло-сладкий вкус…

Она заморгала, как школьница. И он целых полчаса боялся с ее страхом и непонятной веселостью, а она выскальзывала, Как рыбка из нетерпеливых рук, а когда наконец призналась – он, герой Осады, начальник городской стражи, с диким воплем вылетел из дома, схватил в охапку подростка-Луара, посадил его на крышу сарая и, напугав мальчишку до смерти, пустился по двору колесом.

Через положенное время родилась Алана, и роды прошли благополучно, и Солль окончательно уверился, что беды, преследовавшие его жены, остались далеко в прошлом…

Он вложил кисло-сладкий яблочный ломтик в ее приоткрытые губы.

Он делал это не раз. И три года назад, и десять, и двадцать… Он говорил, что кормить жену с руки – значит приручать ее, он знал, что не прав, Торию так и не удалось приручить до конца…

– Тор… нам плохо без тебя. Возвращайся.

Женщина кивнула и улыбнулась.

Он перестал ощущать вкус яблока.

Он на секунду поверил, что никогда не услышит больше ее голоса. Не удостоится насмешливого взгляда.

По-моему, герцог Тристаг помешан был на законности.

Двое суток, проведенные в камере, прошли за изучением толстенного тома. Эту книгу зачитали до дыр. Книга роняла листы, подобно осеннему дереву, книга содержала список определенных герцогом преступлений и полагающихся за них наказаний.

Преступления и наказания расписаны были в две колонки. На полях цвели чернильные цветочки и пели искусно нарисованные

птицы – не то у герцога было извращенное чувство юмора, не то он на самом деле полагал, что избавленный от преступников мир почувствует в себе новые силы для рулад и цветоводства.

«А дева же среднего сословия, пробывшая по своей воле более получаса наедине с мужчиной, не связанным с ней родственными либо опекунскими узами, считается повинной в неподобающем поведении и наказывается публичным лишением девственности…»

Тьфу.

С моим преступлением все было ясно – запрещенный законом поединок, да со смертельным исходом карался «посредством змеиной ямы». Так что сопротивление при аресте как бы не имело значения – так и так я был бы казнен… Оставалась слабая надежда, что мне удастся доказать свою непричастность к поединку – когда по зову правосудия явились два свидетеля.

Первым была госпожа Ивилина Крод.

Вдова человека, в смерти которого меня обвиняли, здорово изменилась за прошедшие полгода. Зеленые глаза погасли, светло-русые волосы потускнели, пышные формы опали; единственное, что оставалось неизменным – показное богатство, россыпи украшений на парчовом платье и золотые гребни в высокой прическе.

Госпожа Ивилина, уличенная в супружеской измене и потерявшая право на наследство мужа, сделала единственно возможный выбор – вышла замуж за нового наследника, плешивого и косоглазого господина Тагги Крода. Совет, как говорится, да любовь.

– Вы узнаете этого человека, госпожа Крод? – спросил судья, молодой человек с печальным лицом снулой рыбины.

Ивилина мельком на меня взглянула. Интересно, что ей даже не придется врать: она убеждена, что именно я заколол ее опостылевшего ревнивца.

Как она кричала тогда, уличенная? «Это убийца Рэгги, он хочет убить и меня»?

– Да, – сказала Ивилина тускло. – Это он. Убил. Моего мужа.

– Спасибо, госпожа Крод… – судья с трудом удержался, чтобы не зевнуть.

Вторым свидетелем был… Я вздрогнул.

Бледное, нездоровое лицо. Еще более бледное, чем в нашу первую встречу – тогда было зелено и солнечно, и, чтобы защитить щеки от естественного румянца, человеку в черном требовалась шляпа с широкими вислыми полями…

Он криво усмехнулся в ответ на мой растерянный взгляд. Вот он, человек, уложивший в поединке усатого Рэгги Дэра, который

был мужем прекрасной Ивилины Дэр, которая, в свою очередь, едва не стала моей женой…

– Безусловно, – сказал человек в черном. – Я находился неподалеку, поил лошадь у ручья… Да. Я узнал его. Да.

После этого мне предложено было сказать последнее слово.

Собственно, я мог бы твердить, что «это не я». УМОЛЯТЬ о дознании, до хрипоты рассказывать, как было дело, уличать настоящего убийцу…

Все они выжидательно на меня смотрели. Второй свидетель, бледный, даже чуть усмехался. Любопытно, что если бы моя лошадь не фыркнула в нужный момент – человек в черном уже полгода как лежал бы в могиле, а усатый господин Дэр по-прежнему дрался бы на поединках, что ему герцогское правосудие, как с гуся вода…

– Мне нечего сказать, – проговорил я надменно. И удостоен был удивленного взгляда человека в черном.

Казнь хотели назначить на следующий день – но палач выпросил сутки отсрочки. У него, видите ли, не готова была «змеиная яма», потому что все змеи зимой спят.

Поначалу я пребывал в странном оцепенении. Будто бы не меня судили, будто не для меня старался, обустраивал яму палач. Я смирно дожидался своей участи, и в тесной камере, к слову говоря, не было ни одной блохи. Ни вши, ни таракана; вероятно, герцог Тристаг подписал приказ, согласно которому нахождение насекомых в помещениях тюрьмы считается незаконным…

Я надеялся, что Бариан с компанией не бросят ни Танталь, ни Алану. Что они без потерь доставят в дом Соллей эту парочку молодых вдов, и что, возможно, впредь судьба будет с ними поласковей; что до меня, то я чувствовал даже облегчение. Потому что отвечать за все, что случится потом, придется уже не мне.

Я совершил ошибку, когда вытащил из-за пазухи деревянный детский календарь. Когда вычеркнул, почти машинально, прожитые дни, когда, шевеля губами, подсчитал непрожитые – и скорчился от обиды, потому что на ладони моей лежали без малого пять недожитых месяцев, законная весна и начало лета. Если человек все равно обречен, зачем, спрашивается, лишать его еще и весны?!

В этот момент я был готов кидаться на двери камеры, умолять о пощаде и призывать к справедливости. Только немыслимое усилие воли спасло меня от этого позорища; отчаяние иссякло, но тоска осталась.

Конец зимы, весна и начало лета. Настоящая жизнь. Моя жизнь, которую у меня отбирают.

Неизвестно, до какой степени тоски я дошел бы, не успей палач приготовить к сроку все необходимое для казни; по счастью, в землях герцога Тристага и палач был исполнителен и точен. Спустя сутки ко мне явились сперва цирюльник с бритвенными принадлежностями, а потом и стража с подручными палача. Все были настроены крайне торжественно.

Заботливые руки стражников вытолкнули меня во двор, под белесое небо, на сырой холод; была оттепель.

Не оттают ли дороги? Не застрянут ли комедианты на постоялом дворе? Что полозьями по лужам, что колесами по грязи – так и так не выехать…

Влажный воздух пах весной. Меня подтолкнули вперед, помост был точно такой, как полагается – только вместо палача на нем почему-то обнаружились стоящие на скамейках люди.

Р-рогатая судьба, казнь-то публичная.

Больше всего я боялся увидеть среди приглашенных Алану – по счастью, ее не было. Было множество незнакомых лиц, тучный длинноволосый мужчина с золотой цепью на шее и, если мне не померещилось, Танталь.

Черные вороны в небе. Сегодня оттепель – первый привет от весны…

Нет, мне не померещилось. Странно. Никогда не думал, что Танталь посещает публичные казни.

Тут же, у помоста, имелась круглая дыра в земле, яма, обнесенная низким плетнем, таким деревенским с виду, что глаз невольно искал горшки и кувшины, надетые на колья для просушки.

– Именем закона! Именем герцога Тристага! Толпа притихла.

– Ретанаар Рекотарс, совершивший преступление против закона, слушай приговор!

Я попытался заглянуть в яму. Меня придержали за локти – вероятно, еще не время.

– Вы, благородные господа и подлые смерды, собравшиеся здесь сегодня, слушайте приговор! Я поискал глазами Танталь – и не нашел.

– Сапоги снимите, пожалуйста, – тихо сказал стоящий рядом человечек. Исполнительный Тристагов палач.

– Властью герцога Тристага! Ретанаар Рекотарс приговаривается к смерти в змеиной яме! Да будут эти змеи орудием закона, приступайте!

– Холодно, – сказал я палачу.

Тот вежливо усмехнулся:

– Замерзнуть-то… Не успеете.

И Танталь это увидит – как я жалобно, судорожно, в мокром

снегу стягиваю сапоги…

Я огляделся. Сел на подвернувшийся чурбачок, барским жестом вытянул ноги. Кивнул подручным палача.

– Чего?! – обиделся младший из подручных, вчерашний подросток.

– Работай, – вполголоса велел его начальник. И парнишка, посопев, опустился в снежную кашу – снимать сапоги с Ретанаара Рекотарса, наследника Мага из Магов Ламира.

Мне вспомнился щуплый близорукий призрак из подвала родового замка. Как быстро я, однако, смирился с крахом собственной родословной…

Талый снег жег подошвы.

– Ретано!!

Неужели Танталь не могла удержаться от патетического выкрика?

Весна… Р-рогатая судьба, весна-то придет…

– Рета-ано-о!!

Я содрогнулся от этого вопля. И толпа, кажется, содрогнулась тоже; даже палач поднял голову, глядя, как стражники пытаются удержать растрепанную женщину, но в конце концов уступают, вероятно, из милосердия, и женщина прорывается сквозь частокол копий, кидается к осужденному и валится перед ним на колени:

– Ретано… Я… люблю тебя, и буду… никогда-Горячие пальцы схватили меня за руку. Судорожно, будто пытаясь удержать; я еле поборол желание высвободить ладонь.

Что это? Откуда? Залитое слезами лицо, трясущиеся руки, умоляющий голос… Танталь, да как же это?!

Ее уже оттаскивали. Деликатно, но твердо. Попрощалась – хватит; толпа понимающе переглядывалась. Невеста? Жена? Возлюбленная? Бедолага…

Танталь, погоди. Ведь я же ничего не понял; ведь я Меня тащили к яме. Я близоруко прищурился; да. Черное дно жило своей жизнью. Тусклыми отблесками, переливами, шелестом чешуи.

Туда?!

Мне в спину уперлось острие копья. Долю секунды я верил, что скорее дам проткнуть себя насквозь, чем…

– Рета-ано!..

Танталь, неужели это – потому что я умираю?

– Властью закона! Именем герцога Тристага!

Копье больно ткнуло меня в позвоночник. Я потерял равновесие – и яма сглотнула меня, втянула, поймала, так зловонный хищный цветок хватает муху…

Белесое небо осталось далеко позади. Здесь пахло землей – как будто уже могила…

Светлое небо.

Где они добыли всех этих змей? Массивных, толщиной в руку, коротких, как скалка, длинных, как корабельный канат, тощих, будто шнурки, замысловатых, будто витые прутья парковой ограды, с головами приплюснутыми и круглыми, в капюшонах и без него, с узором и гладких, извивающихся и неподвижных, будто бы неживых…

С палача станется. Он мог набросать сюда и дохлых змей – для реквизиту… Ох, как быстро липнут к языку эти комедиантские словечки.

Они шипят, все время шипят!..

Кажется, над ямой склонились. Кажется, все, стоявшие и сидевшие на помосте, сейчас сгрудились вокруг, никакой плетень не удержит, сейчас мне на голову по-сыплются добровольцы…

Отдаленный галдеж. Неразборчивые выкрики. Мир тонет в шипении, или это у меня в ушах шумит?

– Властью закона! Властью герцога Тристага!

Орать и бежать; я издал сдавленный звук, взмахнул руками, поскользнулся и грянулся в сплетение холодных змеиных тел. Перед глазами у меня оказалась плоская маленькая головка, разинулись челюсти, обнажая две загнутых влажных иглы, и я малодушно зажмурил глаза, потому что в следующее мгновение гадина вцепилась мне в лицо.

Боли не было. Было мерзостное прикосновение холодной морды, но я всегда полагал, что змеиный укус ощущается иначе…

Они кинулись на меня все разом. Они выстреливали в меня упругими телами, точно как спущенные пружины; они сжимали челюсти, я получил уже сто порций яда, во всяком случае, должен был получить…

Публика над головой орала. Сорвалась и канула на дне ямы чья-то шляпа; я сидел, вжавшись спиной в холодную стенку, змеи уже изгрызли меня, как кость, наступило время мучительной смерти от яда…

Я ощутил тошноту. Потом вроде бы заболел живот, потом перестал; вопли над головой сменились недоуменным ропотом.

Я встал на четвереньки, и меня вырвало прямо на змеиные тела.

Среди рептилий случился взрыв возмущения; публика примолкла. Вероятно, рвота – первый признак отравления…

Я сдержал стон. Перед глазами у меня стояло заплаканное лицо Танталь.

Живая сетка извивающихся тел. Новые позывы к рвоте.

Сейчас я перестану чувствовать и видеть; там, наверху, уже понимающе переглядываются.

– Может быть, подымать? – негромко спросил кого-то палач. Его голос без труда прорывался сквозь пелену общего гула, вроде как черная нитка в сплетении белой пряжи…

Я опустил веки.

Мне давно пора быть мертвым. Меня казнили; я никогда не дождусь весны…

– Рета-ано…

Этот голос был едва слышным – но из прочих голосов выпадал, вырывался, новая нитка в клубке белой пряжи, но теперь красная.

Я разлепил веки.

Неподалеку, у самой стенки, в полумраке змеиной ямы вились спиралью два зеленоватых тела. Этой парочке плевать было на приказ герцога, на публичную казнь и на общее змеиное дело; две змеи предавались самому важному, с их точки зрения, занятию – страстно любили друг друга…

– Подымайте!

В яме стало темнее, шум отдалился. Меня ухватили за бок железным крюком; с самого начала казни это была первая боль. Я машинально выругался и вцепился в железо, желая ослабить хватку; наверху теперь было совсем тихо, только два голоса обменивались короткими, неразборчивыми репликами.

Странное орудие потащило меня наверх; я удерживался за древко, изо всех сил желая избежать кровоподтека на боку. Белесое небо рывками приближалось – и наконец затопило все вокруг, мне померещилось, что весь Мир завален бесцветным талым снегом…

Подо мной оказалась рогожка. Все лучше, чем на голой земле.

– Господин лекарь, именем закона засвидетельствуйте смерть…

Я поднял голову.

Тучный длинноволосый мужчина стоял в двух шагах, глядел на меня округлившимися, но не утратившими властности глазами:

– Господин лекарь! Именем закона, властью герцога Тристага… засвидетельствуйте смерть!

Сильный человек. Волевой.

Господин лекарь приблизился; был он мал ростом, худощав и перепуган донельзя. Дрожащей рукой потянулся к моему запястью – но не решился коснуться, умоляюще оглянулся на мужчину с цепью.

– Именем закона! – грянул тот. Лекарь втянул голову в плечи и, содрогнувшись, взял меня за руку.

Вслед за ним я смотрел на собственную ладонь.

Просто рука. Моя рука. Безо всяких следов змеиного произвола.

Чистая кожа… Красноватая от холода. Длинные пальцы. Аристократ, р-рогатая судьба…

А выше, на поддернутом манжете – чуть проступающий из-под ткани серебряный стерженек. Оборотная сторона приколотой к рукаву булавки…

– Да, – еле слышно пробормотал лекарь. – Свидетельствую… приговор свершен. Преступник мертв.

Я сглотнул слюну, где-то там, в отдалении, стражники с копьями выталкивали со двора протестующую толпу. Палач отводил глаза, младший подручный его икал, старший угрюмо глядел в раскисшую землю. Лекарь прерывисто вздохнул.

– Закон свершен, – торжественно провозгласил обладатель цепи. Пожевал губами, проводил взглядом ворону, неспешно пересекавшую небо над двором; посмотрел мне прямо в глаза:

– Колдун?

– Нет, – сказал я одними губами.

– Властью герцога Тристага, – последний раз повторил каретник. В его голосе явственно слышалась усталость.

Больше всего я боялся, что вот так, пряча глаза, меня и похоронят на тюремном дворе. Приговор свершен. Преступник мертв.

По счастью, законопослушность наместника не простиралась так далеко. Темной морозной ночью меня вывели на пустырь и свистящим шепотом сообщили, что если я еще когда-нибудь попадусь на землях герцога – меня попросту повесят без суда и следствия…

Тот, кто изгонял меня, с удовольствием затянул бы петлю на моей шее, и не откладывая, прямо сейчас. Возможно, только страх перед законником-герцогом избавил меня от самосуда; как бы то ни было, но я бежал, бежал по подмерзшему снегу, по толстому скрипучему насту, бежал так, что перехватывало дыхание.

* * *

– Ты гениальная актриса, – сказал я глухо. Дорога была широкой и накатанной, настоящий тракт, повозки, ставшие теперь санями, катились почти бесшумно. В широких серебряных лентах, тянущихся по снегу за полозьями, поблескивало солнце.

Мы с Танталь сидели спиной к вознице и смотрели, как все дальше остаются земли герцога Тристага.

– Ты гениальная актриса. Я почти поверил.

– Играть в жизни – распоследнее дело, – нехотя призналась Танталь.

– Но иначе бы меня…

– Да.

Я потрогал булавку на рукаве.

Мне не хотелось, чтобы Танталь знала о моем разочаровании. Потому как – что взять со смертника – в какой-то момент мне захотелось поверить, что она любит меня и оплакивает. Она все-таки незаурядная женщина… Я был… как бы сказать… польщен.

– До сих пор не могу понять, как работает эта штука, – пробормотал я, глядя в небо. – Где сила? Где власть? Надо полагать, если бы змея укусила меня в лесу – я бы помер? И никакая булавка…

Танталь усмехнулась:

– Меня сто раз змеи кусали… скверно. Разрезать ранку, отсосать яд, прижечь… Меня передернуло. Танталь перестала улыбаться:

– Змеи… были орудиями герцога. Выполняли его волю.Власть, Ретано…

– Вот если бы приговор был справедлив, – пробормотал я еле слышно. – Справедливый… Приговор. Не просто власть… Некое абсолютное… Правосудие…

Танталь поджала губы:

– Абсолютного правосудия не бывает. Тристаг взял да запретил поединки… Кто-то разрешил… В городе Ка-варрене, например, поединки – традиция, дело чести… Эгерт Солль когда-то тоже убил на дуэли человека – и получил за это заклятие, да такое, что…

Я поперхнулся, как всегда, в самый неудачный момент. Закашлялся, отстраняясь тем не менее от Танталь, которая хотела хлопнуть меня по спине:

– Я… его… этого… кха… не убивал!

Она вздрогнула. Уставилась на меня с недоверием.

– Да не… убивал же! – повторил я, налившись кровью от кашля и несправедливости. – Не убивал! Все эти свидетели… Поклеп!

– Правда? – спросила Танталь, и голос ее прозвучал почему-то жалобно.

– Клянусь Магом из Магов! – сказал я искренне. И, показалось мне или нет, но моя спутница вздохнула с облегчением.

Мы огибали земли герцога Тристага, и этот вынужденный

крюк сулил нам лишнюю неделю пути; по ночам Алане снились кошмары.

Днем я сидел рядом с ней на повозке-санях и рассказывал свои истории, и с каждым днем они давались мне все труднее, тем более что Алана, кажется, совсем не слушала.

В первом же большом селении я спросил лекаря, и мне с готовностью указали на богатый дом на главной улице, напротив дома старосты. Господин лекарь гордился своей ученостью, был румян и важен, и запросил немалую плату, и долго разглядывал бледную руку безучастной Аланы, и, наконец, авторитетным голосом рекомендовал кровопускание. В следующую секунду спесь сбежала с его лица вместе с румянцем, потому что я взял его за шиворот, обозвал шарлатаном и потребовал свои деньги обратно. Кровопускание, сказал я зло, кто угодно может приписать, вот хотя бы и я, и беспомощному в своем ремесле медику оно принесет куда больше пользы, чем любому из его обманутых пациентов!

Кинжал выглянул из ножен и спрятался опять; лекарь молчал, бледнее моли. Алана оставалась вполне безучастной; я разжал пальцы, выпуская кружевной лекарский воротник.

– Медицина бессильна, – сообщил лекарь, пытаясь собрать остатки былой важности. – Ежели вы, господа, такие нервные… так и идите к старухе за околицу. К знахарке то есть. Она погадает… на жабьей лапке… с тем же успехом, но дешевле!

Я сгреб со стола свои монеты, взял под руку Алану и вышел вон.

…«Старуха» не была стара. Сообразно профессии, она жила на отшибе, сообразно званию рядилась в грубое полотно, и тяжелый платок закрывал ее лоб до самых бровей – но возрасту в ней было едва за тридцать, уж от меня-то еще ни одна женщина не сумела скрыть своих лет.

Она долго заглядывала Алане в глаза, бормотала, потом пускала паука бегать по зеркалу, потом порывалась задавать вопросы – но я пресек эти попытки. Знахарка помрачнела, пожелала осмотреть пациентку наедине – я опять-таки не позволил. Не хватало еще оставлять жену с глазу на глаз с подозрительной шептухой, тем более что в успех визита я с самого начала почти не верил и все злее ругал себя за столь неудачную, подсказанную лекарем идею…

В конце концов «старуха» попросила разговора со мной, и я мягко выпроводил Алану во двор, благо ветра не было, и утро стояло погожее.

– Таите, – сказала знахарка с обидой. – Утаиваете… Где была да что с ней стало… А только уходит она. Дале-ченько уже ушла.

Как бы потом… догнать успеть бы.

– Че-го? – спросил я с изрядной долей презрения, в то время как внутри у меня сделалось холодно и пусто.

– Зацепите ее, – сказала знахарка шепотом. – Чтобы ей… чтобы удержать. Зацепите, что вам… вы ведь красивый…

Последние слова сказаны были вовсе не со старушечьей интонацией. Знахарка смотрела из-под тяжелого платка, и я вдруг увидел, что глаза у нее голубые и глядят с горечью.

Она вздрогнула от моего взгляда. Поспешно отвернулась:

– Удержите… Да… Ведь вы можете… зацепите. Вроде крючочком…

– Что ты болтаешь, – пробормотал я в замешательстве, – УХОДИТ… куда?!

Она прерывисто вздохнула:

– Сделайте… чтобы ей было хорошо. Пусть… вернется.

– Алана, чего бы ты хотела?

Она ничего бы не хотела. Она смотрела сквозь меня, глаза были пустые и спокойные. Далеченько уже ушла…

– Алана, мы скоро приедем… отец соскучился… и ты, наверное… да?

Она молчала. Ей было все равно.

Тогда, отчаявшись увлечь ее историями, я отыскал в комедиантских сундуках некоторое количество хлама и, сам не зная как, соорудил цветного хвостатого змея. Сказались, видно, какие-то детские опыты…

День был ветреный; змей поднялся высоко. Яркая точка в небе, белесом, как в день моей казни; оказывается, и суд и приговор от Аланы скрыли. Не хотели тревожить – и правильно, наверное, сделали…

Алана подняла голову. Возможно, и ей парящее в облаках чудище напоминало о теплом, домашнем, неомраченном; губы моей жены дрогнули, готовясь сложиться в улыбку – в этот момент бечева лопнула, змей оборвался и, отнесенный ветром, шлепнулся в низину.

– Другой будет, – сказала Танталь.

Лошади еле тащились; я бегом обогнал караван и, вздымая белые тучи снега, сбежал по откосу вниз.

Здесь лежала река, неподвижная, белая, с темным пятном полыньи у противоположного берега. Ветер лениво волочил моего змея по ноздреватому снегу, по волнистому льду. Захлестывала поземка.

Я приостановился. В отдалении скрипели полозья – караван уходил все дальше и дальше; я соскочил на лед, намереваясь ухватить змея за украшенный бантиками хвост.

Не вовремя.

Возможно, здесь брали воду. Или глубокую трещину замело снегом; как бы то ни было, но мерзлая река разинула темный рот – и я провалился по самую макушку.

Перехватило дыхание; не было возможности не то что крикнуть – схватить воздух ртом. Я барахтался в сизой ледяной каше, и ногти мои и края полыньи ломались с одинаковой легкостью. Рета-ано!..

Танталь бежала по склону, слизывая снег темным подолом плаща. Приостановилась; замахала руками, призывая кого-то на помощь, метнулась, не зная, куда бежать – то ли к Бариану за подмогой, то ли ко мне…

Я хотел сказать «не подходи», но горло не слушалось. Танталь почти ползком подобралась к крошащемуся краю полыньи; глаза ее, и без того безумные, вдруг прямо-таки вылезли на лоб.

– Ретано… ты… булавку сними!!

– Что? – выдохнул я.

– Булавку сними! Он до тебя не может… Он тебя спасет! Снимай же!

Сапоги, полные ледяной воды. Вобравшая воду одежда; упрямое течение небольшой реки, все увереннее и увереннее увлекающее меня под лед…

Секунды. Мгновения. А ведь обещали еще весну…

Я знал, что пальцы не послушаются. Я знал, что расстегнуть серебряный замочек на рукаве, пытаясь при этом удержаться на поверхности – заранее обреченное предприятие; протянутая рука Танталь была страшно далеко. Чтобы дотянуться до меня, требовались руки в два раза длиннее.

Длинные… руки…

Булавка щелкнула, размыкаясь, отвечая не столько на мое усилие, сколько на горячее желание – снять; свежемороженое тело уже ничего не чувствовало, но зрение оставалось на диво острым, я видел, как булавка вырывается из ткани, соскальзывает в воду, серебряным мальком уходит на дно…

Длинные руки, невообразимо длинные руки ухватили меня не за запястья, как я ждал, а за щиколотки. И рванули не вверх, к небу – вниз. В глубину. Под лед.

Глава двенадцатая

Руки и ноги в белых ледяных лубках. Река, забинтованная полосами льда. Скованные неподвижные озера – не то лазарет, не то узилище…

Мутный свет с трудом пробивался сквозь толстый слой изморози. Казалось, в окно вставили непрозрачный ломоть льда; я опустил веки, и перед глазами тут же встала изнанка застывшей реки. Неровная поверхность ледяной корки, какие-то зеленые лохмотья, светлый проем удаляющейся полыньи…

Удушье и судороги.

Я рывком сел; вероятно, агонизирующее сознание подсунуло мне предсмертную картину. Не особенно броскую, не больно экзотичную: старая избушка с тяжелым нависающим потолком, заиндевевшее окно, голый пол, деревянный столб, поддерживающий балку…

Я дернулся. Цапнул себя за рукав в поисках серебряной булавки – тщетно. Темное дно, светлая рыбка, стремительно уходящая вниз…

Я тряхнул головой; из правого уха выползла теплая капелька влаги. Точь-в-точь как у ныряльщика, который выбрался на берег и вытряхивает воду из ушей.

Теперь шум в голове сделался не в пример тише. Я провел ладонью по сухому рукаву. Придерживаясь за край лавки, поднялся; снаружи доносился ровный, ритмичный, вселяющий спокойствие звук.

Кто-то стучал топором.

Путь к низкой, вросшей в порог двери занял несколько трудных минут; пошатываясь и борясь с головокружением, я ухватился наконец за железное кольцо, заменяющее ручку, и что есть силы рванул дверь на себя.

Шум в ушах усилился, перед глазами мелькнул призрак полыньи, медленно уплывающей в сторону, закатывающейся, как солнце. Дверь поддалась; в доме было холодно, но в сенях еще холоднее. Хватая ртом морозный воздух, я инстинктивно притворил дверь, не желая выпускать из избушки остатки тепла.

Еще одна тяжелая дверь…

Звук топора на какое-то время смолк – и снова продолжил работу. Тюк… тюк-тюк… тюк…

Скрипуче ступая по снегу, придерживаясь рукой за потемневшую от времени стену, я обогнул дом.

Хозяин вовсе не колол дрова, как мне подумалось вначале; небольшой светлый топорик взлетал и падал, снимая стружку с

высокого, в рост человека, пня. Обладатель топора был доволен работой – усмехался, приглядываясь, удовлетворенно щурился; на голую макушку ложился снег, таял, мутными капельками стекал по затылку, за уши, на лоб. Когда-то светлая, а теперь заношенная рубаха прилипла к жилистой спине. Уже знакомая мне чудовищная шуба дохлым медведем лежала тут же, на снегу.

Черно Да Скоро обернулся, и в мутном свете зимнего дня я увидел, что он постарел. Осунулся, как после долгой болезни, раскосые глаза запали глубже под брови, от носа к углам губ легли черные стрелки; взгляд, впрочем, оставался тем же. Ничего не выражающим, малость сумасшедшим. Я еле удержался, чтобы не отпрянуть назад.

– Жаль, Ретано, – сказал господин маг с подобием улыбки. – Я все ждал, что ты научишься играть на сцене… Но больше нет времени играться. Извини.

Вот как. Бритый кот, имеющий в своем распоряжении целый выводок подопытных мышей…

Вероятно, выражение моего лица изменилось; Черно опустил топор и впился в меня глазами. Я оскалился.

– Вес в порядке, – сообщил Черно, и хрипловатый голос его приобрел увещевательные нотки. – Все будет хорошо, Ретано, ни о чем не беспокойся… Тебе польстит, если я скажу, что Танталь, оплакивая тебя, по-настоящему страдает?

Секунду я молчал, потом выдавил через силу:

– Скотина…

– В мире не так много людей, чья смерть в такой степени огорчила бы Танталь, – сказал Чонотакс жестко. – Гордись. Ты успел завоевать ее доверие.

– Чего тебе надо? – спросил я тоскливо. Он подкинул топор. Ловко поймал его за топорище. Подкинул снова и снова поймал. Повадки заправского плотника. Или разбойника.

– Я почти уверен, что Танталь по доброй воле поведет меня… к этому своему бывшему мужу, стражу Преддверья, хранителю Амулета. Почти уверен… Но в случае, если я ошибаюсь – пригрожу публично свернуть тебе шею. Еще месяц назад она спокойно бы позволила мне это сделать…

– Скотина, – повторил я, на этот раз устало.

– …а теперь не позволит, – продолжал Черно, помахивая топором. – Что до ругательств, то ты должен оценить мое благородство, я ведь не собираюсь шантажировать ее жизнью Аланы… Погоди. Да погоди, Ретано, я пошутил, я все время пытаюсь вдолбить тебе, что желаю вам всем… только добра. Но и себе добра желаю тоже, мне он нужен, этот Амулетишко, ну прямо-таки позарез…

Я облокотился о пень. О толстый, чуть ниже меня, вертикально стоящий обрубок ствола; Чонотакс еще что-то говорил, но я не слышал. Блеклый зимний день,снег, обильно валящийся с неба, деревянные столбы в белых шапках… Я вздрогнул.

Потому что это были не столбы. Я опирался, оказывается, о плечо коренастого мужчины с озабоченным лицом, только мгновение спустя я с ужасом понял, что это Бариан. Поодаль сидели спина к спине деревянные Фантин и Муха, вызывающе подбоченясь, стояла Динка, и еще кто-то, обернутый ко мне спиной – но даже не разглядев лица, я узнал Алану.

На мгновение мне сделалось муторно, потому что я всерьез поверил, будто весь наш маленький отряд угодил в западню и обращен в плен. Пес знает какое усилие воли потребовалось, чтобы не удариться в истерику,лишь со второго взгляда на деревяшки я убедился, что это искусная, но поделка. Не злая магия воздвигла посреди двора людские фигуры – а блестящий топор, данный в руки человеку с явными художественными талантами.

Да, Черно Да Скоро был еще и ваятель. Я долго разглядывал деревянную Алану; выражение лица было схвачено исключительно точно. То самое детское, обиженное выражение, с которым она спросила когда-то: «Вы женились на мне из-за книги… Это правда?»

Вот эта самая девчонка по моей милости бредет сейчас по снежной пустыне. Бредет в полной уверенности, что муж ее мертв. Душа ее, опять-таки по моей милости, все глубже запутывается в паутине неведомых темных дорог, тех, по которым можно добраться до самого Преддверья…

– С ней все будет в порядке, – примирительно сказал Черно за моей спиной. Я обернулся.

Он стоял у того самого столба, с которым работал в момент нашей встречи. Из темного дерева неясно проглядывало новое изваяние – я узнал эту женщину, хотя черты лица были намечены грубо, вчерне. И все равно очень точно. Я поразился – господин маг умел, казалось, выхватить и остановить в дереве самую человеческую суть…

Хотя кто сказал, что я знаю Танталь до самой сути?..

– Ты талантлив, – сказал я, глядя в снег. – Мог бы мастерить, к примеру, деревянные миски с узорами… на продажу… для заработка… Кстати, с кем все будет в порядке? С Танталь? С Аланой?

– С обеими, – отозвался Черно, не моргнув глазом. – И в

тобой тоже.

Я оглянулся. Деревянные комедианты не желали встречаться со мной взглядами.

– Значит, ты вел нас? – осведомился я сквозь зубы. – Всю дорогу? Следил?

– Не всю дорогу, – отозвался он со вздохом. – Я ведь не всемогущий, Ретано… Пока.

Не то мне показалось, не то голос его дрогнул, произнося последнее слово. Я оскалился:

– Ты уверен, что оно тебе нужно? Всемогущество?

В глазах его что-то изменилось. Что-то промелькнуло внезапно и ярко, как лисий хвост среди деревьев. Интерес?

– У меня такое впечатление, – сказал он медленно, – что меня уже кто-то об этом спрашивал. До тебя.

* * *

…Бариан что-то сказал – я видел, как шевелятся его губы, но не слышал слов. Танталь покачала головой; ее темные волосы выбились из-под капюшона, та прядь, на которую попадало дыхание, взялась инеем, будто преждевременной сединой. Странно, что я в состоянии разглядеть такие детали – ведь изображение то и дело берется туманом, сцена прощания различима с трудом, как сквозь мокрое стекло…

А ведь это именно сцена прощания. Вот, Танталь легко забирается на лошадь, Бариан подсаживает Алану – та устраивается у Танталь за спиной. Две всадницы на одной кобыле, а ветер, между прочим, холодный, жесткий наст проламывается под копытами, далеко ли они ускачут…

Я мигнул – глаза слезились от напряжения. Серое видение на заиндевевшем стекле дернулось и сгинуло теперь я, по крайней мере, знаю, что обе они живы. И достаточно здоровы, чтобы ездить верхом, вдвоем, будто как деревенские дети.

– Я их приведу, – сказал Черно, критически оглядывая старый медный таз, извлеченный откуда-то из сарая. – Я их приведу, через час-другой они будут здесь…

Он осторожно цокнул ногтем по зеленоватому боку, старая медь отозвалась глухим заунывным звуком.

– Жила-была девочка, – господин маг вытащил из груды хлама обрывок ветошки и жестяную банку с серым порошком, – почти всех ее родичей съел Черный Мор, остались только мать и дядя… Когда-то богатый род оскудел, девчонка жила среди хлама и книг, а после смерти матери – среди приютских детей, среди

старых дев, служащих надзирательницами, среди всего этого, о чем в приличном обществе не принято вспоминать… А потом она убежала с бродячими актерами. И несколько лет была счастлива – во всяком случае потом, вспоминая эти годы, она осознала их именно как счастливые…

Я завороженно следил, как, зачерпывая тряпочкой похожий на глину порошок, Чонотакс оттирает бока медной посудины. Под его рукой зелень сходила, и прояснившаяся поверхность обретала желтый, почти солнечный блеск.

– А потом, – Чонотакс проделывал черную работу со странным удовольствием, – ей встретился молодой человек, ради которого она бросила все, что любила… чем гордилась. И всех, кто любил ее и гордился ею. А ведь знаешь – чем больше жертва, тем дороже представляется приз… К несчастью, все ее жертвы оказались напрасными. У молодого человека случилась схожая ситуация – он тоже встретил… вещь. Ради которой оставил все, что любил, и всех, кто любил его… Эта вещь называлась Амулет Прорицателя. Можно сказать, что именно Амулет лишил Танталь ее человеческого счастья… Ей стоило бы ненавидеть Амулет. Разве нет?

Даже в самых патетических местах его речи лицо его оставалось прежним – никаких эмоций, разве что немного безумия в глубоко запавших глазах.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил я шепотом.

Он не ответил. Критически оглядел вычищенный таз, остался доволен работой, хоть на медной поверхности оставалось еще немало мути и зелени. Стряхнул на пол остатки серого порошка, снял с полки один за другим пять пузатых глиняных кувшинов.

– Ты не представляешь, Ретано, как это все интересно. Их было много – благородных и не очень, сильных и слабых… Они грызлись за территорию. Они вербовали себе новых вассалов, они сходились в поединке со вчерашним другом, они подавали руку вчерашнему врагу… Лучшие из них уединялись и отшельничали, чтобы потом сказать своей совести – нет, только познание, ни капли корысти или властолюбия… Они, маги древности. Они беспрекословно признавали прорицателя даже в слабейшем – уж если Амулет выбрал кого-то, то не людям оспаривать это право… Так велел Первый Прорицатель. Тот самый, что предупреждал о явлении в мир чужой силы – «Она идет! Она на пороге!»

Осторожно, не желая пролить ни капли, он опорожнял один кувшин за другим. Вода в медном тазу волновалась, поднимаясь все выше и выше; она была холодная даже на вид. Я втянул руки в рукава.

– «Она на пороге», – повторил Чонотакс, и голос его странно

дрогнул. – Сколько лет пророчеству – а все никак не сбыться…

Мне давно уже было не по себе, приготовления Черно, такие, казалось бы, простые и обыкновенные, нагоняли тоску – однако именно в этот момент в моей душе скакнула ледяная волна. Скакнула и обдала меня морозом.

– Не все пророчества сбываются, – сказал я шепотом.

Чонотакс странно на меня взглянул. Провел рукой над краями медного таза:

– Не все… Но они должны сбываться. Это упорядочивает мироздание.

Я с ужасом смотрел, как вода под его ладонями застывает. Бегут, тянутся во все стороны кристаллики льда, как маленькие руки, как напряженные паутинки, вода в тазу мутнеет, перестает быть водой. Холодно…

Чонотакс удовлетворенно кивнул. Потер ладони, взялся за края таза, с натугой перевернул; медная посудина тяжко грохнула о пол.

– Славные были времена, – продолжал Черно как ни в чем не бывало. – Бальтазарр Эст… Ларт Легиар… Орвин-Прорицатель… Орлан-Отшельник…

– Маг из Магов Дамир, – сказал я сквозь зубы. Черно взглянул на меня теперь уже весело:

– Да, и Маг из Магов… Как же я мог забыть. Великий Дамир.

Его физиономия наконец-то потеряла бесстрастность. Он усмехался сам себе, постукивая ладонями по глухо гудящему дну, отбивал ледяную глыбу от меди, видимо, мое упоминание о Маге из Магов всерьез развеселило его, но он предпочитал молчать. Развлекаться в одиночестве.

– Почему ты не сказал Танталь правду о нашем с Аланой браке? – спросил я негромко.

– А зачем? – удивился Чонотакс. – Зачем нам сильные эмоции, не относящиеся к делу?

Глыба льда, бывшая когда-то водой в тазу, наконец-то откололась от медного дна и ударилась о пол. Чонотакс осторожно приподнял посудину – нет, лед не раскололся. Лежал правильной, без полостей и пузырьков, гладкой линзой. Наполовину прозрачной, наполовину мутной, серо-зеленой. Красиво.

– Алана ведь тоже… узнала правду, но ничего не сказала Танталь, – Черно нежно погладил ледяной бок линзы, – А когда я возьму Амулет… любая правда, даже самая неприглядная, перестанет иметь смысл. Правда о сборщике налогов, который повесился по твоей милости… Правда о происхождении Луара Солля… Правда о твоей женитьбе на Алане.

– Мне кажется, ты его не возьмешь, – сказал я, дерзко глядя господину магу в раскосые глаза. – Не возьмешь Амулет.

– Возьму, – Чонотакс улыбнулся. Встал, отвернулся от меня, распахнул свою шубу и расстегнул штаны. Я едва не разинул рот – Чонотакс мочился на магическую глыбу, и волшебный лед таял, размываемый горячей дымящейся жидкостью. Таял неоднородно, избирательно – гладкая поверхность становилась неровной, тут и там вырастали ледяные деревья, тянулись ледяные дороги, маленький мир рождался из подтаявшего льда, я будто смотрел на него с птичьего полета – мир, воспроизведенный Чонотаксовой могучей магией и теплой мочой…

– Я приведу их, – сказал господин маг, и в голосе его звучало нескрываемое удовольствие. – Они будут здесь через полчаса.

Утром случилась оттепель, снег, еще вчера визжавший под ногами, теперь мягко уступал насилию попирающих его сапог.

– Не ходи с ним, Танталь, – сказала Алана шепотом. Черно Да Скоро усмехнулся:

– Танталь, ты помнишь, как подобрала Луара на улице, в луже, пьяного? В тот день от него отреклась мать. Его жизнь к тому времени давно дала крен – но мать ударила его по лицу и прогнала прочь, и тогда его жизнь опрокинулась кверху брюхом… Ты помнишь?

Он сидел на трехногом табурете, уперевшись локтями в колени, положив подбородок на сплетенные пальцах.

– Танталь, не слушай его, – неожиданно громко сказала Алана. – Он и меня так… затягивал…

Танталь молчала. Чонотакс прищурил черные раскосые глаза:

– Ты помнишь вашу первую ночь? В повозке? На осеннем ветру? Ты пожалела его и просто хотела утешить… А вышло иначе. Это он утешил тебя. И с тех пор, прикасаясь к нему хоть краешком платья, ты ощущала…

– Да, – сказал Танталь глухо. – Все это правда. Но с тех пор прошло десять лет, и в моей жизни…

– Ты помнишь, как скакала за ним без седла, по большой дороге, гналась, чтобы удержать?

– Чтобы прогнать, – сказала Танталь. – Я гналась, чтобы прогнать его. Без седла… По большой дороге…

Ее голос менялся. Ее голос затихал, переходя на шепот, но я все равно слышал каждое слово.

Черно Да Скоро вдруг резко поднялся. Шуба упала к его ногам.

– Ты хотела бы к костру, Танталь? Сейчас? К доброму огню, к камину? К светильнику? Протянуть руки, подставить лицо?

Я содрогнулся. От этих его слов мне самому захотелось оказаться вблизи огня – и немедленно; Танталь, похоже, ощутила то же самое в еще большей степени.

– Не надо, Чонотакс, – сказала Танталь еле слышно. – Ты издеваешься надо мной… Ты знаешь, единственный, кто знает… знаешь – и морочишь меня. То, что осталось в прошлом…

Некоторое время Чонотакс и Танталь смотрели друг другу в глаза.

– Это не всем достается, – губы Чонотакса едва двигались, – заполучить от судьбы… свой костер. Но ощутить себя в ледяной пустыне… узнать, что огонь бывает на свете, но именно тебя судьба почему-то обделила… Не быть счастливым, но быть избранником. Я понятно… излагаю?

– Вполне, – отозвалась Танталь после паузы. – Я понимаю, во всяком случае… но сейчас ты говорил вовсе не о том, что люди привыкли называть «любовью» или «привязанностью».

– Я говорю о том, что называется «ложной виной». Что называется «выбором»… Пойдем, Танталь.

Алана вздрогнула, и я скорее почувствовал, чем услышал – «не ходи».

– Куда? – спросила Танталь едва ли не с вызовом. Черно Да Скоро пожал плечами:

– Да просто по лесу пройдемся… Нет?

– Нет, – сказал я, поднимаясь.

– Уже нет смысла прятаться, Ретано, – ровно сказала Танталь. – И бежать, в общем-то, уже некуда – прибежали… Поэтому не беспокойся. Нам с господином… с Черно действительно есть о чем поговорить.

Они вышли, и за ними закрылась дверь.

Спустя некоторое время Алана уснула – на лавке, лицом к стене. Я вышел наружу, под серое небо.

За домом, там, где Чоиотакс вытесывал своих идолов, появилась еще одна фигура, на этот раз белая; я подошел, стараясь ступать как можно тише – как будто изваянный из снега человек может услышать меня и оглянуться.

Это был молодой мужчина примерно с меня ростом. Некрасивый, как на мой взгляд, с жестким волевым лицом; я вдруг понял, что деревянные фигуры, в разных позах расположившиеся вокруг, сделаны так, чтобы смотреть в одну точку. В лицо снежному Луару, последнему обладателю вожделенного для Черно Амулета.

На шею снеговику накинута была колодезная цепь. Оборванные концы ее свисали Луару на грудь – как будто на цепи когда-то имелось украшение, а потом его сорвали. Возможно,

Черно таким образом предвосхищает события. Что такое эта скульптурная группа – развлечение, дань болезненному воображению, магическое орудие?

Я обернулся, будто меня толкнули в спину.

Они брели рядышком, почти рука об руку, но не касаясь друг друга; даже с изрядного расстояния я видел, как поблескивает бритый череп Черно. И как низко опустила голову Танталь…

Я даже следить за ними не стал. Я даже не прятался – просто стоял и смотрел.

Они возвращались по собственным следам – и не в первый раз, потому что там, где они шли, уже протоптана была глубокая тропинка. Вернее, две тропинки рядом – будто колеи. Никто из них не хотел идти первым…

Говорила, как ни странно, Танталь. Я ведь ждал, что это Черно будет стараться, обволакивать, напоминать, уговаривать, упрашивать, шантажировать, грозить…

Танталь говорила и улыбалась. Будто рассказывая забавный анекдот. Указывала куда-то за спину, мимоходом стряхивала снег с низко опустившихся ветвей; потом Черно о чем-то спросил. Танталь ответила – охотно,даже весело, я слышал ее голос, но не мог разобрать слов…

Потом они остановились. Замерли друг против друга; померещилось мне или нет, но Танталь протянула руку и осторожно коснулась Чонотаксова лица. И задержала ладонь – на мгновение. Будто зная, что совершает нечто недозволенное, и все равно не в силах удержаться…

Я стоял столбом. Потому она, вероятно, меня и не видела – среди людей-изваяний я не привлекал взгляда. Нечто, видимое боковым зрением, темная точка на самом краю сознания…

Но вот Черно точно знает, что я свидетель этой странной сцены. Или это разыграно – для меня?!

Мне захотелось окликнуть Танталь. Увидеть, как она обернется, будто ужаленная; молчаливо наблюдая, я будто бы подыгрывал Чонотаксу. Соглашался с его спектаклем, пусть даже в роли зрителя…

Он положил ладони ей на плечи. Сказал что-то, пристально глядя в глаза; Танталь опустила голову, и вот так, неподвижно, они простояли минут пять.

Потом Танталь высвободилась и, не оборачиваясь, не поднимая взгляда, побрела в дом.

Чонотакс остался стоять, глядя то на небо, то на снег. И чем дольше он так стоял – тем резче становился ветер и темнее делались тучи.

Спустя полчаса разыгралась метель.

– Лу-у-а-ар!

Я подскочил на жесткой постели.

Было утро. Сквозь заиндевевшее окно пробивался солнечный свет. Рядом под грудой одеял неподвижно лежала Алана; наверное, спит, подумал я, с трудом вы-бираясь из собственных мутных сновидений.

Что мне снилось? Что Танталь бродит по болоту и зовет своего Луара?!

– Луа-ар!

Мне не померещилось.

Я вскочил. В доме не было ни Танталь, ни мага, в углу лежали рядышком дорожная сумка Аланы и светлый Чонотаксов топорик. Далеко в лесу небезразличная мне женщина призывала давно не существующего человека. Звала призрак.

Я выскочил наружу; по снегу тянулась цепочка следов. Только одна – как будто Чонотакс Оро вылетел из дому на помеле.

Я сдержал призывный вопль – Алана в избушке могла проснуться. Крупной рысью ринулся в лес, куда вели четко видимые следы соломенной вдовы Солль.

Снег срывался с потревоженных веток, лез в лицо смерзшимися комьями, плащ мешал, цепляясь за колючки. Потом я провалился ногой в чью-то нору и охромел; потом неровный след Танталь оборвался – как будто дальше она передвигалась по-беличьи, по деревьям. Я задрал голову – снежные покровы на ветвях лежали незыблемо, нетронуто; впереди не было ни полянки, ни просвета, я уж отчаялся и хотел возвращаться по собственным следам – когда голос послышался совсем рядом, по правую руку:

– Лу…ар…

Сперва я наткнулся на обрывок плаща – видимо, Танталь шла, не обращая внимания на такие мелочи, как острые сучья или колючие заросли. Потом впереди между стволами мелькнула ее спина.

– Танталь…

Я схватил ее за плечо – мне показалось, что я держу дерево. Что это одна из скульптур Черно Да Скоро вышла прогуляться; впечатление было таким сильным, что я в испуге отдернул руку. Семеня, как мелкая собачка, обогнал Танталь и заглянул ей в лицо.

Мне не стоило этого делать.

Я отпрянул. Заметался, оглядываясь, будто ожидая увидеть в заснеженном кустарнике самого Черно Да Скоро.

– Я убью тебя! – шептал я бессильно. – Сволочь… что ты делаешь… я убью тебя!!

Передо мной была тень, оболочка. Танталь решилась-таки, страхом или посулами, но Чонотакс вынудил ее шагнуть в Преддверие.

И как-то сразу стало ясно, что здесь мне делать нечего. Отступив, я уперся спиной в широкий ствол; вот так же брела в поисках Луара и моя малолетняя жена…

Я задержал дыхание. Мне привиделась хищная птица, кружащаяся над одной точкой – все ниже, все уже… Круги затягиваются, как удавка… Почему я так долго медлил, почему я ушел, почему я…

Я опрометью бросился обратно – по своим следам; домик на краю поляны встретил меня сосредоточенной тишиной. Я навалился на дверь, пересек сени, сейчас Алана поднимет на меня удивленные глаза…

Она лежала там, где я ее оставил. В той же позе.

И она вовсе не спала.

«А только уходит она. Далеченько уже ушла…»

Я был один. Я всю жизнь привык рассчитывать только на себя; я растирал холодное тело, прикладывал ухо к неподвижной груди, оттягивал веки закатившихся глаз.

«Как бы потом… Догнать успеть бы.»

Не успел.

Слишком много сил отняло бестолковое бегство. Слишком много внимания растрачено на магические игрушки. Амулеты, слишком занимала меня собственная судьба – украшенная, будто траурным бантиком, приговором Судьи… Вы ведь можете… зацепит. Вроде крючочком…

– Алана, – сказал я буднично. – Видишь ли… Если ты умрешь, я ведь не стану дожидаться лета. Прямо сейчас здесь и удавлюсь… На потеху Черно…Удавиться надо было раньше, сказал еле слышный внутренний голос. Удавиться надо было сразу после Судной ночи, это был бы мужественный… достойный Рекотарса поступок-Алана не отвечала. Ей было не до меня.

– Алана…

Чужой взгляд коснулся моего затылка. Ласково так, ледяной иголочкой. Я обернулся.

Сквозь изморозь на окошке, сквозь весь этот замысловатый, в прихотливых узорах слой на меня глядел человек. Узкое лицо, морщинистое, как у старика, но глаза не были стариковскими. Нехорошие глаза. Пристальные.

– Кто здесь?!

Я сорвался с его взгляда, как малек со слишком крупного крючка. Кинулся наружу, распахнул обе двери, встал на пороге…

Снег под окном оставался нетронутым. И, разумеется, пусто.

Ни зверя. Ни птицы – кроме той, конечно, что кружит у меня в голове, и круги уже сузились до невозможности, почти над самой землей…

Я кинулся обратно в дом; человек за окном дожидался меня. Теперь на лице его обозначался слабый интерес.

– Помогите мне, – попросил я шепотом.

– Луа-ар… – еле слышно донеслось из леса. Показалось мне – или он действительно кивнул?..

Светлый топорик Черно Да Скоро оказался неожиданно тяжелым. Я бегом обогнул дом – но, увидев деревянные фигуры, остановился, увязнув в снегу.

Та, что изображала Танталь, стояла сейчас в полушаге от снежной куклы, изображающей Луара Солля. Почти вплотную; я готов был голову дать на отсечение, что еще утром их разделял добрый десяток шагов!

Я подавил внезапное побуждение кинуться на снеговика со своим топором; я огляделся в поисках Аланы – но не нашел ее, в ужасе огляделся снова, закружил, заглядывая в деревянные лица, ведь здесь она стояла, здесь!..

А потом я понял.

То, что не так давно было искусным изваянием, оказалось теперь просто высоким пнем со следами топора. Еле заметными следами – кажется, кто-то хотел вытесать здесь человеческую фигуру, но передумал…

Вряд ли я сам додумался до всего, что случилось потом. А может быть, и сам – Рекотарсы традиционно сметливы… Традицию заложил еще Маг из Магов, хитрый слуга Дамир…

Я никогда в жизни не рубил деревьев и не выкорчевывал пней.

Летели щепки; я колотил и колотил, воображая на месте податливого дерева плотную шею Чонотакса Оро, и, надо сказать, богатое воображение помогало мне. Обливаясь потом, я завалил этот обрубок дерева, еще недавно бывший статуей, распилил его и расколол, перетащил в дом, замарав каждое поленце кровью из лопнувших мозолей, отыскал в Аланиной сумке огниво – и посреди избушки, не знавшей огня, разложил большой, жадный костер.

Птица, кружившая в моем сознании, приостановилась, будто увязнув в горячем полуденном воздухе.

«Зацепите, что вам… вы ведь красивый…» Изморозь на окне таяла. Лилась мутными потеками, скоро вместо причудливых завитков проступило голое стекло, грязное, почти непрозрачное; дым вытягивало в распахнутые двери.

«Пусть вернется.»

Я сдернул с Аланы одеяла. Я лег рядом, притянув ее к себе; тело моей жены было холодным и безжизненным, как покрытый снегом холм, тот самый, по которому так весело скатиться на санках…

Нет.

– Слушай меня. Слушай меня. Ты слышишь?

Молчание.

«…Тогда ты овдовеешь – и сможешь спокойно искать свою первую любовь…» – «Вторую…»

Нет. «Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела?»

– Пожалей меня, Алана. Поговори со мной. Вернись ко мне. Ну?!

Снег.

Весьма вероятно, что я негодяй.

Скорее всего, так оно и есть; Судья был справедлив, назначив мне кару. И Судья не напрасно оставил мне этот год – чтобы я четче осознал, как хороша жизнь и чего я лишился…

Дорожка моя всю жизнь была «в тину», дело было и «в грязи», и до «в крови» доходило тоже. Да, теперь я совершенно готов рассчитаться по старым векселям – но сейчас, сию секунду, я узлом свернусь, но извлеку из себя хоть капельку тепла. Чтобы хватило на весь этот снег.

Труп сборщика на собственных воротах…

Нет.

Бандиты на склизкой от крови палубе… Шпага в моих руках… Нет, это комедианты на подмостках, хрустит под каблуком рассыпавшееся пшено… И снова шпага…

Светлое Небо, да если это помогло бы-я жрал бы сейчас огонь, тот, что так весело разгорелся посреди иэбушки.Я ловец – забрасываю свои «крючочки», а они уходят в пустоту…

Я веревочка, удерживающая ее над ее смертью. Тонкая веревочка. Ветхая.

Мне почему-то вспомнилась тесная комнатка – гостиница? – и молодой человек, вертящий по воздуху смеющегося ребенка, девочку лет пяти, в сбившемся на ухо теплом платке…

Чужое воспоминание?

Я прижался губами к ее полуоткрытому рту. Некоторое время я смогу дышать за нее, вдох… Сплетенными пальцами надавить на грудь – выдох…

«Вот, говорит он, что сделаю я с тобой, и никто никогда не полюбит тебя… И ты никого не полюбишь… Потому что чары мои тверже стали… Потому что люди слабые. Люди не умеют как следует любить и как следует ненавидеть – зато они умеют забывать… Навсегда. И люди забудут тебя, Луар…»

Опять чужое воспоминание?

Показалось мне – или неподвижные губы Аланы дрогнули под моими губами?

Сейчас я вывернусь наизнанку.

Сделаюсь воздухом в чужих легких. Ее дыханием…

Сделаюсь ее теплым одеялом. Сделаюсь ее жизнью…

…И в этот момент у меня будто пленка перед глазами лопнула.

Я увидел себя лавой, несущейся вниз по холму. Выплескивающейся из жерла вулкана; горящим потоком я навалился на заснеженную равнину, и снег ударил мне в лицо обжигающим паром.

Еще!

И равнина содрогнулась…

Еще!

И дерн сошел, обнажая человеческую кожу… Теплую… теплеющую…

И ее губы ответили; с первым человеческим ощущением мое тело вернулось, собралось, слепилось из потоков расплавленного камня, я почуял запах – запах дыма, и увидел красноватые отблески на стенах. А может быть, это перед моими собственными глазами заплясали огоньки.

Плащ и одеяла сползли с нее; кокон из многослойных тряпок лопнул, выпуская под теплые лучи костра совсем новое, незнакомое мне существо. В какой-то момент я испугался, что моя жена – не человек вовсе, а бабочка; Алана не разжимала рук, не отрывалась от моей груди, и я скорее пальцами, нежели глазами разглядел ее теплое, боязливое, оживающее тело, потому что она возвращалась к жизни, потому что, наверное, я был удачливый рыболов, я зацепил ее и теперь тяну – из небытия к огню, к дикому очагу, расположившемуся прямо посреди комнаты…

Наверное, в этот момент я окончательно перестал быть лавой и сделался собой. Мучительно сплетались язычки огня, сплетались, сливаясь друг с другом, образуя сложный узор, вытягиваясь к черному потолку и не умея дотянуться.

Ритуальный светильник, освещающий супружескую спальню в первую брачную ночь.

Утром дерево прогорело; на полу остался черный круг и груда углей. Стены и одеяла, наша одежда и волосы пропитались запахом дыма; мы лежали, не разжимая рук.

– Что теперь будет? – спросила Алана шепотом.

– Мы живы, – отозвался я хрипло.

– Да… Но что теперь будет? Скрипнула дверь.

Я ждал, что Танталь постареет. Что в темных волосах се, возможно, обнаружится седина; в домике царил полумрак, и в первый момент мне показалось, что так оно и есть.

– Я же просила тебя – не ходи… – пробормотала Алана безнадежно.

В темноте послышался сдавленный смешок. Я испугался, что Танталь повредилась в рассудке – но она подошла и опустилась на скамейку у окна, угодив таким образом в единственное световое пятно, и, разглядев наконец ее лицо, я испытал острое облегчение.

– Мне не хватило десяти шагов, – медленно сказала Танталь. – Десять лет… это долго. Но я слышала его голос. Его настоящий голос. Луар сказал…

Скрип-скрип.

Дверь отворилась; на пороге стояла темная груда. Мокрый ворс чудовищной шубы свалялся, слипся сосульками.

– Я рад, что у вас все в порядке, – бодро сказал Черно Да Скоро.

А потом потерял сознание и грянулся прямо у порога.

Глава тринадцатая

И конечно же, у нас не было лошади. Та, на которой приехали Алана и Танталь, бродила где-то в лесу, а может быть, уже сделалась добычей волков; возможно, и нам уготована похожая участь.

Продукты закончились. Может быть, Черно Да Скоро и умел бы наколдовать ужин – но Черно Да Скоро до сих пор был без сознания, и этот факт делал наше бегство возможным. Мыслимым.

Господин маг лежал на скамейке, голая голова беспомощно привалилась к плечу; Танталь долго стояла рядом, сплетая и расплетая пальцы, потом обернулась ко мне:

– Как ты думаешь, его можно… убить?

Я вздрогнул.

Перед глазами сразу же встала подсмотренная сцена на краю поляны, ладонь, касающаяся господина мага с настоящей нежностью…

Или Танталь была околдована, а теперь прозрела?

Или…

– Я что, штатный палач? – спросил я угрюмо. – Ты советуешься со мной, как со знатоком?

– Не с Аланой же мне советоваться, – пробормотала Танталь со страдальческой миной.

– Вряд ли его так просто убьешь, – деловито предположила моя юная жена. – Если бы у нас был магический предмет… – она вздохнула, глядя в мутное окно. – Есть хочется…

– Его надо остановить, – еле слышно проговорила Танталь. – Если… его не остановить… Луар сказал… Я знаю. Последняя ниточка… Тория. Она доведет его до Луара, хоть и ценой…

– Что?

– Мама!

Наши с Аланой голоса прозвучали одновременно.

Лямка вгрызалась в плечо. Я шел, проваливаясь по колено, а за мной волочились по снегу наспех связанные волокуши. В господине маге весу оказалось немного – но даже ребенка тяжело было бы тянуть вот так, без дороги, через лес.

Алана и Танталь сперва помогали мне – а потом перестали. Хватило бы сил на то, чтобы выдергивать из снега собственные тяжелые ноги.

Дольше ждать в пустом домике было нечего – не уподобляться же зайцам и не глодать, в конце концов, молодую

кору с деревьев. Охотиться оказалось не с чем и не на кого – даже птицы по непонятным причинам избегали избушки без дымохода, а единственная полевая мышь, которую мне удалось поймать, была с возмущением отвергнута и Аланой, и Танталь. Зато в углу избушки отыскался сундучок с деньгами – Танталь заколебалась было, а имеем ли мы право брать чужое золото и не принесет ли оно несчастья. Я сухо заявил, что предводителем похода отныне назначаюсь я, и доверху набил наши кошельки; Алана хихикнула. Танталь подчинилась.

Последствия похода в Преддверье понемногу проступали на ее лице. Обнажались, как обнажаются под солнцем и ветром непогребенные кости; она стала нервной и злой. Она боялась ночных кошмаров, она быстро слабела; вот и сейчас, шагая через лес, она отставала все чаще и чаще.

Я вовсе не был уверен, что мы идем правильно. Перед моими глазами смутно стояла ледяная объемная карта, та самая, которую некогда построил господин маг с помощью магии и мочи; я во все времена хвалился отменной памятью, но применить на практике виденное мельком, в полумраке, в потрясении – выполнимая ли задача?..

– Алана, – позвал я хрипло. – Помоги Танталь. Помоги.

Не нужно было подсказывать – Алана и без того брела рядом с названной сестрой, поддерживая ее под локоть; но Алана была слаба, да и Танталь тяготилась заботой – то и дело норовила высвободить руку. Далеко ли уйдем?

Я перебросил лямку с плеча на плечо. …Первой мыслью было бросить Черно в его избушке, просто оставить все, как есть; я считал, что именно так следует поступить, потому что мы Черно на обед не звали, и он с нами вина не пил, у него своя жизнь, у нас своя, пусть все идет как идет; рассуждая так, я, конечно, кривил душой. Я искренне надеялся, что брошенный среди зимнего леса человек, будь он хоть трижды магом, непременно околеет хотя бы от голода – про холод я не говорю, с холодом у Чонотакса, похоже, свои интимные отношения…

Танталь прекрасно понимала подоплеку моих рассуждений. Танталь то упрямо молчала, то с трудом удерживалась от истерики; Танталь боялась Черно Да Скоро – и тем не менее мысль о том, чтобы бросить его, беспомощного, на произвол судьбы, вызывала у нее еще больший ужас.

– Алана, когда он… когда ты вела его – что было потом, ты помнишь?

Возможно, вопрос был бестактен – но Алана спокойно кивнула:

– Ему было плохо… Да. Плохо, но не в такой степени.

Наверное, сказываются… ну, разные причины…

Она пожала плечами. Она не знала, как именно сказываются на самочувствии господ магов утомительные походы к Двери. Пригодилась бы знаменитая книжка «Жизнеописание магов» – но я не мог даже вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах оставил столь ценное некогда приданное…

Приданное. Выкуп.

Бросить Чонотакса на смерть означало убить последнюю надежду. Потому что, как оказалось, я, дурак, до сих пор лелеял в душе некий ее призрак, привидение надежды, безрассудную тень; гибель Чонотакса утвердила бы окончательный срок моей жизни.

Танталь не понимала этого. Понимала Алана; я не раз и не два ловил на себе ее вопросительный взгляд.

– Но даже если мы оставим его здесь… кто даст гарантию, что он… не восстановится, как это было в прошлый раз? А если он выживет и соберется с силами…

Тогда Танталь прорвало.

Если он соберется с силами, говорила она, он непременно доберется до госпожи Тории. Даже ценой ее гибели доберется до Амулета – и тогда весь наш мир перестанет существовать, потому что Чонотакс Оро носит на себе благословение Чужака, Третьей силы, и, воссоединившись с Амулетом, вывернет наш мир наизнанку…

Она говорила так быстро и безнадежно, что я на минуту поверил.

– Кто может остановить его?

– Никто…

– Ты предлагаешь его удавить? Разговор заворачивал на четвертый круг. А потом я расслабился. Танталь пережила тяжелое потрясение, неудивительно, что вещи представляются ей в карикатурно-мрачном свете; я ни с того ни с сего вспомнил старосту из поселка, круглоголового, с широкими дугами лысых бровей. Староста, выпив лишку, принимался болтать цветисто и безудержно; у него был взрослый сын, у сына была жена, и у самого старосты жена была тоже, злющая, вроде песка в глазу, и невестка страдала под самодурьим гнетом, и вот с некоторых пор староста начал замечать, что жена вроде как подобрела и сонная ходит… Невестка, когда ее загнали в угол, призналась, что опаивает свекровь сонными травами – но староста не наказал ее, напротив, согласился с таким положением вещей, только строго-настрого велел беречься и не отравить до смерти…

– Он все-таки человек? – спросил я в пространство. – Чонотакс? Он человек все же, хотя и маг?..

Пожалуй, это было лучшее из решений. Оно спасало нас от

смертоубийства, оно должно было обезопасить госпожу Торию Солль… и, если верить нервной Танталь, весь мир впридачу. Господин маг, опоенный снотворным, бесчувственный, лишенный воли – и разом с тем магической силы…

И вот теперь я тащил через лес волокуши, и, если память подвела меня и мы выбрали неправильное направление – с наступлением ночи сомнениям и раздумьям настанет логический конец, потому как явятся волки…

Танталь опять отстала. Алана брела рядом, сунув руки в муфту – видимо, Танталь отказалась от помощи; я подошел к распростертому на волокушах телу и наклонился над бледным лицом господина мага.

– Черно… Мы правильно идем? Молчание. Опущенные веки, страдальческая складка между голых бровей.

– Черно… Ты меня слышишь?

– Собака, – изменившимся голосом сказала Алана. Я осекся.

В морозном воздухе отдавался далекий, многоголосый собачий лай.

* * *

Легко ли варить суп в кулаке? Хранить во рту смертельный яд, носить уголь за пазухой?

К ночи мы пришли на хутор, и наши денежки оказали магическое действие, да такое, что я на минуту ощутил себя настоящим колдуном. Нас приняли на постой, накормили, постелили постель и разогрели воды; я дал себе слово ни о чем не думать до утра. И заснул в объятиях Аланы, довольный, почти счастливый; и проснулся среди ночи, ближе к утру, у совершенной тьме.

За портьерой возилась, стонала сквозь зубы Танталь. Ей снились кошмары; ей снилось, как она бредет по Преддверью, а впереди маячит фигура, не вполне человеческая, исполинская фигура Стража, который одновременно и муж ее, Луар…

Алана тихонько сопела у меня над ухом; осторожно, боясь потревожить жену, я погладил укрытое одеялом плечо. Потом выбрался из постели, накинул на голое тело плащ, пробрался за портьеру. Танталь уже не стонала – но дышала тяжело.

Я постоял над ней – а потом, осторожничая и огибая углы, наощупь двинулся в соседнюю комнату.

Эта комнатушка служила, вероятно, помещением для прислуги; теперь на топчане в углу лежал, укрытый собственной шубой, господин Чонотакс Оро. На ночь я крепко стянул ремнями

его локти, запястья, колени и щиколотки; не скрою, в какой-то момент мне ясно вспомнилось подземелье с бочками и ржавые цепи на собственных руках. Поделом вору и мука…

Я остановился в дверях, прислушиваясь и не улавливая дыхания. Или маги не дышат?

Молнию нельзя запрячь в повозку. Волка нельзя прикормить пирожками; где та грань, за которой Черно Да Скоро может считаться безопасным? Безобидный Чонотакс – мертвый Чонотакс?..

Я переступил с ноги на ногу. Мы слишком самоуверенны; мы почему-то решили, что действительно можем убить его, пока он беспомощен. А если нет? Если права Алана и для такого убийства нам понадобится «магический предмет»? К чему тогда все эти моральные дилеммы, мы сохранили ему жизнь не из благородства, а просто потому, что не умеем ее отнять…

Взять сейчас ремешок, приставить к его беззащитному горлу…

Противно. Если он захрипит и отправится к праотцам – кем я буду в собственных глазах? Ночным душителем безоружных?!

Не говоря уже о том, что Приговор Судьи…

За портьерой слабо вскрикнула Танталь.

– Ты скотина, – тоскливо сказал я безоружному врагу. – Что, что с тобой делать?!

Веселые путешественники. Мужчина, две женщины и с ними – пороховая бочка в человеческом обличье. Ни бросить, ни взорвать.

А на другой день наступила весна. Мгновенная, беспощадная; жители хутора брались за головы, рассказывая о снесенных паводком плотинах и мостах, о затопленных низинах и прочем стихийном ущербе. По оплывающему снегу нам удалось добраться до соседнего поселка – а там путешествие выдохлось само собой, потому что уже на следующее утро дороги сделались совершенно непроходимыми.

Денег у нас было в достатке. Мы сняли лучшие комнаты в гостинице и навели справки о местных знахарках. Знахарок оказалось сразу три, и две из них величали себя «колдуньями»; пределом их колдовского искусства было умение излечить от запора. Все три, не сговариваясь, предложили мне один и тот же набор трав – вероятно, еще в незапамятные времена их бабки воровали друг у друга рецепты. «Снульник», так назывался этот душистый сбор. «Только глядите, молодой господин, не перебрать бы – надолго заснете, не добудятся»…

Рецепт приготовления был прост. Не прибегая к помощи

служанки, я заварил сонный сбор и процедил отвар через тряпицу – боюсь, что дурманящий дух растекся по всей гостинице.

Чонотакс не подавал признаков жизни. Зеркальце, поднесенное к губам, покрывалось испариной – и только. Из чайника с широким носиком я вливал в его приоткрытый рот ежедневную порцию «снульника» – от одного запаха можно было лишиться чувств.

– Не переборщи, – говорила Танталь сквозь зубы. Распутица тем временем окончательно расквасила дороги, снег сходил, обнажая раскисшую глину. Разговорчивая хозяйка все чаще заговаривала со мной, расспрашивала, куда благородные господа держат путь, и не нужен ли лекарь «тому господину, что из комнаты не выходит». Слуги уже поглядывали с любопытством; в гостинице сложно хранить тайны. Я запретил горничным прибирать в Чонотаксовой комнатушке, якобы затем, чтобы не беспокоить больного – но на самом деле боясь, как бы посторонний взгляд не наткнулся на ремни, которыми этот болезненный господин связан.

В комнатушке, где помещался господин маг, не было камина. Я заметил, что Танталь избегает вносить туда свечи и не разжигает огня в присутствии Чонотаксова безжизненного тела.

– Разве ему не все равно? – спросил я с долей сарказма.

Она не ответила.

Мы проторчали в гостинице почти две недели; и хозяйка, и слуги, и весь поселок опротивели нам до невозможности. Черно Да Скоро отсыпался – ежедневная порция снульника делала свое дело; когда любопытная служанка вопреки запрету сунула нос в его комнатушку, глазам ее предстало зрелище совершенно мирное – человек изможденный, конечно, и лысый, но зато спокойно спящий под покровом черной шубы. И служанка, удовлетворенная, понесла уже прочь пищу для новых пересудов – как вдруг по дороге ей встретился я, раздраженный, злой и беспощадный.

Надо ли говорить, что с каждым днем настроение мое делалось все хуже и хуже; надо ли говорить, что невозмутимая покорность господина мага волновала меня больше, чем волновали бы попытки к бегству. Надо ли говорить, что не служанка была повинна в моем раздражении – но, поймав ее на проступке, я не стал сдерживаться. Я сообщил ей, что господин, который спит в запрещенной для прислуги комнате, болен неизлечимой болезнью, первым признаком которой является облысение, что любопытная служанка может рыть могилку для своих роскошных волос – вскоре они выпадут один за другим, и череп служанки будет в точности похож на череп вышеназванного

господина. Что болезнь заразна, и, не исключено, все родственники служанки заболеют тоже; не помню, что я еще говорил, но бедная девушка сползла на пол в истерике. Полчаса гостиницу лихорадило – изо всех углов мерещились женские всхлипы; спустя еще полчаса ко мне явилась хозяйка, непривычно холодная и неприветливая, и сурово просила покинуть гостиницу как можно скорее. Потому как за распространение всяческой заразы сажают в тюрьму, потому как у нее, хозяйки, есть управа на всяких проходимцев, повинных в морах и поветриях, и если мы не подчинимся – она упечет нас в яму и велит спалить наше барахло.

Я поспешил на конюшню, где давно уже договорено было о покупке лошадей – конюх шарахнулся от меня, выставив перед собой кнут. Видимо, весть о ползучем облысении облетела поселок быстрее, чем известие о пожаре. Я проклял собственный язык; по счастью, ни Алана, ни Танталь не стали меня упрекать. Обе тихо радовались возможности убраться из постылой гостиницы. Времени было едва за полдень, дороги уже не так хлюпали под ногами, я рассудил, что мы с трудом, но доберемся до какого-нибудь хутора раньше, чем сядет солнце.

Монетки, вырученные за лошадей, конюх предусмотрительно прокалил над пламенем свечки; я растолкал Черно Да Скоро и развязал ему ноги.

Господин маг был апатичен и вял. Некоторое время я пытался вытрясти из него признание, что на самом деле он притворяется соней – но у меня ничего не вышло. Мой план, навеянный давней сплетней про изобретательную невестку, неожиданно оказался не просто выполнимым – удачным.

Черно держался в седле, как мешок. Все население поселка залегло, затаилось, разбежалось перед страшным ликом лысой болезни; поддерживая Черно и ведя лошадь под уздцы, я вывел маленькую кавалькаду за околицу, в поле, и там с облегчением придал сонному магу безопасное положение поклажи – поперек седла. Танталь зябко поежилась, Алана фыркнула; на четверых у нас было трос лошадей, я вскочил в седло и посадил Алану перед собой, Танталь, отличная всадница, взяла за повод лошадь Чонотакса – и так, небыстро, объезжая лужи, мы двинулись навстречу судьбе.

Судьба не была к нам благосклонна.

Солнце повисело над горизонтом и навострилось уже кануть за черную кромку леса – а дорога все тянулась, не подавая ни малейших признаков человеческого жилья. А ведь десять дней подряд я по десять раз выспрашивал о дороге, и по всем рассказам выходило, что неподалеку должен быть хутор, и не

один!

Мы пересекли маленькую речку, через которую был перекинут чахлый дырявый мост. Лошади неохотно ступали по подгнившим доскам; мои спутники молчали. Танталь и Алана нервно вглядывались в сгущающиеся сумерки – ждали увидеть дымок над горизонтом, или строение, или хотя бы одинокий сарай; вечер был совсем весенний, безветренный и относительно теплый, но странная шутка, которую играет с нами хутор, не нравилась никому.

Что до господина мага, этого странствующего мешка со сновидениями – то вот уже пятнадцать дней я не слышал от него ни слова.

Солнце село; навстречу нам из полутьмы выплыл мостик, как две капли воды похожий на тот, что мы уже проехали. Лошади сдержали шаг. Мои смутные подозрения превратились в уверенность.

– Мы ведь не сворачивали, – упавшим голосом сказала Алана, – Это в лесу можно кружить – но мы же ехали по дороге.

Я слез с седла. Подошел к перекинутому через седло Чонотаксу, в таких случаях обычно берут за волосы, и я на секунду растерялся. Потом ухватил господина мага за подбородок и поднял его голову, заставляя посмотреть себе в глаза.

Чонотакс Оро спал. Лицо его, как обычно, оставалось совершенно немым и непроницаемым.

– А они во сне не колдуют? – спросила Алана. – Может ему, к примеру, присниться вот эта дорога? Ну, во сне?

– Это, наверное, другой мост, – неуверенно предположила Танталь. – Просто в этой местности все мосты одинаковые…

Я подошел к мосту. Раздраженно стукнул по трухлявым перилам; перила охнули и отвалились. В темноте уже невозможно было с точностью сказать, тот это мост или другой. В этой, как говорит Танталь, местности жители из рук вон плохо следят за мостами…

– Вода есть, – бодро сказала Алана. – Вон, целая речка… Еда есть. И не зима ведь, мороза нет… Переночуем…

Другого выхода не оставалось. Моей маленькой местью Черно Да Скоро был костер, сложенный из обломков перил. Другого топлива почти не было, а большого пламени из перил не устроишь.

Я напоил лошадей, потому что кормить их все равно было нечем.

– Оттащи его от костра, – сказала Танталь.

– Как ты заботишься о его благополучии, – сказал я – Не ты ли первая спрашивала, можно ли его убить?

– Оттащи его от костра, – повторила Танталь, не повышая голоса. – Он не должен лежать у огня…

– Он этот огонь руками рвет, как паклю, – сообщил я сухо. – Тебе нужно – ты и оттаскивай. А я благородный господин, потомок Мага из Магов, и я уже натаскался!

Танталь поднялась. Подошла к Черно, взяла его за плечи; удобнее, как мне кажется, было бы тянуть за щиколотки. Но, может быть, Танталь смутилась бы видом голой головы, подпрыгивающей на кочках?..

Усилие, еще усилие; Танталь упрямо тащила господина мага за грань светлого круга. Интересно, о чем они говорили тогда, в лесу? На поляне? И ведь Черно видел, что есть свидетель…

Или не видел?

– Оставь, – сказал я устало. – Ладно, я сам… Танталь не ответила. Оттащила сонного Черно подальше от костра, постояла над ним – я видел только черный силуэт. Потом вернулась к огню, и некоторое время мы жевали хлеб с разогретым на костре мясом.

– Ретано, расскажи историю, – попросила Алана. Я растерялся:

– Какую?

– Да любую… Как ты рассказывал. Про разбойников, например.

– Про разбойников не надо, – проронила Танталь сквозь зубы.

– Тогда про призраков, – согласилась покладистая Алана.

Молчали обломки перил, окутанные огнем. Когда-то, наверное, их касались тысячи разных рук – а теперь касалось пламя. И если человеческие прикосновения только чуть стерли терпеливое дерево – огонь поедал его, неспешно, но неотвратимо. Ради того, чтобы дать нам возможность согреться…

«Он мерзнет».

Кто это сказал? Где я, пес подери, это слышал? Я обернулся в темноту. Как будто боялся, что связанный Черно Да Скоро встанет и убежит.

– Про призраков… Значит, так. Стоял на земле старый замок, а в подвале его ютился призрак… Он был тоже немолодой, щуплый такой, близорукий…

– Призрак?! – Алана фыркнула.

– Но глаза у него горели, как плошки, – добавил я примирительно. – Больше всего на свете старый призрак хотел уберечь своего молодого потомка от ошибок – но куда там… Вероятно, только в подвалах замка молодой потомок поумнеет. Станет скитаться призраком, глаза его будут гореть, как плошки, а вздохи – распугивать филинов… Только представьте себе –

целая армия призраков, наполняющих подвалы, протягивающих руки… призывающих опомниться нас, живущих – до поры, пока не пробил час, когда будет поздно оглядываться…

– Нет, – сказала Алана, и от звука ее голоса Танталь резко обернулась:

– Что – нет?

– Ретано, – в голосе Аланы теперь явно слышались слезы. – Ретано, пожалуйста… Сделай что-нибудь, я ведь не смогу… без тебя…

Танталь перевела взгляд на меня. Глаза ее в свете костра были черные, с двумя горящими золотыми точками.

Алана всхлипнула.

– Что за тайны? – спросила Танталь небрежно. – Ретано, можешь мне объяснить?

Я подбросил в костер остатки перил. Пожал плечами:

– Никаких тайн… В жизни каждого человека есть последний предел, и иногда бывает полезно о нем задуматься… Доедайте хлеб. Я сейчас приду.

Черно Да Скоро лежал там, где оставила его Танталь – на прошлогодней мокрой траве, в коконе из собственной шубы, причем некогда роскошный мех свалялся, как шерсть больной собаки. Далекие отблески костра достигали блестящего черепа, мне показалось, что Чонотакс морщится во сне, будто от зубной боли.

Я вытащил из-за пояса кинжал и приставил к горлу господина мага. В таких делах лучше не раздумывать.

Не колебаться.

– Черно, давай так… Сними с меня приговор Судьи немедленно – и тогда я оставлю тебя в живых. Идет?

Не я ли сегодня утром влил в этот рог убойную порцию снульника? Ради легкой и безопасной дороги?

Вот она, безопасная дорога. Свернулась петлей, обросла ветхими мостами, языком слизала обещанный хутор, обернулась сырой ночью под открытым небом…

– Черно… Я знаю, что ты притворяешься. Зато я не притворяюсь. Черно. У меня к тебе такой счет, тебе за всю жизнь не оплатить… Ну?

Он спал.

Я видел белки глаз, проглядывающие в щель между неплотно сомкнутыми ресницами. Господин маг спал, одурманенный, а может быть, все еще обессиленный своим последним магическим мероприятием; возможно, дорога, захлестнувшаяся петлей, была одним из его сновидений. А я, как дурак, стоял над ним с кинжалом. Кто знает, как обернулись бы события, решись я на

последний шаг.

Шаг отчаяния; кто знает, как обернулись бы события, полосни я по беззащитному горлу. Магия магией, но последнее слово нередко остается за разящей сталью…

Никто не знает, потому что я не решился резать спящего. Потому что это было выше моих сил. Потому что я поскрипел зубами, как припадочный, спрятал кинжал и вернулся к костру.

Названные сестры разговаривали без слов, и Танталь глядела на Алану тяжело и требовательно. Вероятно, она задала вопрос, вероятно, она желала вытрясти из моей жены хотя бы подобие ответа; Алана смотрела в огонь, и я с уважением подумал, что никто не умеет так хранить тайны, как хранит их моя маленькая жена.

На другой день мы добрались до хутора; первыми, кто встретился нам на пустынной улице, были две молодки, судачившие у колодца. При виде маленькой кавалькады они сперва подались вперед, жадно разглядывая наши лица – а потом в панике пустились наутек.

Известие о страшной заразной болезни достигло хутора раньше, чем мы до него добрались. Немудрено – ведь даже ленивый пешеход запросто преодолевал расстояние, на которое нам понадобились едва ли не сутки. Разумеется, приюта на хуторе ждать не приходилось. В руках каких-то угрюмых мужчин как бы невзначай обнаружились вилы; еле-еле удалось уговорить трактирщика продать нам продуктов и покормить лошадей. Всем известно, что монетки, если их подержать в пламени свечки, начисто теряют способность переносить заразу.

Наскоро перекусив, мы снова тронулись в путь. Дорога подсыхала; окрестные поля покрылись согнутыми спинами. Нам смотрели вслед, и взгляды были нехорошие.

– Нанять карету, – сказала Танталь устало. – Нанять карету и хорошего кучера, скакать день и ночь, как мне все надоело, Светлое Небо, кто бы знал… Я хочу домой.

Я удивленно на нее покосился. Никогда прежде Танталь не позволила бы себе таких слов; кто знает, что будет завтра. Поход в Преддверье сказывается с оттяжкой, с отсрочкой, как хороший Приговор…

Наверное, Танталь не поняла, почему я переменился д лице. Алана удивленно повернула голову; я ухватился за ее плечо, как за соломинку. Как за поплавок.

Все повторялось.

Как только склонилось солнце, местность вокруг будто вымерла; еще полдня назад встречный торговец указал нам путь к лежащему впереди селению и уверил, что до него самое большее

два часа езды. И вот сгустилась тьма, а дорога вилась и вилась, пустая, с теми же деревьями у обочин, с той же кромкой леса на горизонте, десять раз по своим следам проедешь – и не заметишь подвоха…

Мы молча разбили лагерь. Молча собрали хвороста, молча разложили костер, молча поужинали; погода портилась. Вероятно, нас ждет еще и дождь.

Не глядя на Танталь, я оттащил связанного Чонотакса подальше от огня; странно, но от него не пахло немытым телом. Не человек, а кукла – ничего не ест, пьет один только сонный отвар, не справляет естественных надобностей…

– А давайте оставим его на хуторе, – сказала Алана за моей спиной. Я вздрогнул и обернулся.

– Оставим, – повторила Алана, ковыряя землю носком башмака. – Ясно же, что пока он с нами – так и будем кружить…

– А если оставим, он оклемается и доберется до твоей мамы, – сказал я жестко.

– Если оставим, его убьют, – хмуро возразила явившаяся из темноты Танталь.

– Если его вообще можно убить, – пробормотал я сквозь зубы.

– Ты непоследователен, – Танталь изобразила улыбку. Развернулась и отошла к костру.

Через полчаса она уже спала – или делала вид, что спит – примостившись у огня, укутавшись одеялом, подложив под голову сумку; мы с Аланой сидели рядышком, молча, привалившись друг к другу, вздрагивая от порывов промозглого ветра.

Потом, сам не знаю почему, но я достал из-за пазухи свой деревянный календарь. Развернул к свету.

Вот они, дни, проведенные в избушке без печки. Дни, проведенные в гостинице, дни, съеденные дорогой… Тяжелые дни, но уже прожитые; осталось… Да ведь три месяца осталось. Вот они…

Алана мертвой хваткой вцепилась мне в плечо:

– Ретано…

– Мы будем счастливы, – сказал я глухо. – Всю жизнь. Три месяца… Зато потом будет что вспомнить.

И поймал ее губы; она пахла дымом. Не походным дымом случайного костра – уютным очагом, родным домом, детством, прошлой жизнью…

Улитка в створках. Птенец в скорлупе; всякий раз приходилось добираться до нее заново, сквозь теплую одежду, сквозь плащи и одеяла, сквозь страхи и тяготы, и тяжелые воспоминания…

Не надо разбивать створки. Они сами откроются навстречу.

…Она уснула спустя час – уснула на холодном ветру, укутанная моим плащом. Я сидел, подкидывая ветки в огонь; я знал, что не усну.

Прав приговоренный на плахе. Прав, когда бросает в толпу, уже из-под падающей стали: «Теперь я знаю, как надо жить!»

Толпа не знает. Грызет свои орехи, расходится по домам, по-прежнему тянет сквозь пальцы замусоленную ниточку собственной жизни, тянет, исполняя привычную повинность. Вечер накануне смерти я проведу в винном погребе. Сяду под бочкой, позову в гости близорукий призрак Дамира,Алану не буду звать. Шестнадцатилетняя вдова, она забудет меня, станет долго и с удовольствием перебирать шелковый шнурочек своей длинной жизни, а я на нем – один только маленький узелок…

«Ретано».

Померещилось?

«Ретано, ты ведь не спишь?»

Так.

Холодно. Тоскливо. Еще одно предчувствие, переходящее в уверенность, проклятая слабость, лишающая воли, тянущая к земле…

Или все-таки померещилось?!

Я поднялся. Вытащил шпагу. Постоял, отвернувшись от огня, ожидая, пока глаза привыкнут к ночи. Вспомнил, что Черно видит в темноте, а я гораздо хуже. Вообще не вижу.

Тогда я выудил из костра наполовину сгоревшую ветку. Головня красиво тлела красным – сомнительное оружие, да и света не так много. Больше дыма…

С головней в одной руке и со шпагой в другой я двинулся прочь от костра – туда, где в темной ложбинке дожидался утра связанный маг.

Темнота стояла – глаз выколи. За несколько шагов я остановился – не потому, что увидел Чонотакса, а потому, что почуял его.

– Я дал маху, Ретано, – сонным голосом сообщил Чонотакс. – Когда даешь волю страстям… потом приходит похмелье. Ты умеешь учиться на чужих ошибках?

Я молчал.

– Вряд ли, – с сожалением пробормотал Чонотакс. – Ты предпочитаешь учиться на своих… Развяжи меня.

– Еще чего? – спросил я кротко. Черно хохотнул:

– Еще – забор покрасить… Шучу. Эта дрянь, семь травок на пару, вся вышла или осталась?

Он говорил о снульнике. Три знахарки, двое зовут себя

колдуньями. Надо же, «семь травок на пару»…

Черно зевнул:

– Садит печень, терзает почки, при передозировке чревато обмороками, учащением сердцебиения, удушьем… Дрянной отвар. На грошик пользы, да полведра мусора. Не связывайся со знахарками, Ретано, – и он зевнул снова.

– А мне говорили, – я усмехнулся, – «не связывайся с магами…»

– Тоже верно, – Черно зевнул в третий раз. Спросил сквозь зевок:

– Ты хотел меня убить? Я молчал.

– Ладно, Ретано… Если ты не собираешься меня развязывать – можешь быть свободен. Иди, спи. Я, во всяком случае, уже засыпаю…

И он выдал целую серию зевков, таких громких, что я невольно оглянулся – не проснулись ли Алана и Танталь.

– Чего тебе… не хватает, Ретано. Жить да радоваться жизни… Жена тебя любит, травка на свет пробивается, снег сошел… А насчет Судьи… не бери в голову. Спи, Ретано, спи, твой Чонотакс о тебе позаботится… потом.

Некоторое время я стоял с обнаженной шпагой – как памятник воителю. Или как призрак полководца, или как полный дурак. Господин маг спал на сырой земле, и теперь я явственно слышал его дыхание. Размеренное и спокойное, умиротворенное, как будто после долгих трудов или долгого пути Чонотакс наконец-то добрался до постели.

Каждый третий горожанин кланялся, встретив его на улице. В прежние времена кланялись чуть ли не все подряд – тогда он был начальником стражи, теперь же – всего лишь герой Осады в отставке, наставник юных воинов, глава известного в городе Корпуса…

Лавочники шептались, мол, господин Солль размышляет, бродя по улицам. Они ошибались – он бродил затем, чтобы ни о чем не думать.

Вот площадь. Здание Университета; у входа застыли вечные стражи – железная змея и деревянная обезьяна. Мудрость и стремление к познанию; всякий уважающий студент, проходя, потреплет обезьяну по деревянному заду.

В Университет Солль заходить не стал. То есть, конечно, его встретили бы и исполнили любую просьбу, но в каждом взгляде он видел бы сочувствие, и ни одна скотина не спросила бы его о здоровье жены – что вы, подобный вопрос бестактен, тс-с-с…

Ему тягостно входить в ее кабинет в ее отсутствие.

Достаточно того, что кабинет заперт и ключ храниться лично у него – даже новый господин ректор, к чести его, не стал возражать против такого странного порядка вещей…

Солль постоял перед славным зданием. Поглядел на небо, ответил на чье-то приветствие; двинулся в обход площади, и с каждым шагом ему все явственнее казалось, что ноги все глубже увязают в булыжнике мостовой.

Здание суда. В подвалах под этим зданием пытали двадцатилетнюю Торию.

Здесь стоял эшафот. Там устраивали свои подмостки комедианты, среди которых блистала тогда еще юная Танталь…

А эти живописные развалины – остатки высокого здания, которое разобрали по камушку. На остатках фундамента высится гранитная плита со здоровенными, как в букваре, литерами: «Башня Лаш срыта до основания, такова кара за многочисленные преступления, совершенные проклятым Орденом». Для большинства горожан, не видавших Мора, это всего лишь красивые бессмысленные слова…

Полковник Солль остановился.

Ты проиграл, Фагирра. Жизнь продолжается.

* * *

Он еще более постарел. Постарел рывком, лет на десять; теперь, при свете дня, он годился мне в отцы. Кожа на лице собралась складками и приобрела желтоватый оттенок, и только голый череп блестел по-прежнему уверено, даже вызывающе.

– Почему мы должны тебе верить? – спросил я. Мы стояли на заднем дворе захудалой корчмы. Лужи, навоз, разоренная поленница, одинокая курица, выпущенная попастись на первую травку. Мы стояли; Черно Да Скоро сидел на колоде, полы лохматой шубы лежали в грязи.

– А вы и не должны мне верить, – Чонотакс пожал плечами, и жест вышел странным из-за связанных за спиной рук.

– Никто не подпустит тебя к госпоже Тории, – сказала Танталь сквозь зубы. – На пушечный выстрел. Забудь.

– Забудь, – Чонотакс прикрыл глаза. – «Он бросит тебя и забудет. Ты наймешься служанкой в какую-нибудь лавку, всю жизнь будешь мыть заплеванный пол и выслушивать брань. А когда жирный хозяин станет тискать тебя где-нибудь в кладовке, ты будешь вспоминать своего благородного рыцаря и глотать слезы…»

Он явно цитировал кого-то, повторял чьи-то слова, подражая

и голосу тоже; голос не был мне знаком, но Танталь мгновенно побледнела, да так, что я испугался.

– «Я ничего не скажу тебе, – проговорил Чонотакс уже другим голосом, глухим, срывающимся. – Ты знаешь сама».

– Замолчи, – попросила Танталь.

Черно Да Скоро поднял веки. Непонятно, что выражал этот взгляд. Черно, может быть, и менялся со временем – но взгляд оставался все тем же – малость сумасшедшим. Самую малость.

– Я добуду свою вещь, – сказал он мягко, – Она мне нужна. Будет неплохо, если вы мне поможете… для вас неплохо. Потому как, – он вдруг развязно подмигнул мне, – все меняется, теперь я нужен вам куда больше, чем вы мне… Да, Ретано?

Я чувствовал, как тяжело дышит Алана. Не глядя, положил руку ей на плечо. Притянул к себе. Ничего, Черно, говори, говори…

– Мир меняется, – Черно зажмурился, будто эта мысль доставила ему несказанное удовольствие. – Когда я заглядываю в этот колодец… мне хочется, чтобы кто-то еще разделил мой восторг. Мой сладостный трепет… когда я глядел на изнанку мира. Это… как страстные объятия, Алана, ты ведь знаешь теперь, что такое страсть?!

Алана вздрогнула. Я крепче сжал руку на ее плече.

Чонотакс повозился – ему неудобно было сидеть. Он предпочел бы упереться локтями в колени и опустить подбородок на сплетенные пальцы.

– Да… Мы живем на тарелочке, обведенной нашим круглым горизонтом, и мы никогда не заглядывали за край. Придет хозяин, выгребет ложкой простывшую кашу… наполнит нашу тарелку горячим супом. Или мясной подливой; у хозяина на шее будет болтаться странное украшеньице, чистого золота предмет…

– Маму пытали за него, – неожиданно сказала Алана. – Она уже вынесла все, что можно вынести… неужели ты думаешь, что она тебе его отдаст?

Черно улыбнулся. Мягко, по-отечески:

– Он уже не принадлежит твоей маме… А твой брат устал. Неужели ты думаешь, что как страж я в чем-то уступаю твоему брату?!

– Какой-такой «хозяин»? – переспросил я с опозданием, – Какой-такой «суп»?

– Черно, ты его не получишь, – устало бросила Танталь. И посмотрела на меня; странный это был взгляд. Как будто у Танталь нестерпимо болел зуб, а она тем временем сохраняла бесстрастную мину.

– С незапамятных времен, – со вздохом сообщил Чонотакс, –

Амулет Прорицателя доставался единственно тому, кто мог им обладать. Все попытки недостойных использовать его оканчивались жестоким провалом; я могу носить Амулет, Танталь. Золотая штучка совершенно бесстрастна: она сама решит, кого предпочесть. Но у меня есть основания верить, что она выберет меня.

– Ты уже дважды пробовал, – медленно сказала Танталь. Глаза ее не отрывались от глаз господина мага – но у меня было чувство, что она вот-вот взглянет на меня. Хочет взглянуть. Хочет сообщить важное, надеется, что я пойму…

Черно прищурился:

– «Только дважды. Третья попытка – волшебная». Он опять говорил чужим голосом. Я не трус, но у меня по спине забегали мурашки.

– Ты кто такой? – спросила Танталь после паузы. – Откуда ты взялся? Кто за тобой стоит?

Черно открыл было рот, но Алана, шагнув вперед, не дала ему сказать ни слова:

– Третьей попытки не будет. Тебе не добраться до моей мамы. Я не позволю, чтобы ты ее мучил. Ты плохо кончишь, Чонотакс, плохо, как Фагирра!

Имя было знакомо всем, кроме меня. Танталь вздрогнула и закусила губу. Чонотакс с сомнением покачал головой; я поразился, до чего Алана похожа на Эгерта Солля. Особенно в эту минуту. Особенно сейчас, когда она верит, что способна защитить свою маму, что ее предсказания хоть что-нибудь да значат…

В этот самый момент Танталь кинула на меня новый напряженный взгляд. И я внезапно понял, чего она хочет. А поняв, похолодел.

– Разве госпожа Тория Солль не тосковала о сыне десять лет подряд? – удивленно спросил Чонотакс. – Разве она не мучилась чувством вины, вспоминая, как отреклась от него? Разве она не пребывает вот уже три года в мире собственных иллюзий, полностью закрытом мире, разве не от себя она спряталась, зашилась в кору безумия?

– Мама не безумна! – выкрикнула Алана. А я шагнул в сторону, маленький шажок – и вот я уже за плечом господина мага, еще шажок – и вот я за спиной, Алана о чем-то горячо говорит, я вижу, как смотрит с ее лица молодой Эгерт Солль… И Танталь говорит тоже. Сквозь зубы, веско, неторопливо. Танталь видит меня. Танталь тянет время.

Дураки мы. Наивные дураки; может быть, еще есть время исправить ошибку?

Теперь говорил Чонотакс. Я не видел его лица, но знал, что

он усмехается.

Он говорил о страхе перед неизвестным. О вечно меняющемся мире, о пересыпающихся песчинках, о золотом Амулете, о Другом, стоящем над краем нашей привычной земной тарелки. О том, как похожи слова «другой» и «друг», о том, что с ножом не обязательно приходит убийца – лекарь тоже бывает вооружен ланцетом, и эта кровь – на благо…

Я перестал его слушать. Я взглядом измерял расстояние до поленницы; хозяин корчмы был неряхой и лентяем, горы мусора свидетельствовали о его бездарности. Рядом с беспорядочной грудой поленьев лежал сейчас забытый топор.

Рекотарсы не нападают со спины.

– А если я попрошу тебя. Черно? – мягко сказала Танталь. – Во имя… некоторых вещей, ты ведь понимаешь лучше, чем кто угодно… Ты ведь понимаешь. Черно. И все равно делаешь… решаешься… А если я попрошу тебя, униженно, на колени стану? Нет?

Она откровенно молола чепуху. Так, во всяком случае, мне в тот момент показалось.

– Мне холодно, Танталь, – сказал Чонотакс, и в голосе его не было привычной насмешки. – Позволь мне согреться.

Топор лег ко мне в руку – удобно, будто я всю жизнь тем только и занимался, что лупил людей по головам.

– И ведь такие, как ты, не становятся на колени… – Черно хотел еще что-то сказать, но в этот самый момент я ударил его обухом по макушке.

Без размаха, коротко и свирепо, почти профессионально. Подлый удар, наносимый сзади, удар, способный свалить быка; смертельный удар. Я не имел права промахнуться.

Но я промазал.

Мое орудие рассекло воздух, где мгновение назад – только что! – была блестящая голова господина мага. Топор еще падал; Черно сбросил лохматую шубу, как ящерица сбрасывает хвост. Соскользнул с колоды, перекатился через плечо, вскочил на ноги – топор еще падал. Миг – и обух грянулся о пустую колоду, пригвоздив к дереву окончательно испорченную шубу.

Алана и Танталь шарахнулись в разные стороны. Краем глаза я видел, как Танталь выхватывает из рукава нож, как Алана поднимает с земли полено; Черно повел плечами. Руки его оставались связанными за спиной, он походил на гологоловую птицу, экзотическую, но очень грязную.

Я перемахнул через колоду. Отбросил топор; вытащил из-за пояса кинжал.

– И то дело, – кивнул Черно Да Скоро, вытирая грязный

подбородок о еще более грязное плечо. – Секира есть низменное оружие, презренней ее только лопата… Кстати, Ретано, там у входа стоят еще вилы. Ты видел?

Он весело подмигнул. Передернул плечами; разомкнул связанные за спиной руки, вытянул их вперед. На запястьях темнели старые следы от слишком тугого ремня, а на правой руке красиво извивалась узкая желтая змейка.

– А… – сдавленно вскрикнула Алана.

Жестом ярмарочного фокусника Чонотакс провел ладонью по змейкиному телу; рептилия поиграла язычком, коротко прошипела и превратилась в браслет. Золотая змея с изумрудными глазками.

– Кому? – Черно протянул украшение сперва Алане, потом Танталь. Обе отшатнулись.

– Жаль, – Черно уронил золотую игрушку в грязь. – Я не ждал, Танталь, что ты меня так… подставишь. Под топор. Честно, не ждал…

Мне сделалось ее жалко. Лицо ее напряглось, на глазах выступили слезы, видно было, как она пытается взять себя в руки – и не может.

– Не ждал, – повторил Чонотакс с неожиданной мягкостью. – То есть я понимаю твои мотивы, то-се… Ретано, – раздраженный взгляд в мою сторону, – ты ведь не обнажаешь оружие, чтобы хвалиться или пугать. Ну так спрячь кинжал или поковыряй в зубах хотя бы, коли вытащил… Танталь, а если бы я был смазливым и кудрявым, ты призвала бы топор на мою голову?

Что между ними, пес раздери, происходит?!

Танталь открыла рот. Закрыла снова, не найдя, по-видимому, достойных слов. Отвернулась.

Черно Да Скоро хмыкнул. Почесал лысую бровь:

– УМНЫЙ не борется с ветром, умный поднимает парус… Хотите меня остановить? Попытайтесь.

В свое время я много сил отдал для того, чтобы стать хорошим бойцом. Очень много сил и много времени. И лучшие учителя были мной довольны.

Чонотакс шагнул на меня. Минуты две мы кружили, на лице моего врага, обычно бесстрастном, был написан теперь мальчишеский азарт, а своего лица я не видел; Танталь и Алана стояли, прижавшись спинами к ветхому забору, и краем глаза я заметил, как Танталь прилаживается метнуть нож…

Тогда я разозлился и швырнул свой кинжал Чонотаксу под ноги. Я плевал на магов и магию, в рукопашной схватке мне не нужны преимущества, я сам себе – преимущество…

У меня незаурядная реакция – но я слишком поздно заметил

его летящую руку.

Не всякому поединку дано быть красивым. Красоты в нашей схватке не было ни на грош – грязь, кровь, утробное уханье. Несколько ударов я поймал, несколько пропустил, раз пять промазал и дважды попал в цель, разбив Чонотаксу нос и бровь. Потом ему удалось нанизать мой подбородок на свою высоко взлетевшую пятку, и на несколько мгновений я выбыл из поединка, а когда пришел в себя, то оказалось, что я лежу головой на колоде, а Черно Да Скоро потирает бедро, морщится и бормочет, обращаясь к кому-то вне поля моего зрения:

– Штаны треснули, з-зараза, по шву… Где тут баба-рукодельница сыщется, я, хоть и оборванец, но штаны-то должны быть целы, какой же я, к псам, маг, в дырявых штанах… Ретано, как? Встанешь сам – или помочь?

Я чувствовал себя куклой, у которой внутри солома. И по которой проехались взад-вперед колеса груженой телеги…

Спустя полчаса господин маг верхом выехал за ворота; ни Танталь, ни Алана не смогли его удержать. Может быть, не решились. Может быть, отчаялись.

Мы проиграли партию – и, возможно, всю игру проиграли тоже.

Глава четырнадцатая

Первоцветы! – доносилось с улицы. – Первоцветики! Стебель мягок, лепесток пригож! Эй, людоньки, берите цветочки, для милой возлюбленной, для хозяйской дочки!

Селение было, собственно, маленьким городом – замок местного владыки помещался в центре, гостиница, в которой мы остановились, выходила окнами на широкую людную площадь, а вдоль реки тянулся ремесленный квартал – шумный, дымный, источающий едкие запахи и, по-видимому, процветающий.

– Прикрой ставни, – сухо попросила Танталь. Алана, не оглядываясь, мотнула головой; я подошел, перегнулся через ее плечо, кинул торговке серебряную монету:

– Беру корзинку. Всю.

Маленькое Аланино ухо, располагавшееся у меня перед глазами, радостно вспыхнуло. Торговка рассыпалась в благодарностях; в темной комнате запахло лесом, причем лесом весенним, причем запах этот, как мне показалось, не касался моих ноздрей давным-давно, лет двадцать…

– Спасибо, Ретано! Вот здорово! – Алана взвесила в руке корзинку, прошлась по комнате, в точности копируя торговкину походку:

– Цветы-ы! Первоцветики!

– А ведь у тебя тоже талант, – сказал я удивленно. Танталь усмехнулась. Я не мог не отметить, что, несмотря на тяготы и неприятности последних дней, последствия похода в Преддверье больше на ней не сказываются. Ни истерик, ни апатии – теперь это была во многом прежняя, уверенная в себе Танталь… Любопытно.

– Так что же Привратник? – я поморщился, трогая затянувшуюся рану за ухом. – Ты хотела…

– Да, я хотела… – Танталь вздохнула. – Ретано, между первым и вторым приходом Чужака было много сотен лет. Между вторым и третьим – всего-то… около семи десятков. Когда Чужак позвал к себе Луара, второй Привратник был еще жив.

– Долго живут Привратники, – пробормотал я, глядя, как бредет по подоконнику одуревший от тепла молодой жук.

– Все звали его Скитальцем, – неожиданно тихо сказала Алана. – Он бродил… нигде не находил места. Говорили, что он уже, в общем-то, не человек… Что он не маг, но имеет власть, и вроде бы это Третья сила его пометила…

– Кто?

– Ну, так раньше звали Чужака… Третья сила… Не знаю,

почему.

– Десять лет назад Скиталец был еще жив? – спросил я осторожно.

Танталь и Алана переглянулись.

– В общем-то, – Алана уселась, поставив корзинку на колени, – мертвым его никто не видел…

– И никто не приносил весть о его смерти, – глухо добавила Танталь.

– Ну и что? – у меня вдруг зачесались ладони. И спина, и кончик носа; вся шкура зудела, давая мне знать, что вот оно, главное, ради чего затевался разговор. Нечто важное – как для человечества, так, в особенности, и для меня…

– Он не вполне человек, – все так же глухо сказала Танталь. – Может быть, он может прожить хоть тысячу лет. И… даже если он умер – для таких, как он, это не преграда.

– Любопытно, – выдавил я затем только, чтобы разбавить напряженную паузу.

– Единственный, кто… – Танталь запнулась.

– Если захочет, – тихонько добавила Алана. – Он ведь, знаешь… Ему, вообще-то, на всех и на все наплевать.

– Не скажи, – возразила Танталь неуверенно. Алана хмыкнула.

– Почему ты не говорила… раньше? – спросил я вкрадчиво. – Об этом Скитальце, который, оказывается, может нам помочь?

– Не обнадеживайся, – Танталь пожала плечами. – Просто… Другого ничего не приходит в голову… Нам нужна услуга. Услуга мага. Такого мага, который сильнее Чонотакса Оро.

– Это невозможно, – сказал я тихо.

– Нет ничего невозможного! – Танталь поднялась. – Сейчас… Чонотакс пережил потрясение, которое ослабило его и выбило из колеи. Все мы видели… да, во многом он притворялся, но сразу после… похода… он был действительно полумертвый. Мы, дураки, – она желчно усмехнулась, – или мы, умники… ну да ладно. Мы повели себя как благородные господа – вместо того чтобы перерезать врагу горло, попросту связали его и опоили сонником…

– «Семь травок на пару», – не удержался я.

Танталь кивнула:

– Да… Он пришел в себя и опять стал сильнее нас – но ненамного. И это… представление… драка – это не демонстрация силы. Это признак его слабости, Ретано.

Я поморщился.

Всю жизнь я считал себя неплохим бойцом. Я и есть весьма неплохой боец…

Отметины, оставшиеся от «поединка», не зажили до сих пор. А тогда Чонотакс осведомился, сам я встану или помочь, честно поделил наш золотой запас пополам и отбыл…

– В той драке не было никакой магии, – сказал я неохотно.

– Да, – Танталь кивнула. – Вот я и говорю… Он бережет себя. Избегает малейшего усилия. Ведь будь он в обычной своей форме… понимаешь?

Я вспомнил трагическую гибель фамильной шпаги. Падающие на пол тяжелые капли и жалобный огрызок у себя в руках.

– Похоже, ты изучила его лучше, чем мы, – сказал я, в моем голосе яснее, чем следовало, прозвучал сарказм.

– Возможно, – Танталь подняла подбородок, – У нас мало времени, но у нас есть время… Черно не пойдет к Тории сейчас. Ему нужно… – она неуверенно запнулась. – Месяца полтора…

– Ты уверена?

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

– Нет, – сказала Танталь честно. – Я предполагаю.

– А если ты неправильно предполагаешь? – это вмешалась Алана.

Танталь сжала губы.

– Мы должны поторопиться, – сказал я вкрадчиво. – Как можно скорее… кстати, Танталь, ты забыла сказать – что мы должны делать?

– К Эгерту, – она отвернулась. – Эгерт найдет… способ вызвать Скитальца. Ну, хотя бы связаться с ним…

– Здорово, – сказал я после паузы, и сарказм в моем голосе наливался соком, как ягода волчьего лыка.

Как случилось, что о человеке, который может… мог бы… страшно помыслить, но мог бы избавить меня от Приговора… я узнаю последним?!

Желчная улыбочка сама собой выползла мяе на губы.

Я не мальчик. Я давно уже не верю в падающих с неба спасительных Скитальцев…

– Пойдем обедать, – сказал я бодро.

Алана проскользнула на лестницу первая. Ступеньки стонали и визжали, звук перекатывался коридорами, все здание имитировало некий невозможный музыкальный инструмент, я поймал Танталь за рукав как раз в тот момент, когда моя жена, увлеченная музицированием, уже распугивала жильцов где-то на первом этаже.

– Один вопрос…

Ее глаза разом остыли. Именно так она смотрела давным-давно, в замке, когда сообщил ей, что некий злобный маг…

– Нет, – сказал я поспешно. – Я не о том… Ты уверена, что Черно несет миру погибель, а не, к примеру, процветание?

– Именно так спрашивали друг у друга те, кто не в силах был остановить ломящегося в Дверь Чужака… Именно этой надеждой тешились.

– А причем тут Чонотакс? Он ведь не Чужак?

– Это второй вопрос, – Танталь осторожно высвободила свой рукав. – Но если ты предлагаешь оставить все как есть…

– Нет, – сказал я поспешно, – Танталь… А когда, в какой момент ты поняла… ну, впервые предположила, кто такой Чонотакс и зачем ему Амулет?

Она нервно облизнула губы.

– Когда ходила с ним к Преддверью? Да?

Я говорил так тихо, что сам не слышал собственных слов.

– Танталь, ты действительно веришь во все это? В погибель мира?

– Тория, – Танталь невольно взглянула вниз, туда, где уже стихло завывание ступенек. – Тория не переживет похода туда. Ее сознание, поврежденное… раненное… Я не хочу, чтобы Тория умирала так.

Тоже верно…

– Но ведь Алана пережила, – сказал я тихо. Ступеньки визжали теперь в обратном направлении. Алана шла проверить, не секретничаем ли мы в ее отсутствие.

Танталь вдруг сама взяла меня за руку. Непривычно взяла – очень крепко. Очень тепло.

– Я хотела сказать тебе, Ретано… Спасибо. Я давно хотела это сказать. Ты…

– А ты? – быстро спросил я, пытаясь сдержать волну самодовольства, захлестнувшую меня от этих се слов. Волна была упоительная, горячая, кажется, еще чуть-чуть, и я покраснею…

Не время краснеть. Не время для сладкой истомы. Не тот момент.

Танталь выпустила мою руку. Нервно потерла ладони.

– А что я? Легко пережила… процедуру? Да? Ты об этом?

Ступеньки визжали уже совсем близко.

– Он меня прикрыл, – сказала Танталь, и я еле расслышал. – Я не хотела… Потому он настомко обессилел. Потому что тратился еще и на меня…

Над крутым веером ступенек показалась голова Аланы. Моя жена ничего не сказала. Только прищурилась – и взгляд был красноречивей слов.

– Мы идем, – сказал я бодро. Танталь молчала. Как она тогда говорила ему? «А если я попрошу тебя, Черно?» А он вполне

внятно ответил в том смысле, что проси-не проси…

Странные люди эти господа маги. Впрочем, странности в них не больше, чем в любой наугад взятой женщине.

* * *

Мы собирались выехать сразу после полудня – но наши планы оказались неожиданным образом расстроены. Стоило нам усесться за обед, как в гостиницу прибыл расфуфыренный, в шелках и перьях гонец, и послание, которое он принес, предназначалось «двум благородным незнакомкам, впервые посетившим благословенный город Доц, прекрасным дамам Алане и Танталь».

– Ну ничего себе шпионская сеть, – сказала Танталь с отвращением.

Надо сказать, что в книгу постояльцев мы записались под своими именами, поскольку скрываться нам было уже не от кого.

Отправителями письма значились скромные «Л. и К.» Зато на печати оттиснута была герцогская корона; я поднял на гонца вопросительный взгляд. Тот поклонился.

– Властители Лларис и Колвин, милостью Неба владыки Лоца…

– Владыки? – переспросила Танталь. – Двое? Гонец сделал вид, что не заметил удивления и не расслышал вопроса. Поклонился снова:

– …прислали сие послание и велели передать ответ на словах…

Я отдал письмо Танталь – как-никак оно предназначалось не мне. Танталь помедлила – и вернула конверт обратно.

Я сломал печать. Письмо было написано каллиграфическим почерком, великолепной тушью и без грамматических ошибок:

«Благородные дамы, властители Доца будут счастливы видеть вас в своем замке – сегодня, за три часа до Полуночи. Разумеется, господина Ретанаара Рекотарса будем рады видеть тоже. Заранее благодарны, Л. и К.»

Я прочитал письмо и отдал его Алане. Та подняла брови и передала послание Танталь; бывшая актриса придала своему лицу приторное выражение светской любезности:

– Передайте на словах господам герцогам… герцогь-ям… властителям, что, к величайшему сожалению, неотложные дела зовут нас в дорогу. Наша карета готова – через час мы выезжаем… Наши извинения господам властителям.

– Ясно? – спросил я сухо. Гонец поклонился в третий раз:

– Господа… Но в Доце так не принято. Приглашение от господ властителей есть величайшая честь, и со дня основания города еще никто не отказывался… Тем более что ранний отъезд – недостаточно веская причина. Вы можете выехать завтра на рассвете, унося с собой прекрасные воспоминания о нашем городе… Господа властители редко покидают замок и потому особенно любят слушать рассказы путешественников обо всем, что происходит в мире…

– Путешественниц, – сказал я сквозь зубы.

– Но ведь наш город не так часто посещают столь блестящие женщины, – галантно усмехнулся гонец. – Разумеется, редко кто из дам путешествует без свиты – мужа или слуг…

Хорошие же нравы в большом селении, именующем себя «благословенным городом Доцем»… Адресуют письма женам, а муж, оказывается, это всего лишь «свита»…

– Сегодняшний визит совершенно невозможен, – сказал я ледяным тоном. – Надеюсь, право выбора остается все же за приглашенными… или нет?

В последний вопрос я вложил как можно больше сарказма. Гонец виновато улыбнулся:

– А разве… здесь есть из чего выбирать?..

Карета не была готова к отбытию. Кучер раздумал наниматься, а хозяин гостиницы сообщил, что предсказатель погоды, живущий по соседству, прислал мальчика с предупреждением о надвигающейся непогоде.

– Он всегда так делает, – объяснил хозяин, самодовольно почесывая под мышкой. – Я ему приплачиваю, надо сказать, за предсказание погоды, зато постояльцы довольны, кто ж поперек бури в дорогу сунется?

Мы вернулись в наш с Аланой номер, расселись вокруг стола и угрюмо уставились в разные стороны. Танталь морщилась, будто прислушиваясь к скверному вкусу во рту, Алана вертела в пальцах фитилек прогоревшей свечки, а я в сотый раз перечитывал письмо. «Благородные дамы, властители Доца будут рады видеть вас…»

– А что это вы надулись, как индюки? – безмятежно поинтересовалась Алана. – Не ехать же, в самом деле, «поперек бури»…

– Вдоль бури, – сказал я желчно.

– Что? – Алана удивленно обернулась.

– Видывали мы эти бури, – я тоже поморщился, совсем как Танталь. – Видывали. И бури, и заносы, и распутицу…

– У него не так много сил, – негромко напомнила Танталь. – Устраивать стихийное бедствие каждый день, это, знаете…

– До города еще тянуться и тянуться, – сказал я горько. – Сколько сил ему понадобиться, чтобы нас задержать? Чтобы кто-нибудь из нас сломал ногу? Отравился грибами? Попал в гости к разбойникам?

– Я все понимаю, но ты бы придержал язык, – сухо попросила Танталь. И была права – несчастье, если его помянешь вслух, становится ближе и вероятнее.

– Мы будем осторожны,-объявила Алана. – Только и всего.

– И для начала не пойдем к господам властителям, – я сложил письмо пополам. – Тем более, что гонец уже передал им наш официальный отказ.

– И для начала просидим весь вечер в гостинице? – тихо спросила Алана.

Я обернулся к ней.

Привольно облокотившись о край стола, передо мной сидела молодая женщина, носительница совершенно оригинальной красоты, светловолосая и насмешливая. И где, спрашивается, все это пряталось? Под личиной хмурого взбалмошенного подростка?

– Алана, я не вполне тебя понял, ты хочеш пойти?

Жена усмехнулась – глаза ее из серых сделались ясно-синими:

– Они сидят в своем благословенном Доце, им скучно… Только и всего. Чем это может нам угрожать?

– Естественнее было бы прислать приглашение на имя Ретано, – небрежно заметила Танталь. – И пригласить нас вместе с ним, а не наоборот…

– Предрассудки, – Алана пожала плечом. – С каких это пор обыкновенная галантность перестала быть естественной? Чужой город, другие обычаи… И ведь Ретано все равно будет с нами. Кто вздумает нас обидеть в присутствии моего мужа?

Молчи, сказал я собственной спеси. Для того и говорится, чтобы ты распустил перья. Чтобы ты воспарил на крылышках гордыни, чтобы поступил так, как поступать не собирался…

– Что это ты такой красный? – удивилась Алана.

– Покажи-ка письмо, – Танталь перегнулась через стол, развернула бумагу, с который раз просмотрела, хмыкнула. Покосилась на меня.

– Неужели вам интересно общество каких-то там герцогьев? – удивился я. – Неужели… действительно охота?

– Видишь ли, – Алана вздохнула. – Честно говоря… я этих приемов… всегда терпеть не могла. Еще там, в городе…

– Светская жизнь, – пробормотала Танталь сквозь зубы.

– Но теперь, – Алана виновато улыбнулась. – Мы так долго… таскались… по дорогам, в грязи, в этих гостиницах…

Она вздохнула. Я смотрел на нее так, будто видел впервые в жизни. Да, ведь не так давно они с Танталь разжились выходными платьями – на денежки, добытые в норе Чонотакса Оро…

Я тряхнул головой. Чонотакс был ни при чем, но перед глазами у меня встала незатейливая картинка: портной снимает мерки, Танталь выбирает ткань, а Черно Да Скоро стоит в сторонке, заказчик, даритель…

– Если ты против, – услышал я негромкий голос Танталь, – то и не пойдем никуда… Как скажешь…

Я посмотрел на Алану.

Моя жена глядела в сторону. С показным, преувеличенным равнодушием.

Властители Доца были столь любезны, что прислали за нами карету. Это было тем более кстати, что обещанная непогода не заставила себя долго ждать; мы правильно поступили, задержавшись в гостинице. Вряд ли в этой кромешной тьме, в мешанине ветра и дождя, мы добрались бы до следующего селения. Мы и до замка не добрались бы, если бы не любезность властителей.

К моей неожиданной радости, ни Алана, ни Танталь не надели нового платья – обновки оказались безнадежно провинциальными, и та, и другая удивились, как не заметили этого раньше. В дорожных туалетах, со скромным достоинством высокородных путешественников мы погрузились в карету с гербами; я был при шпаге,да и кинжал, спрятанный под одеждой, приятно холодил бок. Свой нож Танталь оставила в гостинице – с ножом в рукаве, объяснила она со вздохом, любая женщина чувствует себя синим чулком.

Уже в карете – а колеса горделиво грохотали по мокрой мостовой, заглушая вой ветра – Алана спросила, склонившись к самому моему уху:

– Будешь рассказывать о Маге из Магов?

Я покачал головой, и в карете не произнесено было больше ни слова.

Экипаж прогрохотал по подъемному мосту – исправному, а не то что у меня! Миновал стражу – вооруженную, в красных мундирах! – и подкатил к парадному входу. Навстречу выскочили два лакея – ого, куда там моему бедняге Итеру! – и офицер, весь обвешанный звенящими цацками. Лакеи опустили подножку, вычистили ее до блеска, распахнули дверцу и натянули полотнище тента – все это в мгновение ока. Офицер помог дамам спуститься – внутренний двор замка оказался мощеным, да получше, чем городская площадь. Камни поблескивали чистыми спинками, вода бессильно скатывалась с них, желая, но не умея

разлиться здесь лужей; я вспомнил, во что превращается во время дождя внутренний двор моего собственного замка. И скрипнул зубами.

Офицер, галантный до тошноты, уже вел нас бесконечными лестницами и коридорами; нет, в этом великолепии никогда не заведется призрак. Здесь не было ни единого темного уголка – все было залито светом бесчисленных свечей, и к каждому канделябру прилагалась круглая розовая физиономия под белыми буклями парика. У меня возникла дикая мысль, что лакеи за нашей спиной срываются с мест, стремглав бегут потайными ходами и снова встречают нас за поворотом – слишком одинаковыми были рожи, да и как прокормить такую прорву слуг?!

На стенах сверкали рамы, в рамах сверкали чьи-то предки, глаза у предков сверкали шаблонной мудростью и традиционной отвагой. Сверкали пуговицы, галуны, сверкали белым голым телом мраморные статуи в нишах, мне становилось все грустнее и грустнее. Какого пса мы влезли в эту шкатулку с драгоценностями, что нас ждет здесь, кроме головной боли и приторных сверкающих улыбок, а ведь завтра на рассвете выезжать…

За витражными стеклами бушевала непогода. Поедем, если дождь прекратится, подумал я зло. Самое обидное, если не Черно наслал этот дождь. Если это сам по себе дождь, обычная весенняя буря…

– Владыки Доца рады видеть вас, господа! Просим, входите, мы будем счастливы порадовать и вас тоже!

Зал был сравнительно невелик – по дороге сюда нам случалось пересекать куда более величественные помещения. Зал оборудован был со сравнительным вкусом – блеска, во всяком случае, было не так много; стол едва не приседал под грузом снеди – даже мускулистые ножки его, исполненные из красного дерева в виде гри-фоньих лап, с трудом могли все это выдержать. По залу растекались запахи, от которых даже у меня дрогнули ноздри. Вероятно, искусных поваров в замке было не меньше, чем лакеев…

Я с трудом оторвал глаза от угощения.

Во главе стола сидел… сидели… я моргнул, прогоняя видение. Нет, их-таки было двое – зрение не изменяло мне.

– Ой, – удивленно сказала Алана. Моей жене по-прежнему не хватало воспитания и выдержки.

Двое во главе стола казались отражением друг друга. Абсолютным отражением; они были из тех близнецов, которые до самой старости одеваются совершенно одинаково. Для которых

нет большего удовольствия, чем разыграть нового знакомого; вот почему они так страдают без гостей, подумал я желчно. Вот почему они властительствуют на равных – будь иначе, второго претендента на трон пришлось бы утопить…

Близнецы сидели плечом к плечу – не будь они братьями, я решил бы, что передо мной любовники. Близнецы улыбались одинаковой улыбкой – вовсе не сверкающей, а вполне живой и обаятельной; даже я, сквозь пелену желчи, не мог этого не отметить.

Тем временем Алана и Танталь уже поприветствовали властителей; их дорожные платья выглядели вызовом окружающей роскоши, их непохожие лица были вызовом единообразию фамильных портретов. Я поклонился тоже – в меру почтительно, в меру горделиво; под задом у меня оказалось мягкое кресло, а перед носом – блестящий прибор. Властители говорили по очереди, казалось, что беседует сам с собой один человек – а ловкие руки слуги тем временем наполнили мою тарелку, и я вдруг почувствовал себя счастливым.

Совершенно. Свободным от забот, свободным от ответственности; у меня впереди свободный, спокойный вечер. Я ничего не могу сделать, пока за окном ревет дождь и хлещет ветер, я и не стану ничего делать. Я буду греться у огня, лакомиться и беседовать ни о чем – братья-властители завели именно такую беседу, неторопливую, удобную челюстям, необременительную для мысли.

Пелена желчи, сгустившаяся у меня перед глазами, упала.Я смотрел, как Алана и Танталь, настороженные и чопорные поначалу, понемногу втягиваются в беседу,кажется, речь шла о породах садовых деревьев, о землях, лежащих к югу от Доца, о морских путешествиях и о свойствах камней. Не припомню, чтобы кто-то из моих спутниц раньше интересовался камнями или садовыми деревьями – но беседа тем не менее лилась, не обременительная ни для кого, и неожиданно для себя я рассказал, как мальчишкой нашел в горах настоящий самоцвет и как ювелир вправил его колечко для моей матери.

Потом Алана не утерпелатаки – спросила, а часто ли господам властителям приходилось использовать свое необыкновенное сходство. Братья одинаково рассмеялись – и, перебивая друг друга, поведали о череде обычных детских проказ; потом тот, что сидел слева, кажется, Колвин, спросил, кем приходятся друг другу Алана и Танталь. Вопрос был, в общем-то, довольно бестактный – но в непринужденной обстановке никому не пришло в голову обижаться, и Алана сообщила, что они с Танталь – названные сестры. Близнецы закивали головами: в

столь непохожих друг на друга женщинах явно чувствуется общность, возможная только между сестрами, госпожа Танталь напоминает рдяную розу, в то время как госпожа Алана – роза белая; братья завидуют господину Рекотарсу, который путешествует в обществе двух столь прекрасных цветов.

Щеки моих спутниц разгорались – не то от комплиментов, не то от вина. Мне то и дело хотелось протереть глаза – почему я, путешествующий в компании парочки роз, только сейчас заметил, что Танталь не похожа ни на одну из женщин мира? Что она смеется и хмурит брови всякий раз по-разному, ее лицо – как небо, по которому странствуют облака? Что ее профиль – как очертания далеких гор?

Нет, были мгновения… Тогда, в замке, у камина, когда половина ее лица была медной маской, а другую щеку гладила темнота… И еще – тогда, когда она выскочила на сцену в плаще с пришитыми седыми космами, и потом, когда устало ответила Бариану – «Кураж, на одном кураже…»

Танталь была объята куражом. Но и Алана, моя жена, тоже.

Эту и я помню невыносимым подростком?! Это она проиграла нашу карету и все деньги хитрому шулеру? Это она сбегала из дому, чтобы странствовать по притонам?!

Ледяная королева. Сама неприступность, холодная красота невозможно синих глаз, в которых лишь время от времени – если повезет наблюдателю, если угодит собеседник – проглядывает горячий огонек. Он, укрывшийся под ледяной коркой, морочит и потешатся, будто играет в «ку-ку»; похоже, моя жена навсегда останется верна образу улитки. Странная двойственность, некто живой и теплый, укрывшийся за жесткими схлопнутыми створками…

Господа властители умели нравится. Странно, но это их умение ничуть меня не раздражало; даже их сходство, так поразившее меня поначалу, понемногу превратилось в правило забавной игры. Братья не поднимались из-за стола, один держал бокал в левой руке, другой – в правой, и это выглядело эффектно – близнецы походили на широкоплечего человека с двумя одинаковыми головами. Забавная игра продолжалась; я рассеянно отхлебывал вино, не пытаясь сдержать рассеянной благостной улыбки.

Тем временем в углу зала неведомо как оказалась стайка музыкантов с лютнями и скрипками – и дальше я сознавал себя урывками.

Было вино – тончайшее, порождающее сладкое головокружение. Было веселье, горящие глаза Аланы, прикосновения, от которых немедленно хотелось бросить все и

залезть на сеновал. И я еще успел подумать, что по возвращении в гостиницу – кстати, не пора ли домой? – я ме-едленно расшнурую женин корсет…

Наверное, я стойкий. Наверное, у меня недюжинная воля. Наверное…

Я очнулся в полумраке. Голова по-прежнему кружилась, более всего на свете хотелось сладко улыбнуться –и уснуть снова…

В последний момент внутренний сторож, порядком одурманенный, но все еще живой, успел прохрипеть свой сигнал тревоги. Я что есть силы укусил себя за палец; боль помогла справиться с наваждением. Я был в пиршественной зале, и я был один.

Ни Аланы, ни Танталь. Резное кресло на двоих – я только сейчас увидел, что близнецы вдвоем сидели на одном троне – пустовало тоже. Пол был залит воском, кое-где догорали, по очереди гасли свечи.

Шум в голове… Шум, звон, сладостное головокружение…

Пес! Пес!! Сто тысяч псов!!

Из зала вели четыре двери, все четыре оказались приоткрыты; почти на четвереньках я выбрался в коридор и только тогда заметил, что на поясе у меня болтаются пустые ножны. Кто-то заботливо освободил меня от тяжести оружия.

Осел! Козел! Тупое животное! Как я мог допустить…

С моей дороги метнулся… да,это был лакей. Я кинулся за ним по коридору, ватные ноги не желали слушаться, я зарычал, упуская добычу – мое рычание оказалось столь свирепым, что лакей запнулся о ковер и растянулся во весь рост. Я схватил его за пышный ворот ливреи, рванул, вытряхивая из парика; обнажилась маленькая, коротко остриженная голова, дико заблестели округлившиеся от ужаса глаза:

– Н-нет…

– Где?! – рявкнул я. Н-не знаю…

– Где твои господа? – я вытащил из-за пояса кинжал. Слуга затрясся:

– Н-наверху…

– Веди!

Опять-таки рывком я поставил его на ноги. Все мои чувства притупились от проклятого вина, а больше всего пострадала реакция – но в этот момент меня спас слуга. Я увидел, как он смотрит мне за спину, и успел уйти в сторону.

Когда не действуют добавленные в вино снадобья, гостей не грех успокоить и древком копья по голове; не знаю, откуда в покоях взялось копье. Вероятно, его позаимствовали у какой-

нибудь статуи в латах; нападающий промахнулся точно так же, как недавно промазал я, сражаясь с Черно Да Скоро.

На сантименты не было ни времени, ни сил. Нападавший – а это был уже не слуга, а молодой стражник – потерял равновесие, я окончательно выбил почву из-под его ног и приложил головой о стену. Слуга уже улепетывал по коридору, какое скверное приключение, подумал я, кусая губы.

А ведь тут их было полным-полно! Поймать бы хоть одного – любого, лишь бы толстощекого и в буклях… Где?!

Маг из Магов, привычно взмолился я, проталкивая свое непослушное тело сквозь сгустившийся воздух бесконечных переходов. И тут же вспомнил близорукий взгляд щуплого призрака, плюнул, заскрипел зубами:

– Дамир! Придумай что-нибудь!

Из-за поворота мне навстречу высыпала орава стражников. Вероятно, они точно знали, куда и зачем бегут – при виде меня на усатых мордах проступило оживление. Их было пятеро – но сосчитать я смог только тогда, когда нагая мраморная дева, вывернутая из ниши вместе с пьедесталом, вывела из строя двоих. В узком коридоре увернуться было некуда – боюсь, до конца жизни эти двое неудачников будут содрогаться при виде голых женщин. Прочие кинулись на меня, один меч едва не перерубил копье в моих руках – но нсдору-бил, увяз. Прикрывшись копьем, я успел увернуться от двух других мечей – но реакция по-прежнему была не та, чисто ускользнуть не удалось, клинок порвал куртку у меня на плече и скользнул по руке, хотя боли я, разъяренный, не почувствовал.

Будь мои противники настоящими бойцами – от меня, заторможенного, осталась бы кучка костей. Но в стражу братьев-герцогов отбирали, по-видимому, не за бойцовские качества, а исходя из внушительного внешнего вида; все трое были на полголовы выше меня, и вес трое по очереди выбыли из битвы – в этом мне помогли мраморный юноша в нише напротив, череп невиданного зверя с широченным размахом рогов и мягкий ковер поверх скользкого пола.

Я переступил через стонущие тела. Перепрыгнул через безголовый торс мраморного юноши, не глядя, поднял чей-то меч и вприпрыжку ринулся по коридору. Ламир, Дамир, такова твоя помощь?! Откуда-то сбоку потянуло сквозняком; гобелен на стене качнулся, я рванул его – безжалостно, как когда-то полог над повозкой комедиантов. Потайная лестница?! Дамир, неужели ты меня слышишь?..

Постоянно хотелось отплевываться. Чем это, хотелось знать, нас опоили…

Вряд ли темная, крутая, винтом завинченная лестница слышала когда-нибудь подобные проклятия. Рекотар-сы не бранятся при дамах – это вовсе не значит, что они не умеют ругаться. Э-э-э, и племенной жеребец покраснеет…

Я дернул носом. Мне показалось, что я слышу запах погасших свечей; сквознячок лизнул мою щеку, указывая направление. И я кинулся напролом, и занавеска, отделявшая потайной ход от прочего пространства, укрыла меня с головой. Вероятно, теперь я выглядел именно так, как молва изображает привидения.

– Кто здесь?!

Голос был знакомый, негромкий, но яростный. Я сдернул занавеску с головы; да, здесь недавно погасили целую прорву свечей. Здесь пахло благовониями, еще чем-то, отчего голова снова попыталась сладко закружиться; я зарычал сквозь зубы, и головокружение, испуганное, унялось.

Горели два ночных светильника. Справа и слева от кровати, потому что была еще и кровать, огромная, во всю комнату, чуть не на сто человек…

На четверых.

Подняв меч, я двинулся через всю комнату. Вскочил на кровать, прошелся дорожными сапогами по вороху подушек, соскочил с противоположной стороны.

Они пятились. Они держались за руки, отражались друг в друге, и у каждого оказалось по кинжалу – у одного в правой руке, у другого в левой.

Танталь – я видел краем глаза – лежала на полу у кровати, запрокинув голову, на открывая глаз. На лице ее застыла блаженная полуулыбка, стыдливая и жадная одновременно. Мне сделалось нехорошо; Алана стояла посреди комнаты, и пальцы ее медленно расшнуровывали корсет.

– Убью, – равнодушно сказал я близнецам. И примерился мечом – сперва правому голову снести, потом левому.

Тот, что был справа, метнул свой кинжал. Я уклонился; странно, что они оборонялись так нерешительно и неумело. И стояли, по-прежнему держась за руки, как дети на прогулочке…

Их жизни оставалось несколько мгновений, когда за моей спиной еле слышно закричала Танталь:

– Стой! Не уби… погоди!

Я медлил, не желая оборачиваться.

– Ретано… они…

– Молчать! – рявкнул я и занес меч над тем, что справа.

Тот, что бы слева – ну отражение, ни дать ни взять! – рванул брата в сторону. Повалил на пол, прикрыл собой; его кинжал грозно полыхнул с свете ночника. Грозно и трогательно. Как

глаза храброго кролщ перед лицом горного обвала.

– Колдовство… – прохрипела Танталь за моей спиной. – Они нам нуж-жны… Живыми… Колдовство.

Разве не млел я, слушая музыку и наслаждаясь бедой? Весь этот блеск… Мордатые лакеи… Горящие глаза счастливый, счастливый вечер,топот. Из потайного хода, бесстыдно открытого благодаря моим стараниям, горохом посыпались стражники. Пссс…

Я перехватил руку того, что был слева. Завернул ее за спину – это оказалось неожиданно легко. Приставил меч к горлу того, что был… не важно, одного из братьев. Оскалил зубы:

– Назад.

Над моей головой ударился о стену метательный нож.

– Горло же перережу! – завопил я уже с отчаянием.

Алана… Танталь… Позор.

– Назад, – шепотом сказал кто-то из лежащих на полу властителей. – Назад… В кордега-ардию…

Слово растеклось, как смола. Я подавил в себе острое желание подняться, бросить все и брести на поиски кордегардии; орава стражников понемногу втягивалась обратно в потайной ход. Как вода, перегоняемая насосом.

– Отпусти его, – шепотом сказали с пола. – Отпусти… Если ты убьешь нас, из замка тебе не уйти. И твоим женщинам тоже…

Об этом я знал и без напоминаний. Еще минуту назад я понимал это так же ясно, как и сейчас, но минуту назад – клянусь – я ударил бы, не задумываясь.

– А если я одного, для начала, прирежу? Оба дернулись почти одновременно:

– Н-нет…

– Тогда, – я быстро оглядел полутемную комнату, – один встает и идет со мной…

Я отступил, давая братьям возможность подняться. Они по-прежнему держались за руки, и это раздражало меня все больше и больше.

– Ты! – я ткнул пальцем в того, что был справа, – Ко мне!

Оба шагнули вперед.

– Не ты! – я раздраженно оттолкнул левого братца. – Ты – назад! А ты – ко мне!

– Это невозможно.

Они одновременно протянули ко мне руки – те самые, что были сцеплены между собой. И я наконец-то разглядел то, чего никак не желал видеть.

Их руки срослись, образуя одну ладонь на двоих. Одну ладонь – в мягкой кожаной перчатке; пальцев, правда, оказалось

больше, чем следует. Не то шесть, не то семь… Песья прорва пальцев.

– Это заклятие? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Это мы так родились, – с достоинством отозвался тот, что был слева. – Но если ты хочешь заклятие…

– Сними перчатку! – выкрикнула Танталь. Мозг мой к тому времени вполне прояснился – а потому я поднырнул под общую ладонь, поднимающуюся в величественном жесте, двумя руками схватил братьев за запястья и зубами впился в общую перчатку.

Сдавленный крик из двух глоток. Свободные руки братьев – правая и левая – схватили меня за горло. Братья действовали слаженно, как один человек, я конвульсивно рванулся – но тут в бой вступила Танталь, одна из душащих меня рук ослабела, и я вырвался – на четвереньках, сжимая в зубах перчатку.

На кого я был похож? На верного пса. «Тузик, принеси рукавицы…»

Братья отступали в стене. Тот, что был справа, держался за голову – это Танталь угостила его тяжелым подсвечником; я взял перчатку в руки. В первый момент показалось, что она хранит тепло человеческого тела – но нет. Она была куда теплее.

– А вот мы ее сожжем, – злорадно предложила Танталь. И протянула ко мне руку. – Дай сюда!

– Н-нет… – в один голос простонали братья.

– Ретано… – Алана приходила в себя. В ужасе оглядывала комнату, постель, собственную разоренную одежду, – Ретано, я…

– Зажги свечи, – холодно велела Танталь. – Все, какие найдешь.

Здесь будет светло.

– Р-рогатая судьба, – сказал я хрипло. – Ты можешь объяснить, что здесь было?

– Я могу объяснить, чего тут не было, – сообщила Танталь сухо. – Но что обязательно было бы, в то время как наш защитник дрых, как суслик!

– Я пришел, – сказал я зло. – Вместо упреков могла бы сказать «спасибо».

– Ай, спасибочки, Ретано! – Танталь присела в шутовском реверансе Алана – волосы разбросаны по плечам, лицо подсвечено снизу – яростно сдвинула брови:

– Чтобы… там… не смей его упрекать! Он… Я увидел, что губы ее дрожат, что она во-вот разревется. И что просто необходимо прижать ее к себе и провести ладонью по волосам. Необходимо, иначе где-то там, в глубокой старости, жизнь ее сократится на несколько солнечных дней… Танталь вертела в руках семипалую перчатку. Ибо пальцев было все-таки семь.

Их дед был бродячим магом, внуку его суждено было стать магом тоже; говорят, что мать во время беременности погладила жабу. Неизвестно, что за приступ нежности к рептилиям овладел вдруг молодой женщиной; может, и не было этого, сказки. Во время родов повитуха кричала, что выжить только одному, а другому надо резать ручку; случилось так, что в живых остались оба, но вместо четырех кулачков на двух младенцев пришлось только три.

Магические способности они унаследовали – но пополам, и если половинку яблока еще можно съесть, то половинка коровы годится только на жаркое. Полкурицы не несется, ползайца не бегает, их магические способности оказались ущербными. На склоне лет их дед заложил замок – а отец сделался первым герцогом Доцем, причем они с женой долго спорили, называться ему герцогом или князем. После смерти отца братья стали править вдвоем – и ни разу, Небо свидетель, не то что не поругались – не разошлись во мнениях. Они были одним человеком, разделенным надвое; повзрослев, они в удивлением обнаружили, что плотская любовь – нечто большее, нежели просто мальчишечьи забавы друг с другом.

И началось.

Им нужны были 2 женщины одновременно. Две родственные между собой женщины; одно время им возили близняшек изо всех окрестных деревень, благо их магического умения хватало как раз на то, чтобы задурить девицам головы и потом отшибить память. Но такая «любовь» не устраивала обоих – оба с детства читали романы и мечтали, стало быть, о сентиментальных и возвышенных чувствах. К тому же близняшки, внешне неотличимые, зачастую оказывались совершенно несхожими, стоило только одурманить их, возбудить и утащить в постель.

Год назад через благословенный Доц проезжал купец в сопровождении двух женщин. Женщины были сестрами, и купец жил с обеими разом. Братья сочли такое положение вещей несправедливым – купец с дамами получили приглашения, явились на ужин и подверглись слабым чарам, после чего купец всю ночь прохрапел в обнимку с фаршированным поросенком, и весь день, и следующую ночь тоже, а сестры, разгоряченные напитками и благовониями, оставили в памяти братьев неизгладимый след, смутную мечту о будущем счастье…

– Я сейчас разрыдаюсь, – сказала Танталь, поглаживая семипалую перчатку на своем колене. – Я чувствую, как слезы, кипя, подступают к моим глазам. Что за романы вы читали, мальчики? «Нравоучение юному насильнику»?

– Мы никого не насиловали, – негромко сказал Лларис, тот,

что был справа.

– Мы и вас не насиловали тоже, – с кривой усмешкой добавил Колвин.

– Если бы не… – он вовремя придержал язык, скользнул по мне невидящим взглядом.

Он меня боялся. Чудище, вломившееся в спальню с занавеской на башке и с обнаженным мечом в руках. Зверь, легко перерезающий горла, связавший братьям свободные руки – крепко, даже больно, чтобы не было места для похотливых мыслей…

– Сволочи, – Танталь подергала перчатку поочередно за все семь пальцев. – Властители… Герцогья… – ее передернуло, – Ретано, может быть, нам избавить мальчиков от плотских переживаний? Господа властители, вы не пытались обратиться к доктору? К хирургу, я имею в виду… К доктору-с-ножом?

Колвин побледнел – обычно такой бледности сопутствуют обморочные состояния. Лларис холодно прищурился:

– Чем трепать языком, о себе подумайте. Вы думаете, наполовину маг – не маг вовсе? Вы думаете, вам удастся без нашей помощи выйти из замка?

– Мой великий предок, – с неохотой начал я, и Алана, и Танталь резко обернулись в мою сторону, – мой великий предок Дамир, служивший лакеем Ларту Легиару…

Я замолчал, потому что у них вытянулись лица. И у Аланы, и у Танталь, и, что самое интересное – у близнецов. Эти последние казались раздавленными величием моей родословной.

– Так вот он говорил, – мне почему-то захотелось смеяться, – что лучше быть последним скотником, чем магом наполовину…

Мы с Лларисом долго смотрели друг другу в глаза. Он не выдержал и отвел взгляд первый.

– Непогода – ваших рук дело? – мягко спросила Танталь.

Братья переглянулись.

– Мне очень важно знать, – проворковала Танталь и вдруг поднесла перчатку к огню свечи.

…Сразу после рождения близнецов их дед, который в ту пору был еще жив, сшил перчатку – как говорили, из собственной кожи, но, может быть, это и сказки. Почуяв скорую смерть, дед сжег себя молнией – после этого никто не смог проверить, вся ли кожа у него на месте. Говорят, именно перчатка помогла мальчикам выжить; перчатка росла вместе с братьями, мать наказывала никогда не снимать ее, но братья, конечно, снимали. Им на своем опыте пришлось убедиться, какой властью наделена эта грубо сшитая рукавица… Известно, что уничтожение ее сулит обоим мучительную смерть.

Последнюю часть рассказа из братьев вытащила Танталь. Вернее, не вытащила даже, а рассказала за них – бледные лица близнецов говорили о том, что она права. Танталь с важным видом поясняла, что «предмет, хранящий сердце» – не такая уж редкость. История магии прямо-таки кишит подобными примерами…

– Да, это мы! – болезненно выкрикнул Колвин. – Мы наслали бурю, чтобы вас удержать!

– И еще кой-чего сделаем, – угрюмо пообещал Лларис.

– Ой ли? – Танталь медленно провела перчаткой над огоньком, на коже остался след копоти, братья одновременно дернулись, как от ожога.

– Оставь, – сказал я раздраженно. – Что за повадки начинающего палача…

Она обернулась ко мне, и я вдруг понял, что она на грани истерики. На самой грани.

Потому что Алану я откачал. Успокоил и убедил, что она ни в чем не виновата,Танталь осталась один на один с собой. Со сладким головокружением, с ритмом, проникающим под кожу, со всепокоряющим бесстыдством, с собственной безмозглой похотью…

– Танталь, можно тебя на минутку?

Я увлек ее в темноту потайного хода. Лестница вилась вверх и вниз – штопором; интересно, когда примитивное заклятие «в кордегардию» перестанет действовать, и стражники явятся снова?..

Я взял ее за плечи и развернул к себе. Глаза ее оставались сухими.

– Танталь, это была не ты.

– Это была я, – отозвалась она бесцветным ровным голосом. – Не трать слов.

– Не доводи меня до бешенства. Я тебя знаю. Это была не ты, это их гнилая магия…

Танталь презрительно повела плечом:

– Я себя лучше знаю, Ретано. Не трать слов. Лучше думай, что делать дальше…

– Я тебя ударю, Танталь.

– Жест бессилия… Ладно, – она криво усмехнулась. – Мои переживания никак не относятся к делу… Мы должны выбираться. Пока не рассвело.

Мы в молчании вернулись в герцогскую спальню.

Алана стояла перед братьями, не сводя взгляда с семипалой руки, а Колвин говорил, с трудом выталкивая из себя слова:

– Нет… И никогда не сможем. Такие… дела… Я и рад бы

соврать, но…

– Не надо врать, – перебила его Танталь. – Мы с Ретано провели военный совет и решили пощадить вас. Не убивать… и даже не оскоплять, хотя Ретано очень настаивал.

Алана удивленно на меня покосилась.

– Как это мило с вашей стороны, – пробормотал Лларис.

– Мы сохраняем вам жизнь… и все прочее, а вы в благодарность предоставите нам список магических предметов, полученных в наследство от деда. Что там было?

Я сумел не выказать удивления. По-моему, Танталь слишком круто забирала – нам бы просто уйти. Целыми и невредимыми.

– На кой пес вам магические предметы? – спросил после паузы Лларис. Колвин молчал, не поднимая головы.

Танталь перевернула перчатку над столом. Так, что перчатка сделалась похожа на объемистое кожаное вымя.

Близилось утро. Разумеется, вся стража замка уже знала, что строптивый кавалер двух прекрасных дам не спит, как предполагалось, в обнимку с фаршированным поросенком, а, учинив маленькое побоище, пробрался в спальню к властителям; за высокой дверью недвусмысленно бряцало оружие, на потайной лестнице сопели – громко и возбужденно, не решаясь, впрочем, высунуться.

– Нам придется им головы морочить, – тоскливо пробормотал Колвин. – Сто человек, и каждому заморочь, чтобы ни пса не помнил…

Лларис хмыкнул. Лларис – я прекрасно видел – не оставил помыслов о мести. Он с удовольствием сгноил бы нас в подземелье за сопротивление герцогской воле,пока что сила была на нашей стороне, но что такое сила? Качели…

– Мы уходим, – сказал я Танталь.

Она даже не подняла глаз. Продолжала перебирать ветхие тряпочки, доверху наполнявшие этот их потайной сундук; не удостоив меня взглядом, бросила сквозь зубы:

– Нет.

Перчатка лежала передо мной. В камине лениво подергивались язычки пламени; я рассудил, что на свечке перчатку не сжечь. То есть мгновенно не сжечь, а мне хотелось бы, чтобы угроза жизни братьев была как можно серьезней. Спальня буквально облеплена вооруженной стражей…

Алана порвала простыню и перевязала мою раненную руку. Теперь, когда возбуждение спало, дергающая боль не давала покоя, а озноб заставлял все ближе придвигаться к огню. Меч лежал у меня на коленях; Танталь копалась в сундучке, распотрошенный тайник в полу зиял черной беззубой пастью,

Алана с беспокойством поглядывала то на закрытую дверь, то на темный проем потайного хода.

– Это что? – Танталь выловила среди кучи хлама тусклую оловянную ложку. Братья, пригорюнившиеся в углу, подняли головы – жест был совершенно одинаковым, мне вдруг страшно захотелось расколотить это ходячее зеркало. Может быть потому, что лихорадка набирала силу.

Лларис тускло улыбнулся:

– Если помешивать кипящую воду, она понемногу превращается в бульон… Вроде бы. Мы давно пробовали, еще в детстве…

В дверь постучали. Деликатно, но твердо:

– Господа! Господа! Близнецы переглянулись.

– Господа, здесь начальник стражи!.. А ты, ублюдок, учти, если хоть волос упадет… тебе не уйти! Сдавайся!

Это кого они обозвали ублюдком?!

Я взялся за меч. Алана испуганно вцепилась в мое Здоровое плечо; Танталь кинула на близнецов один только взгляд – но любой василиск лопнул бы от зависти.

– Все спокойно! – сдавленно выкрикнул Колвин. – Продолжайте нести службу… Ждите команды!

Я уже стоял. Голова кружилась – но не сладко, как вечером, а обморочно, муторно, вот-вот упаду…

Неужели эта царапина…

В темноте, залившей мои глаза, я успел разглядеть прищуренные глаза Лллариса.

Чернильница на широком столе.

Густые чернила… Я плодовый жучок… Я тону в черноте… Сверху опускается крышка… Я насекомое, я тону в чернилах…

– Ах, так?!

Мрак перед моими глазами лопнул, будто пленка на воде. Я стоял на коленях, опираясь на меч, как на посох. Танталь держала Лллариса за волосы, рука ее тряслась, и потому кинжал у бледного горла то и дело ранил кожу.

– Заклинать, тварь?!

Я тряхнул головой. «Никогда не имей дела с магами»… С полумагами, разумеется, тоже.

– Танталь, посмотри… – удивленно сказала Алана. Она стояла над раскрытым сундучком, и на ладони у нее лежало круглое зеркальце в медной оправе.

Мы бежали. Мы снова бежали; я сидел на козлах и молил Небо, чтобы не сломалась ось и выдержали колеса. Я не верил клятве, данной сквозь зубы – хотя близнецы и поклялись своей Перчаткой.

Они клялись не преследовать нас. Колвин – тот и правда не выслал бы погоню, но вот Лларис…

– Н-но! Пош-шли!

Мы не стали нанимать нового кучера. Теперь нам ни к чему были лишние люди и лишние расходы; кроме того, ни один кучер не станет так погонять.

– Н-но! Впер-ред!

В наследство от деда близнецы получили, в числе прочего, зрячее зеркало. В семье ходила легенда, что именно с его помощью дед вызывал на первое свидание бабку, свою будущую жену, предполагалось, что в руках мага эта вещь может видеть на большие расстояния и передавать весточки нужным людям. Близнецы пользоваться зеркалом не умели; Танталь конфисковала его и, как я думал, зря. Теперь мне чаще приходилось оглядываться – не пылит ли нам вслед погоня?

Заложницу-перчатку мы оставили, как и было договорено, на перекрестке. Попросту надели на сучок – и семипалая ладонь, казалось, приветственно махала нам вслед; мы свою часть договора выполнили. Выполнят ли близнецы?

– Н-но!..

Танталь верила, что с помощью нашего магического трофея ей удастся передать весточку Эгерту Соллю. Я знал, что и теперь, трясясь в карете, она пытается разглядеть в медной рамке лицо полковника. И отчасти достигает успеха: се собственное отражение действительно уплывает в сторону, от этого зрелища делается муторно и желудок поднимается к горлу – но на том дело и кончается, зеркало глядит серым бельмом, и Танталь, обессиленная и злая, откидывается на кожаные подушки.

К полудню я сбавил темп – лошади нужны были нам живыми, а не загнанными. Весенний день длился непривычно долго; когда солнце склонилось к западу, тревога наконец-то отпустила. Близнецы решили на этот раз соблюсти клятву – за нами никто не гнался.

Мы расспросили встречного путника о ближайшей гостинице. Он обнадежил нас, показав узловатым пальцем куда-то вдаль.

– Сменить тебя? – спросила Танталь.

Я хотел было отказаться – когда выяснилось, что раненная рука моя вопит от боли, а здоровая не в состоянии справиться с вожжами.

Усталые лошади едва переставляли ноги; я забрался в карету, лег, стараясь не беспокоить раненую руку. Боль не даст мне уснуть. Ноги скоро затекут; может быть, выставить их в окно?..

– Ф-фу… – негромко вздохнула Алана, примостившаяся на сидений напротив. И убрала со лба влажную прядь волос, я

увидел, что у нее на коленях лежит все то же круглое зеркало.

– Морочишься? Она кивнула.

– И не выйдет… Зря мы… За этот «магический предмет» и трех грошей не дадут… в лавке старьевщика.

Алана пожала плечами: кто, мол, знает. Три гроша-то, может, и дадут…

– Ты спрашивала этих… братцев… не могли бы они снять Приговор? А если бы они соврали, что могут?

– Видно же, когда врут, – вздохнула моя жена, подправляя занавеску. – И потом… я так спросила, для очистки совести. С самого начала было ясно, что…

Она снова пожала плечами. Да, будь братья настоящими магами – мы не ушли бы из замка так просто.

– Дай…

Алана послушно отдала зеркало. Из медной рамы на меня глянул небритый, серый лицом разбойник с недобрым взглядом колючих глаз. Да-а, трактирщик не обрадуется, когда я спрошу его о ночлеге…

– Танталь никогда не забудет, – грустно сказала Алана. – Того, что было. У нее… ты знаешь… она ведь изменила Луару, она таскает на себе вечную вину… Она, мол, такая-сякая…

Да. Чего-то подобного я ожидал.

– Знаешь… Я не верю, что она изменила просто так. Должно быть что-то…

– Любовь? – Алана улыбнулась улыбкой мудрого скептика. Как бы желая добавить: мальчик, что ты знаешь о любви?

Я сдержал смех, чтобы она не обиделась.

Мы с Аланой сладко сопели, свернувшись под одним одеялом; даже во сне жена боялась пошевельнуться, чтобы не задеть мою раненую руку. Вдоволь наплававшись по поверхности сновидения, я наконец-то нырнул вглубь – внезапный стук разбудил меня болезненно, резко, будто впивающаяся в тело веревка.

– Р-рогатая… судьба…

Я поискал глазами шпагу. Алана уже сидела в постели-в канделябром наперевес.

– Меня не пришиби, – пробормотал я, выбираясь из гущи одеял.

Ну, ночной пришелец, кто бы ты ни был… Я отодвинул засов и рывком распахнул дверь.

– Я видела Эгерта, – сказала Танталь.

Она была полностью одета; в одной ее руке вздрагивала оплывшая свеча, в другой она сжимала трофейное зеркальце.

– Я видела его… он… Я думаю, он меня услышал.

Глава пятнадцатая

Весна слишком уж торопилась. Она была поспешна, как молодой любовник, она была суетлива; листья выстреливали из почек, трава лезла так неистово, как будто бы снизу, из влажного царства корней, ее гнали хлыстом. Неподобающее для этого времени тепло разбудило всех жужжащих и ползающих тварей; в полдень лошади принимались нервно крутить головами и дергать шкурой на спине. Кучер невнятно напевал под нос – потому что теперь у нас был кучер, и мы не бежали сломя голову. Мы путешествовали, как приличные господа, и во время пути можно было дремать на кожаных подушках, глядеть в окно или светски беседовать. Беседовать было не о чем.

Облей муху медом и посыпь мукой – она, если не сдохнет немедленно, то поползет с той же скоростью, с какой продвигаемся теперь мы. Там мост смыло весенним паводком – приходится делать крюк длиной в три дня. Там захромала лошадь, там сломалась ось, там оползень, там дорогу неверно указали, заставив нас плутать пес знает сколько времени; одно счастье – все пока мы были относительно здоровы, и даже моя раненая рука не загноилась, как я одно время боялся, а зажила.

Кучер напевал, радуясь заработку; кучер искренне считал, что путешествие проходит лучше некуда. Мелкие неприятности – так ведь путь далекий, как без этого, все бывает…

Рыжий веснушчатый парень, старший сын из по-кроличьи многодетного семейства, он и нанялся-то затем, чтобы подальше убежать за родные ворота. Ему нравились наши лошади, он побаивался меня и преданно улыбался моим дамам; жаловаться на него не приходилось. В случае надобности он умел быстро найти ближайшую кузню, приветливо и подробно расспросить о дороге, на глазок определить, проходим трухлявый мост или нет, он вслух мечтал поскорее добраться до города, и в несчастьях, преследующих нас по пятам, можно было винить кого угодно, но только не его.

Мы знали, кого винить.

Того, по чьей вине зеркальце-трофей однажды соскользнуло с сидения, вывалилось из кареты и попало под колесо. Или это тоже случайность? Был или нет от зеркальца прок – но теперь-то оно точно никуда не годится, разве что на переплавку – рамка-то хороша…

Танталь клялась, что Эгерт услышал ее. По ее словам, она видела его несколько секунд – он сидел, по-видимому, к камина, на лице лежал отблеск огня. Она позвала его по имени – он

вздрогнул и посмотрел ей в глаза. Тогда она всеми силами завопила ему, что Тория в опасности, что надо беречь Торию, что нужно звать на помощь Скитальца…

– И он все это услышал? – спрашивал я недоверчиво.

Танталь хмурилась:

– Я немножко знаю Эгерта… У него было такое лицо, как будто он услышал. Хоть что-то да понял… Я так орала…

Я хотел сказать, что мы с Аланой в это время дремали за тонкой стенкой и ничего не слышали. Но промолчал – кто знает, может быть, у нас с женой на какое-то время отнялся слух…

– Видишь ли… – я подбирал слова, боясь ее обидеть. – Если он понял – нам вовсе не нужно спешить.

И… нашему общему знакомому незачем преграждать нам дорогу.

– Если бы он хотел преградить – мы бы уже никуда не спешили, – заметила Алана. Мы с Танталь промолчали, осознавая ее правоту.

Чонотакс, каким бы слабым ни был, все же мог запросто вывести нас из игры. Прямо там, на грязном заднем дворе, когда я так позорно промахнулся топором по бритому черепу. Всех троих, и необязательно даже до смерти…

Я перевел взгляд с Танталь на Алану и обратно. С обеими мне надо было поговорить – но по отдельности. Не просить же – «ты выйди, постой на запятках, мы переговорим, а потом вы поменяетесь»?

Мне надо было в конце концов знать, что произошло между Танталь и Чонотаксом. Откуда эти намеки, полунамеки и трогательные жесты. И главное, с какой стати прагматичный Черно потратил столь необходимые силы на то, чтобы Танталь легче перенесла поход к Двери?

– С виду он вовсе не так сентиментален, – сказал я вслух. Мои спутницы искоса на меня посмотрели – Алана вряд ли поняла, о чем я, а вот Танталь догадалась. И глаза ее снова сделались как лед.

Пускай. Пусть злится.

Алана с отсутствующим видом уставилась в окно; вечером, когда мы останемся наконец наедине, я постараюсь ее успокоить. Я скажу ей, что времени еще вполне хватает, и если все, что толкуют о Скитальце – правда, то у меня появляется реальный шанс спасти свою жизнь и без помощи Чонотакса Оро…

В последнее время у моей жены появилась скверная привычка понимающе улыбаться. Однажды она подкрепила такую улыбку словами – и волосы зашевелились у меня на голове: она рассуждала о том, что мы, вероятно, встретимся в царстве

мертвых на другой же день после моей смерти…

Во-первых, я не очень-то верю в царство мертвых. Во-вторых, что за истерические нотки в рассуждениях юной девушки?!

В последний момент у меня хватило ума не убеждать ее в том, что так называемая любовь придет к ней снова, на этот раз вместе с нормальной семьей, детьми и спокойствием. Я просто сообщил ей, что недоволен – подобные малодушные рассуждения недостойны дочери Эгерта Солля, она очень удивилась. С ее точки зрения помыслы о самоубийстве вовсе не были малодушными…

Я не стал разубеждать ее и сказал, что малодушие – верить в мою смерть. Она сделалась красной, как закатное солнце, и поклялась любить меня до старости.

Со времени этого разговора миновала неделя. Больше мы к этой теме не возвращались – но я видел, что оптимизм Аланы тает по мере того, как дни сменяют друг друга. И что она все более хочет поделиться своим грузом, но не со мной – мне своего хватает – но с Танталь…

Я ошибся. Мне надо было рассказать все – в ту нашу встречу, в подземелье, когда свет факелов ударил мне в лицо… Рассказать все. Тогда Танталь, возможно, не стала бы освобождать меня из оков – и через пару дней я благополучно воссоединился бы с призраком-Дамиром…

Почему мне так отчаянно везло в замке близнецов? Может быть, мой предок-слуга вовсе не столь беспомощен, как кажется?

– Дамир, – сказал я с усмешкой.

Мои спутницы снова на меня взглянули. Потом посмотрели друг на друга – но не проронили ни слова.

* * *

– Вина, жратвы, живее! Именем князя Сотта! Терпеть не могу, когда в трактир, где ты остановился, вламывается, бряцая оружием, орава головорезов. Шум, грязь, крики служанок, которых щипают за бока, пьяная похвальба, пошлые забавы – и все это, как правило, прикрывается кичливым гербом и звонким именем, причем герб клыкаст до смешного, а имя никому ничего не говорит…

– Хозяин, мы ищем комедиантов! Танталь вздрогнула и подняла голову.

– В трактире у моста нам сказали, что комедианты, две повозки, заходили к ним три дня назад… Десять золотых тому, кто укажет, где они сейчас!

Голос был уверенный, хрипловатый. Знакомый голос, а в сочетании со словом «комедианты» – даже зловещий. Алана удивленно оглянулась.

– Не верти головой, – сказал я негромко. – Спокойно кушай.

Их было человек двадцать. Как и в прошлый раз. Когда угол трактира был отгорожен занавеской, и смешная старуха с седыми космами из-под плаща взяла верх над дикой публикой, заставила ржать, валясь со стульев…

Сколько времени прошло? Несколько месяцев? А князек-то подрос.

Или это перенесенное унижение заставило его рывком повзрослеть, из сопливого звереныша превратиться в молодого зверя?

Светлое Небо, они ищут нас с тех самых пор? Ищут так долго, так далеко от собственных владений, ищут тщетно – и все никак не уймутся?

– Они вышли на Бариана, – Танталь говорила, почти не открывая рта.

– Они обязательно его найдут. Ретано…

А ведь я мог переморозить их в сугробах. Всех подряд. Р-рогатая судьба, сколько полезного я мог сделать в жизни – и поленился…

Князек уже допрашивал кого-то – местные жители, хоть и перепуганные, явно охочи были до золотых монет. Сведения давались из желания угодить, но были очень уж противоречивы – выходило, что комедиантов видели чуть ли не вчера и совсем близко – но вот беда, в трех местах сразу…

Найти человека в путанице дорог – почти невозможно. Найти две повозки – немногим легче, если, конечно, повозки не принадлежат комедиантам…

Размалеванные повозки – яркая фишка в груде игральных костей. Странно, что князек, столь рьяно помышляющий о мести, не поймал Бариана до сих пор.

– Ешьте, – сказал я Алане и Танталь. – И пореже поглядывайте в их сторону. Они ищут комедиантов – а в настоящий момент мы не имеем отношения ни к каким…

– А почему они ищут комедиантов? – перебила Алана. – Что за новые тайны, пес подери, я хочу знать, отчего у вас такие вытянутые рожи!

Я затылком поймал несколько любопытных взглядов. Нельзя все время отворачиваться – надо показать им хоть щеку, если человек упорно прячет лицо – что-то в ним нечисто, а ведь, казалось бы, приличный господин, никакой не комедиант…

В этот самый момент в общем галдеже прорезался тоненький

взволнованный голос. Я разом осознал всю справедливость поговорки «навострил уши» – еще секунда, и уши мои, казалось, встретятся на макушке.

Подросток – поваренок, или служка, или кем он там был – выдавал совершенно достоверные, с его точки зрения, сведения. Комедианты дважды сыграли свое представление на весенней ярмарке, а потом мальчишка своими глазами видел повозки на большой дороге – комедианты направлялись к югу, в город, это было вчера, стало быть, сегодняшнюю ночь они ночуют в том трактире, что на большом распутье, там клопы и горелое мясо, а от хозяйской дочки разит так, что…

Мальчишку прервали. Взяли за шиворот, чтобы напугать, и показали монетку, чтобы поощрить. Мальчишка заткнулся, тем временем прочие поставщики сведений, чьи шансы заработать денежку резко сократились, одновременно загалдели: про то, что играли на ярмарке, каждая собака знает, а ехали не по большой дороге, а по малой, и не к югу, а к реке, к перевозу, задумали, видно, по ярмаркам…

– Бариан собирался в город, – Танталь с отвращением разглядывала содержимое своей тарелки. Мальчишка-доносчик снова обрел дар речи:

– Песьей кишкой клянусь, я слышал, они болтали, что в город…

Кому-то отвесили звонкий подзатыльник.

– Что расселись! – рявкнул князек на своих головорезов. – А ну по коням!

Головорезы зароптали. Они успели угнездиться за столами, заказать еды и выпивки – весь день в седле, ни маковой росинки, задницы поотбиты, морды шелушатся, позволь, сиятельство, хоть по кружечке…

Я осторожно повернул голову.

На князька наседали с трех сторон – подносили вертел с лоснящимся от жира мясом, предлагали пригубить вина, доказывали, что до «того вшивого трактира» рукой подать, хозяин гостиницы старался больше всех – очевидно, алчность была в его душе сильнее страха перед необузданной вооруженной оравой…

Подростка – а это был щекастый паренек в съехавшем на ухо поварском колпаке – оттеснили. Тщетно пытаясь пробиться на глаза князю, он возмущенно вопил об обещанных деньгах – до тех самых пор, пока не получил от кого-то зуботычину. Мне не было его жаль.

Танталь мужественно жевала кусок сыра. Прожевав, протянула под столом руку и коснулась моего колена. Фривольный жест.

– Что? – спросил я через силу. Танталь прикрыла глаза:

– Они успеют… повозки пусть бросят. Пусть бегут… Я не хочу, Ретано, чтобы из-за нас… ну, ты понимаешь.

– А я не понимаю, – зло бросила Алана. Танталь отхлебнула из своей кружки. Закашлялась.

– Я чуть не утопил его в навозе, – признался я нехотя. – В хлеву. Князя. Жаль, надо было утопить…

– А-а-а, – сказала Алана чуть погодя.

– Не бойся, – пробормотала Танталь.

– А я и не боюсь, – Алана пожала плечами.

– Сейчас мы поднимемся наверх, – Танталь разглядывала скатерть. – А ты, Ретано…

– Я вас не оставлю.

Бывшая актриса подняла на меня глаза.

Хороший был взгляд.

Красноречивый.

Кучеру я велел приглядывать за дамами – не ровен час кто обидит – и держать язык за зубами. Парень широко раскрыл глаза; у него были свои представления о том, куда и зачем меня понесла нелегкая. Он даже попытался понимающе улыбнуться; я дал ему монету и не стал разубеждать. Не до того.

Дорога была скверная, но ехать шагом не было никакой возможности. УЖ лучше просто сесть на обочину и дожидаться головорезов; зато я, по крайней мере, не мог заблудиться. Большая дорога вела на юг – а на первом же перекрестке должен был встретить меня «тот клоповник»…

Лгал ли хозяин гостиницы, очерняя конкурента, или финансы Бариана, по обыкновению скудные, не позволяют ему выбрать пристанище получше?

Я спешил. Танталь была права – Бариана надлежало предупредить кроме того, следовало сделать еще кое-что, и об этом я не сказал ей ни слова.

Не хотелось огорчать.

Сколько времени потребуется комедиантам, чтобы бросить трудом нажитое барахло и разбежаться кто куда? И согласится ли Бариан так сразу, без оглядки, из предводителя труппы сделаться бродягой, беглецом, попрошайкой?

А тем временем вовсе не Бариан нужен князю и его свите. Станут ли преследовать жалких комедиантов, если на дороге обнаружусь я? Благо Алана и Танталь теперь выведены из-под удара, и меня ничто не сдерживает, я буду биться только за себя, но, самая р-рогатая из всех судеб, я умею хорошо биться…

…И опять, выходит, я во всем виноват. Одно из двух – либо

надо было спокойно смотреть, как этот мерзавец зажимает в углу Танталь, либо, если первое не подходит – покончить с сопляком в тот же вечер, ведь у меня, пес р-раздери, была такая возможность…

Из темноты вынырнули ворота, перегораживающие проезд. Я рывком натянул поводья; бедное животное, привыкшее к спокойному бегу в упряжке, выкрикнуло в мой адрес невнятное лошадиное проклятие. Я не слышал – на перекладине ворот грузным мешком висел-Говорят, что сборщик налогов, с которого взыскали добытую мною сумму, был тучен и тяжел. Ветер ударил в лицо.

Наваждение сгинуло; дорога была свободна, никаких ворот здесь не стояло и не могло стоять, это моя фантазия, разыгравшись, подсунула картину, свидетелем которой я никогда не был…

Смеялся ли Судья тогда, в камере? Вряд ли. Его нельзя упрекнуть в злорадстве. Если сейчас, на темной дороге, мне и померещилось «хе-хе-хе» в завываниях ветра-то причиной, скорее всего, навязший в зубах образ некоего хихикающего злобного мага…

Я подстегнул лошадь. Где-то далеко за моей спиной головорезы, азартно поплевывая, залезали в седла; сопливый князь не допустит промедления. Промочили горло – время делу, благо дичь, за которой так долго охотились, совсем близко…

Лай собак. Запах дыма; через минуту из темноты выступило большое приземистое строение, и в мутном свете окон я сразу же – поверх ворот – разглядел две комедиантские повозки, стоящие во дворе. И слабая надежда, что жадный поваренок ошибся, испустила дух.

– Эй, хозяин!

Молоток, казалось, вот-вот разнесет трухлявые створки. И целую вечность никто не открывал – не то в доме оглохли, не то охромели, не то вообще не желают видеть гостей…

– Кто грохочет среди ночи?! Ничего себе гостеприимство.

– Путник, – я нетерпеливо толкнул дверь ногой. – Здесь гостиница или кладбище?! Отворяй!

Мне казалось, что за спиной возник и нарастает топот копыт. Не может быть – еще есть время, мне мерещится, это ветер…

Или мне придется выехать им навстречу?! В факелом в руках, чтобы меня вовремя опознали? Все это прекрасно, но в чистом поле против двадцати конных я заслужу в лучшем случае снисходительную улыбку. Ох, что-то мне подсказывает, что и резать-то меня станут не сразу-Сутулый слуга отступил,

пропуская меня вовнутрь. Нет, конкурент врал-таки, на «клоповник» это никоим образом не похоже…

– Где комедианты?

Сутулый удивленно на меня воззрился:

– Ужинают… Для них в малой гостиной накрыто, где камин, они замерзнувши…

Я отодвинул слугу с дороги. Хорошо, что комедианты еще не спят, и ведь, выходит, у Бариана водятся-таки деньги. Отдельная комната, специально растопленный камин – хозяева гостиниц никогда не любезничают за так…

Что они подумают, когда я ввалюсь к ним, как невоспитанное привидение? Ведь я утонул в проруби на их глазах, когда это было-то, целую вечность…

Малая гостиная оказалась тесной комнатушкой с закопченным потолком. Тускло горели дешевые свечи; я шагнул вперед, намереваясь хлопнуть Бариана по плечу – но уже следующий шаг получился вполовину короче.

Они обернулись – не сразу, по очереди. Сперва красивая женщина в хорошем платье. Потом – испуганно – горбунья, притулившаяся на самом краю стола. Потом – настороженно – чернявый бастард, потом – мрачно – предводитель с кустистыми бровями. Широколицый парень со внешностью деревенского дурачка вообще не уделил мне внимания – неторопливо опустошал тарелку.

…Как ее передернуло. Как расширились зрачки Аланы, когда она – на мгновение – вспомнила…

«Использовал». Использовал. До чего мерзкое слово. Сколько раз я об этом мечтал?! Сколько раз грезил – взять за горло… Ткнуть рожей в стол, в песок, да хоть в тлеющие угли…

Светлое Небо. Мне всего-то и надо было, что извиниться, тихонько выйти, прикрыв за собой дверь. И поскорее сбежать со двора, потому что через несколько минут здесь будут благодарные зрители блестящей актрисы Танталь, и они проделают за меня всю грязную работу. Они отомстят за Алану, даже не подозревая о ее существовании. Но месть от этого не сделается мягче… «У него был такой слюнявый, такой вонючий… рот…»

– Судьба не дремлет, – пробормотал я удовлетворенно.

И тяжело шагнул вперед.

Бастард узнал меня первый. Хищно ухмыльнулся, подмигнул предводителю; кустистые брови, и без того нахмуренные, слились на переносице в единый клок шерсти.

Рука бастарда удлинилась – из рукава выскользнул и лег в ладонь широкий нож. Предводитель взвесил в руке стальную

гирьку на цепи; прожорливый парень издал неприличный звук, вытер рот ладонью, поднял на меня удивленные глаза.

Они тоже меня помнили.

– Ты один? – негромко спросила женщина. Я шагнул вперед, взялся за край стола и рывком опрокинул его на трапезничающих. Усилие понадобилось большее, чем я рассчитывал, сразу же заныла зажившая рука. Горбунья выскользнула из-под летящей посуды, женщина отпрыгнула, предводитель с ревом выбрался из-под тяжелой столешницы; широколицему парню досталось по носу тяжелым суповым горшком, и драка окрасилась первой кровью.

Бастард – а он давно уже стоял на ногах – легко перемахнул через припавшую к полу горбунью. Я едва успел уклониться – табуретка, которой запустил в меня предводитель, ударилась о дверь за моей спиной. Руку бастарда с ножом я не столько видел, сколько чувствовал; предназначенный мне удар не достиг цели, но моя собственная рука, остановившая нож, разразилась острой болью.

Бастард был самым серьезным противником – но меня интересовал прежде всего предводитель. Два клочка седой пакли над буравчиками-глазами; предводитель ждал в стороне, поигрывая своей гирькой, и я вдруг увидел его руки.

Длинные пальцы, тонкие в суставах и разбухшие на месте подушечек. Сгрызенные до мяса ногти, и только на одном мизинце, манерно отставленном – желтоватый длинный ноготь.

Сколько раз я заставлял себя не думать о «слюнявом рте». Говорила Алана о «руках»? Или не хотела, боялась вспомнить?! О том, как эти руки прикасались…

Вспышка ярости никогда не бывает кстати.

Пелена перед глазами. Бастард болезненно вскрикнул – он был ловок, но я оказался сильнее, и рука с ножом разжалась, когда я бросил бастарда на ножку опрокинутого стола. Широколицему так и не посчастливилось проявить себя в драке – получив по лбу обломком табуретки, он упал в груду посуды и там затих; гирька, на которую предводитель надеялся, как на Небо, беспомощной крысой закатилась в угол, стальная цепь волочилась за ней, как хвост.

Женщина попыталась вмешаться; я не хотел бы бить ее, я попросту оттолкнул се с дороги. Камин догорал; путь до камина был неблизкий, тем более что предводитель упирался сапожищами в пол и все норовил лягнуть меня по колену. Я тащил его, как безлошадный крестьянин тащит свой плуг; камин был все ближе, ближе, я знал, что не стану рассказывать об этом Алане – но красная пелена все еще держалась перед глазами, мне

хотелось, чтобы предводитель раскаялся. Чтобы долго каялся, тварь, пока клочковатые брови будут превращаться в обгорелые ломкие кустики…

– За что?!

Я совсем забыл о горбунье. Она будто провалилась сквозь пол в самом начале драки – а теперь вынырнула обратно, в двух шагах от меня, бледная и востроносая, как восковая кукла.

– За что?! Она ведь сама… она сама к нам пристала, сама! Мы не похищали ее… Она сама хотела, она сама за нами увязалась, за что, за что?!

По кукольному личику стекали слезы. Предводитель дернулся – я круче завернул его руку; в дверь колотили. И уже давно; я, выходит, задвинул засов – и не помню…

Пелена спала. По углам возились, приходя в себя, мои неудачливые враги; женщина зло поглядывала на меня, вытирая губы. Но по губам-то я ее не бил?!

Я разжал руки; предводитель мешком свалился на пол. В ту же самую секунду засов не выдержал – и дверь распахнулась, пропуская в «малый обеденный зал» новую ораву разгоряченных мужчин.

Я ждал, что во главе окажется хозяин, напуганный грохотом и разъяренный неизбежными убытками. И хозяин действительно ввалился – вернее, его втолкнули, хозяин был бледен и не об убытках думал, а о собственной драгоценной шкуре…

– Вот они! Вот они, эти господа паяцы! Гляди-ка, морды друг другу чистят!

В комнате стало тесно. Переступая через осколки и обломки, люди князя Сотта мгновенно завладели ситуацией. Крепких рук хватило как раз на то, чтобы поднять с пола бастарда, широколицего и предводителя. Обоих женщин взял за шиворот добродушного вида усатый головорез; я стоял у камина, прижавшись спиной к стене. Позиция, прямо скажем, аховая.

– Не этот, – разочарованно пробормотал князек, заглядывая в окровавленное лицо бастарда. – Ищите, еще девка тут была, та самая, помните?

Мне стало чуть легче. По крайней мере Танталь и Алана сейчас вне опасности. А если у них хватит ума бежать, не дожидаясь утра…

– Этот! – радостно крикнул чернявый парень с перебитым носом, и замурзанный палец указал мне точно в переносицу.

Каминные щипцы – великолепное оружие. Вот только долго я так не продержусь.

– Отойди! Р-разойдись, сучья мать! – завопил кто-то за спинами нападавших.

Метко брошенный кинжал мне удалось сбить в полете. Щипцы в моих руках ревели, рассекая воздух,скрежетнул металл, на пол грянулись два коротких неосторожных меча.

– Отойди! Я его из ар-рбалета!

– Я тебя самого из арбалета! – завизжал князек. – Он мне живым нужен! Живы-ым!

Некое сладострастие, проявившееся в его голосе, придало мне сил. Если мне и следовало оставаться в живых – то обязательно на свободе. Никак иначе.

Завизжала женщина.

Я швырнул щипцы в нападающих – выиграл долю секунды, подхватил совок для углей; не размахиваясь, как аккуратный сеятель, сыпанул в оскаленные лица содержимым догорающего камина. Угольки запрыгали по полу, оставляя за собой неровные узоры дыма. Кто-то завопил, обжегшись, и почти все отшатнулись, прикрывая лица.

Я набрал в грудь побольше воздуха и нырнул в камин.

Пес, пес, пес-с-с…

Когда-то в детстве я любил пугать родичей, прячась в каминной трубе. Правда, в ту пору камин был пустым и холодным; прыгать в горячие угли станет только безумец.

Или загнанная в угол крыса.

Цепкая рука схватила меня за щиколотку, я хладнокровно ударил по ней каблуком и снова обрел свободу. Упираясь руками и ногами, рванулся вверх; снизу лизало болезненное тепло, сейчас я задохнусь, потеряю сознание и свалюсь прямо в угли, готовая, беспомощная, жареная добыча…

Воздуха мне, воздуха. Сколько может тянуться эта труба?!

Разумнее всего было бы стрельнуть мне вслед из «ар-рбалета».

Страшно представить, в какое место может угодить стрела…

Или они успеют раздуть огонь и задушить меня у самой крыши?!

Дурачье, самодовольное дурачье. Вот, кто-то уже лезет следом, и от его сопения осыпается сажа…

Черное небо. Посреди правильного квадрата – белая звезда; новое усилие, еще…

Воздух!..

Ухватившись за края трубы, я подтянулся и вывалился на крышу. Заохала, трескаясь, черепица; нет, это не «клоповник», все врал конкурент. Это весьма добротное строение, вот только хозяину будут убытки…

– Вот он! Во-он!

– Где?

– Трубу видишь?

– Снимите его! Снимите стрелой!

– Живы-ым, мерзавцы! Кто его пристрелит – сам, сучья мать, в подвал пойдет, ясно?

Я посидел, ожидая, пока перестанут трястись руки и ноги. И пока появится из трубы голова моего преследователя, появится, чтобы тут же нырнуть обратно…

Но тот, кто поднимался следом, раздумал вылезать. Либо хватило ума, либо не хватило сил.

Я огляделся. Трубы виднелись тут и там – но только из одной, кухонной, вовсю валил дым. Кто же топит по весне…

Приземистое здание гостиницы окружено было огнями. И тут, и там уже карабкались, приставляли лестницы; я перебрался на противоположный скат, преследователи разразились воплями:

– Где?!

– Кто видит?

– Не выпускайте из виду! Сейчас возьмем, сучья мать!

– Здесь, здесь! – радостно закричали головорезы, сбежавшиеся на заданий двор. Пес, сколько же их всего было, не двадцать, зажегся, а целая сотня…

Я перекатился к ближайшей трубе. На шероховатом боку ее лежал желтей отблеск факелов; ночь не желала укрывать меня. Ночь отступала перед огнем.

Я удержался от безрассудного желания нырнуть в трубу снова. Пока я буду пыхтеть и барахтаться в саже, господа головорезы наверняка успеют подготовить мне встречу; на их стороне хозяин, вон он, из кожи лезет, чтобы опасные посетители убрались из гостиницы с уловом…

Мне и так слишком долго везло.

В трубу клюнула толстая тяжелая стрела. То ли стреляли тайком от кня:зя, то ли стрелок был уверен в своих силах и намеревался легонько подранить слишком уж резвую дичь. Так или иначе, а первый выстрел оказался мимо; я быстренько перебрался на другую половину крыши. Хотя и здесь, надо сказать, факелы, и здесь найдутся нетерпеливые с арбалетами; следовало уходить по крышам сараев, но почему-то не было сил. Удача кончилась, кураж ушел; Аслана и Танталь теперь в безопасности, заполучив меня!, князь еще долго не станет их искать…

Руки, ухватившиеся за край крыши. Потом – темное лицо со светлой полоской усов, зажатый в зубах кинжал. При виде меня усатый воин князя Сотта выплюнул свое оружие и оскалился:

– А-а-а…

За моей спиной треснула черепица. Лезли со всех сторон.

Черное небо с белой звездой…

Я сбил усатого. Поймал рукавом чей-то кинжал, поранив на этот раз уже правую руку. Кто-то, охнув, скатился вниз; я не намерен был сдаваться живым. Для того, чтобы заполучить меня, им понадобится по меньшей мере «ар-рбалет»…

– Сиятельство, стреляйте! Уйдет, сука!

Не ори, малый. Никуда я уже не уйду. Меня обложили, и призрачный Судья, верно, проглотит с досады собственный парик: его Приговору не дано свершится. Мне дан без малого месяц жизни – а я вот погибаю неприятно и глупо, в обстоятельствах, с Правосудием никак не связанных…

Или?! Если дамся князю живым – вполне могу протянуть еще и месяц, Рекотарсы живучи, и если палачи будут усердны и аккуратны…

Пес, лезут и лезут со всех сторон. Еще один свалился с крыши – но на смену ему поднялись сразу двое, на черепичном поле стало светло от факелов, и в меня настойчиво тычут огнем и сталью…

Топот копыт. Или стук крови в ушах; откуда взяться отряду конных посреди ночи? Когда все порядочные господа нашли себе пристанище и спят, в крайнем случае, добивают врагов?..

– Что здесь происходит?

Голос был мне знаком. И, еще не сообразив, где и когда я его слышал, я вспомнил, что с этим голосом связано неприятное.

Головорез, оказавшийся в эту минуту моим противником, вздрогнул и на миг отвлекся. Себе на беду.

– …Не ваше дело, господин хороший! Здесь люди князя Сотта, так что проваливайте!

Я уклонился от удара. Перехватил чью-то руку, сам ударил – но теперь уклонился противник. Сзади меня хватили чем-то по голове, я не потерял сознания, но потерял равновесие и грохнулся, давя черепицу и собираясь скатиться вниз. Мне к горлу приставили кинжал. …А со мной ли, собственно, все это происходит?

– Здесь земли города, милейший. И я впервые слышу имя князя Сотта. У вас есть документы? Грамоты?

– Вот моя Грамота! – вероятно, предъявлено было нечто совсем другое. – Катись, пока цел!

Лежа на краю крыши, я мог уже никуда не торопиться. И – вот удача – видел почти весь двор целиком, ворота были распахнуты, и вооруженные всадники не торопились спешиваться. Один из них показался мне знакомым – плечистый, такой, что с

трудом влезает в доспех… Нет, на нем была всего-навсего куртка, расшитая бляхами, и зовут его, кажется…

– Вы ошиблись, милейший, – в голосе, который я слышал раньше, прорезались ледяные нотки. – Здесь я представляю власть, и неподчинение дорого вам обойдется… Велите своим людям бросить оружие.

– Дорогу полковнику Соллю! – взревел широкоплечий, и тогда я вспомнил его имя: Аген.

Светлое Небо?! Ты пришло ко мне на помощь, или это власть Судьи, обеспокоенного, как бы его авторитет не пошатнулся и осужденный не смылся раньше, чем исполнится Приговор?..

Лица князя Сотта я не видел, и не мог определить, говорить ли ему о чем-то имя полковника Солля. Но если он и замешкался – то лишь на секунду.

– Во-о-от тебе!

Жест был крайне неприличный, зато исполненный с размахом и вкусом. Нет, мне только показалось, что князь повзрослел – сейчас он казался распоясавшимся, балованным мальчишкой. Из тех, кто мучит животных, а то и людей на заднем дворе отцовского замка…

И я уже совсем уверился было, что на сопляка сейчас падут заслуженные розги – когда сквозь кровь, заливавшую глаза, вдруг рассмотрел, что пришедших с Сол-лем всадников было всего-то пять или шесть.

Боеспособных головорезов теперь уже не двадцать – тут я постарался – но все равно больше, много больше, а Соллевы выкормыши, как ни крути, всего лишь юнцы… даже Аген…

Значит, я опять виноват.

В свою собственную переделку я втянул еще и Солля, какого пса он явился сюда именно сейчас, приезжал бы наутро… когда все было бы кончено…

Не раньше, не позже – почему он появился именно сейчас?!

Темно.

Мне в лицо плеснули воды.

Я лежал уже не на черепице – нет, подо мной были, кажется, доски; я лежал на полу, сапоги столпившихся вокруг людей казались огромными, зато головы, обращенные лицами ко мне – слишком маленькими, с кулачок. И я никого не мог узнать.

Я дался в руки князя – живым?!

Ужас помог мне быстрее прийти в себя. Я дернулся и сел было – но слабость взяла свое, и я стукнулся бы затылком, если бы несколько рук не подхватили бы меня за плечи.

Очень мило со стороны головорезов.

Огромные сапоги расступились. Голоса гудели, болезненно

отдавались в затылке; я дотянулся рукой до пояса, но, конечно же, никакого оружия не нашел.

Владелец новых, явившихся из ниоткуда сапог наклонился, опустился на колени; его лицо приблизилось, перестало быть маленьким и плоским. Мокрый лоб, прилипшие к вискам светлые пряди, серые глаза.

– Эгерт, – сказал я хрипло.

Он о чем-то спросил. Я не расслышал – в ушах шумело – но догадался. А о чем он мог еще спрашивать?

– Трактир… К северу, прямо по дороге, не сворачивая. Час пути. Там…

Мне казалось, что я говорю громко и внятно, но он переспросил раза три.

Р-рогатая судьба, а где князь?! Они что, затоптали его? Заплевали? Закидали шапками?!

Меня подняли и усадили в кресло. Дали воды, пристроив голову на подушке и сладив с головокружением, я разглядел, что дело происходит в большом обеденном зале. Князь – вот он! – сидел в углу, руки его были безжалостно скручены за спиной, нос разбит, а лицо, как ни странно, носило на себе печать оскорбленной девственности. Рядышком, небрежно прислонившись к спинке кресла, стоял один из ребят Солля, в суматохе – а по залу метались повара и слуги, постояльцы и сам хозяин – я то терял князя из виду, то снова встречался с ним взглядом.

Взгляд бы обиженный. «Ну, и чего ты ко мне привязался?!»

Я с трудом повернул голову, столы были сдвинуты, на них кто-то лежал… нет, живой, ведь перепуганные служанки втроем перевязывали ему шею и грудь, а мертвецу ведь перевязка без надобности.

Я перевел взгляд.

Нечто, накрытое плащом. Четыре ноги в грязных сапогах; да, тут уже дело решенное…

Солль вполголоса отдавал распоряжения. К нему подошел Аген – странно сутулый, непривычно бледный; полковник что-то ему сказал, Аген сгорбился еще больше – кажется, в голосе полковника скользнул упрек.

Дорого же обходится Агену тот его давний просчет. Как же, отпустили госпожу Алану с мужем, а госпожу Танталь с комедиантами – ненадолго ведь отпустили, на недельку, а вон как обернулось…

Пес р-раздери, как они ухитрились угомонить эту банду? Или Эгерт выучился магии? Или не врут горожане, болтая, что господин Солль – ну прям-таки гениальный полководец?!

Солль еще что-то сказал – Аген вытянулся, кивнул кому-то из своих, поспешил к двери; дверь распахнулась раньше, чем он коснулся ручки.

На пороге стояла Танталь. Алана выглядывала из-за ее плеча; я выдохнул сквозь сжатые зубы.

Не знаю, что они подумали. Суета и вооруженные люди, возбужденная болтовня слуг о каком-то побоище – и я, с заскорузлой от крови мордой, в кресле на подушках, будто раненый, но пленный король…

Первый взгляд – я поклялся бы – искал меня. Удостовериться, что жив.

Следующий взгляд – на юношу, своими широкими плечами перегородившего дорогу обеим дамам:

– Аген?!

И только с третьего взгляда Алане заметила отца, а Танталь – названного свекра.

– А-а-а!!

В мгновение ока моя жена из взрослой дамы превратилась в расхристанную девчонку, кинулась, едва не сбив с ног хозяина, вцепилась, повисла на шее у Эгерта. Секундное замешательство; Танталь глядела на эту сцену остановившимися глазами, но ни капли умиления не было в ее взгляде, я успел подумать, что приоткрытый рот делает ее лицо одновременно загадочным и глупым. Как будто она репетирует новую роль…

– Где Тория?

Все, находившиеся в тот момент в зале, разом обернулись на голос бывшей актрисы.

– Эгерт, где Тория? Ты… оставил ее одну?!

* * *

Да, он услышал Танталь. Он понял, что к нему обращаются с помощью магического устройства – и призыв был такой отчаянный, что он ни на секунду не усомнился, что слышит крик о помощи. Танталь была в смертельной опасности, Танталь звала его; вот уже много лет он не оставлял Торию, но теперь, поколебавшись, решился.

С женой остались слуги, сиделки и стражи. Тория не будет нуждаться ни в чем – в то время как Танталь, возможно, на краю гибели.

Со дня, когда двенадцать спутников Танталь вернулись понурые, с робким вопросом, не опередила ли их госпожа – с того самого дня Эгерт не находил себе места. Люди, которым он

привык доверять, подвели его. Люди, которых он любил – родная дочь и названная – исчезли в никуда; Агену тяжело было признаваться, но он победил себя и рассказал обо всем в подробностях, и, вообразив Танталь и Алану, странствующих среди зимы в повозке комедиантов, Эгерт молча ушел к себе и два дня не желал никого видеть.

Впрочем, нет. Человек действия, Эгерт Солль первым делом велел седлать коней. И только потом пришло наработанное годами, воспитанное жизнью хладнокровие – дитя поражений, а поражений в жизни Солля было немало.

Но все же меньше, чем побед.

Ни Аген, ни кто-либо другой из вернувшегося отряда не мог внятно объяснить ему, откуда взялся таинственный маг и чего тот хотел от дочери и от зятя. Игра в комедиантов с самого начала казалась глупой и подозрительной – но время было упущено, и помочь теперь могло только терпение. Терпение и выдержка.

Занятия в Корпусе закончились. Маленькими отрядами Солль разослал своих учеников по окрестностям – искать комедиантов; отряды вязли в сугробах и тонули в весенней распутице. Добычей стал бродячий цирк с уродцами и мастер марионеток с ящиком за плечами – но комедиантов не было, хоть сколько-нибудь благополучные труппы стараются зимовать в городах и больших селениях, никому не охота таскаться в мороз по дорогам…

Солль сидел в своем доме, как паук с центре паутины, и куча денег растекалась по множеству карманов – полковник платил за умение видеть и слышать. В ответ к нему стекались тайны всего мира, он насобирал столько секретов, что мог бы, наверное, сделаться королем шантажа. Фальшивые сведения об Алане и Танталь поступали тоже – но Солль умел отличить орех от камня. И вот – Танталь позвала на помощь. Колебание был коротким и мучительным; впервые за долгий срок ему предстояло оставить Торию. Он решился и, прихватив малый отряд Агена, отправился на помощь дочерям – куда глаза глядят, ведомый одной только интуицией.

Оказалось, что он не так-то слеп. Впервые за десять лет ему стала являться во сне вышитая на шелке карта. Ниточками вились дороги, Эгерт видел себя булавкой, сидящей в ткани по самую головку, впереди, за вылинявшими лесами, горел, как кошечий глаз, едва различимый огонек. Цель.

И он спешил вперед, рассылая во все стороны разведчиков. В одном селении ему сообщили, что неделю назад мимо проезжали комедианты; раз напав на след, Эгерт Солль никогда не терял его.

Он нашел комедиантов. Он нашел головорезов; он нашел меня.

Трое из шестерки Агена были ранены, один – серьезно. Его пришлось оставить в гостинице, на попечение служанок и под личную ответственность хозяина. Местный староста, узнав, кто именно остановил кровавую драку в трактире, самолично прибежал пред ясны очи господина Солля. Он же гостеприимно распахнул перед пойманными головорезами яму, сооруженную деревенским правосудием для воров и мошенников; сопливый князь Сотт забрался слишком далеко от своих владений. Жажда мести оказалась сильнее здравого смысла, а княжеская корона грозила вот-вот соскользнуть на шею, обернувшись ошейником каторжанина.

– Будет война, – плаксиво сообщил он полковнику Соллю.

Тот поморщился, как от боли, и обернулся к старосте:

– Кнутом. На площади. За насилие и разбой.

Князь Сотт окончательно потерял мужество, мне хотелось злорадствовать, но не было сил. Жаль – даже злорадство способно поддержать в трудную минуту…

Солль не смотрел в мою сторону. Я был для него ничем – фанфарон, с помпой женившийся на юной девушке и сразу же отдавший ее на растерзание совершенно диким обстоятельствам. Не уберегший. Недостойный.

Меня раздражала его неторопливая властность. Он ведь давно понял, что оставил Торию на погибель, на беду – но не кидается в седло и не нахлестывает коня, а с гримасой отвращения на красивом лице раздает и раздает приказы, и относительно живых, и относительно мертвых, и относительно пленных…

Танталь равнодушно сидела в углу. Алана ходила за Соллем, как привязанная – я ощутил укус ревности. Помнится, раньше между отцом и дочерью не наблюдалось столь нежной любви…

Сперва я хотел скрыть от Аланы, с какими комедиантами мне довелось здесь встретиться – но умолчать не удалось, не врать же, что здесь был Бариан со товарищи и что все они смылись, как только запахло жареным…

А эти, которых я помял, действительно смылись. Кажется, за то короткое время, что я провел в каминной трубе, они успели вывести со двора повозки и рвануть куда глаза глядят, казалось бы, невозможно – но ведь успели же!

Я не стал врать Алане, утаивая от нее эту встречу. Но и о том, что тыкал бровастого предводителя лицом в камин, тоже не стал врать. На остывшую голову то мое намерение уже не казалась столь уместным – отвратительное намерение, его следовало утаить, даже если бы оно действительно осуществилось…

Зато я рассказал Алане, как этот самый предводитель

напачкал от страху в штаны. Рассказал очень убедительно, смущаясь и вроде бы утаивая некоторые непристойные детали; Алана смеялась, и я видел, как мое вранье излечивает ее от шока.

«Малый обеденный зал» наскоро очистили от следов побоища. С меня смыли кровь и золу, перевязали голову чистым полотном, но стоять на своих ногах я все еще не мог. Темнело перед глазами.

– Я хочу знать все про этого мага, – проговорил Эгерт, делая ударения на каждом слове.

Мы с Аланой, не сговариваясь, посмотрели на Тан-таль.

– Эгерт, Тория не должна быть одна, – бывшая актриса глядела в сторону, – Я… пыталась передать тебе… чтобы ты охранял ее.

Солль нахмурился:

– Я отправил гонца. Начальник стражи снимет, если понадобится, пост у городских ворот – но наш дом будет охраняться, как осажденная крепость… Что я еще могу сейчас сделать?

Он говорил медленно и внятно – я понемногу понимал, почему его ребята сумели взять верх над превосходящими силами головорезов. Если он отдавал боевые приказы таким же внятным, негромким голосом – как гвозди вбивал, честное слово, попробуй вытяни обратно…

И ведь он прав. Это я, будь у меня здоровье, вскочил бы в седло и гнал что есть мочи – в святой уверенности, что без меня дело не обойдется…

– Теперь я хочу знать все о маге, – видно было, что полковнику непривычно повторять распоряжение дважды. – Танталь, пожалуйста, расскажи.

…Она утаила немного – не сказала, например, о том зимнем разговоре с господином Чонотаксом, разговоре, у которого, как она думала, не было свидетелей. И о том, что маг «прикрывал» ее во время визита к Двери – не сказала тоже. Я понимал, почему.

Полковник Солль потрясающе владел собой. Даже когда упомянуты были Луар, Амулет и Дверь Мироздания, даже когда речь зашла об испытаниях, выпавших на долю Аланы – на красивом лице Солля не дрогнул ни мускул. Равнодушная статуя.

Танталь закончила и перевела дыхание. Алана подсела поближе к отцу, взяла его за руку; да, разлука явно пошла ей на пользу. Будучи подростком, она не позволяла себе телячьих нежностей.

– Господин Рекотарс…

Да, я знал, что до этого дойдет дело.

– Господин Рекотарс, сейчас вы ранены и, возможно, не

особенно рады беседе. И все же я настаиваю на ответе: как случилось, что моя дочь, а ваша жена, так легко стала добычей этого… мага?

Он говорил по-прежнему негромко. Без нажима; он и не сказал-то ничего особенного, но у меня вдруг перехватило дыхание.

«Как случилось?..»

Как случилось, что я вообще появился на свет? Как случилось, что я угодил в Судную камеру? И как случилось, что я дожил до этого дня, меня ведь много раз собирались убить?!

А мне, в общем-то, нечего терять. Алану я доставил отцу… смелое слово – «доставил», но ведь на деле так и есть – вот они оба, сидят напротив, рассеянно держа друг друга за руки – любо-дорого взглянуть…

Мне нечего терять. Я устал врать, вожжаться со своей тайной…

Я поудобнее пристроил голову и тоже начал рассказывать.

О сборщике. О Судье. О цене, которую запросил Черно за мое освобождение; о том, что я хотел жить и всерьез решил заплатить эту цену. Как я отправился на поиски Аланы – и нашел ее, отбил от комедиантов, женился на ней – ради приданого, которое, в общем-то, оказалось не таким уж дорогим…

Мне потребовалось все мое мужество.

Потому что по мере моего рассказа застывшее лицо Солля все больше оживало. И глаза из серых делались черными, при взгляде в эти глаза враги должны были либо превращаться в камень, либо бежать без оглядки, страшно подумать, что может со мной сделать обладатель таких вот глаз…

Упрямство спасло меня. Одно упрямство, я так и не отвел взгляда. Ни на мгновение. Я даже мигать перестал.

Алана отодвинулась от отца и втянула голову в плечи. Она единственная знала мою историю в подробностях и до конца, сейчас она выслушивала ее заново, невольно пересматривала прошлое глазами Эгерта и Танталь – и, вероятно, это зрелище могло напугать кого угодно.

У Танталь – я видел ее краешком глаза – было такое лицо, будто я на ее глазах обрастал чешуей.

Наконец я закончил; почерневшие глаза Солля давили мне на лицо так, как давит, вероятно, скатившаяся на дно могилы земля.

– На мою дочь обрушиваются все на свете беды, – сказал Эгерт после паузы, тянувшейся чуть не полчаса.

Поднялся. Одним движением пересек разделявшую нас комнату, взял меня за воротник и поставил на ноги,перед глазами у меня потемнело, я потерял из виду нависшее надо мной

свирепое лицо. Хоть бы глаза сохранили осмысленное выражение, хоть бы не быть похожим на безответную куклу…

Пальцы Солля разжались. Я сполз обратно в кресло,спустя минуту перед глазами у меня забрезжил рассвет. Едва прозрев, я разглядел Солля, на котором с двумя гирьками висели две его дочери – родная и названная.

– Оставь, не трогай, оставь!..

– Сожалею, – сказал я хрипло. – Сожалею, что доставил вам столь неприятные минуты.

Солль наградил меня взглядом, от которого можно было превратиться не то что в камень – в стекло. Легко волоча за собой вцепившихся в его плечи женщин, шагнул к двери:

– Алана, мать заждалась. Танталь, дом требует твоего присутствия… Карета у ворот. Поехали.

Алана наконец-то выпустила руку отца. Отпрыгнула назад:

– Я не поеду… без Рестано. А ему нельзя ехать, ему надо лежать!

Солль резко обернулся:

– Алана, я слишком долго и слишком много тебе позволял. Теперь я велю – а ты делаешь. В карету!

Последние слова он почти выкрикнул, и сила приказа была такова, что Алана, как заведенная, сделала шаг к двери.

– Эгерт, выслушай! – это вмешалась Танталь. – Ты же не можешь не выслушать нас, ведь мы же…

Эгерт распахнул дверь, и Танталь прикусила язык, опасаясь свидетелей. Алана, опомнившись, отпрыгнула назад.

– Аген! – рявкнул Солль, выставляя из комнаты Танталь. – Уходим!

– Я не поеду, – сказала Алана, и мне на мгновение показалось, что вернулись прежние времена и передо мной стоит скверный упрямый подросток.

Солль ничего не сказал. И, конечно же, не взглянул в мою сторону.

Он попросту взял мою жену в охапку и легко, как котенка, вынес прочь.

– Ты не име… пра-а… Грохнула, захлопываясь, дверь.

* * *

Так закончилась история моей женитьбы. Я, которому оставалось жить меньше месяца, не должен был гневаться на судьбу. Скорее, я мне следовало благодарить Солля за

своевременное решение – он поступил, как умелый и жестокий хирург. Милосердный до жестокости…

Так думал я в минуты слабости. Сказалась большая потеря крови, тем временем прошел день и другой, и обмелевшие было красные реки понемногу восстановили свое полноводье. Усталую покорность судьбе будто смыло горячим течением; во мне проснулся оскорбленный супруг. Потому что нет таких законов, по которым мужнюю жену мог уводить силой кто бы то ни было – хоть бы и се родной отец…

Хозяин был рад моему отъезду. Он даже не умел скрыть этой радости; последние дни были для него черными днями убытков, и, обязанный проявлять ко мне внимание и щедрость, он втайне скрежетал зубами. Он бы вышвырнул меня раньше, если бы не страх перед полковником Соллем; зато на радостях от моего отъезда он забыл взыскать с меня за прокорм лошади.

Первым делом я отправился в конкурирующий трактир, где осталась наша карета, и попытался разыскать кучера, оказалось, что кучер продал карету и смылся вместе с денежками. Старший сын из по-кроличьи многодетного семейства решил, вероятно, завести собственное дело; я со вздохом пожелал ему удачи, прикупил снеди и, покачиваясь в седле, шагом двинулся на юг, по направлению к городу.

Глава шестнадцатая

Все, способные удержать в руках хотя бы лопату, выползли из поселков в поле. Люди, чье пропитание составляла земля, спешили вытянуть из душистых черных развалов все, какие можно, соки; по дорогам теперь носились только гонцы да бездельники, да еще важные господа, никогда не нюхавшие чернозема. Я был сам себе господин, гонец и бездельник.

Голова кружилась немилосердно; сам не знаю, как я удерживался в седле. Ехать приходилось медленно, и копошащиеся на пашне работники провожали меня удивленными взглядами. Бездельник, да еще и пьяный с самого утра.

В полдень дорога была пуста; солнце припекало почти по-летнему, грязь давно высохла, обратившись в пыль, и потому я заметил сперва пыльный шлейф, и только потом – всадника. И тоже, кажется, пьяного – лошадь время от времени упиралась, мотала головой и делала слабые попытки сбросить раздражающую ношу.

Потом мне показалось, что это мальчишка.

Пелена упала с моих глаз только тогда, когда мы почти поравнялись. Я натянул поводья и спрыгнул в пыль, и успел как раз вовремя – скверная лошадь под маленьким всадником решилась-таки на подлость, и я, подскочив, поймал падающего человека у самой земли.

– Р-рета-ано…

Минут пять мы лежали на разогретой солнцем обочине. Моя лошадь смирно топталась рядом, лошадь Аланы придется потом ловить; моя жена никогда не была хорошей наездницей. Верх мужества с ее стороны – оседлать такое своенравное животное…

Ее волосы переплетались с незапыленной, едва увидевшей солнце травой. Ее пальцы перебирали щетину на моих ввалившихся щеках; Светлое Небо, почему я отправился в путь небритым?!

Некоторое время мы исступленно извинялись друг перед другом. Мы с наслаждением просили прощения за все мыслимые и немыслимые грехи; не знаю, во что вылился бы наш экстаз раскаяния, если бы Алана не нащупала на моем затылке поджившую рану и не заплакала, на этот раз из жалости. Два глупых голубя на обочине большой дороги – вот кем мы были, разумные и выдержанные, в общем-то, люди. Потом земля выдала далекий стук копыт, и Алана рывком села.

– Гонятся, – сказала она едва ли не с гордостью. – Ретано, а давай пришпорим так, чтобы они неделю гонялись, а?

Если учесть мою разбитую голову и Аланины навыки верховой езды, то предложение прозвучало более чем смело.

– Алана… – начал я осторожно. – А ты уверена… ты Действительно меня простила… за такое?!

Она взглянула мне в лицо – и вдруг нахмурилась:

– Ты хочешь сказать, что приличная женщина не простила бы? Что такое не прощается, да? Что я липучка, овечий хвост, репей, прицепилась к тебе… несмотря ни на что?!

Безмятежное солнце подернулось тяжелой ватной тучей.

– Да ничего такого я не хотел сказать! – я поднялся вслед за ней. – Какой мне был бы смысл доживать эти дни, если бы не…

Ее лицо снова изменилось. На этот раз его преобразил не гнев – страх.

– Алана, – сказал я поспешно, – а отец… Танталь говорила с твоим отцом насчет этого… Скитальца?

Топот копыт стал отчетливее. По дороге приближался, пыля, небольшой воинственный отряд.

Танталь снова поразила меня – в который раз. Я уверен, что если бы не она – Эгерт Солль не сказал бы мне больше ни слова. Ни при каких обстоятельствах. Ни о чем. Никогда.

О чем она талдычила ему эти три дня? Как убеждала? И ведь ей самой требовалось время, чтобы осознали совершенное мной – и если не простить, то хотя бы смириться…

При виде отца Алана изобразила на лице достоинство и независимость – для этого требовалось всего лишь повыше задрать нос. Эгерт вздохнул, поодаль от дороги уже разбита была палатка, сыто потрескивал костер и висел над огнем закопченный котелок. Полковник с молодым воинством путешествовал по-походному, без излишеств.

В палатке мне было предложено сесть. Солль по-прежнему не глядел в мою сторону, но уже то, что он готов терпеть меня под собственной парусиновой крышей, говорило о колоссальной уступке с его стороны.

Алана села рядом и демонстративно взяла меня за руку. Жест, не принятый в приличном обществе, но весьма красноречивый в Аланином исполнении.

– Вернулся разведчик, – сообщил Солль, неспешно прохаживаясь взад-вперед. – Странные новости… Река разлилась.

Мы молчали. Полковник сроду не занимался сельским хозяйством – странно, откуда такой интерес к какому-то половодью.

– Река совсем разлилась, – кажется, Солля задела наша непонятливость. – Мост смыло. Паром тоже смыло. Прервалось сообщение с городом…

– Не время для паводка, – удивленно сказал Аген, присутствовавший при беседе. Хотя я предпочел бы, чтобы он присутствовал с той стороны от входа.

Солль пожал плечами:

– Говорят, в каких-то горах чрезмерно тает снег… Все бывает, хотя, если разобраться…

– Аген, – сказала Танталь, задумчиво разглядывая заплаты на парусиновом потолке. – Ты бы не мог попросить кашевара, чтобы мне приготовили отдельную порцию, без масла?

Аген не сразу понял.

– Сейчас попросить, – уточнила Танталь, и Аген покрылся краской. Солль молчал, не спеша подтверждать распоряжение, и Аген решился на дерзость:

– Без масла вовсе не так вкусно, – сказал он, угрюмо глядя в глаза Танталь. – И я не рискнул бы указывать кашевару, ведь он делает свою работу…

Я никогда бы не подумал, что этот плечистый парень умеет так лихо выстраивать намеки.

Танталь мягко улыбнулась:

– Я люблю без масла, Аген. Воспринимай это как мою личную просьбу.

Надувшись, Аген сделался квадратным, как тумба. Вопросительно взглянул на Солля – прочел в его глазах молчаливое подтверждение. Поклонился и вышел, задернув полог чуть резче, чем требовалось.

– Он закрывает нам дорогу, – быстро сказала Танталь. – Черно собрался с силами… Или вот-вот соберется. Эгерт, тот наш разговор-Полковник наконец-то перестал расхаживать. Опустился на низкий чурбачок, причем острые колени оказались чуть не на уровне глаз:

– Значит, тарелка с супом? И придет хозяин, вылье суп, положит каши?

Я нервно сглотнул. Хотелось есть.

– Наоборот, – деловито пробормотала Алана. – Выгребет кашу, наполнит супом.

Снаружи – в отдалении – весело переругивались Соллевы выкормыши. Только голос Агена звучал угрюмо и раздраженно; сытный запах снеди пробивался сквозь парусину, заставляя мои ноздри конвульсивно подергиваться.

– За свою жизнь, – задумчиво пробормотал полковник, – я встречался с одним только магом – деканом Луаяном… Скиталец не в счет.

– Почему? – мрачно спросила Алана.

К запаху каши примешалась некая горчинка. Нежели кашевар

допустит, чтобы лакомство подгорело?!

Эх, Ретанаар Рекотарс, с каких это пор мясная каша служит тебе лакомством…

– Потому что Скиталец не был магом… в обычном понимании, – назидательно сообщил Солль, обращаясь к Алане. – Природа его могущества… за гранью нашего понимания. Я не знаю точно, но мне кажется, что природа вашего Чонотакса…

– Вот именно, – быстро сказала Танталь. Эгерт поднял брови:

– Но почему? Ведь Скиталец был отмечен Третьей силой. Чужаком Извне… А Чонотакс…

– «Когда зима остается за дверью, малый сквозняк все равно входит к нам – через щель…» – глухо процитировала Танталь.

Последовала пауза – напряженная, будто кожа на барабане.

– «Малый сквозняк», – Солль усмехнулся. – Если бы все было… так просто… Зачем Тому, кто Извне, вообще понадобились Привратники? Куда проще… дунуть-плюнуть в щель… в замочную скважину…

– … И дождаться, пока плевок вселится в лысого мага, – бойко закончила Алана.

– Помолчи, – одернула ее Танталь. Алана нахмурилась:

– Золото не-ржа-ве-ет! Там, «на пороге», никого нет!

– Помолчи! – Глаза Танталь потемнели. – Ты путаешь простые вещи! Ржавеющее золото – всего лишь… вторичный признак, знамение! На самом деле важна лишь ржавчина на Амулете… которым Луар запечатал Дверь. Кто знает, может быть, печать давно уже проржавела?!

– Скитальцу следовало бы яснее выражаться, – хрипло сказал Солль, удивленно глядя на Танталь. – Это моя беда – я плохо его понимаю…

– Скиталец?! – разом вскинулись Алана и Танталь.

– Мы не виделись десять лет, – пробормотал Солль. – Нужна была веская причина… чтобы он вернулся в мои сны.

Последовала новая пауза. Лицо Танталь на глазах теряло краску, Алана сидела, полуоткрыв рот, Солль сгорбился, его глаза диковато посверкивали сквозь упавшие на лицо бесцветные пряди.

– Что же ты молчал, Эгерт? – хрипло спросила Танталь.

Солль пожал плечами:

– Разве я провидец?!

В палатке стояла укоризненная тишина.

– Мы рассчитывали, Эгерт, – Танталь поднялась и сделала два шага туда-сюда, но по палатке особо не разгуляешься. – Мы рассчитывали, что Скиталец поможет нам…

– …защитить маму, – помогла ей Алана.

– А заодно и весь мир, – добавил я желчно.

– Не знаю, – Эгерт криво усмехнулся, – смогу ли я защитить мир… Но нашу маму я точно никому не отдам. Хотя… – он осекся. – Если… правда… и «она ждет, она на пороге»…

– «Она на пороге», – проговорил я, и память моментально вернула меня в холодную, занесенную снегом избушку. Чонотакс Оро в своей чудовищной шубе, играючись, помахивает топором: «Сколько лет пророчеству – а все никак не сбыться»…

Не всегда приятно быть центром всеобщего внимания. Особенно – если все взгляды буравят тебя насквозь.

– Что? – отрывисто спросил Солль.

– Чонотакс говорил, что предсказания должны сбываться, – сказал я, поражаясь своей забывчивости. – «Предсказания должны сбываться. Это упорядочивает мироздание».

Мои собеседники переглянулись. Потом Танталь проглотила слюну, зябко потерла ладони и продекламировала по памяти, если и сбиваясь, то не слишком часто:

– «Идут беды… Вот зеленая равнина и путник на зеленой равнине. Огонь, загляни мне в глаза! Горе, ты обречен. Земля твоя присосется, как клещ, к твоим подошвам и втянет во чрево свое… С неба содрали кожу… Э-э-э… Где путник на зеленой равнине? Деревья… э-э-э… простирают корни к рваной дыре, где было солнце… Посмотри, вода загустела, как черная кровь… Посмотри, лезвие исходит слезами. Петля тумана на мертвой шее. Дыхание среди нас…»

– Во память, – с завистью сказала Алана.

– Что это? – спросил я, содрогаясь. Танталь облизнула губы:

– Это… из жизнеописания Орвина-Прорицателя. Из книги декана… прорицание о приходе Того, что Извне… В принципе, впервые этот текст был в «Завещании Первого Прорицателя», но не сохранилось ни единого экземпляра, поэтому декан Луаян восстановил его, во многом со слов Ларта Легиара…

– Не время для лекций, – сказал я как можно более холодно, а на самом деле желая скрыть нервную дрожь, охватившую меня при звуке этих имен и названий. – Как я понял, речь идет… что станет с миром в результате вторжения Чужака?

Танталь отвела взгляд:

– Не знаю… Госпожа Тория говорила… что декан говорил… что это, в какой-то степени, просто художественный текст…

– Художественный?!

Танталь сглотнула снова. Обернулась к Алане, будто ища поддержки. Вопросительно глянула на Солля.

– Так Скиталец поможет? – спросила она требовательно, как сборщик налогов.

– Он сказал, что помочь не может, – выговорил Солль, отворачиваясь.

– Чтобы на него не рассчитывали… Что он и без того…

Новая пауза. Длиннее всех прочих.

Вряд ли моих собеседников занимали в этот момент судьбы мира.

Танталь переживала крушение надежд, Алана боялась за маму, а Эгерт Солль пребывал в растерянности. Состояние, не свойственное полковнику – и потому особо для него болезненное…

А я тешился странным открытием. Оказывается, не мне одному остались последние дни; жутковатые формулы прорицания не желали забываться, но и напугать тоже не умели – что мне до того, что «с неба содрали кожу»? Я пришелец, вернее, «ушелец», я равнодушно прикрою за собой свою дверь, уйду еще до того, как прорицание вступит в силу…

Но как я надеялся, оказывается, на внезапно возникшего, могущественного Скитальца. И как все было бы просто – Приговор побоку, и впереди возникает целая жизнь, время, которое можно посвятить чему угодно, хоть бы и борьбе за спасение мира…

Ах, как я надеялся.

* * *

То, во что превратился берег спокойной прежде реки, напоминало не то разграбленную ярмарку, не то лагерь богатых кочевников. Купцы, шедшие в город, подмастерья, странствующие в поисках работы, прочий бродячий люд, по какой-то надобности собравшийся на ту сторону реки – все это человеческое месиво ожидало, бранилось, чесало затылки в поисках выхода и объедало окрестные трактиры.

Обезумевшая река волокла обломки. Вода вгрызалась в землю, уродуя собственное русло. Подобно сумасшедшему мародеру, она хватала то, чем не могла воспользоваться, тащила с собой и разбивала по дороге. Плыли телеги кверху колесами, плыли обломки неизвестно чего; проворачивались в воде древесные стволы – листья оставались зелеными, деревья какое-то время продолжали жить и с удивлением, вероятно, ловили последние, дикие впечатления своей варварски оборванной жизни. Только безумец мог помыслить о переправе; на противоположном берегу суетились люди, в толпе мелькали красно-белые мундиры стражников, туда-сюда тянулись груженые

повозки – город пытался укрепить оседающий берег.

Не решаясь приближаться к невменяемой реке, мы молча смотрели, как прыгают, отражаясь от неровностей дна, упругие желтые волны.

– Ребята предсказателя нашли, – негромко говорил кому-то Аген за моей спиной. – Местный колдун, погодой ведает… Его сельчане чуть не вздернули с горя – так он дикими клятвами клялся, что ничего подобного не предвещалось… А спроси его, откуда напасть – трясется и молчит…

По течению плыл коровий труп. Покачивался на желтых водах вздувшийся бок, мелькали окоченевшие копыта, волны перебрасывались тяжелой тушей, то утягивая ее вниз, то подкидывая, будто мячик.

– Вот так человека давеча несло, – хрипло сказал незнакомый мужчина, по виду купец. – Точно не скажу, но вроде бы, братцы, это баба была…

– Сходила за водичкой, – мрачно хихикнул кто-то. В его сторону неодобрительно закосились.

– Какого пса? – раздраженно осведомился хрипловатый голос, принадлежавший, по-видимому, аристократу, – Полковник, когда наконец наладят переправу? Паром? Перевозчика?!

Я обернулся.

Бледное, нездоровое лицо. Широкие поля шляпы, не позволяющие солнечным лучам окрасить эти щеки хотя бы подобием румянца…

Свихнулся он, что ли, на аристократической бледности? Или думает, что вороний траур неизменно черных одежд делает его особенно загадочным?

Велика загадка…

Мы встретились глазами. Он узнал меня.

И-о чудо! – восковые щеки, вместо того, чтобы покрыться совсем уж синюшной бледностью, стали краснеть, наливаться будто свекольным соком…

Человек в черном, когда-то убивший на дуэли Рэгги Дэра, а потом лжесвидетельствовавший против меня в суде – этот замечательный господин недоумевал и боялся. Он не знал, чего ждать, он не мог понять, почему я до сих пор жив, у него потели ладони, мой взгляд жег его почище полуденного солнца…

Сколь огромное преимущество имеет презирающий.

Я смотрел на старого знакомца равнодушно, как на прибитое к берегу бревно. Некуда уже не годное, склизкое, гнилое.

Я не стал даже пожимать плечами. Развернулся и отошел, чтобы больше никогда не видеть человека в черном…

Чтобы тут же о нем забыть.

Я вернулся к Танталь и Алане. Им зрелище разбушевавшейся реки тоже не доставляло удовольствия – обе находились в подавленном состоянии духа.

– Ну что? – спросила моя жена.

Я пожал плечами. Танталь не сказала ничего; утром на ее глазах утонул парень, вздумавший достать с отмели чудом занесенный туда мешок. Что было в мешке – неизвестно, возможно, что и гнилая солома; попав в поток, парень оступился, получил по голове невесть откуда взявшимся бревном и уплыл по течению – кверху спиной.

– У меня нехорошее предположение. – Я сел рядом. – Мне все больше сдается, что, позволяя нам действовать, господин Черно всего лишь забавляется. До этой черты барахтайтесь – а дальше ни-ни…

В десяти шагах от нас Эгерт Солль беседовал с Аге-ном. Юноша озабоченно хмурился, поглядывая то на реку, то на противоположный берег. Вода подступала к предместьям – горожане, от мала до велика, таскали и возили камни. Издалека отлично видно было, как медленно продвигается их дело и как быстро, целенаправленно орудует река.

Солль кивнул – Аген вытянулся, будто принимая приказ, развернулся и затрусил прочь. Спина его была такой деловитой, что я мельком поразился – как же, в самой безысходной ситуации полковник Эгерт находит своим людям занятие…

Солль помедлил и подошел к нам. Танталь криво улыбнулась:

– Ну что? Сидим, как занозы?

– Мне это нравится, – отозвался Солль без тени улыбки. – Согласись, что если бы мы не могли помешать Чонотаксу – он не стал бы тратить драгоценные силы на то, чтобы нас задержать…

Я удивленно на него покосился. Мало я знаю собственного тестя, ох как мало…

– Зато теперь мы точно не можем, – сказала Танталь с отвращением. Солль кивнул:

– Можно было бы подняться выше… и попробовать водичку там. Но я думаю, куда бы мы ни ткнулись – река встретит нас одинаково… Не надо так смотреть, Танталь. Всегда есть шанс. Всегда.

Полковник говорил по обыкновению уверенно; одна его рука рассеянно легла на загривок Алане, другая – на плечо Танталь. Он будто накрыл их обеих несгораемым куполом своей веры в лучшее; я вдруг почувствовал себя лишним.

Совсем лишним. Вообще.

Шум реки заглушал возбужденный людской говор, сам не

помня как, я выбрался к остаткам сосновой рощицы, половина которой была снесена водой, а половина истреблена на костры. Сел на подстилку из мха, стянул сапоги, подобрал под себя ноги.

Подарить, что ли, кому-то сапоги?

Мысль явилась из неоткуда и больше не желала уходить. Вот сапоги, хорошие, новые… Может быть, подарить?

Деревянный календарь сильно пострадал во время беспорядочных странствий. Края лоснились, лак облупился, а кое-где сошел совсем – зато бородатые ветра все так же раздували щеки, источали снег пузатые тучи и перебирало щупальцами круглое, как медуза, солнце.

Мне почти ничего не осталось. Непонятно, зачем я стремлюсь куда-то и досадую по поводу разлившейся реки. Песок, отмеренный мне почти год назад, горкой лежит в нижней половинке часов. Остались считанные песчинки, еще немного, и я спрошу себя – а как придется умирать??

Как старикашка, который нацелился на шлюху, но поскользнулся на собственной пряжке и угодил затылком на железный штырь?

Как разбойник, утонувший по одним сведениям в луже, по другим – в нужнике?

Я ногтем поддел чешуйку лака, уже готовую отвалиться. По-хозяйски счистил случайное пятнышко, замаравшее пухлую щеку нарисованного солнца. Вгляделся в числа – и вдруг покрылся потом: а правильно ли я определил День? Может быть, я что-то перепутал, и не пять ночей ждет меня впереди а всего лишь четыре?!

Столько длинных дней зачеркнуто булавкой. Солнце сделало большой круг; я тоже прошелся по кольцу и возвращаюсь теперь к исходной точке. А умирать мне хочется еще меньше, чем хотелось год назад…

При чем здесь судьбы мира?! Ла, сейчас я один и постараюсь быть честным с самим собой, и скажу себе; мне было бы приятнее умирать… зная, что и весь мир вскорости накроется тазом. «Петля тумана на мертвой шее…» Может быть, мое счастье, что я не доживу?!

Небо, какая я сволочь. Какое счастье, что никто не проберется в мои мысли…

Дарить или нет сапоги? Если дарить – значит, я верю, что мир продолжится, солнце будет по-прежнему греть людям затылки, за летом придет осень и какому-то бродяге еще послужит моя обувка…

– Ретано… – голос Аланы.

Я дернулся, как будто меня застукали на горячем. Как будто

жена умеет читать мои мысли; нет, я не желаю, чтобы меня видели. Я ни с кем не стану говорить.

– Ретано, мы… послушай. А зачем тебе был дан этот год?

Зачем старику даны были сутки, а разбойнику – месяц? Судья – не значит палач. Мы сами себе палачи…

– А что, если… это испытание?

Испытание на прочность. Сойдешь ли с ума, повесишься ли раньше срока, тем самым посрамив Правосудие…

– Ретано, – хрипло сказала Алана. – Я не хочу, чтобы ты умирал.

Ох и холодное намечается лето…

– Ступай, я сейчас приду, – проговорил я, гладя на реку. – Как-то не принято обуваться при дамах.

Люди Солля добыли где-то лодку. Добротную, смоленую, почти новую, сперва я споткнулся, потом пошел быстрее, потом побежал.

Эгерт улыбался. И так, с улыбкой, говорил о чем-то своим собравшимся вокруг ученикам; плечи Соллевых выкормышей плотно смыкались, не желая пропускать меня в теплую компанию – однако я, если захочу пройти, то проберусь и сквозь стенку.

– Не снесет к камням… сверху. Нет, Аген, ты останешься за старшего и проследишь, чтобы женщины… Тут он заметил меня, и уголки его губ опустились:

– Господин Рекотарс, я был бы благодарен, если бы вы дали мне возможность поговорить с моими людьми.

– Для переправы, – сказал я, удерживая сбившееся дыхание, – уместнее сейчас не лодка, а плот. Лодка перевернется.

Он разозлился теперь уже по-настоящему, однако сумел совладать с собой:

– Позвольте мне решать, что уместнее для переправы… Отойдите.

– Милейший полковник, – сказал я, распаляясь от собственной дерзости. – Через несколько дней я так и так избавлю вас от своего назойливого присутствия. И вы выберете для дочери мужа по своему вкусу; сейчас же, пока я жив, извольте принимать меня всерьез!!

Ребята Солля вопросительно посмотрели на начальника. Ждали, вероятно, команды, чтобы взять меня за шиворот и забросить куда подальше; полковник молчал.

– Я тоже кое-чего стою, – сказал я тоном ниже. Красивый рот полковника едва заметно дрогнул. Эгерт Солль сомневался в моих словах.

…Ехали молча.

Время утекало, и не только мое время; там, за преградой из

несущейся желтой воды, бесстрастно смотрела на мир госпожа Тория Солль, та, которую я никогда не видел, та, которая должна была привести Чонотакса Оро к Двери, к Луару, к Амулету. Судьба мира нисколько не интересовала меня, судьба Тории тревожила, но чисто умозрительно; Алана, моя жена, и Танталь, бывшая комедиантка – только ради этих двоих я преодолевал оцепенение подступающей смерти.

Ехали вверх по реке; плот снесет течением к городу, за это время мы должны будем протолкнуть его к противоположному берегу и причалить на излучине – иначе нам встретятся камни, щедро рассыпанные в нижнем течении реки.

Если плот будет слишком легок – его перевернет в первом же водовороте. Если слишком тяжел – мы не сможем им управлять.

Походу предшествовали несколько коротких, но весьма бурных сцен. Я не сомневался, что у Эгерта хватит власти оставить на берегу обеих женщин – даже если Алана и Танталь начнут от ярости плеваться огнем. И к этому все шло – но Танталь сказала фразу, поколебавшую не только мою решимость, но и решимость Солля:

– Ты точно знаешь, кого удерживает эта преграда? Ты уверен, что, переправившись сам, нарушишь планы Черно? Речь идет о Тории и Луаре – не кажется ли тебе, что река разлилась затем, чтобы не пропустить ее дочь и его жену?

– И сестру, – сообщила угрюмая Алана.

– А если вы утонете – это нарушит чьи-либо планы? – рявкнул Солль.

– У нас одинаковые шансы утонуть! – заявила Алана гордо.

У меня вдруг закололо в боку. Непривычно и сильно; мысль о том, что тело Аланы будет плыть по течению, желтые волны станут играть им, как играли до того коровьим трупом…

– Вы останетесь, – сказал я через силу.

– Ты подыгрываешь Черно, – устало сообщила Танталь.

Эгерт вдруг шагнул вперед, взял ее за плечо, сильно, даже грубо:

– Ты, знаток магической истории… Поставив преграду, он контролирует ее? Он следит за нами – или, взбаламутив речку, преспокойно занимается своим делом?

Танталь мигнула:

– То есть… не кинет ли он в нас бревном, едва мы спустимся в поток?

Жаль, что на своем веку я почти не читал магических книжек.

– Я… не знаю, – сказала Танталь с запинкой. – Если бы не пустить нас было его основной целью… он, пожалуй, следил бы… Но у него есть сейчас дело поважнее, я я думаю…

– Танталь должна быть с нами, – сказал я неожиданно для себя.

Солль обернул на меня тяжелый взгляд:

– Почему?

– Потому что Чонотакс ее не утопит, – я едва не прикусил язык, встретившись глазами с Танталь, но все же нашел в себе силы довести мысль до конца. – То есть до смерти не утопит… не погубит.

– Почему?!

Больше всего на свете ей хотелось ударить меня по лицу. Но она сдержалась; Алана нахмурилась, я увидел, что она солидарна со мной – но вместе с тем сочувствует Танталь. И молчит ради пользы дела…

Не знаю, что подумал в тот момент Эгерт. Довод Танталь на него подействовал или мое внезапное откровение – но болезненное решение было принято, Эгерт взял его на свою совесть, и, желая поддержать его, я заверил женщин, что тонуть мы нисколько не собираемся – мы собираемся переправляться…

Тут случилась новая бурная сцена, потому что оказалось, что меня господин Солль брать на тот берег не намерен.

Танталь, уязвленная, не разжимала губ – Алана сама оттащила отца в сторону, до меня долетали весьма красноречивые обрывки: «его не знаешь» – «мне вполне хватило» – «без него не поеду» – «ну и оставайся» – «стоит больше, чем весь твой корпус»… Потом Алана снизила голос до шепота, я не мог разобрать ни слова; потом Солль поморщился, отошел к реке, долго глядел на волны, вернулся, глянул на меня, и впервые отвращение в его глазах чуть поступилось интересу:

– С веслом вы когда-нибудь обращались?.. И вот теперь мы тянемся вдоль берега, вверх по реке, и время утекает, и утекает желтая вода. Танталь и Алана везут связки пробок, собранные со всех окрестных трактиров; Аген с ребятами поскакали вперед – там, выше по течению, плюется щепками маленькая лесопильня. Вряд ли хозяин ее когда-нибудь сплавлял лес по такой бурной реке…

Соллю не откажешь в здравом смысле. Если понадобится, он примет дельный совет даже от такой скотины, как собственный лживый зять.

* * *

…Завертело сразу же. Неудачно оттолкнулись от берега; плот сделал оборот вокруг своей оси, перед глазами мелькнул

противоположный берег, желтое пространство воды, дохлая собака в кустах у самой пильни, колонны сосен в воротничках нечистой пены…

Эгерт Солль закричал – я не слышал слов, но голос был раздраженный и злой.

Река рвала весло. Река хотела выдернуть у меня из рук отполированную множеством ладоней деревяшку, как будто для полного счастья ей, ненасытной реке, не хватало еще и этого ничтожного трофея…

Алана и Танталь замерли в центре плота, ухватившись за вбитые в дерево скобы. Сперва их хотели привязать – но что, если плот перевернется, накрыв женщин собой?!

И у одной, и у другой вились вокруг груди плотные ожерелья из пробок. Все трактирщики округи обездолены – зато есть слабая надежда, что река, завладев нашими женщинами, все же не сможет их утопить…

Теперь мы работали согласно с Соллем. Я наконец-то попал в ритм его движений; Светлое Небо, а ему ведь за пятьдесят, сможет ли… такие усилия…

Тут нас вынесло на стрежень, и я перестал думать.

Река несла, как ополоумевшая лошадь. Река разгонялась, выискивая подходящий для нас водоворот, а может быть, она задалась целью пронести нас мимо города, доставить в целости и невредимости прямо на камни, что поджидают ниже по течению…

Танталь и Алана разевали рты, но я не слышал крика.

Слившиеся в пестрый поток берега; это мир несется мимо нас, а мы застыли неподвижно, только вздрагивает плот, дергается, как лошадь, мучимая оводами…

На край плота швырнуло дохлую козу. Только на мгновение, как издевательство, будто в насмешку – глядите, что с вами будет… Стеклянные глаза, свалявшаяся шерсть, рога, бессильно угрожающие убийце-реке. И новая волна, и снова желтая, густая, вязкая пучина…

Я на миг представил, что делается под нами. Как масса воды, которой тесно сделалось прежнее русло, выгрызает себе новый путь, как ворочаются на дне камни, а съеденная глина поднимается вверх, чтобы сделать реку еще более густой, еще более желтой…

Я должен видеть Эгерта. А если не вижу – я должен его чувствовать. Мы не игрушки в лапах реки: наши весла сумеют вспороть ей брюхо, пусть рана тут же зарастет новой пеной, но мы протолкнем свой плот к берегу… Пусть на ладонь, пусть на волосок… К берегу, к городу, к Тории, к Чонотаксу Оро…

Я убью тебя… Черно.

Весло рвется из рук. Прорвались перчатки, прорвалась кожа, еще немного – и кости прорвутся тоже…

Я хочу, чтобы мои ступни пустили корни. Чтобы мои ноги вросли в это скользкое дерево, я хочу устоять, устоять, усто…

Плот взлетел над языками пены. От падения захватило дух; нас развернуло в воздухе, и тяжелая туша из цельного дерева ушла в воду тем своим краем, на котором сражался с волнами Солль.

Нет, я не слышал крика Аланы и Таиталь. Возможно, они завопили в один голос; время растянулось, плот встал дыбом, я оказался вдруг высоко-высоко над водой, так, что увидел разинувших рты людей на размытой набережной перед въездом в город…

Плот помедлил, собираясь перевернуться, а потом все же опрокинулся назад, грянулся о твердую, как камень, глинистую поверхность реки, я ударился лицом о собственное весло и добавил в желтые воды немножко собственной крови.

Эгерт не привык повторять дважды. «Если смоет меня, не отвлекайся, закончишь дело сам. Если смоет тебя – я не стану тебя спасать, женщины важнее…»

Если его смыло – он остался во-он там, далеко позади, там, где грохочет перекат и летит в воздух пена…

– Держись! – крикнул я Алане и Танталь, но они все равно меня не слышали, да и никакими силами, думаю, не разжать сейчас их рук…

Я только сейчас заметил, что Танталь удерживает коленями весло. Весло Эгерта…

Он стар – куда ему было лезть в эту реку?!

Я хочу, чтобы мои ноги были как у мухи. Чтобы подошвы сапог присасывались к бревнам…

Течение отрывало его руки от спасительного края плота. Пальцы Солля соскальзывали, один за другим. Одной рукой я ухватил его за запястье, другой… другая не могла найти, за что зацепиться…

Пока на пути ей не встретились скрюченные пальцы Аланы.

Тишина. И грохота не слышно; по-прежнему сливаются в диком беге берега, будто кто-то крутит справа и слева два больших барабана… Я видел подобное в каком-то театре…

Театр. Смешная старуха, которая…

Солль подтянулся. Сперва на плоту оказались его локти, потом плечи, потом…

Я не слышал, что кричала Танталь. Зато я понял, что значит «перекосилось лицо», лицо было нарисовано на белом полотне, и

вот эту ткань натянули по диагонали – перекосили…

Нас несло на отмель. Туда, где застыла в ожидании огромная колода; река намеревалась сделать из Эгерта Солля кровавую отбивную, а из нас – мясную похлебку…

Я знал, что он не успеет выбраться до столкновения. А потому что есть силы толкнул его в сторону, отбросил на угол плота, возможно, Солль решил в эту минуту, что я хочу избавить наш утопающий плот от его немалого веса…

Река явно уступала мне в реакции. Колода врезалась в плот – казалось, что затрещали кости, но на самом деле так проламывалось дерево. Нашей скорости и веса хватило, чтобы столкнуть колоду с отмели, она грузно плюхнулась в воду, проворачиваясь, поблескивая глянцевым боком, будто водяное чудовище; плот едва не собрался в гармошку, бревна перекосило, предательская суша царапнула нас по дну – но не удержала, пустила в новое плавание…

Я очнулся в ледяной воде. Ударом меня швырнуло вперед я не думал, что вода такая холодная, такая, что перехватывает дыхание, густая, мутная, ледяная…

На мгновение мне показалось, что река хочет растворить меня. Что она просто переварит меня, будто огромный, разлитый по руслу желудок. Все, что случилось потом, произошло в долю секунды – но для меня время тянулось невообразимо медленно, я успел запомнить детали…

Несущийся плот втянул меня под свое деревянное брюхо. Переехал, как огромный утюг. Сквозь непрозрачную воду я все же видел, как плывут над головой бревна, и сквозь расползающиеся щели проглядывает небо…

Потом я понял, что будет дальше. Плот понесется по течению, и хорошо бы Соллю удалось удержаться, прийти в себя и довести его до берега. До совсем уже недалекого…

Берег, к которому мы так стремились, теперь нависал над нами шляпкой гриба. Вода подмывала глиняную стену, сверху срывались мелкие камни и комья земли вместе с травой. Черная воронка, вертящаяся под самым берегом, завораживала, как глаз.

Четыре веревки насилу вытянули нас из-под опасного, грозящего обвалом козырька. Горожане изрядно поработали, воздвигнув здесь насыпь из камней; теперь отовсюду бежали люди, и на многих были когда-то красно-белые, а теперь грязно-бурые мундиры.

В моем сознании случился короткий провал. Очнулся я, когда глиняный подмытый козырек оторвался-таки от тверди и

грянулся в воду, и нас, уже выползавших к тому времени на берег, накрыло грязной волной. Алана не устояла на ногах – я поддержал ее; вода бессильно соскользнула, уже не в состоянии завладеть нами, и я на мгновение опьянел от осознания собственной живучести.

Жив. Вырвался, прорвал серую пленку неотвратимой смерти, и вот стою на насыпи, мокрый и окровавленный из-за многочисленных ссадин, бессовестно живой, холодный, грязный…

Окружившие нас люди о чем-то возбужденно говорили, но я перестал слышать их голоса. Новое осознание подобно было падению дубины.

Горка песка на дне песочных часов. Круглый деревянный календарик, и бегущие по кругу дни вычеркнуты один за другим. Еще три долгих дня, три с половиной ночи…

Я почти мертв. Алана овдовеет раньше, чем мои ссадины заживут.

К нам подвели лошадей. Я видел, как Танталь поспешно вытирает волосы невесть откуда взявшимся полотенцем. Как Алана со страдальческим выражением лица отжимает подол платья. Река за нашими спинами все еще ревет – кажется мне или нет, но прежней ярости в желтом потоке уже не наблюдается, как будто после нашей переправы жизнь для реки потеряла смысл…

Мне заглядывали в лицо. Их было полным-полно – горожан с натруженными руками, стражников с кирками и лопатами, а этот, в пышном парике, не иначе как бургомистр…

Все они будут жить и завтра, и послезавтра и через неделю.

Я опустил голову. Нехорошо, если кто-то прочтет на моем лице малодушную, бессильную ненависть.

Глава семнадцатая

Я не узнавал города. Я не мог вспомнить улочек, по которым вел нашу кавалькаду полковник Солль. Прохожие шарахались из-под копыт, я старался держаться рядом с Аланой, всем известно, какая она наездница… Через три дня все это перестанет меня волновать – но пока я жив, с Аланиной головы не упадет ни волоса.

Все живое есть вызов смерти. Мы строим дома и рождаем младенцев – зная, что всему придет конец; я ничем не отличаюсь от прочих. Не через три дня, так через тридцать лет, но результат один и тот же, а мне хотелось бы, чтобы мой собственный вызов смерти прозвучал как можно более дерзко…

Сменяли друг друга узкие улочки. Сопровождающая нас тройка стражников предусмотрительно отстала – Эгерт Солль гнал, как по большой дороге, и Танталь не отставала от него, и даже Алана, закусив губу, крепко держалась в седле.

Ты не умрешь, мягко сказал невидимый страж, охраняющий мой рассудок от сумасшествия. Не может быть, чтобы ты умер. Не может быть…

Это повторялось в сотый раз. Внутри меня раскачивался огромный маятник: я путешествовал от отчаяния, сдобренного философией, через упрямство и ярость – к расслабленной вере в собственное бессмертие. Туда-сюда. Туда-обратно…

Копыта простучали по горбатому мостику, смутно знакомому, и через несколько кварталов обнаружился дом.

У крыльца дома Соллей стояли два красно-белых стражника, и пики в их руках были скрещены перед входом – несколько картинно, я бы сказал. Что они, все время так стоят? Или устроили спектакль, заслышав приближение полковника Солля?

Так или иначе, но при виде Эгерта им следовало бы отсалютовать, но они не двинулись с места. Ни один не повернул головы.

– Сарки! – крикнул Солль, соскальзывая с седла. – Доф!

Я помог спешиться Алане. Она тяжело оперлась о мою руку, я слышал, как Танталь бормочет в ухо с собственной лошади: дома… вот и дома…

Эгерт шагнул вперед; Сарки и Доф, или как их там звали, плотнее сдвинули свои пики:

– Нельзя. Никому нельзя. Вход закрыт. Отовсюду – из двора напротив, из окон, из соседних подворотен – осторожно выглядывали, потихоньку подступали любопытные.

Солль, надо сказать, очень быстро обрел потерянный дар

речи.

– Это я – рявкнул он в лицо того из стражников, что был повыше. – Именем начальника стражи – приказываю прекратить балаган и следовать за мной!

Стражники вдруг заулыбались – одинаково, как братья. Улыбки их ничего общего не имели с весельем, я слышал, как охнула за спиной потихоньку собравшаяся толпа.

– Эгерт! – голос Танталь сорвался. – Назад!

Солль отступил.

Стражники стояли, неприятно похожие на кукол с фарфоровыми головами. Пики соприкасались, и между остриями – толпа роптала все громче – то и дело проскакивали маленькие синие молнии. И очень холодные – во всяком случае, смотреть на них было зябко.

Солль развернулся. Схватил за шиворот первого подвернувшегося зеваку – но почти сразу выпустил, обнаружив, вероятно, что жертвой стал его собственный приличный сосед.

– Что здесь… пес, что здесь происходит?!

– Утром еще их прислали, – пробормотал сосед, нервно оправляя воротничок. – Нормальные… ребята… мы с ними час назад беседовали, про реку, как она сбрендила… они говорили, что с госпожой Торией… все в порядке… Час назад еще… Попросили водички попить – ну, я господам стражникам угодить всегда рад… пошел к себе за кружкой, возвращаюсь – стоят… как в столбняке… Я к ним с водичкой – куда там… Страх… колдовство это, господин полковник, как есть…

Все обернулись на Сарки и Дофа. Молнии, потрескивающие между наконечниками копий, и кукольные улыбающиеся лица как нельзя убедительнее подтверждали предположение доброго горожанина.

– Колдовство, – Соллев сосед облизнул губы. – Я еще третьего дня приметил… крутился тут один, лысый, как… ты что делаешь, мерзавец?!

Возглас относился к мальчишке, который, проникнувшись всеобщим возбуждением, подобрал с мостовой камень и запустил его в замерших у крыльца стражей.

Мальчишка был на диво меток. Камень с грохотом ударил по шлему, пострадавший стражник тем не менее не переменился в лице, не сдвинулся с места, даже не перевел взгляда – хотя на мундир ему посыпалась каменная крошка.

Я вдруг представил себе, как в улыбающегося стража впивается арбалетная стрела. Одна, другая; кукла не меняется в лице, она будет незыблемо стоять, даже залитая кровью, даже нашпигованная стрелами, и между остриями копий будет скакать

синяя молния…

– Сарки! – жалобно позвал один из сопровождавших нас стражников. – Это же господин Солль, брось пику, слышишь?

Эгерт обменялся длинным взглядом с Танталь. Обернулся к растерянному эскорту:

– Взять их. Осторожно.

Три коротких меча бесшумно выскользнули из ножен. Растерянные стражники шагнули к своим же товарищам, с кукольным усердием охраняющим вход; пики выглядят устрашающе, но совершенно бесполезны в пешем бою на улице города…

Три меча остались лежать на мостовой. Один из нападавших упал, не сумев увернуться от потрескивающего молниями острия. Двое отскочили – хорошая реакция спасла их раньше, чем они поняли, что происходит.

– Колдовство… – в ужасе выдохнула толпа. Солль шагнул вперед. Танталь охнула – но полковник не собирался повторять попытку штурма. Поднырнув под размазанные в воздухе древки, он ухватил лежащего за пояс и рывком оттащил от крыльца, запричитали женщины.

– Оружие, – угрюмо распорядился Солль. – Оружие мне… – короткий взгляд в мою сторону, – и ему… господину Рекотарсу.

Мне нередко приходилось лазать через заборы. Даже и более высокие, даже и снабженные шипами; как правило, на той стороне меня поджидала любвеобильная дама, а путь к ней загораживали нехитрые препятствия в виде супруга либо опекуна…

Соллям не от кого было прятаться. Ни один вор, будь он в здравом рассудке, не решился бы лезть в дом полковника Эгерта, я уж не говорю о возможных любовниках; сейчас во дворе не было даже собаки. Солль перебрался первым и принял из моих рук сперва Танталь, а потом и Алану.

– Вот уж не думал, что вот так придется входить в собственный дом…

– В жизни много неожиданностей…

Глубокомысленная фраза, жеваная до меня сотнями поколений доморощенных философов, навязла на зубах, подобно волокнистой лепешке.

– Ждите, пока позову, – сухо сказал Эгерт женщинам. – Без приказа – ни шагу…

Танталь пробормотала что-то полуразборчивое – нечто вроде «привык командовать»….

Короткий меч не приживался в моих руках. Неудобное и

непривычное оружие; впрочем, с кем я собираюсь сражаться?..

– Дюла! – позвал Эгерт, распахивая входную дверь, – Клов! Эй, кто здесь!

Я скорее почувствовал, нежели увидел движение у него за спиной.

– Солль!

Тяжелый закопченный котел, рассекший воздух в том месте, где только что была голова полковника, с диким грохотом грянулся об пол. Эгерт стряхнул меня и вскочил; надеюсь, что к тому времени он уже научился мне доверять и ни на мгновение не поверил, что я сбил его в порядке вероломного нападения. А в следующую секунду ему вообще стало не до мыслей, потому что из дверей столовой на него шла, подняв мясницкий нож, румяная горничная.

Как если бы хозяин театра марионеток решил позабавиться – и поменял кукол прямо в процессе представления, передоверив роль людоеда хорошенькой пышногрудой девушке; девушка улыбалась фарфоровой белозубой улыбкой.

Я убью тебя. Черно!..

– Дюла, назад, – прошептал Солль, поднимая меч. – Назад! Пожалуйста, прекрати!

Дюла шла, держа свой нож привычно и умело, словно бывалый убийца-мясник. К опрятному передничку пристали пластинки рыбьей чешуи; абсурдность ситуации довершала прозрачная бутылочка с подсолнечным маслом, зажатая в Дюлиной левой руке.

Мне кажется – или по дому расползается запах горелой рыбы?!

За моей спиной скрипнула дверь, ведущая, кажется, в гостиную. Я рывком обернулся; в проеме стоял лакей, помнится, я все никак не мог определить цвет его глаз. Этот улыбался тоже, и в руках у него была кочерга.

Мы с Соллем не успели даже переглянуться.

Со стороны это выглядело в лучшем случае комично. Два прославленных воина против милой горничной и толстенького слуги…

Дюла целенаправленно шла к полковнику. А слуга с кочергой достался, по-видимому, на мою долю…

Мне легче. А вот как станет сражаться Эгерт – с девушкой, с собственной горничной?!

А избежать сражения, как оказалось, не удастся.

Дюла ударила. Она не рычала и не брызгала слюной, как, согласно всеобщему представлению, положено вести себя одержимым чужой волей существам. Она уже и не улыбалась – но

била сильно и точно, Солль прикрылся мечом, и от соприкосновения двух Клинков родились трескучие искры, на которые было холодно смотреть.

Румяная служанка и прославленный полковник оказались одинаковы по силе. Я чувствовал, каким мучительным трудом Эгерту удается отвести в сторону острие ножа; Клов, шагавший ко мне навстречу с кочергой наперевес, показался вдруг материализовавшейся смертью. Какова насмешка – потомок Рекотарсов, в последнем своем бою скрестивший меч с кочергой, гордо погибающий от руки коротышки-лакея…

Нет, у меня не получится погибнуть, даже при столь смешных обстоятельствах. Судьба ревностно хранит меня, так хозяйка сдувает пылинки со своего лучшего кабанчика – бережет к празднику…

У меня еще три дня, пес побери!..

Кочерга обрушилась тяжело, как возмездие. В коротышке будто сосредоточилась сила всех лакеев этого города – ему бы камни ворочать, а не…

Следующий удар я чуть не пропустил. Кочерга ударила о ступеньку, круша мрамор, выбивая все те же холодные искорки…

«Позволь мне согреться».

Есть ли у Соллей еще прислуга? Чем она может быть вооружена? Где, например, старая нянька? Слышит ли госпожа Тория грохот побоища, не выйдет ли она на лестницу – посмотреть, что случилось? Ах, она ведь не покидает комнаты… да жива ли она? Или ведет Чонотакса Оро к Двери – прямо сейчас?!

Приступ ярости был таким сильным, что, не появись на сцене Танталь и Алана, я почти наверняка зарубил бы Клова. Насмерть.

Им следовало бы слушать Эгерта и не входить без зова. Не знаю, кто бы заводилой неповиновения – Танталь или Алана, и тем более не знаю, чем обернулась бы странная схватка, если бы обе послушно ждали за дверью…

Их своеволие спасло жизнь минимум одному человеку-Клову, неподобающе ловкому, внезапно сильному, смешному убийце с тяжелой кочергой…

Я с трудом парировал один удар и едва увернулся от другого. И огрел противника по голове – плашмя. Бедный слуга покачнулся – но падать не спешил; от мысли, что он продолжит схватку вот так, в крови и с закатившимися глазами, у меня по шкуре продрал мороз. Не особо раздумывая, я снова ударил – кулаком в челюсть,слуга упал, как опрокинутая колода, и я с опозданием подумал, что можно было бы и помилосерднее, и что все это видят Танталь и Алана…

Эгерт?!

Он отступал. Пятился, парируя все более свирепые удары Люлы, а та двигалась неимоверно быстро, и как минимум один раз ее нож достал до Солля – куртка на его плече была рассечена, будто топором. Возможно, он уже десять раз мог свалить ее – но захватить, не покалечив, не мог, и в этом, собственно, и состояла суть ловушки…

Я отбросил Алану, слепо ринувшуюся на помощь отцу. Никогда в жизни я не толкал ее так грубо – кажется, она даже упала. Танталь тем временем пыталась оборвать портьеру, прикрывающую дверь, но кольца держали прочно – у нее ничего не выходило. Отдав должное хитроумию бывшей комедиантки, я подскочил к портьере и повис на ней всем телом; прочная ткань расползлась неохотно, но уже секунду спустя мы с Танталь вооружились тяжелым куском бархата, и скопившаяся в нем пыль была укором Дюле, потому что даже в отсутствие хозяина прибираться в доме надо тщательнее…

Малиновый бархат накрыл Аюлу до пят, тяжелые складки легли величественно и красиво. Вряд ли у служанки Дюлы когда-либо будет платье, сравнимое по богатству в этим импровизированным туалетом; правда, мясницкий нож мгновенно испортил его, продырявив ткань изнутри.

Мне бы не хотелось сломать Дюле руку. Связанная шелковым шнуром с кистями, служанка молча извивалась на мраморном полу,Эгерт уже тащил Алану вверх по лестнице, я подталкивал перед собой Танталь, у которой в руках почему-то оказалась бутылочка с растительным маслом, и это было тем более нелепо,что из кухни растекался по дому едкий дым от сгоревшей на сковородке рыбы…

Я вдруг понял, что Черно Да Скоро нету в доме. Потому что иначе огонь погас бы, не успев расправиться с Дюлиной стряпней…

Не знаю, как она ухитрилась выбраться. Как дотянулась до отброшенного в угол ножа; ни шелковый шнурок с кистями, ни ворох тяжелого бархата на остановили одержимую служанку, опрятный передник сбился на бок, гладкая прическа рассыпалась патлами, румянец из милого сделался лихорадочным.

– Дюла!!

Раньше, чем мы с Эгертом успели схватиться за оружие, Танталь вырвалась из-под моей опеки и швырнула вниз бутылочку с маслом. Толстое стекло раскололось, выпуская густую ароматную волну, масло потеками поспешило вниз по мраморной лестнице, Дюла взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие – однако ноги ее уже потеряли прочную связь со

ступенями, а даже Черно Да Скоро не в состоянии отменить закона, по которому предметы, утратившие равновесие, падают вниз…

Дюла опрокинулась назад, ударилась о мрамор головой и больше не вставала. Солль еле удержал Алану, рванувшуюся к служанке на помощь; пересилив себя, мы поспешили вперед по коридору, по направлению к комнате госпожи Тории, запретной комнате, где мне так и не удалось побывать.

– Одну минуту…

Танталь споткнулась, я едва успел ее подхватить. Алана налетела на Солля, который встал как вкопанный. Коротенькая фраза упала перед нами, улеглась поперек нашей дороги, так ложится перед обреченным дилижансом опрокинутое разбойниками дерево.

– Одну минуту… господа.

Он стоял в конце коридора – свет, падающий из узкого окна, позволял нам видеть один только гологоловый силуэт. Я готов был поклясться, что еще мгновение назад в коридоре, кроме нас, никого не было.

– Господа… преклоняюсь перед вашей настойчивостью. Я уверен был, что непременно увижу вас здесь… И вы не опоздали. Я рад.

Он шагнул вперед, как бы затем, чтобы мы смогли увидеть его лицо. И мы – кроме, может быть, Эгерта – вздрогнули.

Он был стар, по-настоящему стар, кожа на лице висела желтоватыми складками, я не узнал бы его, если бы не по-прежнему сияющий череп и раскосые, малость сумасшедшие глаза.

– А не рано ли вы радуетесь, господин маг? – процедил сквозь зубы Эгерт.

Черно усмехнулся, и от этой улыбки мне сделалось нехорошо. Эгерт осекся, будто у него внезапно пересохло в горле; не снимая с лица страшной усмешки, Чонотакс Оро шагнул снова. Только теперь я заметил обитую тканью дверь с полированной ручкой. Эгерт Солль и Черно Да Скоро стояли теперь по обе стороны этой двери – не слишком близко, но на одинаковом расстоянии.

Комната госпожи Тории?

– Господа… – Черно, казалось, подбирал слова. – Разумеется, вы пренебрегли предостережениями, иного я от вас и не ждал… И пришли сюда. Именно сейчас. Все вместе…

Запах горелой рыбы, минуту назад достигший своего пика, теперь улетучивался, уходил. Хорошо, что с появлением Черно отступает хотя бы опасность пожара…

– И я приветствую вас, господин Эгерт Солль, отмеченный проклятием и милостью самого Скитальца. И вас, благородный Рекотарс, которому осталось жить считанные дни. И вас, госпожа Алана, обретшая свое счастье, чтобы тут же его и потерять… И тебя, – голос его странно изменился, когда он встретился глазами с Танталь. – И тебя, потому что ты изменила мою судьбу.

– Неправда! – сказала Танталь шепотом.

– Правда, – старик Черно прикрыл глаза. – Пять лет назад я любил тебя, но ты предпочла… лелеять свою верность прошлому. Ты предпочла меня Преемнику, Стражу Луару, пять лет назад я хотел остаться с тобой – но ты рассудила иначе… С того дня, как я закрыл за тобой дверь – с того самого дня тянется ниточка, приведшая нас всех к другой двери, к этой двери, к Двери…

Он потянулся к полированной ручке – Эгерт Солль сделал резкое движение, Черно улыбнулся, но руку отвел.

Что ж, подумал я, сжимая напряженное плечо жены. Теперь, по крайней мере, становится ясно, откуда…

– Даже так, – хрипло, с ненавистью сказала Алана. Чонотакс Оро кивнул:

– Да… Да, девочка. Мы все здесь с вами – не случайные люди… Привратнику положено быть несчастным и обделенным. Но я не привратник.

– А кто ты? – дерзко спросила Алана. Черно промолчал. И даже не улыбнулся, хотя многозначительная ухмылка напрашивалась сама собой.

– Все мы старые знакомые, – сказал я через силу. – У нас у всех была своя маленькая тайна… Вроде как жаба на груди… Но вы думаете, господин маг, эта новая правда что-то меняет?!

Чонотакс поднял на меня яростные молодые глаза, по ошибке заключенные в рамку из дряблых старческих век:

– Ретано… я не говорил тебе всего. В этом мире отменить твой Приговор невозможно, наибольшее, что я мог бы сделать – оттянуть его, выиграть неделю, как я проделал это с воришкой… Но я не врал тебе. Потому что только в том мире, который наступит после обретения мной Амулета, Судье и его Приговорам не будет места. Понимаешь?

Я понял.

Происходящее вдруг потеряло краски и отодвинулось. Как будто лица моих спутников были с поразительным искусством нарисованы на холсте, а сейчас я пятился, отходя от картины все дальше и дальше.

Значит, с самого начала…

Мне захотелось сесть. Отойти в сторонку, пусть эти люди сами выясняют отношения, при чем тут я, моя роль сыграна…

Меня взяли за руку. Очень крепко, очень холодными пальцами. Моя жена.

– Алана, – голос Черно изменился опять. – Сколько лет ты хотела бы… на сколь долгую жизнь ты разменяла бы те три дня, что остались тебе до вдовства?

Она заплакала.

Неумело водя ладонями по ее враз намокшим щекам, я потихоньку приходил в себя. Нет, я все еще персонаж на этой картине, и мне никто не разрешал убираться…

– Обретя Амулет, – тихо и мягко сказал Чонотакс, – я получу возможность распоряжаться чужими жизнями… Твой муж, Алана, благородный Ретанаар Рекотарс… он будет жить долго и счастливо – понимаешь?!

Эгерт Солль потянулся было к дочери, будто желая утешить. Встретился со мной взглядом и отступил.

– Господин Солль, – голос Черно вдруг сделался смертельно усталым, – сколько раз, оставаясь наедине с собой, вы грозили Небу кулаками? Сколько раз проклинали судьбу за несчастье, постигшее вашу семью и госпожу Торию? Разве она, дочь декана Луаяна, заслужила свое безумие?!

Серые глаза Солля сделались сизыми. Казалось, что спустя мгновение из черных зрачков ударит молния.

– Все вернется, – сказал Черно мягче. – Вы получите ее назад… Она вас узнает. Все вернется, понимаете?

Солль все еще смотрел – все еще яростно, но уже незряче. За короткое время нашего знакомства я видел его в разных переделках – но такого лица не видел ни разу, не припомню, чтобы у кого-то из людей было такое лицо…

– Я не лгу, – проронил Чонотакс, и никому не пришло в голову усомниться.

Потому что это была правда.

– А ты… – Черно обернулся к Танталь, и вроде бы смутился на минуту, во всяком случае, глаза на старческом лице поблекли. – Видишь ли…

И зависла пауза, длинная-длинная, и белое ухо Танталь постепенно сделалось алым. Я не видел ее лица – зато видел физиономию Черно, и старческий рот изогнулся уголками вниз:

– Ты… получишь… возможность выбрать. Ты снимешь с себя груз давней клятвы… Ты встретишься с ним лицом к лицу – и сама решишь, дороже тебе он или…

– Молчи.

И некоторое время мы, все пятеро, выполняли просьбу-приказ бывшей комедиантки Танталь. Молчали и кажется, там, в комнате, за закрытой дверью, тихонько поскрипывало кресло.

– Ты совершаешь ошибку, маг, – глухо сказал Эгерт Солль. – Ту же, что и Безумный Лаш. Ту же, что и наследник его Фагирра… Ты напрасно рвешься туда. Там больше нет Двери, никто не стоит на пороге…

– Правда?

Дряхлый старикашка, полгода назад бывший моим ровесником.

Вот теперь он улыбнулся, если, конечно, это выражение лица можно было назвать…

Все мы, четверо, сделали шаг назад.

Оно смотрело из его зрачков. Не таясь и не прячась, с любопытством, по-хозяйски. Черная пустыня без дна, миллионы глаз – шляпки гвоздей, поддерживающих вселенский бархатный занавес…

Если нам и померещилось – то померещилось всем одно и то же.

Секунду спустя перед нами стоял все тот же согбенный и лысый старик, но никто из нас не мог выдавить слова.

Там, за закрытой дверью, госпожа Тория ждала свою судьбу… нет, не ждала. Она ни о чем не думала и ничего не страшилась, она была приготовлена для судьбы, безучастная, как вещь…

Мой слух обострился.

Я слышал, как внизу, у основания лестницы, ворочается, приходя в себя, окровавленная служанка Дюла.

Как ветер перебирает бумаги на чьем-то столе… Как остывают, потрескивая, угольки на кухне…

Чонотакс Оро печально усмехнулся:

– Ретано… Танталь, Алана и вы, полковник. Все идет как надо… Сейчас вы благословите меня на этот шаг. И тогда я войду, и… все будет хорошо. Да?

Он провел взглядом по нашим лицам. И даже полковник Солль не выдержал – потупился.

– Слишком много чести, – выговорил я с неподобающе тонким смешком. – Столь грандиозная цель… и благословение таких мелких тварей, как мы?..

Черно приподнял уголки своей страшной маски:

– Ах, Ретано… Не в пропорциях дело. Ничто в мире не бывает случайно… Можете ничего не говорить. Просто поверьте мне…

– И что будет? – еле слышно спросила Алана.

– Будет лучше, чем теперь, – отозвался Черно без тени улыбки. – Вы пришли остановить меня… Благословите меня. Молча.

Рука Аланы соскользнула с моего плеча. А секунду спустя я увидел ее округлившиеся, залитые черными зрачками глаза.

– Ретано…

Ее трясло. Ничего удивительного – меня трясет тоже. Весь мир, похоже, сейчас лихорадит…

Как она изменилась. Какая переменчивая – некрасивый подросток, испуганная невеста, прекрасная насмешливая женщина, знающая о любви – все… И снова отчаянная девчонка, так похожая на собственного отца…

– Ретано… Он прав! Пусть будет его новый мир… Если в нем найдется место для тебя. Для нас с тобой… Я не хочу, чтобы ты умирал, зачем мне этот старый, распрекрасный… чего он стоит? Ради чего защищать его, если в нем возможно… Он же сволочной, гадкий, всеми проклятый мир, нет человека, который хоть раз в жизни не проклинал его… хочу… пусть будет по-новому, но… чтобы ты жил!..

Ноги ее подогнулись. Алана упала на колени – не то передо мной, не то перед Чонотаксом Оро.

– Алана!..

Танталь схватила ее за плечи; Алана лихорадочно обернулась к названой сестре:

– А ты?! Сколько раз ты говорила про Луара – лучше бы он открыл! Лучше бы он вернулся, хоть каким-нибудь… А ты, отец?!

Эгерт Солль молчал.

– Ретано! – Алана схватила меня за руки. – Ну тебе-то что терять?! Если мама будет жить, опять будет с нами… как раньше… мы все вернем, Ретано, у нас ведь не приют для сумасшедших, у нас была настоящая, хорошая семья…

– Не смей так говорить, – сказал Эгерт Солль безо всякого выражения. – Молчи.

– Девочка права, – Чонотакс смотрел в сторону, – Привратники оправдывали свою слабость… человеколюбием. Им нравился… вернее, они думали, что им нравится их мир. Но… вы ведь не хотите видеть свою дочь вдовой? Свою жену – безумной? Солль молчал.

– Танталь, – Чонотакс опустил плечи еще ниже, хотя, казалось бы, это было уже невозможно. – Скажи им.

– Что? – безучастно отозвалась бывшая комедиантка.

– О чем мы говорили там, в лесу… Скажи.

Танталь набрала воздуха, и вправду собираясь что-то сказать – но не произнесла ни звука.

Молчание. Слишком затянувшееся молчание.

Солль отводит глаза. Что для него Тория? Мир. Потерянный безвозвратно. Что для него мир?..

Танталь смотрит вниз. Да, за кем другим она могла бы пойти, кто встал бы для нее вровень с ее драгоценным Луаром… Но шла

бы до конца – нет, остановилась, повернула вспять, сделала человека несчастным…

Я хотел усмехнуться – получилась гримаса.

Алана стоит на коленях. Терзает мои руки – и ждет…

Чего?

…Падают вниз последние песчинки. Проворачивается деревянный календарик…

Они молчат.

– Встань, – сказал я негромко, но она послушалась сразу же.

Вероятно, было в моем голосе нечто, внушающее мысль о повиновении.

– Слушай меня, жена, – голос мой понемногу освобождался от хрипотцы, слово «жена» вышло убедительным и тяжелым. – Тебе лучше быть вдовой, нежели изгнанницей при живом Муже.

Она не сразу поняла. Я вскинул подбородок – привычным, но порядком подзабытым движением. Спесивый жест потомственных Рекотарсов.

– Если ты поверишь этому лысому отродью и пойдешь на предательство – я отрекусь от тебя, Алана. И сам прыгну в колодец, лишь бы не быть обязанным жизнью… лишь бы не выжить за счет несчастья других.

Ой, какая оглушительная тишина. Обморочная. Потрясенная.

– Эгоист, – с усмешкой проронил Чонотакс. – Но как высокопарно выражается…

Аланины глаза сделались совсем черными. Всклокоченный, нервный, на грани срыва подросток, девочка-истеричка…

– Это все, – сказал я мягко. – Мне нечего добавить.

Пауза. Танталь и Эгерт молчали, глядя в пол… Нет, они смотрели на меня. С ужасом.

Их ужасает мое решение?

Или они ужасаются сами себе – ведь только что, сию секунду они были на волосок от того, чтобы «благословить молча»…

Алана длинно всхлипнула.

– Жаль, – проговорил Чонотакс Оро. – Как жаль-идемте.

Я плохо помню, что было дальше.

Солль шагнул вперед и поднял меч – но обитая шелком дверь распахнулась сама собой, и створка оказалась сильной, как крепостной таран. Эгсрта швырнуло на меня – я едва сумел задержать его падение. По дому прошелся порыв ветра, заплясали занавески, захлопали двери, казалось, комната распахнула рот и жадно вдыхает воздух, а мы – всего лишь мошки, несомые потоком…

На мгновение вспомнилась обезумевшая желтая река.

А потом дверь, обитая шелком, захлопнулась, но уже за моей

спиной. С характерным звуком закрывающейся ловушки.

– Тория! – отчаянный голос полковника Солля. …Мягкий ковер пригасил падение, но голова, не так давно разбитая, отозвалась болью и темнотой в глазах. Некоторое время я видел только свою руку – и руку Аланы, которую мои пальцы ни за что не хотели выпускать.

– …и приятная беседа скрасила наше ожидание-незнакомый голос. Чей? В комнате не может быть никого, кроме Тории, Чонотакса и нас, беспомощных, неспособных его остановить…В нескольких шагах от моего лица утопали в ворсе дорожные сапоги. Щедро присыпанные пылью.

– …будем продолжать немую сцену?

Другой голос. Сварливый и желчный; обладатель его сидел на подлокотнике приземистого кресла, и голова его лежала, как на блюде, на широком гофрированном воротнике.

Прижимая к себе Алану, я сел. Поднялся на одно колено, отполз к стене. На нас не обращали внимания.

Безумие? Я схожу с ума?!

– А-а-а, – сдавленно выдохнул Черно Да Скоро. Он стоял, опершись о широкий стол. Он казался самым старым во всей комнате – а ведь большинство собравшихся разменяли, по-видимому, вторую сотню. Он держался за грудь и шумно, с присвистом, дышал.

– А-а-а… Конечно. Как я мог предположить, что господа призраки пропустят последний акт… Последнюю сцену нашего маленького представления? Под названием «Тук-тук – Кто там? – Откройте»?..

– Не бойся, – шепотом сказал я Алане. Она дрожала.

– Я рад всех вас видеть. И вас, – Черно Да Скоро поклонился обладателю пыльных сапог, – вас, великий маг Ларт Легиар, победитель Мора, Сражавшийся-с-Чужаком…

– Великолепный гобелен, – отозвался тот, задумчиво изучая стену. – У меня были произведения такого класса, два-три, не больше…

Половина его лица оказалась съедена сплошным слоем шрамов, и один глаз смотрел слепо, зато другой – язвительный – похож был на затаившуюся в глазнице осу.

Это и есть Ларт Легиар?!

– Ретано, мне страшно, – шепотом сказала Алана.

– Великолепный гобелен, – с удовольствием повторил великий маг. – Помнишь, Марран?

От окна обернулся высокий старик… впрочем, сейчас я не назвал бы его таким уж старым. Человек неопределимого возраста – так было бы точнее.

Черно Да Скоро поклонился еще ниже:

– И вас, господин Скиталец, он же Руал Ильмарранен по кличке Привратник, он же великолепный Марран…

Я уставился во все глаза – теперь уже на Скитальца.

– Этот гобелен, – сказал еще один незнакомый голос, негромкий, одним звуком своим вселяющий спокойствие, – принадлежал в свое время моему учителю Орлану…

– И вас приветствую! – Черно Да Скоро отвесил шутовской поклон чуть не до самого пола. – Славный декан Луаян, опять-таки победитель Мора, автор столь нашумевшей книжки-жизнеописания…

Я привстал, оглядывая комнату – и впервые в жизни увидел госпожу Торию.

Мать Аланы была фантастически красива. Годы не испортили точеного лица, шея не оплыла и не потеряла форму, и россыпь крупных родинок скорее украшала, нежели портила ее. Тория спала, сидя в кресле – лицо, во всяком случае, оставалось расслабленным, опущенные ресницы темнели двумя правильными полумесяцами, и в память о пытках, потерях и безумии в уголках рта лежали две глубокие непоправимые складки.

Потом я увидел ладони, покоящиеся у Тории на плечах. И поднял глаза.

Декан Луаян, отец Тории и дед Аланы, стоял за спинкой кресла, и морщинистое лицо его было непроницаемым, как маска. И как-то само собой выяснилось, что пока он там стоит, за госпожу Торию не надо опасаться.

Черно да Скоро нервно, взахлеб рассмеялся:

– Все здесь, все! Не отворачивайтесь, дражайший Орвин, предпоследний Прорицатель, ибо вас я приветствую тоже!

Орвин сидел в углу, за туалетным столиком. И недоверчиво глядел на собственное отражение – темноволосый, изящный, нервный. Рука его то и дело трогала бледную шею – как будто в поисках несуществующего медальона.

– Ты забыл поприветствовать меня, – желчно проскрипел тот, чья голова покоилась на широком воротнике.

– Прошу прощения! – Чонотакс поклонился с нарочитым раскаянием на лице. – Приветствую вас, великий маг Бальтазарр Эст, славный не менее, а может быть, и более, нежели любой из здесь собравшихся…

В противоположном углу тяжело завозился полковник Солль. С трудом поднялся на ноги; вероятно, у меня сейчас точно такое же лицо. Совершенно безумное…

Я вдруг понял, что в комнате висит неестественная тишина.

Ни звука со двора, ни дуновения ветра, ни стука двери в доме.

И все чего-то ждут.

Черно Да Скоро пошатнулся. Оперся о стол – и разом потерял всю свою веселость.

– Вы призраки, – сказал он глухо. – Вы не в силах остановить меня… даже ты, Луаян. Твоей власти над Торией давно нет…

– Ее и не было никогда, – возразил декан. – С тех пор, как Тория научилась самостоятельно одеваться и мыть руки…

– Вы призраки, – упрямо повторил Чонотакс. – Я справился с живыми – вас не испугаюсь тем более.

– Что? Ты не справился с живыми, – услышал я собственный возмущенный голос. – Ты уже проиграл, ты…

– С дороги! – глаза Чонотакса вспыхнули. – С дороги, щенок, который выбрал свою смерть. С дороги, Легиар, или ты хочешь лишиться и второго глаза тоже?!

Скиталец слепо шагнул вперед; почему-то напоминание о потерянном глазе Легиара задело его сильнее, чем непосредственная угроза миру…

– Руал, – негромко сказал одноглазый. – Стоять. Я не думал, что Скиталец послушается – но он замер на месте, и тогда Ларт Легиар обернулся к Черно Да Скоро:

– Хорошо… Ты. Чонотакс, если угодно. Если уместно называть тебя человеческим именем… попробуй. Попытайся.

И они все встали.

Встал Орлан, сидевший перед зеркалом. Поднялся Бальтазарр Эст, декан Луаян неохотно снял руки с плеч госпожи Тории и отступил к окну. Туда, где стоял, скрестив руки. Скиталец.

Тогда я скрипнул зубами и с трудом, но распрямился тоже. Поднялся с пола и поднял Алану, и напротив выпрямился Солль, и помог устоять хрупкой, как щепка, Танталь.

Одна госпожа Тория оставалась сидеть. Одна неподвижная женщина в центре неровного человеческого кольца.

– Попытайся! – сказал Легиар, и в голосе его не было больше ни доли светскости. – Попробуй! Ну?!

Чонотакс обернулся к Тории.

Бальтазарр Эст удержал Эгерта, бросившегося наперерез. Меня удержал Легиар, и пальцы его были как сталь.

Чонотакс Оро, страшный, старый, никем не остановленный…

А могли ли мы его остановить?!

…шагнул к Тории Солль.

Воздух в комнате сделался густым, как мед. Несладкий мед. Горький и тяжелый. Давящий.

– Не дергайся. Он тебя убьет, – обезображенное шрамами лицо Легиара было совсем рядом. Пусть… Я не должен допустить,

чтобы…

– Тория, – голос Чонотакса прозвучал с отвратительным торжеством. – Пойдем.

Протянутая рука…

И я увидел, как поднимаются темные ресницы Тории Солль.

Медленно. По волоску.

И сразу перестал рваться из удерживающего меня капкана.

Я никогда не видел госпожу Торию – но этот взгляд не принадлежал ее глазам. Как, оказывается, страшно – когда глаза смотрят чужим взглядом…

– Ты? – спросили ее красивые, с трудом разлепившиеся губы. Но голос был чужой. Не ее голос.

– Ты?! – в устах Чонотакса Оро вопрос прозвучал эхом. Разъяренным, сбитым с толку, злобным, готовым к схватке.

– Я здесь, – равнодушно сказал Тот, кто глядел глазами Тории Солль. – Тебе не придется идти ко мне и искать. Сняв засов, я запер Дверь Амулетом. УХОДИ.

– Мне больше некуда идти, – глухо сказал тот, кто недавно был Чонотаксом. – Я возьму Амулет, у меня нет выбора.

– Тем хуже, – сказал чужой голос. – Для тебя нет Двери, для тебя во всем мире нет дверей… Я последний Привратник. И я же – последний Прорицатель. Других не будет…

Черно оскалился.

Легиар схватил меня за шиворот и ткнул лицом в ковер.

Вспышка. Я ослеп.

Я потерял способность видеть; мир сжался, как брошенная в огонь кроличья шкурка. Я только и умел, что судорожно прижимать к себе Алану, в то время как железная рука Легиара все плотнее вжимала мою голову в ворс, так, что я скоро начал задыхаться…

…Холодная комната. Белый свет, бьющий из трех огромных зеркал; белый свет вдруг потерял силу, замигал, вспыхнул вновь, и в этот момент одно из зеркал лопнуло – не треснуло даже, а расползлось, как ветхая ткань, рваные края скрутились трубочками, а в проеме встал некто – темная фигура с длинным белым лезвием в руке…

И с горящей желтой искрой на груди.

Кто это орет на весь мир срывающимся голосом Танталь?!

Назад, колдун! Еш,е шаг – и твоя сила не спасет тебя!

Стоящий в проеме поднял свой клинок – и прочие зеркала взорвались изнутри, разлетевшись мириадами жалящих осколков. Белый свет сменился желтым. Сытое, пьяное золото.

И слепые стены потеряли свою белизну. И слепоту тоже – я видел, как на враз потемневшем камне проступают лица

Обезображенные усилием – Руал Ильмарранен, Не-Открывший-и ЛартЛегиар, Сражавшийся-с-Чужаком, Орвин, Погибший, декан Луаян, Остановивший Мор, и еще кто-то, и еще…

Тот, что стоял в проеме, широко шагнул вперед. По клинку его бегала молния.

Пусти! Пропусти меня, ублюдок! Дай мне согреться!

Дыбом встал дощатый пол; взвыло, вращаясь, длинное белое лезвие. Теперь воздух стал подобен сухому песку, и набился в горло, перехватывая дыхание.

Извивались над головами желтые и красные петли, захлестывали друг друга, рвались с негромким треском, от которого хотелось оглохнуть; развернулась вдруг воронка, серая, бешено вращающаяся, и пошла втягивать в себя осколки зеркал, обрывки тканей, все, все и вся… Осыпались крутые, пеплом покрытые склоны, я бился, как муравей в песчаной ямке, когда воронка вдруг задергалась и вывернулась наизнанку, став горой, конусом, и тот, что в проеме, отрубил своим уже меркнущим клинком черную присоску на его вершине…

…Мошка на вселенских весах – мог ли я изменить хоть что-нибудь?

Все они. Привратники и Стражи, решали судьбу мира сами, без подсказок. Зависело ли хоть что-нибудь от моего маленького решения?

Во всяком случае, я был чист перед самим собой. Я знал, что, будь я Привратником…

Но эта ноша меня миновала. Я всего лишь гордый своим сомнительным происхождением, всего лишь бездумный бродяга…

…Невесомая мошка на вселенских весах.

Болезненный свет погас. Хватка Легиара ослабела; я заставил себя поднять голову.

Госпожа Тория по-прежнему сидела в кресле. Веки ее медленно опускались; через комнату шла, спотыкаясь, Танталь, добрела, упала перед Торией на колени, заглянула в закрывающиеся глаза:

– Луар?!

Веки Тории опускались медленно, по волоску.

– Луар, Луар!.. Это я! Это…

Рука госпожи Солль, лежащая на подлокотнике, поднялась неестественным, деревянным движением. Будто на ниточках.

И на мгновение опустилось на голову бывшей комедиантки.

– Луар!!

Глаза Тории закрылись. И бессильно соскользнула рука.

Я крепче прижал к себе Алану. Выпрямился. Тот, что назывался Бальтазарром, уже стоял у двери.

Пальцы его забавлялись полированным кольцом на дверной ручке:

– Простите, господа… что нарушили ваш покой… И вышел, язвительно усмехнувшись.

За ним поспешил Орвин – бледный, резко осунувшийся. На пороге обернулся:

– Ларт… Марран… Время…

– УСПЕЕТСЯ, – процедил сквозь зубы Скиталец. Декан Луаян осторожно погладил волосы спящей дочери. Склонился над Танталь, мимоходом коснулся ее плеча:

– Все, о чем мы говорим «никогда»… Не говори так. В крайнем случае, не думай.Бросил на Торию последний взгляд, улыбнулся Эгерту, нашел глазами Алану – и, не оглядываясь, зашагал к двери.

– Мы рисковали, – сказал сквозь зубы Легиар.

– А что мы могли сделать? – пожал плечами Скиталец. – Тут и без нас найдутся… защитники…

И оба уставились на меня. Я отшатнулся, вжимаясь в стену.

– Ты Ретано, – сказал Легиар с непонятным мне удовлетворением. – Рад сообщить тебе, что твой предок,Дамир, был достойнейшим из слуг… из людей, я хотел сказать. А ты… Как жаль, что ты вляпался в Приговор.

– Все мы время от времени во что-то вляпывались, – со вздохом возразил Скиталец.

И оба посмотрели на этот раз на Эгерта Солля, замершего у кресла жены в той же позе, как стоял до него декан Луаян.

– Прощай, – сказал Скиталец.

– До встречи, – усмехнулся Лсгиар.

И оба вышли.

Я огляделся; комната была пуста, только Эгерт стоял, положив руки на плечи жены, только Танталь скорчилась на полу у ног госпожи Тории, только Алана судорожно цеплялась за мою руку…

Где?!

Где Чонотакс Оро?!

Алана вскрикнула, показывая пальцем в окно.

Стекла подернулись зимними узорами. Изнутри. В причудливом переплетении ледяных веточек явственно виделись очертания огромных человеческих рук, вцепившихся в стекло, приникших…

Лед оплывал. Изморозь на глазах таяла, скатывалась мутными каплями; скрюченные пальцы срывались, теряли форму, исчезали.

Мне почему-то страшно было наступать на расползающиеся

по ковру потеки.

– Зима? – удивленно сказали у меня за спиной. Я обернулся как ужаленный.

Госпожа Тория Солль по-прежнему сидела в кресле. Переводила удивленный, совершенно осмысленный взгляд с меня на Алану, с Аланы на Танталь; наконец, встретилась глазами с Соллем, как-то испуганно, неумело улыбнулась:

– Эгерт? Ты звал меня? Ну, вот…

На фоне черного неба качаются еще более черные стебли камышей. Сквозь неспокойный частокол проглядывают огни – И те, что горят на берегу, и те, что отражаются в реке, все еще мутная, но разом обмелевшая, она боится лишний раз плеснуть волной – будто безумец, пришедший в себя и устыдившийся собственных деяний.

Размытые берега осыпались и облысели, и только здесь, на излучине, сумел подняться непогубленный течением камыш. Я валяюсь на пружинящем ложе из принесенного водой хлама – веток, щепок, мелких обломков; вероятно, в трезвом виде я не улежал бы на них ни секунды, но сегодня ночью я пьян, пьян до поросячьего визга.

Там, внизу, засыпает большой город, и только в доме полковника Солля – я знаю – огни не погаснут до рассвета. Там промывают раны служанке Дюле и лакею Клову, там приводят в сознание старую няньку, снова упавшую в обморок от избытка чувств. Там госпожа Тория Солль недоуменно всматривается в постаревшее лицо мужа – и, удивляясь, наматывает на палец собственные седые пряди. Там сумрачно бродит по комнатам осунувшаяся Танталь, там Алана, моя жена, разрывается между желанием поддержать названную сестру – и необходимостью порыдать на груди у вновь обретенной матери…

А я там сегодня лишний. Тем лучше – у меня есть эта ночь, эти упрямые, поднявшиеся из ила камыши, эти огни на берегу…

Время от времени мне кажется, что среди колышущихся стеблей неподвижно стоит щуплый человечек с горящими, близоруко прищуренными глазами. Мне хочется окликнуть призрак Дамира – но я удерживаюсь, потому что на самом деле в камышах никого нет. Это темнеет, зацепившись за сук поваленного дерева, чей-то унесенный, украденный водой плащ…

И ведь все равно мы с Дамиром скоро увидимся.

Мне хочется верить в это. Я не прошу другой милости – но пусть после смерти мне позволено будет бродить по родовому замку, вздыхать, пугая верного Итера, и неслышно беседовать с собственным близоруким прадедом…

Но до этого еще далеко.

Вот всхлипывает мокрая земля под чьими-то ногами. Раздвигается жидкая стена камыша, я вижу только силуэт, нет, это не близорукий призрак, это женщина… Сколько же времени и сил понадобилось Алане, чтобы меня найти?!

Я бессмысленно смеюсь, глядя в звездное небо. Я счастлив, а все счастливцы – глупцы…

Сегодня передо мной вечность. Передо мной долгая, счастливая, упоительная жизнь.

Целых двадцать четыре часа.

И я многое успею.